

П. М. Якобсон

ПСИХОЛОГИЯ ЧУВСТВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК

1952

АКАДЕМ

П

АКАДЕМИИ

АКАДЕМИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК РСФСР
Институт психологии

П. М. ЯКОБСОН

ПСИХОЛОГИЯ ЧУВСТВ

Второе
дополненное издание

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК РСФСР
Москва 1958

Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
Академии педагогических наук РСФСР

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	5
Глава 1. Чувства и их характерные черты	23
1. Что такое чувство	—
2. Чувства как отражение окружающей действительности	29
3. Особенности возникновения и осознания чувств	36
4. Чувства и язык	47
5. Характерные черты чувств как переживаний. Динамика чувств	51
Глава 2. Общество и чувства человека	78
Глава 3. Физиологические основы чувств	105
Глава 4. Выражение чувств	126
Глава 5. Чувства и личность	169
Глава 6. Основные виды чувств	206
1. Моральные чувства	209
2. Эстетические чувства	219
3. Интеллектуальные чувства	225
4. Практические чувства	228
Глава 7. Характерные особенности изменения чувств в процессе возрастного развития человека	247
Глава 8. Методы изучения эмоциональной сферы человека	275
Глава 9. Психологические вопросы воспитания чувств	312
1. Цели воспитания чувств	—
2. Предпосылки воспитания чувств	317
3. В чем проявляется воспитание чувств?	328
4. Пути воздействия на эмоциональную сферу человека	336
5. Самовоспитание чувств	369
Литература	378
Приложение	383

Павел Максимович Якобсон

ПСИХОЛОГИЯ ЧУВСТВ

Редактор Л. В. Загик

Переплет художника А. М. Олевского

Худож. редактор Н. С. Орлова Техн. редактор В. В. Тарасова

Корректоры Г. Б. Плисецкий и Т. Э. Меклер

Сдано в набор 13/VII-1957 г.

Подписано к печати 10/II-1958 г.

Формат 84×108¹/₃₂ Бум. л. 7 Печ. л. 28 Усл. п. л. 22,96 Уч.-изд. л. 24,96

А 00493

Тираж 12 000

Зак. 654

Изд-во АПН РСФСР, Москва, Погодинская ул., 5
Типография изд-ва АПН РСФСР, Москва, Лобковский пер., 5/16
Цена 11 р. 55 к.

ОТ АВТОРА

Настоящая книга посвящена вопросу, который в систематическом виде мало освещался в работах советских психологов. А между тем вопрос о чувствах вообще, о формировании и воспитании чувств в особенности имеет для нас большое значение.

Всестороннее развитие советского человека предполагает воспитание в нем целого комплекса разносторонних, ярких и глубоко содержательных чувств, отличающих его как активного деятеля нашего общественного развития, строителя коммунизма. Но для того чтобы развить и воспитать эти чувства, необходимо хорошо знать своеобразие и закономерности эмоциональной жизни человека.

Предпринимая попытку осветить сложную и малоработанную проблему психологии чувств, мы заранее предвидели те трудности, которые стояли на нашем пути.

Отзывы, письма читателей, их критические замечания к первому изданию, а также пожелания о дополнениях, полученные автором, послужили основанием для внесения известных изменений и дополнений во второе издание книги. Наиболее существенные дополнения были внесены в 1, 2, 4 и 5-ю главы. Глава 6-я — «Основные виды чувств» — была подвергнута коренной переработке. В книгу включены две новые главы: глава 7-я — «Характерные особенности изменения чувств в процессе возрастного развития человека», глава 8-я — «Методы изучения эмоциональной сферы человека».

Автор будет признателен читателям за все критические замечания и советы, которые они сделают в связи с новым изданием книги.

Э
радо
изда
Инач
являе
разли
окруж
прояв.
освещ
в про
выска
форма
степен
шестве
ленной
В р
образо
щей на
ства че
развити
ственно
сущест
ных и с
воззрени
гии, пол
характер
озных, ф
литическ
нальной
статочн
века хри
века. Так

К. Ма

ВВЕДЕНИЕ

Эмоциональная жизнь, чувства человека — его горе, радость, гнев, страдание, любовь, волнение и т. д. — издавна привлекали большое внимание и интерес людей. Иначе не могло и быть, так как речь идет о том, что является существенной чертой поведения человека в различных обстоятельствах жизни, в его отношениях с окружающей природой и обществом. Поэтому уже давно проявления эмоциональной жизни человека получили освещение в фольклоре, в художественной литературе, в произведениях искусства, в религиозных учениях, в высказываниях моралистов и философов. Во всех этих формах осмысления человеческого опыта в той или иной степени получают отражение наиболее типические, существенные черты эмоциональной жизни людей определенной общественной формации.

В разные исторические эпохи в связи с характером образовавшихся общественных отношений и возникающей на их основе идеологии эмоциональная жизнь, чувства человека получают то более, то менее отчетливое развитие и конкретизацию. «На различных формах собственности, — писал К. Маркс, — на социальных условиях существования поднимается целая надстройка различных и своеобразных чувств, иллюзий, понятий и мировоззрений»¹. В зависимости от господствующей идеологии, получающей в разные исторические эпохи наиболее характерную для нее форму выражения (в виде религиозных, философских учений, моральных воззрений, политических теорий и т. д.), некоторые стороны эмоциональной жизни одобрялись, другие же осуждались. Достаточно для примера упомянуть отношение в средние века христианской церкви к различным чувствам человека. Такие чувства, как чувство собственного достоин-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 347.

ства, эстетического наслаждения и т. д., вызывали осуждение, а такие чувства, как смирение, покорность, страх «божий» и т. д., одобрялись и всячески культивировались. Тот факт, что эмоции и чувства представляют собой существенный элемент в жизни и деятельности человека, неперенную его принадлежность, и объясняет то обстоятельство, что вопросы эмоциональной жизни человека стали предметом размышления еще до того, как они сделались объектом специального психологического рассмотрения, до того, как были уточнены отдельные понятия, относящиеся к этой области.

Рассмотрение взглядов античных мыслителей на природу человека, на его действия, цели его действий и поступков позволяет ознакомиться с рядом соображений и конкретных наблюдений, имеющих прямое отношение к тому, что мы называем теперь эмоциональной жизнью человека. Не рассматривая здесь разрозненные высказывания ряда мыслителей древности, отметим, что наиболее систематически эти вопросы освещались в произведениях крупнейшего ученого древности Аристотеля («О душе», «Никомахова этика», «Поэтика»). В трудах Аристотеля имеется ряд интересных высказываний об эмоциональной жизни человека. Достаточно упомянуть его суждение о том, что там, где имеют место ощущения, появляется удовольствие и страдание. Значительны и важны его соображения о страстях человека, поучительны и глубоки высказывания о природе и характере чувств и переживаний человека при восприятии произведений искусств (учение об очищающем характере этих переживаний — катарсисе). Философы-стоики (Зенон, Хризипп) дают в своих учениях уже некоторую классификацию человеческих страстей. Они намечают четыре вида страстей: радость и печаль при оценке настоящего и вожделение и страх при предвкушении удовольствия и ожидании страдания. Но надо отметить, что античные философы не выделяли чувства в особую, отдельную область психической жизни человека, а объединяли их с познавательными процессами.

Переход от античного рабовладельческого общества к феодальному, в идеологии которого господствовали христианская религия, мораль и философия, не привел к появлению новых ценных идей при рассмотрении вопроса об эмоциональной жизни человека. В эпоху же

Возрождения, знаменующуюся развитием техники и промышленного производства, торговли, ростом научных открытий, расцветом искусств, создается благоприятная почва и для плодотворного рассмотрения вопросов, касающихся природы человека.

Человек — активный деятель общественно-политической жизни, открыватель новых стран, создатель новых архитектурных сооружений, новых механизмов, творец ряда прекрасных произведений искусства — становится предметом внимания поэтов, писателей, художников, скульпторов и находит свое отражение в их творчестве. Ф. Энгельс дал следующую характеристику эпохи Возрождения: «Это был величайший прогрессивный переворот, пережитый до того человечеством, эпоха, которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страстности и характеру, по многосторонности и учености. Люди, основавшие современное господство буржуазии, были чем угодно, но только не буржуазно-ограниченными. Наоборот, они были более или менее обвеяны авантюрным характером своего времени. Тогда не было почти ни одного крупного человека, который не совершил бы далеких путешествий, не говорил бы на четырех или пяти языках, не блистал бы в нескольких областях творчества... Они почти все живут всеми интересами своего времени, принимают участие в практической борьбе, становятся на сторону той или иной партии и борются, кто словом и пером, кто мечом, а кто и тем и другим. Отсюда та полнота и сила характера, которая делает из них цельных людей»¹.

Требования жизни, определившие в период Возрождения рост научных знаний, приводят в дальнейшем к стремлению более систематически и глубоко подойти к рассмотрению вопросов, касающихся человека и его психической жизни. Эти вопросы получают отражение в произведениях философов, моралистов, политиков XVI—XVII вв.

Большим событием в этом отношении является произведение Декарта «Трактат о страстях души» (1650). По существу это первая монография об эмоциях и чувствах. В ней Декарт стремится дать физиологическое обоснование страсти, исходя из своего учения о шишко-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 476.

видной железе как «седалище души» и связанных с ее деятельностью процессах, а также свести все многообразие наблюдаемых страстей к шести первичным страстям: радости, печали, удивлению, желанию, любви, ненависти.

Значительное место проблеме страстей было уделено в знаменитой работе Спинозы «Этика» (1677). Из пяти частей «Этики» специально части 3-я (о сущности и происхождении аффектов) и 4-я (о человеческом рабстве или силе страсти), не считая материала в других частях, были посвящены вопросам эмоциональной жизни человека. «Этика» является попыткой вскрыть закономерные связи и отношения, которые существуют между отдельными аффектами, а также привести в систему самое учение об аффектах.

XVIII век, характеризующийся ростом и развитием позитивных знаний в области естествознания, внес много нового в рассмотрение вопросов эмоциональной жизни. Если до этого философ Локк в своем «Опыте о человеческом разуме» (1690) трактовал чувства с интеллектуалистической точки зрения, считая чувства удовольствия и неудовольствия лишь представлениями хорошими и дурными, которые присоединяются к ощущениям, то во второй половине XVIII в. области эмоциональной жизни придается уже большее значение и она теоретически обосновывается как самостоятельная сторона психики.

Развитие учения французских материалистов приводит к утверждению роли и значения чувств в общественной и индивидуальной жизни человека. Так, Гельвеций решительно выступает против ученых и моралистов, которые порицали человеческие страсти. Таковы же были и взгляды Дидро. Он считает, что только сильные страсти способны вдохновить людей на великие дела. Он полагает, что обладание сильными страстями является счастьем, но при условии, что все они согласованы между собой.

К теоретическому выводу об эмоциональной жизни как самостоятельной стороне психики подводят исследования философов-моралистов и эстетиков (Адам Смит — «Теория нравственных ощущений», 1759; Гом — «Опыты о принципах морали и естественной религии», 1751; Берк — «Философское исследование наших идей о

возвышенном и прекрасном», 1756), показывающие не только роль и значение моральных и эстетических чувств, но и их характерные особенности и качества их переживания; к такому выводу также подводит и мощное движение сентиментализма, получившее широкое выражение в литературе, в публицистике (Стерн, Руссо). Во всяком случае, к концу XVIII в. Тетенс в своих «Философских опытах о человеческой природе» (1777), характеризуя психическую жизнь человека, делит ее на три основных формы проявления: ум, чувство, воля. Это трехчленное деление психической жизни закрепляется и обосновывается в произведениях Канта («Критика способности суждения», 1790 и «Антропология», 1798). Кант доказывает, что чувство не может быть сведено к интеллектуальным процессам, а имеет свои специфические особенности.

Таким образом, можно считать, что к началу XIX в. эмоциональная жизнь человека получила свое научное наименование, чувства были поставлены рядом с умом и волей и стали в дальнейшем объектом самостоятельного психологического рассмотрения. Но, хотя чувства и были выделены как особая область психической жизни и сделались объектом психологических исследований, нельзя забывать, что благодаря той роли, которую чувства и эмоции играют в жизни и деятельности человека, к их рассмотрению обращаются не только в работах, являющихся специально психологическими, но и в работах представителей философской и педагогической мысли, в произведениях социально-исторических и биологических.

Со второй половины XIX в. психология превращается в самостоятельную науку, определившую свой предмет, нашедшую различные методы исследования и использующую эксперимент для раскрытия закономерностей психической жизни. Рост естествознания, стихийный материализм многих представителей научной мысли, стремящихся вскрыть законы и существенные стороны явлений, увидеть их в динамическом и генетическом развитии, в известной мере сказался и на постановке проблем в психологических исследованиях. Мы не стремимся дать историю изучения чувств и эмоций в психологии второй половины XIX в., но укажем, каковы были основные проблемы в этой области, которым уделялось преимущественное внимание.

1. Решается вопрос о психологических особенностях чувств и эмоций (что является для них характерным и специфичным, какие психологические качества им присущи), а также вопрос о видах чувств и эмоций и их классификации. Этой проблеме посвящен ряд больших исследований. Выходит работа Бэна «Эмоции и воля» (1868), фундаментальная работа Вундта «Основы физиологической психологии» (1874), в России выходит большое научное исследование Н. Грота «Психология чувствований в ее истории и главных основах» (1879—1880 гг.), в конце XIX в. появляется известная книга Т. Рибо «Психология чувств» (1897).

Для этих исследований (так же как и для некоторых других) характерно стремление найти такую классификацию чувств, в которую можно было бы уложить все многообразие эмоциональных проявлений; отсюда возникают многоступенные и многостраничные классификации чувств Бэна, Грота, Мерсье и других.

Вундт стремится обогатить наше представление о качественных особенностях чувств, выдвигая свою трехмерную теорию чувств. Он считает, что чувства различаются не только тем, что им присущи такие характеристики, как удовольствие — неудовольствие, но и тем, что они характеризуются возбуждением и успокоением, напряжением и разрешением. Рибо стремится наряду с анализом психологической природы чувств вскрыть и патологические отклонения в переживаниях человека.

2. Решается вопрос о генезисе, возникновении чувств и эмоций, присущих человеку, а также вопрос об анато-мо-физиологическом механизме выражения чувств. Различный характер выражения чувств страха, гнева, нежности, стыда, отчетливо замечаемый людьми, вызывает интерес к этой проблеме и у биологов и врачей. Вопрос о генезисе чувств и эмоций освещается в работах Спенсера, а главным образом в очень тщательно проведенном исследовании Ч. Дарвина «О выражении эмоций у человека и животных» (1872). В этой работе Дарвин, во-первых, дает теорию происхождения эмоций, рассматривая их как рудимент целесообразных действий и движений первобытного человека в его борьбе за жизнь, существование и продолжение рода, во-вторых, производит детальный анато-мо-физиологический анализ отдельных форм выражения эмоций

(какие действуют мышцы лица, корпуса, как меняют характер деятельности железы внутренней секреции и кровеносные сосуды) при состояниях страха, гнева, стыда и т. д. Дарвин опирается в своих положениях на ряд предшествующих работ, в том числе и экспериментальных (Ч. Белл, Пидерит и т. д.).

3. Начинается изучение не только того, какие анатомо-физиологические изменения приводят к появлению специфического внешнего выражения, присущего той или другой конкретной эмоции, но ставится и более принципиальный вопрос о том, какова природа физиологических изменений в нервных механизмах человеческого организма, которые приводят к качественно своеобразному переживанию эмоции, испытываемой человеком. Появляется теория Джемса — Ланге, согласно которой эмоция возникает как естественное следствие, как закономерный результат изменений в деятельности кровеносных сосудов, мышц, желез и т. п. Свою теорию Джемс выразил в известном парадоксе: «Неправильно говорить: «Я увидел медведя, испугался, побежал», а надо сказать: «Я увидел медведя, побежал, испугался».

Все указанные теории и исследования характеризуются тем, что из сложной комплексной проблемы, которой является эмоциональная жизнь человека, выделяются отдельные, пусть существенные, но все-таки частные вопросы, которые делаются предметом тщательного рассмотрения. Это, безусловно, является необходимым этапом научного изучения сложной и комплексной проблемы, но приводит к тому — и в этом минус такой постановки вопроса, — что проблемы вырываются из контекста проблем, связанных с живой и чувствующей человеческой личностью. Отсюда классификации приобретают черты подробных, но абстрактных построений, положения о характерных признаках выражения чувств получают биологический аспект, а теории физиологических механизмов эмоций обходят психологическую сущность чувств.

Такое изучение эмоциональной сферы человека не могло ответить на многие существенные вопросы, которые ставились самой жизнью. Поэтому научная мысль, решая задачи, которые выдвигала практика, — воспитание людей, формирование мировоззрения, содержательного восприятия искусства и т. д. — не могла не обра-

щаться к освещению вопросов психологии человека как целостной, действующей и чувствующей личности, минуя те рамки, по которым развивалась психология.

Мы имеем материал по этому вопросу у мыслителей Запада, но особенно надо указать на огромный вклад, который внесли в освещение этих вопросов русские революционные демократы: В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов. В их произведениях, посвященных различным проявлениям человеческой личности, освещается развитие моральных и эстетических чувств, формирование убеждений и мировоззрения, особенности переживания нравственного и прекрасного и связи с восприятием явлений жизни и искусства. Тот глубокий интерес к человеческой личности, за освобождение которой они боролись, тот гуманизм, которым овеяны их произведения, объясняет нам, почему чувства человека явились предметом их серьезного внимания.

Эти тенденции, свойственные русской революционно-демократической мысли 50 и 60-х годов, не могли не сказаться на концепциях замечательного педагога и психолога К. Д. Ушинского, написавшего фундаментальный труд «Человек как предмет воспитания» (1868). В этом труде большое место уделяется проблеме чувств. Ушинскому присущ широкий подход к проблемам эмоциональной жизни, он освещает высшие чувства человека, которые большей частью игнорировались психологами, уделяет значительное внимание, в частности, нравственным чувствам человека. Для концепции Ушинского характерно то, что он придавал очень большое значение месту и роли эмоциональной жизни в развитии и формировании человека.

Кардинальной для воззрений К. Д. Ушинского является его мысль о том, что воспитание, исключительно заботящееся об образовании ума, делает большой промах, так как человек, по его мнению, более человек в том, как он чувствует, чем в том, как он думает. «История наших чувствований, — писал К. Д. Ушинский, — есть самая интимная история нашей души»¹.

Эта существенная линия в подходе к эмоциональной жизни человека, выявившаяся в русской общественно-

¹ К. Д. Ушинский, Соч., т. 9, изд-во АПН РСФСР, стр. 118.

философской и педагогической мысли второй половины XIX в., не может быть забыта при решении вопроса о подходе с более широкой принципиальной позиции к проблеме чувств.

Психологические проблемы, связанные с областью чувств и эмоций, которые возникли в психологии последней четверти XIX в., получают в XX в. свое продолжение и видоизменение в различных исследованиях. Правда, этих исследований по сравнению с исследованиями других областей психики немного. Не случайно такой известный психолог, как Н. Н. Ланге, назвал проблему чувств «Золушкой» психологии. «Чувство, — писал он, — занимает в психологии место Сандрильоны, нелюбимой, гонимой и вечно обобранной и пользу старших сестер — «ума» и «воли». Ему приходится обыкновенно ютиться на задворках психологической науки, тогда как воля, а особенно ум (познание) занимают все парадные комнаты. Если собрать все научные исследования о чувствах, то получится список столь бедный, что его далеко превзойдет литература любого вопроса из области познавательных процессов, даже очень мелкого, вроде, например, вопроса о разностной чувствительности к оттенкам яркости или о влиянии усталости на пространственное ощущение кожи»¹.

Из круга указанных выше проблем психологии чувств и эмоций вопрос о психологических особенностях чувств и характерных признаках чувств не является предметом особого внимания. Прошла пора и подробных классификаций чувств, характерных для второй половины XIX в.²

Правда, имеют место еще отдельные попытки раскрыть специфические особенности чувств, например, у Липпса. Но вместо всестороннего анализа явления они сводятся у него к подчеркиванию в чувствах только субъективного момента. Свое противопоставление чувств другим сторонам психики Липпс выразил так: «Содер-

¹ Н. Н. Ланге, Психология, изд-во «Мир», 1914, стр. 254.

² Интересно отметить, что на международном виттенбергском симпозиуме, посвященном проблеме чувств и эмоций (1928), психолог Ергенсен предложил принять (как в свое время Декарт) шесть основных элементов нашей эмоциональной жизни. А именно: страх, радость, печаль, желание, гнев, стыд. Его доклад опубликован в „Feelings and emotions, The Wittenberg Symposium“, 1928.

жание ощущений и соответствующие им содержания представлений переживаются просто лишь как нечто такое, что я различаю и что противопоставляется мне. Те и другие суть абсолютно предметные содержания. Напротив того, чувства суть непосредственно переживаемые качества, или признаки «я». Следовательно, чувства абсолютно субъективны... Такое строгое различие между содержанием ощущений и чувствами чуждо обыденному словоупотреблению. Зато язык психологии должен быть тем строже в этом отношении»¹.

Такой подход, по существу, представлял собой тупик для научного рассмотрения вопроса.

Стремление найти объективные критерии при изучении психической жизни человека, в том числе и его эмоциональной сферы, приводит к появлению американской психологии поведения (Уотсон). В ней сознание, внутренний мир человека не рассматриваются как якобы «непознаваемые», а изучается только то, что может быть воспринято глазом и ухом постороннего наблюдателя (или приборами) и зарегистрировано. Все многообразные воздействия сложной социальной действительности на человека подведены под понятие «стимул», все формы понимания человеком этих воздействий, его откликов на них сведены к понятию «реакция». В результате такого подхода возникает чрезвычайно упрощенное понимание человека, его психической жизни. Несоответствие такого подхода фактам реальной жизни привело к тому, что и сторонникам психологии поведения пришлось со временем признать фактор сознания при рассмотрении поведения человека.

Восстанавливается в своих правах и известном смысле и эмоциональная жизнь человека, но она понимается очень узко—как наличие отчетливо выраженных эмоций. Правда, общее, малодифференцированное понятие «эмоциональные процессы» постепенно подвергается в американской психологии расчленению. Так, Янг в 1949 г.² указывал, что в области эмоциональной жизни мы встречаемся с различными эмоционально окрашенными процессами. Это и органические боли, и раз-

¹ Т. Липпс, Руководство к психологии, 1907, стр. 23—24.

² P. T. Young, Emotion as Disorganized Response. A Replay to Professor Leeper, Psychological Review, 1949, Iule.

личные фобии (патологические страхи), и эмоциональные взрывы, и устойчивые чувства, и привязанности, и настроения. Он предлагает отграничить эмоцию от других видов эмоциональных процессов и указывает, что эмоция отличается от всякого рода неврозов, от длительных конфликтных состояний, от склонностей, от привязанностей. Она представляет собой эпизодическое происшествие, а не устойчивое состояние. Эмоцией, по его мнению, следует называть такой вид эмоционально окрашенных процессов, который вызван определенными воздействиями окружающей среды, характеризуется расстройством обычной деятельности человека в целом, связан с отчетливыми изменениями в работе желез и мускулатуры.

Однако упрощенческие тенденции в зарубежной психологии в подходе к человеческой личности, к ее психической жизни сказываются в том, что в эмоциональной сфере преимущественное внимание обращается все же на эмоции, резко и явно проявляемые человеком, а его высшие чувства — нравственные, эстетические и т. д. — остаются в тени.

Большое, преувеличенное внимание обращено в зарубежной психологии на патологические отклонения в эмоциональной сфере человека. Это приводит к тому, что по отношению и к нормальной эмоциональной жизни человека изыскиваются всякие поводы для ее толкования в плане «глубинной» психологии, в плане психоанализа и различных патологических психоаналитических «комплексов».

Такое одностороннее толкование нормальных человеческих чувств, различных форм их проявлений приобретает навязчивый характер. Известный писатель А. Кронин в своей повести «Испанский садовник»¹, посвященной дружбе детей, показывает нелепость такого подхода и его вредность.

В XX в. относительно большое внимание уделяется вопросу о физиологической природе возникновения и протекания эмоций. Теория Джемса — Ланге вызвала ряд тонко поставленных физиологами и психологами экспериментов. Речь принципиально шла о том, предполагают ли эмоции наличие нервного возбуждения в коре

¹ A. Cronine, The Spanish Gardener, 1948.

головного мозга (когда человек отдает себе отчет в характере воздействия) или же для их появления достаточно нервного возбуждения в периферической нервной системе. Надо отметить, что сам Джемс впоследствии признал, что страх, гнев возникают в связи с тем, что внешнее впечатление сперва понимается индивидом, является для него предметом гнева или страха и лишь затем имеют место те явления, о которых он говорил.

Во всяком случае, по вопросу о физиологических основах эмоций появляется ряд работ как на Западе, так и в нашей стране. Работы наших отечественных авторов в первую очередь были связаны с деятельностью выдающегося физиолога И. П. Павлова, продолжившего исследования, начатые И. М. Сеченовым (освещению физиологических основ чувств в книге посвящена специальная глава).

Значительное место в XX в. занимают вопросы о генетических корнях чувств как в плане развития отдельного человека, так и в плане развития человеческого общества. В этой связи необходимо обратить внимание на те тенденции, которые появляются в ряде психологических работ на Западе. Когда Дарвин разрабатывал свою теорию происхождения чувств человека, то он действовал как исследователь-биолог, рассматривающий разные ступени эволюции изучаемого явления. Когда же выступает со своей теорией генезиса Мак-Дауголл, который рассматривает ее специально в своей книге «Введение в социальную психологию» (1910), то его замысел приобретает далеко не «исследовательский» смысл. Мак-Дауголл указывает семь основных якобы неизменных эмоций и связывает эти эмоции с обязательно присущей им инстинктивной формой реагирования человека¹. Получается, что эмоции человека всегда и во все исторические времена были одинаковыми, что они всегда связаны с определенной инстинктивной реакцией. Анти-

¹ Мак-Дауголл в своих «Очерках психологии» в 1923 г. конкретизировал свои утверждения о первичных эмоциональных качествах (доведя их до 14) и их параллелях в инстинктивных реакциях. Так, у него оказались связанными гнев с инстинктом драчливости; чувство зависимости с инстинктом покорности; чувство обладания чем-то с инстинктом накопления; чувство превосходства с инстинктом самопоказывания, самовыставления; чувство одиночества с инстинктом стадности. Все эти его утверждения делаются основой самых реакционных теорий о природе человека и о путях воздействия на него.

историзм, поднятие на пьедестал в той или другой его форме инстинкта делают «гормическую» психологию Мак-Дауголла учением, обосновывающим самые реакционные общественные взгляды, служащие культивированию антисоциальных инстинктов в людях и якобы «научному» обоснованию «природного» неравенства умов и состояний.

Тенденциозное использование в определенных реакционных идеологических целях отдельных ограниченных положений, относящихся к эмоциональной жизни человека, имеет место и в известной теории эмоций Фрейда. На основе изучения в клинике отдельных случаев невротизма Фрейд незаконмерно расширяет то, что имело место в ограниченных патологических случаях, на всю эмоциональную жизнь человека. Основой эмоций провозглашается половое влечение, *libido* (впоследствии Фрейд внес некоторые дополнения, не меняющие существа дела). При этом, по его концепции, эмоции как бессознательная сила мощно вторгаются в жизнь человека и меняют ее целенаправленный характер. Всякая деятельность человека, самое сложное творчество — все начинает объясняться с точки зрения полового влечения. Более того, ряд общественных явлений, социальных конфликтов, происходящих по законам классовой борьбы, начинает фрейдистами объясняться с точки зрения тех эмоциональных «комплексов», которые они «находят» в индивидуальном человеке. Подмена исторических, общественных закономерностей вымышленными психологическими «закономерностями» является одной из форм использования отдельных частных данных, касающихся эмоциональной жизни человека, в антинаучных реакционных целях.

Нельзя сказать, что современные зарубежные теории, которые рассматривают эмоциональную жизнь человека, подходят к ней абстрактно, отвлекаясь совершенно от самого человека, как это имело место в XIX в. Они часто рассматривают ее в связи с личностью, но личность-то берется крайне обедненная, лишенная того действительного богатства чувств, которые ей присущи и являются реальным выражением исторического продвижения человечества. В личности выпячивается мнимый конфликт между якобы ее примитивными инстинктами и ее сознанием, как это пытаются делать представители

«глубинной» психологии, психоанализа, последователи Фрейда и Адлера.

«Как свидетельство серьезности, с которой в современной мысли, — пишет Н. Сенфорд, — рассматривается вопрос о поверхности и глубине (личности. — П. Я.), я хочу процитировать не психолога, а биолога, Бирсе-Ленфи. Он делает различие между «глубинной личностью с ее первобытными инстинктами, эмоциями, желаниями» и «дневной сознательной личностью» и говорит: «Антагонизм между уровнями личности лежит у основания человеческой трагедии... в какой мере уровни личности могут должным образом приспособиться, является вопросом, от которого зависит будущее человека»¹.

Таков контекст идей и теорий, в котором за рубежом преимущественно рассматриваются формы эмоциональной жизни человека.

Подводя итоги беглому обзору изучения эмоций и чувств, мы должны сказать, что на Западе психологическая мысль, хотя и опиралась на тонко разработанную методику изучения, но ограничивалась в основном рассмотрением специальных, узких вопросов и обходила ряд больших проблем, связанных с эмоциональной жизнью человека. Когда же делались попытки (Мак-Дауголл, Фрейд и их последователи) разрешить сложные проблемы, то ответ давался ненаучный, извращенно представляющий эмоциональную жизнь человека, понижающий его человеческое достоинство.

Высшие чувства—нравственные, эстетические, интеллектуальные — почти совсем не затрагиваются в тех ра-

¹ N. Sanford, Surface and depth in the Individual Personality, "Psychological Review", 1956, November, p. 349.

О преувеличенном и навязчивом внимании и интересе к невротической личности, о «потоке» всяческой литературы, посвященной ей, ее реальным и мнимым конфликтам и затруднениям, пишет американский психиатр Дж. Фурст в своей книге «The neurotic His Inner and Outer Worlds» (переведена на русский язык и вышла под названием «Невротик, его среда и внутренний мир», изд-во иностранной литературы, М., 1957).

Фурст резко критикует теоретические концепции Фрейда и различных последователей теории психоанализа, и их воззрения на психику, бессознательное, на природу и причины возникновения эмоций и чувств человека. Фурст показывает псевдонаучность и необоснованность их претензий «по-новому» осветить проблему психической жизни человека, а также подчеркивает вредность применения психоанализа в клинической практике.

ботах зарубежных психологов, которые посвящены эмоциональной жизни человека.

* *

*

Замысел настоящей книги — «вернуть» в психологию и сделать предметом рассмотрения тот мир сложных человеческих чувств, который представляет собой реальность нашей жизни и культуры и является свидетельством подлинного поступательного движения, осуществленного человечеством на его историческом пути. Этот мир чувств — о нем писали Белинский и Герцен, Чернышевский, и Ушинский — наиболее ярко выражается в нравственных, эстетических переживаниях, в глубоких привязанностях человека. Он получает свое выявление в многообразии человеческих отношений, в богатстве форм общения людей между собой, в деятельности человека в различных областях жизни и культуры. Эти чувства переживает человек, живая человеческая личность. И о чувствах необходимо говорить в связи с личностью. Но говорить не о личности невротической, с патологическими отклонениями, а о нормальной человеческой личности и о соотношении между чувствами человека и его личностью в целом.

Задача — раскрыть человеческие чувства в их сложности и своеобразии, в их связях с действительностью, показать, как сложность чувств, порожденная развитием общества, проявляется в богатстве их выражения, как у человека появляются чувства в процессе воспитания, — эта задача и определяет разделы книги, ее главы, их содержание и связь между собой.

Надо сказать, что советской психологией в области изучения эмоций и чувств сделано немного. Нет специально опубликованных монографий, а есть лишь отдельные главы в руководствах и учебниках, и о чувствах в них говорится слишком общо. Но советская психология имеет прочную философскую основу — теорию марксизма-ленинизма. Это дает ей возможность правильно подходить к проблемам и исследовать их без упрощения и с необходимой полнотой.

Марксизм-ленинизм в своем учении о психике поставил в отношении эмоциональной жизни и чувств человека ряд новых и значительных проблем, дав им глубокое теоретическое толкование.

При признании всех качественных особенностей чувств, отличающих их от познавательных процессов (ощущений, восприятий и т. д.), при признании определенной субъективности, которая присуща переживаниям человека, марксизм-ленинизм показывает, какова та своеобразная форма отражения действительности, которая имеет место в чувствах человека. Иначе говоря, как отражается в возникновении чувств, в их изменениях, в их протекании та объективная действительность, в которой живет и действует человек.

Этот вопрос был поставлен уже в одном из ранних произведений В. И. Ленина «Экономическое содержание народничества». В. И. Ленин писал: «Историю делает — рассуждает г. Михайловский — «живая личность со всеми своими помыслами и чувствами». Совершенно верно. Но чем определяются эти «помыслы и чувства»? Можно ли серьезно защищать то мнение, что они появляются случайно, а не вытекают необходимо из данной общественной среды, которая служит материалом, объектом духовной жизни личности и которая отражается в ее «помыслах и чувствах» с положительной или отрицательной стороны, в представительстве интересов того или другого общественного класса?»¹.

В теоретических положениях марксизма-ленинизма вопрос о чувствах человека выступает не только как проблема своеобразного отражения действительности, но и как проблема чувств человека, т. е. чувств целостной человеческой личности. Вместо рассмотрения отдельных, частных видов чувств и эмоций и поисков их характеристик марксизм-ленинизм показывает социальную природу чувств, присущих человеку как живой личности. Реальный, живой человек — это общественный человек. Даже в самых интимных мыслях и переживаниях его отражается общественное бытие.

Очень ярко это положение выразил К. Маркс в своих «Подготовительных работах для «Святого семейства». Он писал: «Индивид *есть общественное существо*. Поэтому его проявление жизни (если бы оно даже не выражалось в непосредственной форме коллективного, происходящего одновременно с другими, выражения жизни) *есть проявление и выражение общественной жизни*».

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 385.

«... Даже и тогда, когда я занимаюсь *научной* и т. д. деятельностью, — деятельностью, которую я могу выполнить сам, без непосредственного общения с другими, — я все же действую *общественным образом*, ибо действую как *человек*. Мне не только дан, ■ качестве общественного продукта, материал для моей деятельности — в том числе и сам язык, при помощи которого проявляется деятельность мыслителя, — но и мое *собственное бытие есть общественная деятельность*»¹.

Из всех этих теоретических положений марксизма-ленинизма вытекает ряд очень существенных принципов для нового подхода к рассмотрению чувств человека. Прежде всего, в связи с тем что человек есть продукт общественной жизни, продукт истории, вопрос о его чувствах должен быть поставлен исторически: как видоизменяются чувства человека, отражая общественное бытие, в ходе изменений социальной жизни человечества.

Далее. Чувства испытывает *человек* как целостная личность, существующая в многообразной социальной действительности, находящаяся в сложных отношениях с окружающими людьми, общественными институтами, продуктами человеческой культуры. Поэтому, рассматривая чувства человека, следует изучать не одни элементарные формы эмоциональной жизни человека (как это преимущественно делают психологи капиталистических стран), а необходимо изучать те чувства, которые характеризуют его подлинную человеческую сущность, т. е. изучать его нравственные, эстетические, интеллектуальные чувства, возникающие в связи со сложными формами его отношений с окружающей действительностью. Чувства испытывает человек — растущая, осознающая себя личность. Поэтому, рассматривая чувства человека, следует изучать их не только абстрактно (для целей лучшего анализа их качеств и свойств), вырывая из контекста деятельности целостной личности, но и изучать как *чувства личности*, вскрывая, каковы те моменты, которые характеризуют место и роль чувств ■ психической жизни человека, каково его отношение к своим чувствам.

Марксизм-ленинизм рассматривает психику как свойство особым образом организованной материи, по-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. III, стр. 624.

этому чувства человека не могут изучаться в отрыве от их материального субстрата, от деятельности человеческого мозга. Учение И. П. Павлова о высшей нервной деятельности, являющееся естественнонаучной основой материалистической психологии, представляет собой базу для изучения физиологических основ чувств во всей их сложности и многообразии.

В настоящей работе мы ставили перед собой цель: во-первых, осветить (хотя бы кратко) основные формы отражения окружающей действительности в чувствах, показать ряд особенностей, характеризующих это отражение. В этой связи мы ставим своей задачей показать в общих чертах, как исторически изменялись чувства людей;

во-вторых, сделать предметом психологического рассмотрения не столько кратковременные эмоциональные переживания человека, сколько его длительные, устойчивые, сложные чувства, входящие как существенный элемент в его психическую жизнь;

в-третьих, мы стремимся показать, каковы те формы выражения чувств, которые свойственны человеку как общественному существу и позволяют ему передать в процессе общения с другими людьми все богатство и многообразие оттенков чувств, которые он испытывает.

Наконец, мы стремимся осветить психологическую проблему воспитания чувств. Недостаточное внимание к качественным особенностям чувств приводило к тому, что в вопросах воспитания чувств преобладал интуитивалистический подход, не позволявший дать нужный теоретический ответ на данную проблему. Лишь учет своеобразия эмоциональной стороны личности человека позволяет наметить те пути психологического воздействия на него, которые приведут к действительно полному развитию и совершенствованию глубоких положительных чувств, необходимых ему как члену социалистического общества.

ЧУВСТВО

Что мы понимаем

охватывает сферу

психической жизни

рячего советского

людям, любящим

стве любви матер

шевления труд

чувстве товарище

обща добиваешь

сти к врагам мира

носятся многочис

буждения. Это и

уважение, и горе.

Однако в данн

столько все прояв

языке, сколько са

вления.

Человек живет

ности. Он познает

дей, их социальны

тельности, труда, о

словом, в процессе

обществом в целом

отдельными людьми

мир во всем его

индивидуального

Но человек не

окружающую его

ГЛАВА I

ЧУВСТВА И ИХ ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ

1. ЧТО ТАКОЕ ЧУВСТВО

Что мы понимаем под чувствами? Понятие «чувство» охватывает очень обширную и многообразную область психической жизни человека. Мы говорим о чувстве горячего советского патриотизма, свойственном советским людям, любящим свою социалистическую Родину, о чувстве любви матери к ребенку, о чувстве радости от осуществления трудной и нужной для общества работы, о чувстве товарищеской близости к людям, с которыми сообща добиваешься трудовых успехов, о чувстве ненависти к врагам мира и прогресса. К сфере чувств нами относятся многочисленные состояния, переживания, побуждения. Это и радость, и волнение, и преданность, и уважение, и горе, и восторг, и восхищение, и т. д.

Однако в данном случае нам важно установить не столько все проявления чувств и их обозначения в языке, сколько само содержание интересующего нас явления.

Человек живет и действует в реальной действительности. Он познает окружающий его мир, природу, людей, их социальные взаимоотношения. В процессе деятельности, труда, общения с другими людьми — одним словом, в процессе его жизни — у него складываются с обществом в целом, с человеческими коллективами, с отдельными людьми определенные отношения. Реальный мир во всем его многообразии отражается в сознании индивидуального человека.

Но человек не пассивно, не автоматически отражает окружающую его действительность. Активно воздейст-

вужа на внешнюю среду и познавая ее, человек в то же время субъективно переживает свое отношение к предметам и явлениям реального мира. Это отношение выражается у него в различных интересах, устремлениях, оценках, различных чувствах — удовольствии, радости, горе и т. д.

Следовательно, появление чувств имеет своим источником существующий независимо от человека реальный мир, с которым человек вступает в многообразные связи и отношения. Чувства, эмоциональная жизнь есть своеобразная форма отражения действительности, в которой выражаются субъективные отношения человека к миру. В процессе взаимодействия с окружающей средой у человека могут возникать различного рода ответные реакции на полученные воздействия. Многие из этих реакций эмоционально окрашены, имеют устойчивый, повторяющийся характер и поэтому перерастают в стойкие формы эмоционального отношения к действительности, занимающие большое место в жизни человека, оказывающие определенное влияние на его действия.

К сфере эмоциональной жизни принадлежат наряду с чувствами также настроения (веселое, подавленное, грустное и т. д.) и аффекты (ярость, ужас, отчаяние и т. д.). Укажем отличие чувств от настроений и аффектов и постараемся определить сущность чувств.

Основное в чувстве — это то эмоциональное отношение, которое установилось у человека к определенному предмету или кругу явлений. Чувство всегда направлено на тот или другой объект действительности (настоящий, прошлый, образ искусства и т. д.). Так, мы говорим о чувстве любви к Советской родине, о чувстве преданности Коммунистической партии, о чувстве восхищения перед изумительной силой гения А. С. Пушкина, о чувстве отвращения к Иудушке Головлеву и т. д.¹

Настроения же представляют собой эмоциональное самочувствие человека, окрашивающее в течение неко-

¹ Часто мы встречаемся с выражениями: чувство боли, чувство жжения, чувство тошноты и т. д. Речь идет в данных случаях о наших органических ощущениях, окрашенных определенным чувственным тоном. Иногда эти эмоционально окрашенные ощущения называются в руководствах по психологии «элементарные чувства». Говоря о чувствах, мы не подразумеваем такого рода «элементарные чувства».

торого времени (иногда длительного) все его поведение, помыслы, переживания. И хотя соответствующее настроение у человека вызывается всегда более или менее отчетливо осознаваемой причиной (неприятное известие, неожиданная встреча), но оно не направлено специально на какой-то определенный объект (нельзя сказать: «Мое плохое настроение направлено на такого-то человека», хотя оно именно им может быть вызвано). Настроение влияет на все психические процессы, имеющие место в данный момент или определенный период жизни человека.

Для аффектов характерна та стремительность, с какой они овладевают человеком (припадок ярости). Основное в аффекте — это неожиданно наступающее, резко испытываемое человеком потрясение, сказывающееся на всей его жизнедеятельности в данный момент. Аффект — это резко выраженная, стремительно развивающаяся эмоция.

Надо подчеркнуть, что словом «чувство» мы обычно пользуемся в двух разных смыслах. Мы подразумеваем под ним отчетливо выраженную реакцию человека на определенную ситуацию, с которой он столкнулся в жизни. Мы говорим: «Он почувствовал нежность, стал испытывать чувство ненависти, его охватило чувство восторга, радости и т. д.». В этом случае словом «чувство» обозначается определенная живая реакция на происходящее — «переживание»¹. Некоторые советские психологи (Г. А. Фортунатов) предлагают называть чувство, понимаемое в этом смысле, специальным термином «эмоция»².

¹ Определение чувств, распространенное в наших руководствах и учебниках, по преимуществу отражает именно такое понимание чувств. Приведем определения чувств, данные отдельными авторами. Н. Д. Левитов («Очерки педагогической психологии», 1948): «Эмоциями или чувствами называются своеобразные переживания, в которых выражается отношение человека к предметам и явлениям окружающей действительности»; Б. М. Теплов («Психология»): «Чувством или эмоцией называется переживание человеком своего отношения к тому, что он познает или делает»; Т. Г. Егоров («Психология», 1952): «Переживания человеком своих отношений к действительности называются чувствами, или эмоциями».

² Следует отметить, что термин «эмоция», предложенный Г. А. Фортунатовым для обозначения факта переживания, отчетливо отличается от значения слова «эмоция», обычно употребляемого в нашей и особенно в зарубежной литературе. Зарубежные авторы

Но под чувством мы подразумеваем также и устойчивое эмоциональное отношение, устойчивое психическое состояние человека; оно выступает как своеобразная «привязанность» к определенному кругу явлений действительности (или «отчужденность» от них), как стойкая «направленность» на них, как известная «захваченность» ими. Так, мы говорим о чувстве любви к Родине, которое присуще человеку в течение всей его жизни, о любви матери к ребенку, говорим о любви человека к своей профессии, с которой он связан многие годы, и т. д.

Для чувства в этом смысле слова наличие реально возникающего переживания является только показателем подобного психического состояния человека. Верно, что тот человек по-настоящему познал негодование, скорбь, преданность, любовь, который испытал это чувство, пережил его в известный момент жизни. Несомненно, отсутствие переживания чувства говорит об отсутствии у данного человека известного конкретного чувства. Переживание является необходимым моментом в развитии чувства, но вместе с тем им чувство отнюдь не исчерпывается. Переживание — лишь многократно возникающее состояние в процессе существования устойчивого чувства. Сущностью же устойчивого чувства является другое — самый характер субъективного отношения личности к данным явлениям, получающего выражение в помыслах и действиях человека.

Устойчивость отношения, которое заняло известное место в личности человека, может иногда определяться десятками лет, всей жизнью. (Мы можем всю жизнь с любовью относиться к своим родителям, презирать трусость, длительно скорбеть о смерти друга и т. д.) Оттого, например, что реальное, живое переживание чувства с присущей этому переживанию остротой ушло из

Жанэ, Прадин (P. Janet. De l'angoisse a l'extase, Paris, 1928; M. Pradines, Traité de psychologie générale, Paris, 1943) приравнивают понятие «эмоция» к понятию «аффект» и видят в эмоциях начало, дезорганизирующее поведение человека. Другие зарубежные авторы — Валлон и др. (H. Wallon, Les origines du caractère chez l'enfant, 1934), не соглашаясь с тем, что эмоция является дезорганизирующим началом, видя в ней первоначальную форму приспособления к среде, сближают ее с инстинктами. В таком же смысле употребляет термин «эмоция» И. П. Павлов, видя в ней иное название инстинкта.

нашего сознания в известный период, совсем еще не вытекает, что чувство это исчезло.

Так, советскому человеку присуще чувство советского патриотизма. Это совсем не значит, что он каждую минуту его переживает, однако это чувство накладывает печать на все его поступки. Любовь матери к ребенку не означает, что она каждую минуту с нежностью думает о нем, но это чувство пронизывает ее действия и помыслы, заставляет ее спешить домой, покупать желаемую ребенком игрушку, чтобы доставить ему радость, и т. д. Чувство тщеславия, присущее некоторым людям, далеко не всегда ими переживается, но, будучи в них сильно развито, оно руководит их поступками.

Будучи устойчивым психическим состоянием, чувство при наличии объективных обстоятельств, имеющих значение для человека, вновь и вновь активно им переживается.

Переживание чувства, т. е. живая эмоциональная реакция, может иногда достигнуть большой силы, приобрести характер аффекта.

У настроений, эмоций, аффектов есть общее—это все виды эмоциональных реакций. В отличие от них чувства—это те устойчивые отношения личности к окружающему, которые *выражаются* в соответствующих эмоциональных реакциях.

Эмоциональная жизнь человека, его чувства представляют собой своеобразное отражение в сознании человека окружающей действительности; поэтому эмоциональная жизнь, чувства человека органически связаны с познавательными процессами: с ощущениями, восприятиями, представлениями, мыслями и т. д., позволяющими установить характер, природу воздействий действительности, их особенности и качества. Переживание человеком чувств связано с существом и характером дифференцирования им воспринимаемых явлений, со степенью осознания их свойств, их значимости для его потребностей, запросов, устремлений, для его существования в широком смысле слова.

По мере развития человека его эмоциональное отношение к действительности становится более дифференцированным, более соответствующим значимости и роли воздействий на него окружающей действительности для его жизненных запросов и устремлений. Разви-

тие процессов познания, правильное установление связей, существующих между явлениями действительности, понимание сложных форм социального существования человека в обществе с его нормами морали, с его культурой ведет к осознанию роли всех этих явлений для существования человека, для его запросов, для его устремлений. Это приводит к тому, что эмоциональный отклик человека, его чувства распространяются на все, в том числе и на наиболее сложные явления социальной действительности, которые выступают в форме как материальных, так и духовных продуктов деятельности общества.

Степень сложности самих объектов чувства, их то большее, то меньшее значение для существования человека как члена определенного общества приводит, с одной стороны, к дифференциации эмоциональных откликов, а с другой стороны — к их усложнению. Поэтому, например, наряду с резко внешне выраженными эмоциональными реакциями мы можем встретиться с чувствами, в которых очень отчетливо проявляется наше эмоциональное отношение к объекту и вместе с тем это отношение очень мало проявляется в выразительных движениях, а само чувство в значительной мере проникнуто интеллектуальным содержанием¹.

Чувства органически связаны с процессом познания, ориентировки и действия человека в окружающей

¹ По вопросу об основаниях, в силу которых возникают в ходе онтогенеза, т. е. развития отдельного человека, чувства в виде дифференцированных психических процессов, приобретающих новые свойства и качества (соотношение между деятельностью человеческого организма и окружающей природной и общественной средой, соотношение между эмоциями, потребностями и стремлениями в процессе уравнивания со средой и т. д.), имеется ряд теорий (Бюлер, С. Л. Рубинштейн и другие). Существует ряд теорий по вопросу о возникновении эмоций и чувств в филогенезе, т. е. развитии человеческого рода (Дарвин, Ларжье де Бансель и другие), так же как о соотношении «первичных» эмоций и возникающих на их основе различных чувств. Эти теории являются предметом обсуждения и дискуссий в психологической литературе. Мы не ставим перед собой задачу детального их рассмотрения. Мы руководствуемся при нашем подходе к чувствам главным образом другой целью. Человеку как общественному существу реально присущи дифференцированные чувства как отчетливо сформировавшиеся психические процессы и состояния, и мы хотим рассмотреть ряд их сторон и качеств, которые не делались объектом пристального внимания психологов.

его сложной социальной действительности. Благодаря связи с познанием действительности они пронизываются все более и более интеллектуальным содержанием. Поэтому-то чувства и могут быть адекватным, т. е. соответствующим правильным, эмоциональным откликом на самые различные явления действительности. Так возникают в процессе развития общества сложные нравственные и эстетические переживания человека.

В результате связи чувства с процессом познания человек может очень тонко реагировать на различные воздействия окружающей действительности. Теоретико-познавательное значение чувств заключается поэтому, во-первых, в том, что они повышают способность человека как целостной личности откликаться на разнообразные воздействия действительности, а во-вторых, в том, что они создают возможность особо живой связи человека с окружающим его миром. Тот факт, что чувство, будучи устойчивым психическим состоянием, ■ зависимости от обстоятельств может проявляться в эмоциональных реакциях различной формы и силы, подтверждает положение о том, что в чувствах заключена возможность живой, т. е. меняющейся от условий, связи человека с действительностью.

2. ЧУВСТВА КАК ОТРАЖЕНИЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Предметы, явления окружающей действительности воздействуют на человека в течение всей его жизни и вызывают у него живой отклик. Характер этих воздействий, их природа порождают различие в содержании возникающих у человека чувств. Говоря о чувствах мы пользуемся, например, такими словами, как любовь, преданность, страх и т. п., но эти слова имеют различное содержание, ■ зависимости от того, какими явлениями действительности они вызваны.

Мы говорим о любви к Родине, о любви к труду, о любви к искусству, о любви к ребенку, о любви к женщине или к мужчине, о любви к шутке и т. д.; мы говорим о страхе перед болью, о страхе перед моральным осуждением, о страхе перед насмешкой и т. д.— все это разные чувства, потому что, несмотря на общность субъективного отношения, они направлены на разные объек-

ты, порождены разными явлениями и отражают разные стороны действительности. Многообразие окружающей нас действительности, воздействующей на человека, отражается в различном содержании его чувств.

Человек живет и развивается в обществе, которому присущи определенная мораль, представления о прекрасном; он находится в различных взаимоотношениях с людьми, которые его окружают. Он живет в государстве, и многочисленные государственные, общественные учреждения, законы, правила поведения регулируют ход его жизни, его взаимоотношения с другими людьми. Так, гражданин Советского государства с детства ходит в школу, затем, став взрослым, выполняет определенные требования в процессе своего труда и своего поведения в быту и т. д. У него образуются определенные жизненные связи и отношения как с отдельными людьми, так и с коллективами (семья, производственный коллектив, комсомол, партия и т. д.). И эти отношения в процессе его жизни и деятельности сами подвергаются известным сдвигам и изменениям.

Нельзя упускать из виду и то обстоятельство, что человек в обществе занимает определенное место, выступает в соответствующем «качестве» (как сын, брат, учащийся, как член комсомола, работник производства, солдат, как командир, общественный деятель и т. д.).

В сфере отношений с другими людьми, с обществом человек обретает определенную жизненную позицию, которая может быть для него благоприятной, неблагоприятной. Это также отражается в его сознании, в сфере его чувств. Многообразие жизненных отношений человека и проявляется в конкретном содержании его различных чувств.

Однако не все явления окружающей действительности эмоционально затрагивают человека. И не всегда те явления, которые затрагивают человека, вызывают одинаковые по качеству и одинаково сильные чувства у разных людей. Черты конкретного чувства, качество и особенности чувств человека и отличие их от чувств других людей определяются всем складом личности человека, ее особенностями. Они определяются природой образовавшихся у человека потребностей в том, от чего зависит его существование, его дальнейшее развитие

как члена общества. Они определяются и всем прошлым опытом, сложившимся ранее отношением к различным явлениям действительности, его прежними действиями и поступками, которые являлись ответом на воздействия окружающей жизни и этим формировали его опыт.

У человека как существа по природе своей социального с самого раннего возраста возникают наряду с естественными, материальными потребностями (в еде, в защите от холода и т. д.) потребности в такого рода предметах и видах деятельности, которые присущи лишь человеку. Это — культурные потребности, которые являются продуктом общественной жизни, в первую очередь материальной, а затем духовной культуры общества. Но и естественные, материальные потребности у человека имеют общественно-исторический характер. Потребности в пище, одежде, хотя и обусловлены биологически, всегда вместе с тем обусловлены и социально. Маркс говорил: «Голод есть голод, однако голод, который удовлетворяется вареным мясом, поедаемым с помощью ножа и вилки, это иной голод, чем тот, который заставляет проглатывать сырое мясо с помощью рук, ногтей и зубов»¹.

Историческое развитие человечества привело к тому, что у людей наряду с потребностями индивидуальными с раннего детства начинают развиваться потребности общественного характера, необходимые в условиях жизни и деятельности коллектива.

Постоянно появляющиеся у человека в процессе его существования материальные и духовные потребности приводят к возникновению у него эмоционально окрашенных стремлений к их удовлетворению и порождают деятельность, направленную на то, чтобы добиться этого удовлетворения. В зависимости от того, как протекает эта деятельность, в какой мере она является успешной, какие появляются препятствия на пути к удовлетворению потребностей, у человека возникают чувства различного характера. В самом их содержании и в силе их переживания проявляется субъективное отношение конкретной человеческой личности к процессу удовлетворения или неудовлетворения тех или других ее потребно-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XII, ч. 1, стр. 182.

стей, и это переживание становится побудителем к дальнейшим ее действиям.

Развитие и изменение потребностей человека в условиях общественного производства оказывает существенное влияние на его чувства. Появление у него в процессе исторического развития новых потребностей приводит к тому, что все более и более многообразный круг явлений и фактов окружающей социальной действительности «задевает» его, вызывает в нем эмоциональный отклик.

Серьезное значение для чувств человека имеет его прошлый опыт. Действия и поступки, которые он совершал в определенных жизненных обстоятельствах, те формы отношения к людям и определенным явлениям действительности, которые у него складывались, те способы поведения, которые у него возникали в меняющихся обстоятельствах жизни, имеют существенное значение для содержания и качества его чувств.

Эти обстоятельства приводят к различиям в содержании сходных чувств у разных людей. Они приводят и к тому, что в чувствах выявляется субъективный мир человека: то, что трогает, волнует, оставляет безразличным именно его как данную сложившуюся личность со своими привязанностями, вкусами, пристрастиями, взглядами, в отличие от привязанностей, вкусов и взглядов других людей. Поэтому чувства, являясь отражением объективной действительности, отражают реальный мир своеобразно, в форме субъективного отношения человека к предметам и явлениям этого мира.

Значимость для человека некоторых сторон и явлений действительности, которая определилась в процессе его жизни и деятельности, и наличие прочной связи между его жизнью и этими явлениями создает почву, на которой эпизодический отклик его на эти явления превращается в устойчивое эмоциональное отношение к этим явлениям, делается прочным его опытом.

«Разве общественные и государственные обязанности и требования, — писал И. П. Павлов, — не условия, которые предъявляются к моей системе и должны в ней производить соответствующие реакции в интересах целостности и усовершенствования системы?»¹.

¹ И. П. Павлов, Полн. собр. соч., т. III, ч. 2, 1951, стр. 188.

Связи, которые устанавливаются между соответствующими объектами действительности, воздействующими на человека, и его реакциями, приобретают все более устойчивый характер.

Такая устойчивость эмоционального реагирования человека, определенная ходом его жизни, жизненной практикой, сложившимся опытом, очень хорошо раскрывается в примере, который приводится И. М. Сеченовым. Человек «всю жизнь провел без бурь, в довольстве, окруженный любовью, и выучился делать добро на окружающих его примерах. Для этого человека то чувство нравственного удовлетворения, которое сопровождает всякое доброе дело, было с самого детства воспитателем его поступков, руководителем его действий. Мудрено ли, что при таких исключительно благоприятных условиях это *чувство* — бесспорно, род нравственного наслаждения — *превратилось мало-помалу (от частого воспроизведения) в потребность, и в старости, на отдыхе, когда ум освободился от миллионов практических дрызг, оно стало господствующим в деле определения отношений старика к людям. У такого человека добрые дела вытекают из морального чувства, сами собой, роковым образом, без малейших усилий с его стороны*»¹. (Курсив мой. — П. Я.)

Этот пример доказывает, как жизненный опыт, подкрепляемый соответствующей жизненной практикой, формирует у человека прочную и устойчивую форму эмоционального реагирования на определенные факты окружающей действительности, и показывает, как создаются те особенности личности, которые влияют на конкретные качества и черты чувств, возникающих у человека.

Чувства, будучи субъективным откликом человеческой личности на окружающую ее действительность, представляют собой своеобразное, но вполне закономерное отражение отдельных сторон действительности, которые человек познает. Чувства отражают все существенные для жизнедеятельности человека отношения с окружающей действительностью. По изменениям чувств мы можем судить об изменениях отношений человека с окружающей действительностью.

¹ И. М. Сеченов, *Элементы мысли*, изд-во АН СССР, 1943, стр. 68.

Когда эмоциональное отношение человека к известным явлениям действительности установилось, оно превращается в черту его личности. Соответствующее чувство, став устойчивым достоянием эмоционального опыта, превращается в некоторое свойство личности человека. И чувство, став чертой личности, существенно определяет ее действия и поступки.

Чувство как устойчивое эмоциональное отношение человека характеризуется тем, что оно направлено не только на самый предмет чувства, но и распространяется на все то, что связано с данным предметом. Те изменения в окружающей действительности, которые затрагивают объект чувства, содействуют или не содействуют ему, вызывают соответствующие изменения в характере испытываемых человеком чувств. Вообще эмоциональное отношение к объекту чувства характеризуется или тем, что мы его принимаем (испытываем нежность, любовь, уважение, симпатию и т. п.), или тем, что мы его отвергаем (испытываем неприязнь, негодование, презрение и т. п.). Поэтому в зависимости от характера отношения к предмету при соответствующих объективных изменениях его происходят и изменения в самом чувстве.

Эмоциональное отношение к действительности, которое выразилось в таком чувстве, как советский патриотизм, любовь к своему ребенку, привязанность к работе, страсть к науке и т. д., включает в свою сферу все то, что имеет отношение к предмету чувства. Поэтому глубокое и устойчивое чувство в зависимости от тех реальных изменений в окружающем, которые затрагивают объект чувства или происходят непосредственно с самим этим объектом, может породить целую гамму различных переживаний. Любовь матери к ребенку проявляется не только в том, что она испытывает к нему чувство нежности, привязанности. Она испытывает также страх и волнение, когда он болен, беспокойство, когда его долго нет дома, радость от того, что он поправился, хорошо учится, и т. д. Более того, это чувство включает в свою сферу все то, что имеет отношение к ребенку. Мать испытывает признательность к врачу, который вылечил ее ребенка, негодование по отношению к человеку, который его обидел, и т. д. При этом все переживания, возникающие на основе такого устой-

как советский
документ о том
немецко-фашистской
Отечественной
Важный
уважали
разу не видел
койно говорив
становилось легче
Удивительный
ко немцам, но давал
Придет с добрым
выбитые зубы и са
мешь». Потом
что-нибудь хороше
дел, как он выигр
это когда стало изве
Нонну; он вышвырн
ри и сказал так, что
«Мы тебя могли
скую клятву, но ты
дал свою душу»
В этом пережив
Ялиным, ярко прояв
Афонова. Именно по
ветского патриотизма
к человеку, предава
Необходимо отн
ваются человеком от
отношение к его лич
ком как выражение
Пережитый стра
личей к его личности
может ценить

А. Е. Лагуна, К
1954, стр. 94-96.

чивого чувства, могут иметь различную остроту и силу (вплоть до бурно протекающего аффекта).

Глубокое чувство советского патриотизма предполагает не только любовь к Родине, но и ненависть к ее врагам и предателям.

О подобных проявлениях такого устойчивого чувства, как советский патриотизм, рассказывает интересный документ о таганрогских подпольщиках, боровшихся с немецко-фашистскими оккупантами в период Великой Отечественной войны.

Василий Ямин сообщает: «Все арестованные очень уважали нашу группу, особенно Костю Афонова. Я ни разу не видел его мрачным или печальным. Он так спокойно говорил о том, что нас ждет смерть, что у каждого становилось легче на душе и было уже не так страшно. Удивительный человек был Костя Афонов. Он не только немцам, но даже нам не показывал, как ему больно. Придет с допроса весь в крови, умоемся, выплюнет выбитые зубы и скажет: «Пустячки. Этим нас не возьмешь». Потом подойдет к одному, к другому, скажет что-нибудь хорошее, засмеется. Один только раз я видел, как он *вышел из себя, был прямо в бешенстве — это когда стало известно, что Аркадий струсил и предал Нонну*; он вышвырнул его из нашего угла к самой двери и сказал так, что тот весь скорчился на полу:

«Мы тебя могли убить, трус. Ты нарушил партизанскую клятву, но ты умрешь от руки тех, кому ты продал свою душу»¹. (Курсив мой.— П. Я.)

В этом переживании сильного гнева, описанном Яминым, ярко проявился высокий патриотизм Кости Афонова. Именно потому, что ему присуще чувство советского патриотизма, он с таким негодованием отнесся к человеку, предавшему товарища.

Необходимо отметить, что чувства всегда испытываются человеком как нечто имеющее непосредственное отношение к его личности. Они воспринимаются человеком как выражение свойств его собственной личности.

Пережитый страх говорит ему о его трусости, испытанное негодование говорит о том, что он не безразличен к определенному рода поступкам, и т. д. Человек может ценить и одобрять свое чувство и стремиться его

¹ А. Елагина, Костер на мысу, изд-во «Молодая гвардия», 1954, стр. 94—96.

«изжить». Так, советский человек борется с пережитками прошлого в сознании, выступающими в виде таких чувств, как зависть, суеверный страх и т. д. Осознание характера этих чувств облегчает его борьбу с ними.

Чувства, будучи эмоциональным отношением человеческой личности к окружающей действительности, выявляют тем самым то, что присуще человеку именно как личности определенного склада: его мировоззрение, вкусы, направленность. И этим они выражают наиболее полно его субъективный мир, его индивидуальность.

О таком значении чувств для человека, для понимания его личности очень хорошо говорил К. Д. Ушинский: «Ничто — ни слова, ни мысли, ни даже поступки наши не выражают так ясно и верно нас самих и наши отношения к миру, как наши чувствования: в них слышен характер не отдельной мысли, не отдельного решения, а всего содержания души нашей и ее строя»¹.

Но, выражая собой индивидуальность человека, чувства, так же как и взгляды, мировоззрение, вкусы человека, отражают вместе с тем ту общественную среду, в которой человек живет и действует.

3. ОСОБЕННОСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ОСОЗНАНИЯ ЧУВСТВ

Для человека характерно то, что он регулирует как свое внешнее поведение, так и свои психические процессы. Регулирование психических процессов предполагает не только контроль, но и власть над ними. Сущностью, например, волевого действия является то, что это процесс, сознательно направляемый. Что касается чувств, то регулировать их самому человеку труднее; их трудно вызвать, удержать, они не всегда осознаются. Правда, мы говорим часто «человек владеет своими чувствами», но под этим мы подразумеваем либо то, что человек регулирует свои поступки, руководствуясь не случайными чувствами, а глубоким, устойчивым чувством и своими убеждениями, либо то, что человек владеет *выражением* своих чувств (умеет сдерживать их выражение)².

¹ К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, Соч., т. 9, изд-во АПН РСФСР, стр. 117—118.

² Интересно в этом отношении суждение физиолога П. К. Анохина, который пишет: «Вопреки ошибочному мнению, что кора головного мозга может «подавлять эмоции», следует специально под-

Но власть над своими чувствами никогда не означает, что от человека (от его желаний, сознательных усилий) всецело зависит сохранение чувства или появление нового.

Известно, что знания и навыки забываются. Также и чувства, занимавшие прежде видное место в жизни личности, исчезают. Так, исчезает неприязнь, которую человек отчетливо испытывал по отношению к определенным явлениям или людям, уходит печаль по умершему другу, остывает любовь и т. д.

Замечая, что наши знания в какой-то области забываются, мы очень легко можем укрепить их при помощи известных усилий, путем повторения и т. д. Иначе обстоит дело в области чувств. Если чувство у человека начинает ослабевать, а он хотел бы его у себя сохранить, он также может применять известные усилия. Он может убеждать себя в том, что следует поддерживать в себе это чувство, он может в себе «подогревать» его, может на некоторое время вызвать в себе известное оживление чувства, однако, несмотря на это, утрачивается эмоциональная окрашенность, присущая чувству, и человек осознает, что оно уходит.

Вспомним наблюдения над собой героя «Детства» Л. Толстого: «Дорогой, перебирая в голове разные московские воспоминания, я вспомнил про Сонечку Валахину, но и то вечером, когда мы отъехали уже пять станций. Однако странно,—подумал я,—что я влюблен и вовсе забыл об этом; надо думать о ней. И я стал думать об ней так, как думается дорогой, не связно, но живо, и додумался до того, что, приехав в деревню, два дня почему-то считал необходимым казаться грустным и задумчивым. Но, несмотря на все старания притвор-

черкнуть, что она может подавлять только, то или иное, большей частью внешнее проявление эмоции, сама же эмоция, раз возникнув, как субъективное состояние человека не может быть устранена. ...Подавление эмоции в целом бывает в редких случаях. Оно происходит тогда, когда уже одно только начало развития эмоционального разряда в диэнцефалической области, регистрируемое корой, немедленно вызывает к жизни задерживающий комплекс процессов лобной коры. ...Однако здесь уже нельзя говорить о «подавлении эмоции», поскольку она даже не успела и развиться». (П. К. Анохин, Узловые вопросы в изучении высшей нервной деятельности, сб. «Проблемы высшей нервной деятельности», изд-во Академии медицинских наук, 1949, стр. 70.)

ства перед другими и перед самим собой... я только в продолжении двух дней, и то непостоянно, а преимущественно по вечерам, вспоминал, что я влюблен, и наконец, как скоро вошел в новую колею деревенской жизни и занятий, совсем забыл о своей любви к Сонечке».

Это было слабое чувство, в известной мере надуманное, которое герой «Детства» в себе искусственно подогревает. Если мы хотим вызвать в сознании тот или иной образ, то при известных условиях этого можно добиться. А вот насильно вызвать чувство нежности там, где его нет, мы не можем. Во всяком случае, нельзя этого сделать прямым путем, например посредством «самоприказа». Это не значит, конечно, что мы не можем себя настроить на соответствующее чувство (уговорить себя, что мы его испытываем), однако настоящего чувства не будет. Появившееся таким путем чувство переживается обычно как надуманное. Очень тонко это подмечает В. Г. Белинский. В письме Михаилу Бакунину от 12 октября 1838 г. по поводу своей влюбленности сестру Михаила Бакунина Александру Александровну он пишет следующее:

«Тут еще вмешалась ложность положения, произвольно (или почти произвольно) себе данная: т. е. ложное чувство, в котором истинна была только потребность чувства (потребность полюбить.— П. Я.), наконец (что греха таить?) *чувство, которое часто, очень часто я насильственно развивал в себе, насильственно отвлекаясь от всего прочего, чтобы дать призраку вид действительности*. Не виню себя за это: что было — должно было быть, и кроме того потребность-то была все-таки и сильна и истинна. Да, чувство это не развилось бессознательно, не закрадывалось в сердце украдкой, *непосредственно, нормально и просто*. За то и поплатился и по делам; будь, дурак, простее и добросовестнее с собой и самовольно не делай себе того, в чем судьба отказывает»¹.

В какой-то мере поддержать в себе, «подогреть» исчезающее чувство, например чувство любви, жалости и т. д., при помощи воспоминаний о переживаниях этого чувства человек еще может. Но все равно такое чувство не имеет основы в подлинном, непосредственном

¹ «Письма В. Г. Белинского» под ред. С. А. Ляцкого, т. 1, СПб., 1914.

переживании, и новые обстоятельства легко могут уничтожить «видимость» такого чувства. Очень интересны оттенки отношения Л. Н. Толстого (в последний период его жизни) к Софье Андреевне (жене), с которой постоянно у него возникали очень резкие конфликты. Толстой «пытался» ее любить, иногда это ему удавалось, а по существу этого чувства у него уже не было. В своих письмах этого периода он писал:

«25 августа 1910 г.

...Стараюсь держаться по отношению к С. А. не как можно мягче и тверже и кажется более или менее достигаю цели ее успокоения. Она мне часто ужасно жалка».

17 октября 1910 года (за одиннадцать дней до ухода из дому) он писал:

«Вчера был очень серьезный день. Подробности фактические вам расскажут, но мне хочется рассказать свое — внутреннее. Жалею и жалею ее *и радуюсь, что временами без усилия люблю ее*. Так было вчера ночью, когда она пришла покаянная и начала заботиться о том, чтобы согреть мою комнату, и, несмотря на измученность, слабость, толкала ставеньки, заставляла окна, возилась, хлопотала о моем телесном покое...»¹ (Курсив мой.— П. Я.).

А через одиннадцать дней Толстой, выведенный из себя постоянным контролем над ним Софьи Андреевны, самовольным просмотром его бумаг, окончательно решает выполнить свое давнишнее решение об уходе из дому и пишет ей, что дальнейшие встречи, совместная жизнь с ней невозможны.

В некоторой мере путем работы над собой человек может поддерживать в себе нужное настроение, но это происходит опять-таки не путем голого «самоприказа», а косвенными психологическими приемами.

О такой работе над собой сообщает П. И. Чайковский в письмах к Юргенсону:

«Романсы и пьесы для фортепиано я непременно пишу. Пробовал даже теперь начать, но тщетно. Того спокойствия духа, которое мне потребно для сочинения, я еще не добился и вряд ли скоро добьюсь». «Я всяче-

¹ В. Г. Чертков, Уход Толстого, М., 1922, стр. 89 и 91.

ски стараюсь не терять бодрости духа, но далеко еще не дошел до того момента, когда остается сказать «плевать» и затем на деле доказать, что «плюнул», т. е. начал жить и действовать по-прежнему»¹.

Человек может стремиться побороть в себе известное чувство, например любви к другому человеку, который на его чувства не отвечает. Но эта борьба с чувством возникает не в результате приказания себе, а в результате осознания своего тяжелого самочувствия из-за несчастной любви, в ряде случаев из чувства самосохранения. И это ведет к тому, что человек стремится освободиться от данного чувства путем перемены обстановки, новых впечатлений, он старается отвлечься и т. д. Это очень хорошо показывает Л. Н. Толстой в романе «Война и мир», раскрывая внутренний мир Андрея Болконского после измены его невесты (неудавшегося бегства Наташи с Анатолом Курагиным).

Таким образом, возникновение чувств характеризуется своеобразными психологическими особенностями.

Если вполне закономерно, что мы говорим о тренировке памяти, воли, воображения и действительно таким путем добиваемся успехов в этих областях, то для нас странно звучит выражение «тренировать чувства». Мы никогда не говорим о тренировке в себе чувства признательности или чувства уважения к кому-либо, а говорим лишь о воспитании его в себе.

Следует помнить и еще об одной особенности эмоциональной сферы. Переживания человека возникают как соответствующий ответ его на те воздействия окружающей жизни, которые его затрагивают. Изменения обстоятельств жизни приводят к изменению его чувств. Чувства человека меняются и в связи с ростом его личности, с расширением его кругозора, более правильным и адекватным пониманием того, что представляют собой данные жизненные обстоятельства, какое они имеют объективное значение, что они могут значить для него и т. д. Так, в процессе роста человека исчезает приобретенный, например, в детстве страх перед темнотой, страх перед насекомыми. Однако если в результате сильного эмоционального переживания образовалось достаточно стойкое эмоциональное отношение к извест-

¹ П. И. Чайковский, Переписка с П. И. Юргенсоном, т. 1, М., 1938, стр. 18 и 20.

Вот такое стойкое отношение к известному в детстве человеку. Поэтому да судка убежден в определенности ч

«Я рано начал бояться на меня «страшных» из св

щих по ночам» из св

свете, и мертвецах. С

с полуночи и вплоть

освободиться от всяки

после того, как я о

(я начал стыдиться их

по ночам все «страш

дедушкина портрета, я

чтобы было лучше ви

нуту смотрел на него

лись у меня на голове

В то время мне б

сверхъестественные я

страх, как бы превра

чувствовать себя, когд

что он сильно уменьш

находилось в руках о

титься с кем угодно,

в детстве, что против

«крестного знамения»

бог Саваоф, исполнь

Но стоило только

всякое суеверие у мен

зано с родными краями

Вот такое стойк

шим в детстве «пр

у взрослых людей.

ния не совершается

знания того, что да

отношения. Поэтому

Определенные ч

«Николай Мор

«Радуга», М., 1918, стр.

ному явлению, то полное осознание его незначительности не ведет еще к исчезновению самого чувства, вызываемого этим явлением.

Об этом следует помнить уже потому, что, например, в связи с неправильными воспитательными воздействиями в детстве у человека появляется эмоциональное отношение к различным «приметам», хотя он отчетливо может осознавать, что на самом деле они ничего не значат. Известный революционер, проводивший многие годы в Шлиссельбургской крепости, Николай Морозов сообщает следующие подробности о своем детстве.

«Я рано начал бороться с суеверными ощущениями, навевая на меня «страшными рассказами» нянек о портретах, «выходящих по ночам» из своих рам, русалках, танцующих при лунном свете, и мертвецах, сидящих по ночам на своих могилах, начиная с полуночи и вплоть до того часа, когда пропоют петухи!.. Чтобы освободиться от всяких инстинктивных страхов, не проходивших и после того, как я окончательно избавился от детских суеверий (я начал стыдиться их уже с десяти лет), я нарочно начал посещать по ночам все «страшные места»... Проходя один со свечой мимо дедушкина портрета, я нарочно поднимал свечу высоко над головой, чтобы было лучше видно, останавливался перед портретом и с минуту смотрел на него в мертвой тишине ночи, хотя волосы шевелились у меня на голове...

В то время мне было уже лет четырнадцать, и я не верил в сверхъестественные явления, но привитый в детстве суеверный страх, как бы превратившийся в инстинкт, еще сильно давал мне чувствовать себя, когда я находился в родном имении. Интересно, что он сильно уменьшался и даже совершенно исчезал, когда у меня находилось в руках огнестрельное оружие: тогда я готов был встретиться с кем угодно, даже с привидениями, хотя мне и твердили в детстве, что против них бессильно все земное, за исключением «крестного знамения», да восклицания «Свят, свят, свят господь бог Саваоф, исполнь небо и земля славы твоя».

Но стоило только мне уехать в какое-либо другое место, как всякое суеверие у меня тотчас пропадало. Оно целиком было связано с родными краями»¹.

Вот такое стойкое эмоциональное отношение к запавшим в детстве «приметам» может невольно проявляться у взрослых людей. Изменение эмоционального отношения не совершается автоматически от одного лишь осознания того, что данный объект заслуживает иного отношения. Поэтому иногда человек с точки зрения рассудка убежден в одном, а чувства говорят ему иное.

Определенные чувства могут лишить человека необ-

¹ Николай Морозов, Повести моей жизни, т. 1, изд-во «Радуга», М., 1918, стр. 20—23.

ходимой решительности в тех действиях, в нужности и целесообразности которых он убежден. Р. Роллан в «Очарованной душе» рисует яркую картину того, как любящий Аннету человек не соединяет с ней свою жизнь из-за противодействия матери, которой он не хочет причинить огорчение, хотя знает, что он сам будет несчастлив всю жизнь.

Из всего этого следует, что только тогда изменение взглядов человека на явления окружающей действительности будет закреплено в его твердых, устойчивых убеждениях, когда это вызовет к жизни целый комплекс чувств, делающих эти новые воззрения человека чем-то дорогим для него.

Конечно, все это говорит не о том, что человек не может изменять свои чувства. Однако чувства представляют собой такое психическое состояние человека, которое по своим качествам требует для своего изменения иных приемов, чем те, которые применяются в области знаний или навыков.

Несомненно, что мы должны говорить о действиях по развитию и укреплению чувств не только в других людях, но и в самих себе. Однако характер этой деятельности своеобразен (об этом будет сказано подробнее в 9-й главе).

Чувство может возникнуть и проявиться совершенно неожиданно для человека. Само собой разумеется, что внезапного проявления чувства не было бы, если бы предпосылки для этого не сложились в прошлом опыте человека. Неожиданное появление чувства часто является для человека источником познания себя, показывает, что ему присуще определенное чувство.

Николай Островский писал о себе в письме к композитору С. Кацу следующее: «Знаешь, почему я так люблю музыку? Я видел в жизни много крови и страданий. Расти мне пришлось в тяжелое время. Мы не щадили врагов, но и не берегли себя. Сейчас я писатель, мне приходится описывать эту жизнь. Сцены гражданской войны очень свежи в моей памяти; так и чувство ненависти к врагу. Но любви в своей жизни я знал немного. И вот Чайковский открывает в моей душе такие интимные чувства, вызывает такие нежные мысли, о существовании которых я раньше и не подозревал». (Курсив мой.— П. Я.)

Учительница школы Московской области А. Петрова рассказывает: «Один из учеников нашего класса—Юра—был недисциплинирован и груб с товарищами. Однажды Юра совершил серьезный проступок. Мы созвали классное собрание. Ребята выступали чрезвычайно резко и осуждающе. Кто-то даже сказал: «Ты позоришь наш коллектив».

Затем слово предоставили Юре. Видимо, он впервые ощутил всю силу общественного осуждения. Он поднялся бледный, растерянный, постоял минуту и вдруг убежал из класса, оставив на парте книгу и шапку.

Вечером после занятий я зашла к нему домой. Юра лежал на кровати и плакал. Горячее желание восстановить себя в глазах коллектива стало определять все поведение Юры»¹. (Курсив мой.— П. Я.)

Такая резкая эмоциональная реакция возникла неожиданно для самого мальчика, она свидетельствовала о возникновении нового чувства, нового отношения к коллективу.

Л. Н. Толстой так описывает переживания Каренина, когда тот, раздраженный и злой, возвращается из Москвы в Петербург после получения телеграммы Анны о ее болезни. Он входит к ней в комнату, слышит ее бред и по ее просьбе подходит к ней. «Сморщенное лицо Алексея Александровича приняло страдальческое выражение; он взял ее за руки и хотел что-то сказать, но никак не мог выговорить, нижняя губа его дрожала, но он все еще боролся со своим волнением и только изредка взглядывал на нее.

Душевное расстройство Алексея Александровича все усиливалось и дошло теперь до такой степени, что он уже перестал бороться с ним; он вдруг почувствовал, что то, что он считал душевным расстройством, было, напротив, блаженное состояние души, давшее ему вдруг новое, никогда не испытанное им счастье.

...Радостное чувство любви и прощения к врагам наполняло его душу. Он стоял на коленях и, положив голову на сгиб ее руки, которая жгла его огнем через кофту, плакал как ребенок». (Курсив мой.— П. Я.)

Во всех этих случаях налицо непредвиденное переживание нового для человека чувства. Оно обнаружило

¹ А. Е. Кленов, А что скажут мои товарищи? Журн. «Семья и школа», 1950, № 1.

те изменения, которые в нем сложились, и выявило то, что в нем зародилось вновь.

Непредвиденность переживания может касаться не только содержания чувства (человек неожиданно испытал нежность, ревность, негодование и т. д.), но и силы возникшего и охватившего нас чувства.

Так, для человека может оказаться неожиданной значительность его печали при расставании с другом, неожиданной сила того нравственного подъема, который он испытал при исполнении своего долга.

Неожиданность появления чувства объясняет силу того глубокого впечатления, которое часто возникает у человека в связи с тем, что он впервые испытывает никогда не изведенное им чувство. С такой силой впечатления связано переживание первой любви; впервые испытанное чувство материнства; чувство гражданского долга (клятва Герцена и Огарева), радости творчества и т. д.

С новизной испытываемого чувства связан иногда ряд таких переживаний, как удивление, радость, легкий страх перед силой неизведенного чувства и т. д. Переживание нового чувства воспринимается человеком как обогащение его опыта, ведущее к познанию в себе самом некоторых новых сторон.

Наряду с непредвиденностью характера переживания чувства в отношении его содержания и силы можно иногда говорить о недостаточно верном осознании чувства. Часто лишь появление острой жизненной ситуации приводит человека к осознанию характера своего чувства.

В этом отношении очень интересные данные сообщает С. В. Ковалевская о своем чувстве к Ф. М. Достоевскому, которое она испытывала в возрасте 13 лет: «Приподняв портьеру, завешивавшую дверь в маленькую, угловую гостиную, я увидела там Федора Михайловича и Анюту (сестру).

Но, боже мой, что я увидела!

Они сидели рядом на маленьком диванчике... Лицо Достоевского я видела ясно: оно было бледно и взволнованно. Он держал Анютину руку в своих и, наклонившись к ней, говорил тем страстным, порывчатым шопотом, который я так знала и так любила:

— Голубчик мой, Анна Васильевна, поймите же,

ведь я вас полюбил с первой минуты, как вас увидел; да и раньше по письмам уже предчувствовал...

У меня в глазах помутилось. Чувство горького одиночества, кровной обиды вдруг охватило меня... Я опустила портьеру и убежала вон из комнаты... Еще не испытанное чувство горечи, обиды, стыда переполняло мою душу... *До сей минуты я даже в сокровеннейших моихмышлениях не отдавала себе отчета в своих чувствах к Достоевскому и не говорила сама себе, что влюблена в него*¹. (Курсив мой.— П. Я.).

Приходится в некоторых случаях говорить и о неполном осознании человеком роли для себя того или другого чувства. Этим объясняется наличие иллюзий в области чувств.

Мы встречаемся с двумя видами иллюзий в области чувств. Человек часто недооценивает в себе то или иное чувство. Э. Казакевич в романе «Весна на Одере» характеризует чувство врача Т. Кольцовой к майору Лубенцову. Часто бывает так, что человек только после расставания с другим человеком понимает, какое серьезное чувство он к нему испытывал.

«Узнав, что в медсанбате был Лубенцов, Таня так откровенно просияла, что сестричка, сообщившая ей это известие, даже немного сконфузилась.

— Старый знакомый,— весело пояснила Таня.— Мы с ним случайно встретились на днях.

На следующий день Рутковский приказал Тане отдыхать. Она очень переутомилась, и все это заметили.

...Таня все утро слонялась по деревне.— А почему бы, действительно, не съездить к Лубенцову,— подумала она.

Она оделась... покинула деревню. Здесь ей удалось сесть в машину. Получилось очень удачно: машина шла в штаб.

...— Зайдите, пожалуйста,— сказал генерал., Прошу садиться...

— Мы с гвардии майором,— сказала она,— старые знакомые. Еще с сорок первого года. Товарищ Лубенцов был на днях у меня в медсанбате, и это, так сказать, мой ответный визит.

...Она подняла голову и встретилась с глазами генерала... Было что-то странное и тоскливое в этих умных, зорких глазах.

Генерал сказал:

— Лубенцов, по-видимому, погиб. Это случилось вчера.

— Как жалко! — сказала она.

Она все продолжала сидеть, хотя знала, что нужно уходить, пора уходить... Но не было сил подняться и не было охоты что-нибудь делать, даже просто встать со стула.

Она наконец поднялась, сказала «до свиданья» и вышла. На

¹ С. В. Ковалевская, Воспоминания детства и автобиографические очерки, изд-во АН СССР, 1945, стр. 100—101.

улице ее охватил нервный озноб, и у нее застучали зубы так, что она... еле сдерживала дрожь.

«Не впадай в истерику», — сказала она себе. Она подняла голову и увидела на стене русские надписи углем и мелом.

«Мы здесь пропадем. Прощай, родная Волынь», — было написано на стене...

Это напоминание о бесконечных муках и надеждах тысяч людей подействовало на Таню с необычайной силой. Оно и ранило и облегчило ее душу. Она вышла и, медленно идя по улице, плакала горестными слезами... уже никого не стесняясь и не обращая внимания на удивленные лица прохожих». (Курсив мой. — П. Я.)

Сначала Таня недооценивала своего чувства к Лубенцову. И только печальная весть заставила ее осознать, какое значение для нее имел Лубенцов.

Изменение обстоятельств жизни (например, утрата того, что мы имели, разлука и т. д.) приводит как раз к лучшему осознанию характера и роли испытываемого нами чувства, силу которого мы не могли правильно оценить в обычных условиях.

Интересное признание делает в своем письме к отцу в 1837 г. Михаил Бакунин после своего отъезда в артиллерийское училище в Петербург. «Расставаясь с вами, с маменькой, с сестрами, я даже не был огорчен или весьма мало огорчен, потому что я наслаждался бессознательно чудною премухинскою жизнью, наслаждался бессознательно любовью окружающих меня; я не понимал смысла разлуки... Да, батюшка, бывали минуты (и эти минуты были очень часты), когда мне становилось холодно, видя себя окруженным людьми, мне совершенно чуждыми, когда я не находил вокруг себя ни одного из тех родных и милых образов людей, которых я любил, сам не зная, что я их любил... Да, мысль о Премухине освящала меня, письма ваши и сестер согревали меня, и я уже чувствовал, что я вас сильно люблю, что вы для меня дороже всего в жизни...»¹ (Курсив мой. — П. Я.)

Справедливым является в этом отношении высказывание К. Д. Ушинского: «Так, мы можем сильно любить человека, с которым постоянно живем, и не ощущать этой любви, пока какое-нибудь несчастье не покажет нам всю глубину нашей привязанности. Человек может

¹ А. А. Корнилов, Молодые годы Михаила Бакунина, М., 1915, стр. 43.

прожить всю жизнь и не знать, как сильно он любил свое отечество, если случай, например, долговременное удаление, не обнаружит для него самого всю силу этой любви»¹.

Говоря об иллюзиях в области чувств, следует помнить, что может иметь место и переоценка своего чувства. Оно представляется иногда человеку более глубоким, более значительным, чем оно на самом деле является. Соответствующие жизненные обстоятельства, приведшие, например, к утрате того, кто казался таким близким и дорогим, порождают к собственному удивлению человека менее значительные переживания, менее значительные сдвиги в эмоциональной жизни и в его поведении, чем он сам этого ожидал.

4. ЧУВСТВА И ЯЗЫК

Часто говорят о том, что чувства нельзя по-настоящему выразить посредством слова. При этом ссылаются на встречающиеся в произведениях художественной литературы, в жизненной практике выражения такого рода: «Я не могу передать, какое чувство я испытывал, когда расстался со своим родным домом, я не могу передать весь трепет и волнение, которые меня охватили, когда я его (ее) увидел» и т. д.

Свое знаменитое, вызвавшее столько догадок «Письмо к бессмертной возлюбленной» Бетховен заканчивал так: «Теперь скорее от внешнего к внутреннему. Мы, правда, увидимся скоро, и сегодня я не могу тебе сообщить моих замечаний о моей жизни, сделанных в течение последних нескольких дней,—если б наши сердца всегда были бы тесно прижаты друг к другу, я бы их не делал. Грудь полна всем тем, что мне нужно тебе сказать, ах — *бывают мгновения, когда я чувствую, что язык бессилен*, — приободришься, — оставайся моим верным единственным сокровищем, — всем для меня, как я для тебя; остальное да ниспошлют нам боги!»². (Курсив мой. — П. Я.)

Говорят ли эти высказывания о том, что действительно чувство нельзя передать в словах, или же лишь о том,

¹ К. Д. Ушинский, Соч., т. 9, изд-во АПН РСФСР, 1949.

² А. Альшванг, Бетховен, Музгиз, 1952, стр. 240.

что иногда это является затруднительным? Речь идет о последнем.

Чувства, которые испытывают люди, возникают в процессе общения, в процессе совместной деятельности людей в самых различных областях жизни. Люди выражают посредством языка свои чувства, передают их другим людям, а также узнают об эмоциональном мире тех, с кем они общаются.

Говоря о чувствах и языке, надо различать два вопроса. Один — заключается в том, какое значение язык, слово имеют для выявления наших чувств. И другой — состоит в том, какое значение имеет язык для передачи наших чувств другим людям, чтобы они их поняли.

Мы можем встретиться со случаями, когда ребенок, подросток, юноша, девушка испытывают по отношению к существу другого пола или к старшему товарищу чувство, которое они недостаточно осознают. Как часто другие люди (члены семьи, воспитатели, друзья и т. п.), наблюдая за поведением, действиями или высказываниями ребенка, подростка, устанавливают значительно раньше его самого характер того чувства, которое он испытывает.

И вот процесс осознания чувства непременно предполагает его обозначение, название его соответствующим словом. Только в этом случае испытываемое чувство может быть осознано. Нет сомнения в том, что самый факт называния, отнесения смутного, еще неясного переживания к определенной категории чувств меняет в некоторой мере для самого человека это чувство, так как он на основании имеющегося у него знания о чувствах людей его соответствующим образом осмысливает.

У него появляется к этому чувству известное отношение — он радуется ему, оно внушает ему беспокойство и т. д. Когда, например, подросток осознает, что он влюблен, то это приводит к известному сдвигу в его эмоциональной жизни и поведении. У него появляется нечто новое и в отношении к объекту его чувства; он начинает смотреть на него новыми глазами, по-новому понимать сложившиеся между ними отношения. В его поведении может появиться стеснительность, застенчивость или, наоборот, нарочитая грубоватость и т. п., которых ранее не было.

Испытываемое чувство может быть обозначено чело-

веком более суммарно и более тонко, в зависимости от его опыта, знания эмоционального мира людей, почерпнутого из жизни и произведений художественной литературы.

Самый факт называния чувства, обозначения его фиксирует для человека те особенности и качества чувства, которые ему присущи. Дифференциация человеком своих чувств осуществляется при помощи слова и иными средствами осуществлена быть не может. Характер точности этой дифференциации определяется точностью и адекватностью тех слов, которыми пользуется для этой задачи человек.

Слово неотделимо от испытываемого человеком чувства потому, что дает возможность ему осмыслить само содержание и черты этого чувства.

Перейдем к вопросу о том, какое значение имеет язык для передачи наших чувств другим людям. Если мы хотим рассказать другим о тех чувствах, которые мы испытываем, то мы должны для этого прибегнуть к слову. Это не значит, что для другого человека наше чувство станет ясным лишь оттого, что мы сами о нем ему расскажем. Он будет судить о наших чувствах не на основании одних лишь слов, а на основании сопоставления слов с нашими реальными действиями и поступками. И это определит для него, в какой мере наши слова являются верными и передающими действительное положение вещей.

Но вместе с тем без слов, обозначающих соответствующие чувства, их особенности и черты, люди не могут рассказать о них. Так, слова человека «я взволнован», «я опечален», «я влюблен», «я стыжусь» могут хорошо передать те чувства, которые он в данный момент испытывает.

Справедливо говорит М. И. Калинин: «Самые пламенные чувства останутся неизвестными для людей, если они не будут ясно и точно оформлены в словах»¹.

Возможность фиксации чувств средствами языка чрезвычайно велика. Это не значит, что точное называние осуществляется легко. Надо уметь найти нужные для этого слова. Иногда это вызывает затруднения. По-

¹ М. И. Калинин, О коммунистическом воспитании, изд-во «Молодая гвардия», 1947, стр. 98.

могают этому те огромные возможности, которые заключены в самом языке. Изменение распорядка слов — инверсия — служит существенным средством для этой цели, равно как и пользование междометиями, словами, которыми связан определенный эмоциональный смысл, пользование суффиксами, которые придают словам ласкательный или какой-либо другой оттенок, и т. д.

Есть отчетливое различие в характере пользования языком для фиксации научных понятий и для фиксации чувств. Полнота конкретного чувства наиболее адекватно выявляется не в понятиях, как это свойственно мыслям, а в образах. Этим языком образов в совершенстве пользуется искусство. Именно потому, что искусство пользуется образными средствами, оно передает с такой силой и содержательностью чувства человека и оказывает такое сильное эмоциональное воздействие на людей.

Богатство лирической поэзии наилучшим образом свидетельствует о том, что самые неуловимые порывы души человека, самые тонкие стороны его чувств, самые интимные его переживания могут быть раскрыты в соответствующих словесных образах, в системе поэтических выражений.

Речь шла пока о том, каковы средства языка, служащие для передачи чувств, их содержания, особенностей их переживания другим людям. Но нами не была отмечена еще одна сторона слова, а именно — то необычайное богатство для передачи чувств, которое заключено в выразительности человеческой речи, в пользовании живым словом в процессе общения людей. Фонетическая сторона речи, интонация, темп, в котором произносятся слова, ударение, выделяющее нужное слово, повышение и понижение голоса, характер и длительность пауз, тембровая окраска слов и т. п. — все это служит тому, чтобы передать в словах наши чувства. Это уже новый и большой вопрос, который будет нами подробно освещен в 4-й главе («Выражение чувств»).

Наряду с художественной прозаической и поэтической речью, передающей нюансы и оттенки человеческих чувств, в процессе исторического развития человечества были созданы еще и другие средства для передачи чувств. Таким средством является портретная живопись. И. Н. Крамской писал: «Всякий неглупый человек...

очень хорошо знает, что есть вещи, которые слово выразить решительно не может. Он знает, что выражение лица именно приходит на выручку в такое время, иначе живопись не имела бы места. Если бы все можно сказать словом, то зачем тогда искусство, зачем музыка?»¹ Одним из наиболее сильных средств передачи чувств является музыка. Музыка, с одной стороны, передает особенности чувств и настроений, а с другой стороны, своим содержанием порождает соответствующие чувства у слушающих.

Очень выразительно об этом говорит композитор А. Н. Серов: «Музыка — непосредственный язык души... но душа в сфере ее эффектов волнуется более или менее всем, что совершается с человеком в его микрокосме, т. е. в нем самом, в его «я», и в природе, во внешнем мире. И в музыке, значит, может отражаться вся жизнь человеческая в той степени, как она «волнует» душу чувством печали, скорби и чувством отрады, со всеми бесконечными оттенками этих двух чувств». И далее: «Несравненно менее пластичная, менее определенная, чем поэзия словесная, несравненно более туманная, расплывчатая в своих очертаниях, менее точная, менее осязательная, но, с другой стороны, менее отвлеченная, менее рассудочная, менее символическая — музыка может выразить целый мир чувств и идей без посредства слова».

5. ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ЧУВСТВ КАК ПЕРЕЖИВАНИЙ. ДИНАМИКА ЧУВСТВ

Мы отметили выше, что чувство характеризуется тем, что предмет, на который направлено чувство, или принимается, или отвергается нами. Это сказывается и на характере нашего переживания чувства. Наши переживания всегда имеют определенную окраску, определенный эмоциональный тон. В общей форме эта окраска может быть характеризована как эмоционально положительная или эмоционально отрицательная окраска. Чувство включает в себя либо оттенки неудовольствия, неудовлетворения, угнетения, либо, наоборот, оттенки удовольствия, удовлетворения, подъема.

¹ И. Н. Крамской, Письмо Ф. А. Васильеву. Письма, т. 1, Изогиз, М., 1937, стр. 136—137.

В связи с тем что к одному и тому же предмету, явлению мы можем относиться положительно или отрицательно, принимать или отвергать его, мы можем говорить о противоположных парах чувств, присущих людям. Таковы: любовь — ненависть, уважение — презрение, радость — скорбь и т. д. Это свойство чувств именуется *полярностью*.

Следующей характеристикой чувства является его *сила*. В чувствах человека мы встречаемся наряду с различиями в самом содержании чувств также и с отчетливыми градациями в отношении их силы¹. Поэтому мы можем говорить о сильных или слабых чувствах, испытываемых человеком. Следует отметить, что различная сила чувства (идет ли речь о чувстве как переживании или как устойчивом эмоциональном отношении) закономерно зависит от того, насколько обстоятельства, приводящие к появлению чувства, имеют для человека важное значение. Речь может идти о значимости этих обстоятельств только в данный момент и в данной ситуации (и они могут оказаться, по существу, преходящим эпизодом в жизни человека), и речь может идти о таких обстоятельствах, которые имеют отношение к тем важным жизненным целям, которые человек ставит перед собой. И то и другое сказывается на особенностях чувств.

Однако то, что суммарно именуется силой чувства, обозначает два различных качества — силу переживания и глубину чувства — с точки зрения его значения для личности человека.

Когда мы говорим о сильном чувстве, то подразумеваем следующие характерные моменты. Чувство испытывается человеком как быстро нарастающее переживание, пронизывающее на определенный отрезок времени его помыслы, бросающее свой отблеск на всю его психическую деятельность. Бурно развивающееся увлечение, захватившее человека хотя бы на короткий срок,

¹ Смотри в приложении фотографии (рис. 18), показывающие градации в силе переживания. Нарастание страха, переходящего в ужас, показано на снимках (артист Синьоре). Снимки заимствованы из книги «La vie mentale», Paris, 1938. На photographиях (рис. 19, 20) показано сильное переживание напряжения, возникшего при выполнении трудных спортивных заданий (подъем штанги — спортсмен мастер спорта Н. Костылев; спринтерская велогонка, ведет заслуженный мастер спорта Р. Варгашкин).

является в этом смысле сильным чувством. Так, пушкинский Дон-Гуан, охваченный волнением, говорит о себе Лепорелло после того, как он добился свидания с Донной Анной: «Я счастлив, я петь готов, я рад весь мир обнять».

В этом отношении сильным чувством является всякое переживание, которое на определенный период времени захватывает сознание, составляя его доминирующее содержание. Прилив горячей нежности, беспокойство, не позволяющее ни о чем другом думать, представляют собой сильные чувства.

Но речь шла до сих пор только о характере переживания чувства безотносительно к тому, какое место само чувство занимает в личности человека. Возникает другой вопрос — о *глубине* чувства.

Глубокое чувство характеризуется прежде всего его значимостью для человека, а также его устойчивостью.

Так, негодование Пушкина по поводу оскорбительной для него клеветы Ф. И. Толстого о том, что якобы в 1820 году он был отвезен в секретную канцелярию и там высечен, с большой остротой проявлялось еще через много лет. Он дрожал от негодования при мысли, что стал жертвой гнусной сплетни.

«Я увидел себя опозоренным в общественном мнении, — читаем мы в черновом, не отправленном в 1825 г. письме Пушкина к Александру I. — Я, соображал, не следует ли мне застрелиться или убить В (ас)... Мой друг (вероятно, П. Я. Чаадаев. — П. Я.) советовал мне сделать попытку оправдаться перед властью. Я чувствовал бесполезность этого. Я решился тогда вкладывать столько неприличия и столько дерзости в свои речи и в свои писания, чтобы власть вынуждена была, наконец, отнестись ко мне, как к преступнику: ■ жаждал Сибири или крепости, как средства для восстановления чести»¹.

При глубоком, устойчивом положительно окрашенном чувстве ущерб, нанесенный предмету чувства, а тем более утрата его, вызывает большие изменения в самочувствии человека иногда на длительный срок.

Любовь советского человека к Родине, к тому делу, которое стало для него кровным, к своей семье является глубоким чувством. Она занимает большое место в

¹ Н. Л. Бродский, Пушкин. Биография, М., 1937, стр. 137—138.

личности человека, определяет его действия, подход к жизни. А вместе с тем такая глубокая любовь в обычной ситуации может и не выступать в форме яркого переживания. Глубина чувства может не соответствовать силе переживания.

В этой связи перед нами возникает необходимость проведения известного различия и между отдельными видами устойчивого эмоционального отношения. Это различие очень отчетливо раскрывается в противопоставлении таких понятий, как «привязанность» и «любовь», или таких понятий, как «привязанность» или «страсть» к чему-то.

Привязанность представляет собой такое эмоциональное отношение, которое характеризуется устойчивостью, занимает большое место в жизни личности, сказывается на ее действиях; но наличие ее в человеке не дает в обычных жизненных обстоятельствах ярких, острых переживаний. Это глубокое, но тихое чувство. И лишь в обстановке резко изменившихся условий (утрата того, к чему человек привязан) может возникнуть связанное с этим чувством сильное переживание.

Когда речь идет о любви, то подразумевается не только устойчивость эмоционального отношения, но и возникновение сильных переживаний в связи с этим чувством. Огромный прилив чувства радости в связи с победами Советской Армии во время Великой Отечественной войны, благодарность, испытываемая населением освобожденных районов, к бойцам и командирам Советской Армии, яркое переживание чувства гордости за Советскую отчизну — все это проявление глубокого чувства советского патриотизма, выражающегося в сильных переживаниях. Здесь чувство советского патриотизма выступает не просто как привязанность к родной земле, а как любовь к Советской отчизне.

Как самые устойчивые и глубокие, так и неглубокие, имеющие эпизодический характер чувства подвергаются изменениям при столкновении человека с различными обстоятельствами. Изменения окружающей жизни, обстановки, условий существования человека отражаются на его чувствах. Это приводит к их динамическим изменениям.

В случае возникновения таких обстоятельств, которые приводят к острому жизненному конфликту, дина-

мика чувства превращается в борьбу противоположных чувств.

Такую борьбу чувств испытывал А. А. Каренин (роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина»), который любил Анну и вместе с тем ненавидел ее.

Яркий патологический случай сочетания противоположных тенденций в одном чувстве приводит известный психолог и психиатр Жанэ в своей работе «Любовь и ненависть». Речь идет об одной женщине. В характере ее чувства было нечто болезненное. Это была нежная мать, которая вместе с тем мучила любимую дочь тем, что в присутствии гостей она в недопустимой форме насмеялась над нею и доводила ее до слез. Увидев эти слезы, мать бросалась к ней, нежная, расстроганная, полная сочувствия. На вопрос Жанэ по этому поводу она ответила: «Да, это точно, сцена происходит так, как вам описала моя дочь, через каждые восемь дней. Но подумайте, до чего привлекательна эта сцена: моей дочери это причиняет очень мало зла, она только немножко поплачет, а после этого я за ней ухаживаю и ее ласкаю. А что касается меня, то это дает мне так много»¹.

Здесь сложная динамика в развитии чувства — причинив дочери боль, мать, увидев ее слезы, испытывает прилив нежности к ней.

Когда речь заходит о динамике чувств, то надо помнить, что речь может идти об изменении чувства в самом процессе его живого переживания и о сдвигах в течении устойчивого чувства в процессе жизни человека. В первом случае речь идет о том, как изменение ситуации, вызвавшей данное переживание, влияет на его развитие, изменение или исчезновение. Во втором случае речь идет о том, как ход жизни человека, ее изменение влияют на характер и черты устойчивого чувства. Коснемся сперва первого вопроса.

Возникновение у человека в тот или другой момент какого-то вполне конкретного чувства определяется, как мы уже отмечали, характером той взаимосвязи, которая существует между человеком и окружающей его действительностью. Изменения в окружающей жизни порождают в нем, в зависимости от того, какие стороны лич-

¹ Pierre Janet, L'Amour et la Haine, Paris, Maloine, 1932, стр. 177 — 178.

ности они задевают, чувства определенного характера. Но вот происходят новые изменения в обстоятельствах жизни в данный момент. Они соответственно познаются человеком и оцениваются им. И все это приводит тут же к сдвигам в области чувств, к изменениям в содержании переживаемого чувства, в качествах его, в его эмоциональной окраске, в его интенсивности и т. д. Предположим, что человек узнал что-то новое о поведении своего товарища, об изменении отношения к нему других людей, о том, что его давнишняя мечта близка к осуществлению, и т. д.—все это вызывает сдвиги в содержании и характере его чувств. Разумеется, динамика чувств определяется как объективными изменениями, так и эмоциональным опытом человека и особенно значением для человека тех или иных чувств. И вот динамика чувства в процессе переживания, вызванная изменениями ситуации, будет различной в зависимости от того, имеем ли мы дело с глубоким или с эпизодическим чувством. Например, случайно возникший прилив нежности к незнакомому ребенку может быстро заглотнуть после сказанных им грубых слов. Чувство же нежности к собственному ребенку после сказанных им грубых слов может смениться острым огорчением, беспокойством о его воспитании, переживанием стыда и т. д.

Когда заходит речь о динамике чувства в процессе переживания, необходимо обратить внимание на следующую особенность. Чувство переживается человеком (о причинах, лежащих в основе этого явления, пока сказать трудно) с различной силой. В разные моменты имеют место известные «приливы» и «отливы» в силе переживания. Мы можем встретиться с тем, что сила чувства, напряжение, связанное с данным переживанием, нарастает и становится уже мучительным для человека. Такое переживание нуждается в разрядке. Не случайно говорят, например, что хорошо, когда человек мучительно переживающий большое горе, может, наконец, разразиться рыданиями—ему станет легче. Действительно, слезы человека при переживании большого страдания «переводят» чувство в новую, менее напряженную фазу, острота чувства как бы уменьшается.

Человек бурно переживает состояние влюбленности; напряжение в переживании нарастает, становится мучительным для него, и он невольно стремится поведать об

переживание
высказывалось
время—это зависело
ности) свое течение
актер. В этом смысле
ления В. Г. Белинского
Умерла Любовь
к которой он относился
реживая ее смерть, он
ду 15 августа 1836 г.

«Остатки завтра писано
ны—все это было для меня
значение. Вспомнил я много
было в 36 году. Вспомнил я
пел:

Вспомнил я этот момент
такое, глубокое Sehnsucht в
комнаты:

Да, много воспоминаний
ждает ее. Одно в них мучи
нуту вернуть прошедшее
а уже невозвратимо. Не у
Скоро полночь. Прощай! За
чтобы мое слово не охладил
нием ее святой тени»! (Ку

Динамика чувства
жания и характера во
живаний — от характер
ка, от строя его личнос
существо его эмоцион
мер. Человек, думая, в
своим другом, начинает
Но вдруг он начинае
ка очень болезненно в
стр. 634—635. Корнилов

испытываемом чувстве человеку, которому он мог бы довериться, чтобы в какой-то мере освободиться от напряжения в своих переживаниях.

Переживание чувства оттого, что оно выявляется, высказывается другому, меняет (по крайней мере на время — это зависит уже от значимости чувства для личности) свое течение, приобретает более спокойный характер. В этом отношении очень любопытны тонкие наблюдения В. Г. Белинского.

Умерла Любовь Александровна Бакунина, девушка, к которой он относился с очень большой теплотой. Переживая ее смерть, он пишет письмо ее брату Михаилу 15 августа 1838 г.

«... Отыщу завтра письмо твое, в котором есть приписка ее руки — все это было для меня святыней, но теперь получает большее значение. Вспомнил я многое — все разговоры со мною, все, что было в 36 году. Вспомнил я эти тонкие, посинелые уста, которые пели:

Не жилища я
На белом свету.

Вспомнил я этот грустный голос, в котором слышно было такое тихое, глубокое *Sehnsucht* и который, бывало, раздавался из круглой комнаты:

Полетела бы я до тебе,
Да крылец не маю,
Чахну, сохну — все горюю,
Всяк час умираю.

Да, много воспоминаний, но они не рвут души, а грустно улаживают ее. Одно в них мучительно: хотелось бы еще раз хоть на минуту возвратить прошедшее. Оно так живо, как будто вчера было, а уже невозвратно. Не умею высказать тебе моего ощущения...! Скоро полночь. Прощай! Завтра допишу и отошлю письмо... *Я боюсь, чтобы мое слово не охладило моего чувства. Это было бы оскорблением ее святой тени*¹. (Курсив мой. — П. Я.)

Динамика чувства также зависит и от самого содержания и характера возникающих и сменяющихся переживаний — от характера эмоционального опыта человека, от строя его личности, получающего проявление в существе его эмоциональных реакций. Приведем пример. Человек, веселясь, решил слегка подшутить над своим другом, думая, что и тому будет от этого весело. Но вдруг он начинает понимать, что придуманная шутка очень болезненно воспринята его другом. И его ве-

¹ А. А. Корнилов, Молодые годы Михаила Бакунина, стр. 694—695.

селье сменяется иными чувствами. И вот это новое переживание в зависимости от характера жизненных установок, нравственных убеждений, значимости и характера моральных чувств, присущих этому человеку, может оказаться переживанием разочарования, что шутка не была понята, переживанием беспокойства, что друг ему не простит этого, чувством огорчения, что он мог так необдуманно причинить ему обиду, и, наконец, переживанием глубокого стыда и раскаяния, что он совершил плохой поступок, так нелепо пошутив.

Изменение в ситуации, воспринимаемое и осмысляемое человеком, имеющим определенный склад личности (с его подходом к жизни, убеждениями, моральным опытом), приводит к тому, что наступающее изменение в испытываемых чувствах приобретает определенное направление. Как мы уже отмечали, содержание чувств человека и их характер прежде всего определяются той объективной действительностью, которую они отражают. Но личность человека с особенностями ее склада уже в смысле вторичного определяющего момента влияет при этом на конкретное содержание возникающих чувств. Осознание характера происшедших изменений в окружающем, порождающее в человеке соответствующую эмоциональную реакцию, может вызвать к жизни, в зависимости от характера его моральных установок и нравственного опыта, и чувство озлобленности и, наоборот, чувство стыда и раскаяния.

Приведем один эпизод из жизни суворовцев. Речь идет о суворовце Воронове, о котором капитану Незлобину сообщили, что он списывал решение задачи.

— Чем вы занимались сейчас, суворовец Воронов? — спросил капитан.

— Задачи по алгебре решал, — медленно ответил Володя.

— Сами решали или списывали?

— Сам... — это было сказано робко и неуверенно.

— Что же, я верю вам, Воронов. Раз не списывали, так не списывали. Как же я могу суворовцу не верить? — Можете идти.

Володя стоял и напряженно думал: «Как же я посмел обмануть капитана? Родных я никогда не обманывал, а капитана обманул, как я теперь в глаза ему буду смотреть после этого? Но обиднее всего то, что капитан мне поверил. Что теперь делать, пойти извиниться?..»

На самоподготовке капитан Незлобин обратил внимание, что Воронов раскрыл учебник, но не читает, ■ только смотрит в него. А Володя размышлял:

«Как я посмел, как осмелился это сделать? Чем же сумею иску-

пить свою вину? Буду учиться лучше, только пятерки получать буду». Он чувствовал, что вот-вот расплачется, что дальше так нельзя оставаться...

Вечером после отбоя капитан прошел ■ офицерскую... За дверью слышались робкие, неуверенные шаги... Раскрыв ее, он увидел Воронова.

— Я к вам, товарищ капитан. Разрешите обратиться?

— Да, что случилось, Воронов?

— Не могу ■ больше, стыдно мне, товарищ капитан, я обманул вас, сказал, что не списывал задачи, ■ сам списывал, и вы поверили мне. Поэтому еще стыднее. Простите меня, товарищ капитан, а списывать и врать ■ больше никогда не буду. Честное суворовское, не буду.

— Что же, Воронов, больше не списывайте заданий, трудитесь сами. А что сами пришли — это очень хорошо. Теперь я еще больше вам верить буду, чем раньше...

Володя по коридору уже не шел, а бежал.

Как Володе хотелось сейчас, вот сию же минуту, поделиться со своими товарищами радостью, какое это счастье, когда люди в тебя верят, что ты способен на хорошие дела, достойные славного звания суворовца¹.

В данном случае списывание первоначально не вызвало особых переживаний у подростка, оно представлялось ему делом дозволенным. Но вот ситуация меняется, его спрашивают, списывал он или нет. Володя отвечает, что нет. Незлобин ему поверил. Это отношение к нему еще больше меняет ситуацию. Володя солгал, а ему говорят, что верят его правдивости. И именно потому, что у него было развито чувство правдивости, его ложь вызывает в нем чувство стыда, и его собственный поступок, который казался ему дозволенным, переживается им как поступок постыдный.

Приведем еще несколько примеров динамики переживаний. Ученик пишет в дневнике: «Сегодня ездил на лыжах. Заехали в лес. Я отбил от ребят и остался один. Вечерело, и я не знал, куда идти. Чем больше я верил, что заблудился, тем больше мной овладевала растерянность. Я стал торопиться, бесцельно метался из стороны в сторону, оборвалось крепление, я злился и никак не мог его поправить. Сел в отчаянии на лыжи и чуть не заплакал. Было досадно на ребят и жалко самого себя... Вспомнились рассказы учителя географии об охотниках в лесу, а самое главное, вспомнил, что в трудные минуты не надо терять присутствие духа... Начал делать обдуманно. Стал спокойно исправ-

¹ М. Добрынин, Рассказы о суворовцах, Воениздат, 1951.

лять крепление. Дело пошло лучше. Я от удовольствия даже рассмеялся»¹. Здесь чувства изменились в результате собственного решения делать обдуманно и последовавшего за этим успеха.

Мы привели несколько примеров, показывающих динамику чувств человека. Изменение ситуации, которая породила первоначальную реакцию у человека, приводит к изменению его чувства соответственно новым обстоятельствам. В динамике чувства выявляется процесс отражения человеком в эмоциональной сфере тех изменений в окружающей действительности, которые его затрагивают². Самый факт изменения переживаний в процессе меняющихся жизненных обстоятельств является свидетельством того процесса взаимодействия с окружающей средой, того уравнивания с нею, о котором говорит И. П. Павлов: «Не нужно большого воображения,— писал он,— чтобы сразу увидеть, какое прямо неисчислимое множество условных рефлексов постоянно практикуется сложнейшей системой человека, поставленной часто в широчайшей не только общеприродной, но и в специально социальной среде в крайнем ее масштабе до степени всего человечества»³.

Но динамика чувств различна у разных людей. Это различие зависит, с одной стороны, от характера познаваемых ими изменений объективных обстоятельств, а с другой стороны, от характера их отношения к этим изменениям. Соответствующее новое событие может повергнуть одних в состояние растерянности, у других вызвать раздражение и злость, может породить чувство

¹ Н. С. Лукин, Роль семьи в формировании выдержки ребенка, журн. «Семья и школа», 1951, № 5.

² См. в приложении серию фотографий Маши Сизовой. Эти фотографии выявляют динамику переживаний, раскрывают, как конкретные изменения в жизненной ситуации получают отражение в сфере чувств (рис. 1—16).

На фотографиях — рис. 21—24 — раскрывается, как изменение ситуации, связанной с переменой взаимоотношений между детьми, сказывается на динамике их переживаний.

Фотографии — рис. 25—28 — показывают, как изменения в ситуации вызывают изменения в переживаниях у юных зрителей — школьников 3—4 классов, когда они смотрят в Центральном Детском театре пьесу «Снежная королева» (инсценированную Шварцем сказку Андерсена). На фотографиях зафиксированы переживания детей при восприятии ими хода событий пьесы в первом акте.

³ И. П. Павлов, Полн. собр. соч., т. III, ч. 2, 1951, стр. 325.

удовлетворения, что цель достигнута, или чувство стыда, что она достигнута благодаря несчастью другого человека, и т. д. Такое содержание чувств зависит от того, какого рода нравственные принципы и положения о поведении личности в обществе, известные человеку, превратились для него в убеждения и руководство для оценок и действий. Зависит это и от того, какой характер имеют те устойчивые чувства, которые сформировались у него в результате воспитания и жизненной практики и которые проявились в его эмоциональных реакциях на происходящее. Самый же масштаб эмоциональных реакций, т. е. сила волнения или растерянности, радости или отчаяния и т. д., у человека зависит от ряда моментов. Существенное значение имеет то, в какой мере данное изменение глубоко затрагивает человека, область его нравственных убеждений и его мировоззрения.

Сила эмоциональных реакций зависит также и от типа высшей нервной деятельности, который ему присущ. Правда, при этом нельзя забывать слова И. П. Павлова: «Образ поведения человека и животного,— пишет он,— обусловлен не только прирожденными свойствами нервной системы, но и теми влияниями, которые падали и постоянно падают на организм во время его индивидуального существования, т. е. зависит от постоянного воспитания или обучения в самом широком смысле этих слов»¹. Однако различия в сформировавшихся типах нервной системы накладывают свой отпечаток на силу эмоциональной реакции человека, являются моментом, влияющим на особенности переживаний чувств.

Коснемся еще одного вопроса, имеющего отношение к динамике чувств, а именно — вопроса о том, какое значение имеет повторение переживания чувства, относящегося к одному и тому же объекту, для интенсивности самого переживания этого чувства. Очень верно по этому поводу пишет Г. А. Фортунатов: «При многократном переживании чувства в форме эмоционального процесса оно, действительно, может превратиться в устойчивую склонность к соответствующим переживаниям... Переживания глубокого волнения и восхищения от слушания хорошей музыки в дошкольном возрасте могут

¹ И. П. Павлов, Полн. собр. соч., т. III, ч. 2, стр. 269.

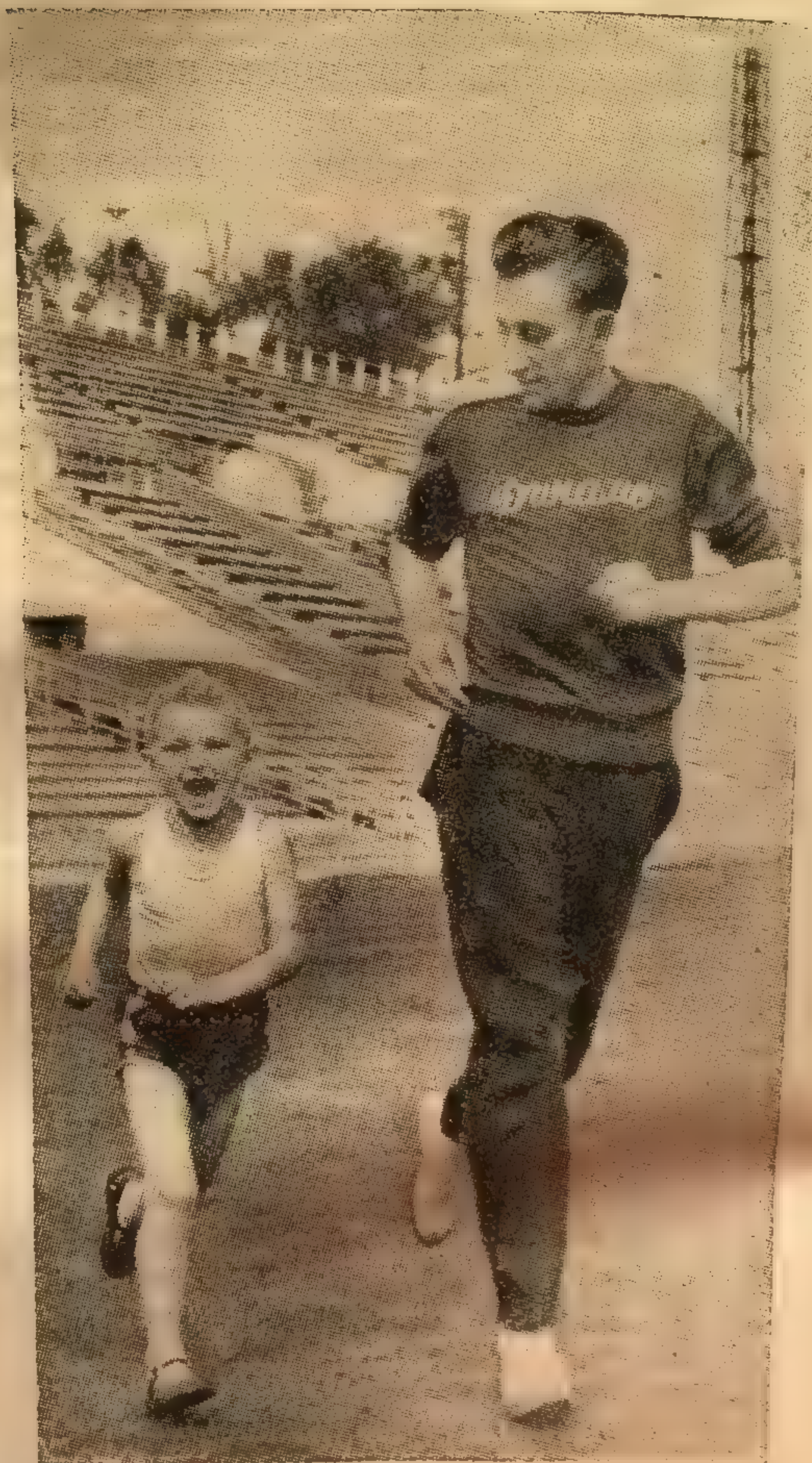

Рис. 1. Изменение чувств при изменении жизненных обстоятельств. Сын заслуженного мастера спорта Владимира Казанцева Андрей (5 лет) испытывает сильнейшее напряжение во время тренировочного бега с отцом (фото Р. Федорова)

Рис. 2. Андрей радуется

оторчалось, вызывая
смутило... Строгий
воспитательницы
стает переживать
страшное¹.
Эти две разли
рактора пережива
ния этих пережи
повторное появле
¹ Г. А. Форд
«Детское во

зафиксироваться в сильнейшее чувство и определить музыкальное развитие личности... В значительном количестве случаев, однако, выступает иная закономерность. Частое повторение эмоции, вызываемой определенным объектом, ведет к ослаблению чувств. То, что волновало, постепенно перестает волновать... Происходит то, что называется *эмоциональной адаптацией* — привыканием, которое влечет за собой понижение впечатлительности, равнодушие к тому, что недавно радовало или

Рис. 2. Андрей радуется похвале отца за хорошо проведенный бег

огорчало, вызывало восхищение или страх, удивляло, смущало... Строгие замечания или возмущенные упреки воспитательницы при частом повторении обычно перестают переживаться шалуном как что-то позорное или страшное»¹.

Эти две различные закономерности в изменении характера переживания чувств в зависимости от повторения этих переживаний объясняются следующим: если повторное появление объекта, порождающее известное

¹ Г. А. Фортунатов, О чувствах и их развитии, журн. «Дошкольное воспитание», 1946, № 1, стр. 27.

переживание, не вносит ничего нового, не включает в себя никаких новых моментов, могущих повлиять на эмоциональную реакцию, то она от каждого повторного появления объекта в силу приспособления к объекту становится слабее и слабее.

Если же повторное появление объекта, вызывавшее определенное переживание, несет в себе элементы нового, то оно не только видоизменяет эмоциональную реакцию, но придает ей в силу уже образовавшегося эмоционального опыта в этом отношении большую прочность и углубленность.

В этой связи необходимо коснуться еще одной проблемы. Мы отмечали уже, что человек может испытывать чувства, которые имеют для него эпизодический характер, и чувства глубокие, связанные с существенными устремлениями личности. Динамика этих чувств имеет различный характер. Чувства, которые связаны со значительными интересами, запросами, потребностями личности, характеризуются известными особенностями в их динамике. Эти чувства всегда связаны с нашими побуждениями, со стремлением добиться желаемого.

Когда мы говорили, что чувство обязательно направлено на известный объект, то подразумевалось не только то, что чувство есть чувство к чему-то: любовь к кому-то, преданность чему-то, негодование на что-то и т. д. Подразумевалось еще и то, что в чувстве может быть известная неудовлетворенность, стремление к осуществлению конечной цели чувства: при чувстве любви — быть любимым, при ненависти — нанести урон объекту ненависти, при преданности — проявить ее в делах и т. д. Чувство не мимолетное, а имеющее корни в личности, всегда включает в себе тенденцию добиться осуществления того желаемого, что вызывается объектом, на который оно направлено. Но, когда желаемое осуществляется, когда исчезает почва для неудовлетворенности, наступает на известный отрезок времени некоторая успокоенность, чувство меняется и теряет известные качества, ранее ему присущие. Из бурного, пылко оно становится спокойным, из всеобъемлющего, подчиняющего себе известный момент другие эмоциональные побуждения человека, превращается в такое, которое занимает равное место среди других эмоциональных отношений личности. Так, пылкая влюбленность переходит со

временем в спокойную любовь, в привязанность; ненависть — в антипатию, безразличие и т. д. Рядом с этими чувствами занимают все большее место другие виды эмоциональных отношений человека к окружающему.

Чувство в характере его переживания становится спокойнее, а в процессе его повторения «привычным» для человека. Значит ли, что оно угасает? Нет, это зависит и от характера чувства, и от характера тех повторных воздействий действительности, которые человек получает в связи с предметом своего чувства. Если в предмете чувства открываются некоторые новые стороны, связанные или с его изменениями, или с изменением жизненной ситуации, в которой он воспринимается, то чувство получает почву для своего продолжения. Поэтому мы можем встретиться с чувствами, которые долгое время продолжают сохранять силу своей теплоты и устремленности к объекту чувства. Это определяется природой самого чувства и тем, с какого рода устремлениями личности (эгоистическими или неэгоистическими) оно связано.

Вот письмо матери Михаила Бакунина к сыну после того, как он причинил родителям большие огорчения (14 апреля 1836 г.):

«Я не в состоянии была долго тебе писать. Слишком много было на сердце. Упреков тебе не стану делать; но ежели тебе не совсем еще чужды чувства и обязанности сына к родителям и любовь родителей, которые все счастье свое в любви детей находили, то ты сам себе сознаешься, что ты перед нами виноват... Но бог с тобою. Я тебе все прощаю. *Не любить тебя я не могу.* Чувство это сопряжено с жизнью моею, и каков бы против меня ни был, тебе всегда путь к сердцу моему открыт. Благословляю тебя и обнимаю. Варвара Бакунина»¹.

Положение о том, что чувство может не стать «привычным», не утратить силу своей устремленности, несмотря на время, изменения жизненных обстоятельств, получает убедительное подтверждение в фактах, которые характеризуют любовь Н. Г. Чернышевского к своей жене Ольге Сократовне. Эту любовь он пронес через всю свою жизнь.

¹ А. А. Корнилов, Молодые годы Михаила Бакунина, стр. 216.

В 1855 г. Н. Г. Чернышевский, очень сдержанный и внешне суровый человек, в авторецензии на свою диссертацию «Эстетические отношения искусства к действительности» писал: «Страсть, по преимуществу, любовь, какая описывается в сотнях трескучих романов, теряет свою романтическую бурливость, как скоро препятствия отстранены и любящая чета соединилась браком; значит ли это, что муж и жена любят друг друга менее сильно, нежели в бурный период, когда их соединению мешали препятствия? Вовсе нет; каждому известно, что если муж и жена живут согласно и счастливо, то взаимная привязанность их усиливается с каждым годом и, наконец, достигает такого развития, что они буквально «не могут жить друг без друга», *каждый из них находит все свое счастье только в счастье другого*, и если одному из них случается умереть, то для другого жизнь навеки теряет всю свою прелесть, теряет в буквальном смысле слова, а не только на словах. А между тем эта чрезвычайно сильная любовь действительно не представляет ничего бурного»¹.

Эти слова могли бы показаться лишь абстрактным рассуждением о любви, если бы они не были подтверждены всей его жизнью.

Такая любовь, когда человек находит «счастье в счастье другого», и была наиболее существенной особенностью чувства Н. Г. Чернышевского к жене. Не сохранились письма Чернышевского к жене и период их совместной жизни до его ссылки. Но зато сохранились письма его к жене за долгий период с 1862 по 1889 год (год его смерти). Приведем отрывки из них.

12 октября 1862 г., № 427

«...И опять я думаю: как бы не показалось тебе, что мне не сильно хотелось бы поскорее увидаться с тобою,— да нет, как же это можно, тебе это не должно показаться, ведь у меня только радости на свете, что ты...»

2 октября 1866 г., № 471

«Благодарю тебя, моя радость, за то, что ты приезжала повидаться со мной. Теперь я спокоен за твое здоровье, которым дорожу больше всего на свете. Благодарю, благодарю, тебя, моя милая голубочка...»

¹ Н. Г. Чернышевский. Статьи по эстетике. Соцэкгиз, 1938, стр. 228.

29 апреля 1870 г., № 482

«... Крепко, крепко обнимаю тебя, радость моя... В эти долгие годы не было, как и не будет никогда, ни одного часа, ■ который бы не давала мне силу мысль о тебе. Прости человека, наделавшего много тяжелых страданий тебе, но преданного тебе безгранично, мой милый друг».

2 декабря 1872 г., № 502

«... С той минуты, как я в первый раз увидел тебя, мой милый друг, не было в моей жизни ни одной минуты, я могу смело сказать тебе, которая прошла бы без мысли о тебе; ты сама знаешь это; только потому я не опасаюсь писать уверение, которое слишком немногими мужьями может быть высказываемо женам по правде, совершенно чуждой всякого преувеличения, как высказывается тебе мной...»

А. Н. Пыпину, 28 марта 1875 г., № 550

«... Я много раз делал попытки убедить ее отречься от меня. Много раз. Однажды разорвал всякие мои сношения с нею. И держался этого целый год. Ее здоровье расстроилось от моего молчания. Как быть? Я возобновил переписку с нею... Она несравненно дороже для меня, чем даже наши с нею дети; мысль о ее пользе была для меня главной...»

А. Н. Пыпину, 25 февраля 1878 г., № 650

«Итак, мой милый: хотя бы у нас с Ольгой Сократовною было и десять человек детей, обо всех десяти я думал бы гораздо меньше, чем о ней...»

24 апреля 1878 г., № 671

Дружочек мой, разумеется, я люблю детей. Но извини меня, моя милая голубочка ...в моем сердце очень мало места для личной любви к кому-нибудь, кроме тебя: все занято тобой, мое сердце... Дружок мой, извини меня: я люблю лишь тебя. Кроме любви к тебе, личных привязанностей у меня нет с того времени, как я познакомился с тобою. Когда-нибудь я поговорю о моем странном — действительно странном — чувстве моем к тебе — вот посмейся: поговорю с ученой точки зрения».

27 июля 1879 г., № 691

«Ты, мой милый дружочек, единственная жизненная моя мысль. О детях нечего мне думать много. Они, сколько я могу разобрать по их письмам, живут беззаботно и счастливо. Но о тебе не могу не думать постоянно, постоянно, непрерывно. С той поры, как мы познакомились, дышать и думать о тебе стало для меня одно и то же».

10 мая 1883 г., № 810

«... И вот удалось мне хоть в этот раз избавить тебя, моя милая голубочка, от чтения моих размышлений о тебе. Не порицай меня, моя красавица, за то, что я постоянно наскучиваю тебе ими... А писать тебе — о чем же мне, как не о тебе? Других мыслей у меня нет. Кроме мыслей не индивидуального человека, а ученого или, точнее сказать, мыслителя, забывающего все личное в исследовании истины... Каково идет твоя жизнь, моя голубочка, — это непрерывная моя дума по целым месяцам...»

30 августа 1884 г., № 883 (после переезда Ольги Сократовны в Астрахань, где находился Чернышевский)

«Каково-то путешествуешь ты, моя милая радость? Нечего и говорить о том, успел ли и стосковаться о тебе, мой дружок. Вчера несколько раз навертывались слезы. Навертываются и теперь. Любить тебя, мой друг, действительно люблю; но держать себя так, как желал бы, не умею...»

14 июня 1888 г., № 1151

«Милая моя голубочка, единственная моя радость, единственная привязанность в жизни, прошу тебя, лечись хорошенько...»

7 июля 1888 г., 1167

«Если бы я не встретился с тобою, мой милый друг, и если бы ты не нашла, что можешь положиться на мою преданность тебе, моя жизнь была бы тусклой и бездейственной, какой была до встречи с тобою... Без твоей дружбы я не напечатал бы ни одной строки; только лежал бы и читал бы, не излагал на бумаге того, что считал честным и полезным. Твои качества поддерживали мою веру в разумность и благородность людей; не подкрепляемый твоей личной разумностью и честностью, я не считал бы людей способными держать себя, как велит разум и честность; потому ~~не~~ имел бы охоты писать для их пользы (как не писал до знакомства с тобою)... Будь здоровенькая, моя миленькая радость, Лялечка. Крепко обнимаю, тысяча, тысячи раз целую тебя...

Твой Н. Ч.»¹.

Эти факты из жизни Н. Г. Чернышевского свидетельствуют о том, что чувство к другому человеку может совсем не утратить силы, не стать «привычным» в том случае, когда оно отвечает самым лучшим и благородным запросам личности. В этом смысле обоснованы слова Ф. П. Гааза, замечательного человека, посвятившего свою жизнь в качестве тюремного доктора помощи ссыльным.

«Я, кажется, уже неоднократно высказывал вам свою мысль,— писал он своему воспитаннику Норшину,— что самый верный путь к счастью — не в желании *быть счастливым*, а в том, чтобы делать других счастливыми. Для этого нужно внимать нуждам людей, заботиться о них, не бояться труда, помогая им советом и делом, словом, *любить их*, причем, чем чаще проявлять эту любовь, тем сильнее она будет становиться, подобно тому, как сила магнита сохраняется и увеличивается от того, что он непрерывно находится в действии»².

Но если в объекте чувства не открываются новые стороны, связанные с его изменениями или с изменения-

¹ Н. Г. Чернышевский, Сочинения, т. XIV, стр. 458, 491, 500, 523—524, 601; т. XV, стр. 146, 299, 309—400, 472, 679, 700—701.

² А. Ф. Кони, Федор Петрович Гааз, Спб., 1897, стр. 139.

ми жизненной ситуации, в которой он воспринимается, если не происходят сдвиги в душевном мире самого человека, испытывающего чувство, и позволяющие ему в объекте увидеть какие-то новые стороны, поддерживающие устремленность его чувства, то чувство не получает почвы для своего продолжения, наступает его «притупление» и оно угасает.

При этом в зависимости от того, с какого рода запросами личности было связано это чувство, какие стороны духовного порядка открывались в объекте чувства, каковы качества самого человека, чувство может подвергнуться изменениям различного характера: любовь, ненависть, дружба и т. д. могут перейти в безразличие, в отчужденность или в дружескую близость.

Изменения, которые происходят в человеке: его развитие, его возросший опыт и сознательность, новые воздействия действительности, которые он воспринимает, новые запросы к себе и к окружающим, сдвиги в его отношениях с людьми и так далее — все это влияет на формирование, на характер и отдельные черты того или другого устойчивого чувства.

Еще И. М. Сеченов в своей работе «Рефлексы головного мозга» на примере с развитием ребенка, превращающегося в юношу, показывал, как может выработаться устойчивое отрицательное эмоциональное отношение к пороку.

«В основе нашего страстного поклонения добродетелям и отвращения от порока, — пишет И. М. Сеченов, — лежит не что иное, как чрезвычайно многочисленный ряд психических рефлексов, где страстность с яркой краски какой-нибудь вещи переходила на яркую мантию рыцаря на картине, отсюда переносилась на себя в рыцарском костюме, переходила потом с конкретного впечатления то к частному представлению, т. е. свойству рыцаря, то к конкретному образу в новых формах и, покинувши, наконец, рыцарскую оболочку, перешла на подобные же свойства то в мужике, то в солдате, то в чиновнике, то в генерале»¹.

Динамика чувства в процессе жизни человека отчетливо выступает в таких устойчивых чувствах, как любовь к Советской Родине, чувство дружбы и т. д. Эти

¹ И. М. Сеченов, Рефлексы головного мозга, изд-во АН СССР, 1942, стр. 126.

чувства проходят в своем развитии сложную и длительную эволюцию. Попробуем наметить основные моменты в развитии чувства советского патриотизма.

Уже с детства ребенок получает впечатления об окружающем. Эти впечатления вызывают у него положительные эмоциональные реакции. Так, например, он слышит и сам поет советские песни о Родине, воспринимает картины, изображающие жизнь советских людей, слушает и сам читает стихи о родной природе и т. д. Постепенно у него формируется привязанность к родному дому и к родным местам, к школе, где он учится, к коллективу товарищей и т. д. Все эти впечатления, вызвавшие положительную эмоциональную реакцию, начинают им постепенно объединяться — они связываются с понятием «Родина». Понятие «Родина», которое он усваивает, выступало для него преимущественно в конкретных впечатлениях, которые он получал. Теперь же его отдельные эмоциональные реакции начинают уже связываться, объединяться, превращаться в эмоциональное отношение к тому, что именуется Родиной.

В процессе роста школьника, углубления его познания действительности происходит дальнейшее развитие его эмоционального отношения к Родине. Это связано с ростом знаний школьника о Родине. Он узнает на уроках от учителей, из прочитанных книг о размерах Советской страны, о народах, которые ее населяют, об их дружбе. Он узнает о прошлом и настоящем страны, о ее культуре, о людях, которыми гордится народ.

Оценка окружающими действий и поступков советских людей, преданных Советской родине, еще полнее раскрывает перед ним значение и смысл понятия «Родина». К тому же он и сам непосредственно наблюдает деятельность окружающих его людей на благо Советской родины. У него вырабатывается оценка того, что хорошо и что плохо для Отчизны. Он начинает уважать тех людей, которые честно служат своей стране и своему народу. Подвиги советских людей вызывают у него восхищение и желание самому трудиться на благо Родины, быть похожим на таких людей, как Корчагин, Мересьев и другие. Понятие «Советская родина» становится богаче и глубже. С ним связаны уже не только отдельные конкретные впечатления от окружающего, но и представления о прошлом Советской страны, о людях,

которые боролись за нашу радостную жизнь, за счастье трудящихся и т. д.

Мы видим, что устойчивое эмоциональное отношение советского человека к своей Родине обогащается в различных отношениях. Эмоциональные реакции, вызываемые тем, что видит, осознает человек с детства, все прочнее связываются в единство, прямо и непосредственно относящееся к идее советского патриотизма.

Конечно, в дальнейшем само понятие «Родина» и чувство любви к Советской родине растут под влиянием многих других факторов и главным образом под влиянием того, что человек усваивает марксистско-ленинское мировоззрение, нормы коммунистической морали. Это заставляет его отчетливо понимать, какое огромное влияние оказывает наша страна на исторические судьбы всего человечества.

Устойчивое чувство любви к Советской родине становится, таким образом, по мере развития человека все более обобщенным и принципиальным, связанным с его мировоззрением, становится *действенным чувством*, определяющим его поведение и поступки.

Конечно, то, что нами было отмечено, представляет собой лишь схематическое описание тех изменений, которые происходят в чувстве любви к Советской родине в процессе жизненного роста советского человека. Формирование этого сложного чувства предполагает образование у человека многообразнейших форм связей с окружающей его социальной действительностью. Оно связано с образованием устойчивых реакций на соответствующие явления окружающей действительности.

Видоизменяются и развиваются и все другие чувства человека. Так, изменяется и в процессе жизни человека чувство его дружбы к товарищу, сложившееся в детские годы, происходят изменения в характере привязанности человека к избранной профессии, в отношении к различным видам деятельности, меняется и развивается чувство любви между мужчиной и женщиной.

Те психологически глубокие описания, которые дали классики литературы (например, Л. Н. Толстой, характеризуя любовь героев своих произведений — Пьера к Наташе, Левина к Кити, Анны к Вронскому), так же как письма, записи в дневниках, отчетливо вскрывают динамику чувства любви в процессе жизни человека.

Первоначальный этап чувства мужчины к женщине и женщины к мужчине большей частью характеризуется тем, что можно назвать любовью-влюбленностью.

Человек испытывает большой подъем, его мысли и побуждения невольно направлены на объект чувства. Он мечтает о том, чтобы быть все время вместе с объектом своего чувства, он исполнен к нему нежности и теплоты. При виде его он испытывает волнение и радость, хочет проявить свое внимание, преданность. Он остро испытывает нежность и теплоту к другому, любит его физическим и духовным обликом.

Меняется в это время его ощущение жизни. Он по-иному воспринимает окружающее — поступки людей, их отношение друг к другу и к нему. Многие вещи теряют для него свою былую привлекательность или, наоборот, приобретают новый смысл. Он становится восприимчивее к природе, к созданиям искусства, легче поддается добрым порывам, делается мягче и внимательнее к окружающим.

Вот юноша Михаил Бакунин пишет своим сестрам о чувстве влюбленности, которое он испытывает к своей кузине Марии Воейковой. Он предупреждает, что будет говорить «об особе, которая наполняет собою все мое сердце и милый образ которой не покидает меня никогда. Я буду вам говорить о моей кузине Марии Воейковой, о которой я вам столько раз говорил и о которой я не могу не говорить, беседуя с вами о себе,— до такой степени ее образ привязан ко всякой минуте моей жизни, ко всякому моему занятию, ко всякому моему действию.

Сегодня она уехала, и Петербург, еще недавно такой шумный, сделался пустыней... А я должен был остаться. Чего бы не отдал я, чтоб иметь возможность следовать за нею!..»

Речь идет, по существу, только о юношеском увлечении, не очень глубоком, но все же и оно внесло большое изменение во внутренний мир Бакунина.

Через пять лет он пишет отцу:

«Это чувство, хотя и призрачное, хотя и совершенно детское, было первым решительным пробуждением моей духовности. Оно возобновило меня, очистив душу мою от ржавчины, покрывшей ее во время моего пребывания в артиллерийском училище... Я, до тех пор ленившийся,

до тех пор не заботившийся о своей будущности, я решился работать над собою, переделать себя»¹.

Мы встречаемся и с гораздо более сильным чувством любви-влюбленности, которое на известный период может целиком захватить человека, определять его действия, его нравственное существо.

Тереза Брунsvик, большая почитательница и друг Бетховена, пишет своим сестрам по поводу своего чувства к одному военному:

«Это чувство, руководящее малейшим из моих поступков, это чувство внутреннего довольства, которое делает меня безразличной ко всему, что не оно, это глубокое беспокойство, этот страх, этот восторг, эти неизъяснимые движения души, это полное преобразование всего моего нравственного существа... Я иначе понимаю, я иначе вижу, все представляется мне в более возвышенном освещении, более ясном, как будто повязка снята у меня с глаз... Я живу новою жизнью... И ■ плачу от счастья, которое меня наполняет...» (февраль 1805 г.)².

Такое чувство может не только изменить во время его переживания нравственное сознание человека, сделать его благороднее, но ■ дать ему силу отречься от собственного счастья во имя благополучия любимого человека. Чувство любви дает способность проникать в мир мыслей ■ чувств любимого существа. О таких значительных переживаниях пишет Р. Вагнер ■ своем дневнике. Он стал его вести, когда понял, что несмотря на большое чувство любви, которое он и Матильда Везендонк испытывали друг к другу, они должны расстаться:

Восемнадцатое сентября (1858 г.)

«Ровно год тому назад я закончил текст «Тристана» и принес тебе рукопись последнего акта. Когда мы подошли к дивану, ты обняла меня и сказала: «Теперь все мои желания исполнились!»

В тот день, в тот час я воскрес для новой жизни... Действительною жизнью я жил в то дивное мгновение. И знаешь ли ты, как я использовал это мгновение? Без пафоса, без бури, без всякого испуга, торжественно и проникновенно... Мною овладел священный покой. Женщина прекрасная, скромная, трепетная мужественно бросилась ■ море мучений и страданий, чтобы дать мне это дивное мгновение, чтобы сказать мне: я люблю тебя!... На нас обрушились обстоятельства, обрушились страдания... Любовь моя к тебе никогда, даже ■ наиболее страшные минуты, не теряла своего аромата, своего душистого очарования. Вся горечь исчезла для меня. Я заблуж-

¹ А. А. Корнилов, Молодые годы Михаила Бакунина, стр. 49—50.

² Ромэн Роллан, Собр. соч., т. XV, Бетховен. Приложения, изд-во «Время», Л., 1933, стр. 367.

дался, страдал, терзался, но все было ясно. Я хорошо сознавал, что твоя любовь — самое высокое в моей жизни...»

Тридцать первое октября, вечером (1858 г.)

«...Невыразимое горе и печаль породили раздвоение в моей душе, в самой ее глубине. Я получил твое послание, твой дневник, прочел твой ответ. Неужели ты, в самом деле, не знаешь, что я живу только тобою? Разве ты не поверила моим словам, когда я недавно сказал тебе это?.. Не брани же меня: я такой же, как и ты, и ощущаю так же, как и ты, разделяю все твои настроения, твою тончайшую скорбь — не только потому, что все это — твое, но и потому, что ясно и убежденно чувствую все это, как нечто мое. Помнишь нашу переписку, когда я жил в Париже? Нами овладела печаль в одну и ту же минуту, когда, как бы объятые вдохновением, мы должны были открыть друг другу наши планы?.. Мы не созданы для того, чтобы покорить себе этот мир. О мой милый, чистый ангел!.. Какие жуткие дни мне пришлось пережить!.. Сегодня я не могу тебя утешать: и сам так беден, печален, разбит... И как исцелить тебя? Слезы текут из моих глаз... Но помогут ли они тебе?.. Это то единственное блаженство, которое я теперь, сейчас могу испытать... Больше, чем когда-либо, я готов был быстро собраться и устремиться к тебе... Я не сделал этого из-за твоих детей! Итак, повторяю теперь, повторю вечно: будем крепки духом!..¹

Таковы те большие порывы, которые может породить любовь и тем изменить мир помыслов и чувств человека. Чувство любви имеет свои периоды развития. Оно идет по одному пути, если любящие друг друга люди не могут соединить свои жизни. И по другому пути, если такое соединение наступает и образуется семья. В последнем случае между мужчиной и женщиной возникают новые формы взаимоотношений, что вызывает изменения в переживании чувства любви.

Складывающиеся устойчивые жизненные отношения между женщиной и мужчиной усиливают в чувстве любви новые элементы: привязанность, уважение, сознание общности интересов, но в известной мере ослабляют те элементы чувства, которые вызвали своеобразный подъем в самочувствии человека. Чувство любви приобретает более спокойный характер, но вырастают социальные связи, которые объединяют мужчину и женщину. Укрепляются товарищеские отношения, дружба, общность интересов в совместной деятельности, в воспитании детей и т. д. Чувство любви между мужчиной и женщиной получает новый оттенок потому, что другого человека любят теперь еще как отца или мать детей

¹ Рихард Вагнер, Письма, дневники, т. 1, изд-во «Грядущий день», 1911, стр. 240—241 и 266—267.

и т. д. Все эти изменения в характере чувства проявляются в особенностях поведения, в эмоциональной окраске соответствующих переживаний, в их интенсивности, в изменении значения этого чувства для личности по сравнению с другими чувствами, которые ей присущи.

Если существующие жизненные отношения не нарушаются новыми обстоятельствами (разлука, новые люди, новые интересы и устремления у того или другого и т. д.), то чувство любви приобретает характер любви-привязанности, могущей быть очень стойкой и глубокой, связанной с самыми существенными устремлениями личности.

О такой любви-привязанности пишет дочь Карла Маркса Элеонора Маркс, характеризуя отношение отца к матери и матери к отцу. Карл Маркс и Женни фон Вестфален полюбили друг друга в школьные годы, в юности они тайно обвенчались и прошли затем рука об руку целую долгую жизнь.

«Осенью 1880 г., когда наша дорогая мамочка была уже настолько больна, что лишь изредка вставала с постели, Мавр (так дети любовно называли Карла Маркса.— П. Я.) схватил тяжелое воспаление легких... Это было ужасное время. В первой большой комнате лежала наша мамочка, в маленькой комнате рядом помещался Мавр. Два эти человека, так привыкшие друг к другу, так тесно сросшиеся один с другим, не могли быть вместе в одной комнате. Мавр еще раз одолел болезнь. Никогда не забуду я то утро, когда он почувствовал себя достаточно окрепшим, чтобы пройти в комнату мамочки. Вместе они снова помолодели — это была любящая девушка и влюбленный юноша, вступающие вместе в жизнь, а не надломленный болезнью старик и умирающая старая женщина, навеки прощавшиеся друг с другом...

Затем 2 декабря (1881 г.) умерла мамочка. Последние ее слова были обращены к ее «Карлу».

С жизнью мамочки ушла и жизнь Мавра. Он упорно боролся со своими недугами — он ведь до конца был борцом, — но он был сломлен. Общее состояние его здоровья все ухудшалось»¹.

Таково то большое чувство любви, которое пронесли через всю свою жизнь Маркс и его жена.

Мы отметили только несколько основных моментов в видоизменениях, которые может претерпеть в своей динамике чувство любви. На самом деле в зависимости от различных условий и жизненных обстоятельств, из-

¹ В. Либкнехт, Из воспоминаний о Марксе, Госполитиздат, 1938, стр. 24—25.

менения и эволюции чувства любви могут иметь иной характер.

Мы отметили отдельные существенные черты чувств.

Подведем некоторые итоги. Чувства человека обычно представляются людям как нечто очень субъективное. На самом деле они, будучи откликом человеческой личности на окружающую действительность, в специфической форме закономерно отражают эту действительность и те изменения, которые в ней происходят.

Сущностью чувства является относительно устойчивое эмоциональное отношение человека к определенным явлениям или целому кругу явлений действительности — к людям, положениям морали и т. п.

Чувство, будучи устойчивым эмоциональным отношением, проявляется в соответствующих переживаниях («эмоциях») человека, но не сводится к этим переживаниям, не исчерпывается ими.

Длительность чувства может измеряться годами. Чувство может превратиться в существенную черту или качество личности, характеризующее ее духовный мир.

Испытываемые человеком чувства могут быть характеризованы по их направленности — на что они направлены, т. е. какие явления действительности их порождают. Они могут быть характеризованы затем по их содержанию, по тому, что именно человек испытывает по отношению к определенному рода явлениям общественной жизни, к людям, к себе, т. е. каков их идейный смысл.

Далее они могут быть характеризованы в отношении того, какое место они занимают в личности человека с точки зрения их значимости для него. Соотношение различных чувств, присущих человеку, выявляющее, какого рода чувства становятся ведущими в его действиях и поступках, позволяет при учете самого содержания его чувств увидеть достаточно глубоко личность человека и ее существенных чертах.

Само возникновение чувств имеет существенные отличия от других явлений психической жизни человека. Чувства не могут быть вызваны посредством «самоприказа»; их возникновение иногда представляется самому человеку непредвиденным. Чувства не всегда сознаются человеком достаточно отчетливо с точки зрения их содержания и значимости для него. Осознание и диффе-

ренциация чувств осуществляются посредством слов. Передача содержания чувств наиболее адекватно совершается через образный язык.

Существует отчетливое различие между силой и глубиной чувства; сила чувства является характеристикой качеств переживания, а глубина — характеристикой значимости чувства как устойчивого образования для жизни личности. Динамика *переживания чувства* выявляет, как в чувстве отражаются познаваемые объективные изменения в ситуации, затронувшей человека и вызвавшей у него эмоциональную реакцию.

Динамика изменения чувства в *процессе жизни* человека помогает понять, как в процессе роста человека им все более правильно отражается действительность; это проявляется в росте его знаний, в развитии его мировоззрения. Все эти изменения накладывают отпечаток на качества и черты его чувства. Эта динамика также выявляет, как развитие запросов и интересов личности приводит к сдвигам в характере его устойчивого эмоционального отношения к тем или другим сторонам окружающей действительности.

ГЛАВА 2

ОБЩЕСТВО И ЧУВСТВА ЧЕЛОВЕКА

Чувства, как мы уже говорили, неразрывно связаны со всей психической жизнью человека, с особенностями личности в целом. Сущность же человека есть «совокупность общественных отношений», поэтому чувства людей неразрывно связаны с общественными отношениями. Они отражают их так же, как отражают эти общественные отношения взгляды людей, их убеждения, мировоззрение, интересы и устремления.

Причины изменения сознания людей, в том числе и чувств, надо искать прежде всего в изменении материальных условий жизни общества. Сперва меняются материальные условия, затем в соответствии с этими изменениями меняется мировоззрение людей, их нравы, обычаи, мышление и т. д.

Так же как исторична личность человека, историчны и его чувства.

Люди первобытно-общинного строя не знали переживаний, обусловленных интересами индивидуалистического производства и борьбой эксплуатируемых масс с представителями класса эксплуататоров. Точно так же советским людям чужды и непонятны низменные страсти и чувства, которые в условиях классово-антагонистического общества приводят к эгоистическому расчету и стремлению строить свое личное благополучие, не считаясь с интересами других людей.

Становится ясной антинаучность реакционных «теорий», широко распространенных в странах капитализма, утверждающих, что чувства человека в основе своей неизменны и могут быть приведены к небольшой груп-

пе изначальных инстинктов, из которых они будто бы выросли.

Эти «теории», утверждающие неизменность природы человека, представляют собой завуалированную в «научные одежды» реакционную идеологию.

В действительности же реальные факты показывают, что о такой «неизменности» так называемых «инстинктов» совсем не приходится говорить. То, что, например, Мак-Дауголл называет «неизменным инстинктом», является на самом деле результатом определенных способов воспитания, характеризующих общественную среду. Это убедительно показывает американский психолог Н. Манн. Для опровержения утверждений Мак-Дауголла он приводит этнографические данные, характеризующие жизнь и быт племени арапешей на Новой Гвинее, где стремление человека к самоутверждению (также относимое к изначальным инстинктам) в силу условий жизни и обычаев племени оказывается настолько редким, что представляется ненормальным. «Часто утверждалось,— пишет он,— что все люди имеют прирожденное побуждение к драке, или, в общем, стремление предаваться агрессивному поведению.

Прирожденной драчливостью людей часто объясняют причины войн, ссылаясь на то, что человеку присуща прирожденная и неискоренимая драчливость, которая делает войну неизбежной. Подразумевается, что человек в опыте познает, что он дерется ради драки, а не для того, чтобы осуществить специфические цели. Мы не имеем тщательно проведенных экспериментов по вопросу о прирожденной драчливости, но есть много наблюдений натуралистов, которые дискредитируют эту идею». Стремление к драчливости вызывается соответствующим воспитанием. Далеко не все «примитивные» народности проявляют стремление к драчливости. Так, арапешам не свойственно стремление к драчливости. Вместе с тем интересно посмотреть, как происходит воспитание детей у мундугоморов — воинственного каннибальского племени с Новой Гвинее. Дети там, во-первых, не являются желанными для отцов — и рождаются в атмосфере вражды. Затем они являются свидетелями конфликтов между отцом и матерью. Наконец, ребенка воспитывают так, чтобы «оба — мужчина и женщина — были неистовыми, соперничающими, ревнивыми, агрессивными,

готовыми отомстить за обиду, испытывающими наслаждение в хвастовстве, в драке и т. д.» ... «Мундугоморские женщины кормят детей стоя, неся ребенка в одной руке и в таком положении, которое утомляет руку матери и связывает руки младенца. Здесь матери не испытывают того чувственного удовольствия от кормления младенца, которое наблюдается у арапешей. Ребенку не дают долго находиться у груди матери. Он устремлен к главной цели — получить достаточно еды, так как он должен быть сразу положен обратно в свою корзину. Как только он на момент останавливает сосание, он немедленно возвращается в свою «тюрьму». У детей поэтому развивается очень отчетливая целевая боевая установка; они крепко держатся за сосок и сосут молоко столь быстро и неистово, как только они могут. Они часто задыхаются от того, что глотают слишком быстро. Такое удушье вызывает гнев у матери и приводит к ярости ребенка. Таким образом, условия кормления характеризуются гневом и борьбой, вместо того, чтобы характеризоваться успокоением и нежной привязанностью»¹. Таковы аргументы Норманна Манна, показывающие роль воспитания для формирования так называемых «инстинктов».

Таким образом, утверждение того, что чувства могут быть сведены к так называемым неизменным «инстинктам» (инстинкту драчливости, инстинкту порабощения других людей и т. д.), представляет собой на самом деле лишь «обоснование» и якобы «научное оправдание» антиобщественных чувств.

«Научное» и «моральное» оправдание таких чувств становится средством их культивирования. Например, Шпенглер, автор книг «Закат Европы», «Пруссачество и социализм», говорил: «Человек есть хищное животное... человек достигает упоительного чувства, когда его нож вонзается в тело его врага, когда запах крови и стоны жертвы достигают его торжествующего сознания».

Это высказывание, так же как и другие, ему подобные, служили и служат культивированию самых низменных чувств. Идеологи империализма и реакции стре-

¹ N. Munn, Psychology. The Fundaments of Human Adjustment 1946, стр. 226, 227.

маться такими, с позволения сказать, «теориями» оправдать «вечность» капиталистического строя и агрессивных войн.

Единственно научным подходом к раскрытию природы чувств человека является исторический подход к ним.

Конечно, историческое развитие чувств человека представляет собой большую и сложную проблему.

Освещение по-настоящему этого вопроса предполагает изучение того, как в определенные исторические эпохи на основе возникающих новых производственных и общественных отношений меняется в этой связи образ жизни людей и их отношения друг с другом, создается новая идеологическая надстройка с ее моралью, нравами и т. д.; предполагает изучение того, как в связи с этим меняются и чувства людей.

Этот вопрос осложняется еще тем, что людям присущи и такие чувства, которые не определяются конкретной формой производственных отношений и создающейся на их основе новой идеологической надстройкой, а имеются у людей при самых различных формах производственных отношений. Речь идет, например, о родительских, сыновних чувствах. И вместе с тем нельзя не заметить, что и в такого рода чувства каждая историческая эпоха с ее нравами, бытом, моральным укладом вносит свои оттенки как в переживание этих чувств, так и в значимость этих чувств для личности. Так, если в одну эпоху в определенной социальной среде чувство привязанности детей к родителям органически связывалось с чувством покорности родительской воле (дети покорялись выбору родителями будущего их мужа или жены, хотя и чувствовали себя иногда несчастными), то в XX веке привязанность детей к родителям отнюдь не включает покорность желаниям родителей в выборе будущего их мужа или жены. Дочерние и сыновние чувства приобретают новый оттенок.

Возникновение новых производственных отношений, новой экономической структуры общества приводит к тому, что условия жизни такого общества способствуют появлению и развитию чувств, отражающих общественные отношения людей в нем.

К. Маркс, анализируя экономическую структуру капиталистического общества, убедительно показал, как существующие при капитализме общественные отноше-

ния приводят к развитию таких чувств, как стяжательство, жадность, жестокость и др.

«Экспроприация непосредственных производителей производится с самым беспощадным вандализмом и под давлением самых подлых, самых грязных, самых мелочных и самых бешеных страстей»¹.

С возникновением и развитием капитализма менялись моральные принципы поведения у господствующих классов, менялись нравы, возникали новые оценки и появлялось новое эмоциональное отношение к различным фактам социальной жизни, к людям и т. д.

Так, капиталистические отношения во Франции XIX в. привели к тем сдвигам в нравах, чувствах людей и т. д., которые так всесторонне и правдиво изобразил Бальзак. Как справедливо отмечает Энгельс, Бальзак сумел в своей многотомной «Человеческой комедии» реалистически раскрыть историю французского «общества» с 1816 г. по 1848 г. Он показал, как постепенно усиливался нажим на дворянское общество поднимающейся буржуазии и как изменялись нравы дворянства под воздействием могущественной силы денег.

Мы не ставим перед собой задачу раскрыть, как, исходя из изменения общественных отношений, конкретных изменений морали и нравов, возникают в различные исторические эпохи изменения в сфере человеческих чувств.

Мы хотим лишь на отдельных фактах показать, в чем заключается историческое развитие чувств. В основном это изменение заключается в следующем: во-первых, в процессе исторического развития общества у людей появляются новые чувства; во-вторых, исчезают чувства, занимавшие ранее известное место в психической жизни людей; в-третьих, меняется эмоциональное отношение людей к одним и тем же явлениям; то, что раньше вызывало у них одни чувства, вызывает в дальнейшем другие чувства.

Обратимся к фактам.

Чрезвычайно убедительно появление новых чувств показывает Энгельс на примере возникновения любви в современном ее понимании.

Он говорит: «Наша половая любовь существенно от-

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1951, стр. 765.

личается от простого влечения, от эроса древних. Во-первых, она предполагает у любимого существа взаимную любовь; поэтому женщина находится в равном положении с мужчиной, тогда как во времена античного эроса ее отнюдь не всегда спрашивали. Во-вторых, половая любовь знает такую степень интенсивности и продолжительности, при которой необладание и разлука представляются обоим сторонам большим, если не величайшим, несчастьем; они идут на большой риск, ставят на карту свою жизнь, чтобы только обладать друг другом... И, наконец, возникает новый нравственный критерий для оценки половой связи: спрашивают не только о том, была ли она в браке или вне брака, но и о том, по взаимной ли любви или нет»¹.

Несомненно, мы должны говорить о том, как в условиях капиталистического общества возникает новое чувство принципиальной классовой ненависти эксплуатируемых к эксплуататорам. Это уже не ненависть раба к своему владельцу, это не просто ненависть трудящегося человека к определенному, конкретному злому хозяину, а обобщенная, сознательная, принципиальная ненависть к классу эксплуататоров и к тому, что их олицетворяет. Это эмоциональное отношение очень отчетливо отразилось в своей пьесе «Враги» А. М. Горький в разговоре рабочих Левшина и Ягодина с Надей:

— Надя: А дядя? Он... добрый? Или он... тоже обижает вас?

Левшин: Мы этого не говорим...

Ягодина: Для нас все одинаковы. И строгие и добрые...

Левшин: И строгий — хозяин и добрый — хозяин... Болезнь костей не разбирает... Дядюшка ваш, барышня, — мужчина хороший, только нам от его красоты не легче...

Здесь показано чувство классовой вражды трудящихся к эксплуататорам, возникшее на определенном этапе развития рабочего движения.

В процессе исторического развития общества исчезают определенные виды чувств у людей.

Исчезают чувства, вызванные определенными сослов-

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1937, стр. 73.

ными, родовыми традициями и предрассудками, характеризующиеся, однако, большой остротой и значимостью для лиц, их испытывающих. В этом отношении большой интерес представляет развитое чувство «местничества», присущее боярским родам на Руси (XV—XVII века).

М. М. Щербатов, автор написанного в XVIII веке произведения «О повреждении нравов в России», писал следующее: «Почтение к родам умножило еще твердость в сердцах наших предков; беспрестанные суды местничества питали их гордость; пребывание в совокуплении умножало связь между родов и соделовало их безопасностью, что твердое предпринять, а тогда же и налагало узду кому что недостойное имени своего сделать; ибо бесчестие одного весь род того имени себе считал. А сие не токмо молодых людей, но и самых престарелых в их должности удерживало. Благородной гордости бояр мы многие знаки обретаем.

Князь Симский Хабаров, быв принуждаем уступить место Малюте Скуратову, с твердостью отрекся, и когда царем Иоанном Васильевичем осужден был за сие на смерть, последнюю милость себе просил, чтобы прежде его два сына были умерщвлены, яко, быв люди молодые, ради страха гонения и смерти, чего недостойно роду своему не учинили»¹. (Курсив мой.—П. Я.)

Так чувство сословной гордости, которое получило свое общественное выявление в «местничестве», могло привести к такой для современного человека дикой просьбе, как просьба об умерщвлении собственных детей!

В большинстве европейских стран сейчас нет ни обычая, ни чувства родовой мести, хотя еще в XVI веке во времена Шекспира это чувство существовало и явилось основой для сюжета его трагедии «Ромео и Джульетта». В условиях определенной социальной среды, идеологии и нравов чувства родовой мести продолжают существовать и в XIX в., например, на о. Корсике. Красноречивым свидетельством этого являются чувства героев произведения Проспера Мериме «Коломба».

Существовало чувство родовой мести в условиях царского строя и на окраинах России. В начале XX века

¹ М. М. Щербатов, О повреждении нравов в России, М., «Русское товарищество», 1908, стр. 18—19.

проф. М. Ковалевский писал: «К югу от Кавказской цепи курды являются в наши дни единственным арийским племенем, в среде которого сохранились некоторые черты архаического родового устройства. Быт курдов только в последнее время изучен был с некоторой подробностью г. Елиазаровым... Родовая опека и кровная родовая месть — таковы уцелевшие доселе проявления родового строя у курдов... Елиазаров сообщает: «Если человек не в состоянии отомстить лично своему врагу, обязанность мести падает на его родственников. Личное возмездие переходит в родовое, борьба двух личностей становится междуусобною борьбою двух родов. Иногда вражда продолжается очень долго, переходит даже от одного поколения к другому. Обязанность мести лежит прежде всего на отце и братьях убитого, затем на двоюродных братьях, на дядях его» («Краткий этнографический очерк курдов Эриванской губ.», Тифлис, 1883)»¹.

Чувство родовой мести, имевшее место в условиях царского строя, исчезло в нашей стране с установлением социалистического строя.

Исчезло чувство мучительного страха (объясняющегося незнанием природных закономерностей), которое вызывалось таким явлением, например, как затмение солнца. Оно держалось и поддерживалось в народных массах веками. Еще в середине XIX века, как об этом свидетельствует рассказ Тургенева «Бежин луг», такое отношение к данному явлению природы было распространено.

Подобные чувства исчезают у нас вместе с распространением знаний, с повышением культуры народных масс.

Огромный рост культуры, знаний, распространение научного мировоззрения среди малых народностей, населяющих Север нашей страны, коренные изменения их жизни, вызванные победой Великой Октябрьской социалистической революции, привели к исчезновению у них мучительного страха перед явлениями природы, перед жизнью. А этот страх продолжают испытывать малые народности Севера, живущие в темноте и бесправии в условиях капиталистического строя, где эта темнота и

¹ М. Ковалевский, Родовой быт, Спб., 1911, стр. 16.

страх намеренно поддерживаются эксплуататорами. Леви-Брюль в одной из своих последних работ поместил признание одного эскимосского шамана, формулирующее все мировосприятие его племени словами «мы не верим, мы боимся»:

«Мы страшимся духа земли, который вызывает непогоду и заставляет нас с боем вырывать нашу пищу у моря и земли. Мы боимся Сила (бога луны). Мы боимся нужды и голода в холодных жилищах из снега... Мы боимся Такана гапсалук, великой женщины, пребывающей на дне моря и повелевающей морскими животными. Мы боимся болезни, которую постоянно встречаем вокруг себя, не смерти боимся, а страдания. Мы боимся коварных духов жизни, воздуха, моря, земли, которые могут помочь злым шаманам причинить вред людям. Мы боимся духов мертвых, как и духов животных, которых мы убили. Вот почему и для чего унаследовали мы от отцов наших все древние правила жизни, основанные на опыте и мудрости поколений. Мы не знаем, как это происходит, мы не можем сказать, почему это происходит, но мы соблюдаем эти правила, чтобы уберечь себя от несчастия. И мы пребываем в таком неведении, несмотря на шаманов наших, что все необычное вызывает у нас страх. Мы боимся всего, что видим вокруг себя. Мы боимся всех невидимых вещей, которые тоже нас окружают. Мы боимся всего, о чем говорится в преданиях и мифах наших предков. Вот почему мы имеем наши обычаи, которые совсем не те, что у белых»¹.

Появляется новое эмоциональное отношение к тому, что в известной социальной среде у отдельных ее представителей ранее вызывало чувства иного характера.

Салтыков-Щедрин в «Пошехонской старине» рассказывает: «Савельцев... с жизнью совсем примирился, так как понял, что она (его жена.— П. Я.) не менее злонравна, чем он... *Он ничего не имел против того, когда жена, становясь на молитву, ставила рядом с собой горничную и за каждым словом щипала ее или когда она приказывала щекотать провинившуюся «девку» до пены у рта, или гонять на корде, как лошадь, подстегивая сзади арапником.* (Курсив мой.— П. Я.)

Все эти действия и чувства изуверов-крепостников «Пошехонской старины» вызывают у писателя-демократа — носителя прогрессивной морали — и у читателя чувства совсем иного рода — чувства негодования и омерзения.

Такое же чувство негодования испытывает В. Г. Белинский по поводу бесчеловечного обращения самодура-

¹ Леви-Брюль, *Сверхъестественное в первобытном мышлении*, М., 1937, стр. 9—10.

соседа со своей женой. Он писал В. П. Боткину 8 сентября 1841 года:

«...Рядом со мною живет довольно достаточный чиновник, который так оевропеился, что, когда его жена едет в баню, он нанимает ей карету; недавно узнал я, что он разбил ей зубы и губы, таскал ее за волосы по полу и бил липками за то, что она не приготовила к кофею хороших сливок... Выслушав эту историю, я заскрежетал зубами — и сжечь злодея на малом огне казалось мне слишком легкою казнью, и я проклял свое бессилие, что не мог пойти и убить его, как собаку»¹.
(Курсив мой.— П. Я.)

Условия жизни общества могут стихийно порождать в людях чувства определенного характера. Всякое классовое общество характеризуется наличием определенных политических и правовых учреждений, наличием определенной господствующей идеологии с ее нормами морали, политическими взглядами и т. д. Эта идеология, так же как и соответствующие учреждения, служит господствующему классу.

Учение марксизма-ленинизма убедительно показывает, что надстройка создается базисом для того, чтобы она служила ему, чтобы она активно помогала ему оформиться и укрепиться. И вот господствующие классы, стремясь защитить свой общественный строй, всячески стараются распространить среди народных масс, угнетаемых классов принципы своей морали, привить им определенный образ мыслей, определенные чувства, а также такое отношение к человеческим чувствам, которое отвечает их корыстным, узкоклассовым интересам.

В эксплуататорском обществе, которое состоит из класса угнетателей и класса угнетенных, люди, принадлежащие к разным классам, в силу различных условий существования живут различной эмоциональной жизнью, имеют различные по своему содержанию чувства. Господствующие классы стремятся намеренно, всей системой воздействий, извратить чувства у людей эксплуатируемого класса, воспитать у них чувства, нужные и полезные господствующим классам.

¹ В. Г. Белинский. Письма. Под ред. Е. А. Ляцкого, т. II, Спб., 1914, стр. 267.

Так, в период, когда господствующие классы проповедовали в качестве человеческих добродетелей самоунижение и смирение, наименее сознательные представители угнетенных классов покорно воспринимали свое рабское состояние.

Человек эмоционально реагирует не на все явления окружающей его жизни. И вот то из окружающей жизни, что его эмоционально затрагивает, определяется прежде всего принятыми в обществе взглядами, воззрениями, установленными в обществе нормами поведения, тем, что определяет общественную сущность самого человека.

Более того, определенные формы переживания чувств, получившие общественное признание, яркое выражение в действиях, поведении и чувствах любимых литературных героев, становятся тем, что всячески «осваивается» людьми данной эпохи. Чувства в определенной их форме и содержании появляются в известной мере у представителей подрастающего поколения потому, что они читали об этих чувствах, что они присущи их любимым героям и они хотели бы их испытать. Нужна была благоприятная общественная среда, порожденная соответствующими условиями жизни, чтобы гетевский Вертер в условиях Германии XVIII века стал символом веры для определенного социального круга. Люди хотели любить, жить, а может быть, и страдать так же, как любил и страдал Вертер. Чайлд-Гарольд был властителем дум не только Евгения Онегина, но и очень многих русских юношей-дворян, которые стремились перенять его жизненные установки, идеалы, его самобытный мир чувств и т. д.

Определенные взгляды на значение чувств в жизни человека, имеющиеся представления о качествах «полноценного» человека влияют и на самый характер переживания различных чувств людьми определенной среды и эпохи. Есть эпохи, характеризующиеся вообще сдержанностью в отношении чувств, и эпохи, когда чувство возводится на пьедестал. Мы встречаемся то с более сдержанным отношением личности к возникающим в ней чувствам, то, наоборот, с их культивированием, которое принимает разные формы. Вспомним господство сентиментализма в литературе и искусстве XVIII века, а наряду с ним в определенных социальных слоях мы

можем встретиться со слащавой сентиментальностью и экзальтированностью в переживании чувств.

Интересный материал из истории нравов и быта дворянско-помещичьей верхушки начала XIX в. в России сообщает И. Н. Игнатов.

«Московский телеграф» уже в 1829 г., характеризуя эту эпоху, писал: «Тогда находили удовольствие в том, чтобы плакать, и когда плакали, то были веселы».

...Было время какой-то удивительной отзывчивости на все слезоточивое, плаксивое и возвышенно-грустное. Щедрин придал градоначальнику этой эпохи название Грустилова, наградив его любовью глядеть, как токуют тетерева, и с такой же любовью смотреть, краснея, как секут девочек.

Восторженность соединялась с готовностью лить слезы; способность стыдливо потуплять очи и краснеть с потребностью присутствовать при жестоких зрелищах.

Восторгались в жизни и эту восторженность передавали в театре слезами»¹.

Такая экзальтированность чувств, их «нагнетание» и приподнятость проявлялись и в обыденной жизни, в отношениях к людям, в переживании дружбы, влюбленности и т. д. Не случайно Л. Н. Толстой, описывая эту эпоху, показал такие особенности переживания чувств в переписке Жюли Курагиной с сестрой Болконского, княжной Марьей («Война и мир»). Мы приведем подлинный документ, относящийся к 1835 году и представляющий собой письмо Наталии Беер к сестрам Бакуниным. Она пишет по поводу того чувства, которое у нее возникло к Михаилу Бакунину после восьми дней их знакомства и дружеских встреч с ним, хотя незадолго до этого она была так же увлечена Станкевичем.

«...Не знаю, почему и как, но его присутствие произвело на меня действие, в котором я никогда не буду в состоянии отдать вам полный отчет. Это был хаос, пропасть чувств, идей, которые меня совершенно потрясли. Тысячу раз я принималась обдумывать, углублять эти вещи и всякий раз я терялась в их лабиринтах...

Да, Мишель — это одно из тех существ, кому женщина с душой хотела бы всем пожертвовать. Смейся, если

¹ И. Н. Игнатов, Театр и зрители, ч. I, М., 1916, стр. 61.

хочешь, над моей экстравагантной экзальтированностью, но я хочу тебе передать все мои безумные мысли этих дней. Из всех моих наблюдений над Мишелем, из всех чувств, которые он обнаружил, я заключаю, что не только ради его счастья, но ради его безопасности, может быть, ради сохранения его жизни, нужно, чтобы какое-нибудь существо, способное его совершенно понимать, любить его так, как он заслуживает быть любимым, привязалось бы к нему всеми способностями своей души и никогда его не оставляло. Поверишь ли, бывали минуты (о, эти минуты были для меня истинно адские), когда я желала купить, если бы это было возможно, всеми самыми ужасными несчастьями власть возродить его или уничтожиться самой, дать своей смертью новую жизнь новой женщине,—женщине, которая могла бы дать ему счастье, заботиться о нем, быть его ангелом-хранителем. В эти минуты я хотела бы обладать могуществом бога...»¹

Такую приподнятость чувств, способность получать удовольствие от их анализа, стремление о них много и подробно говорить, притом с большой легкостью, характерную для определенной социальной среды первой половины XIX века, интересно сопоставить с тем отношением к чувствам, которое характерно для советских людей.

Поэтому рядом с таким переживанием чувств, рядом с экзальтацией, искусственным «подогреванием», по существу, поверхностных чувств мы приведем примеры других чувств.

Сдержанность в проявлении сильных чувств, стремление проверить, является ли подлинным и глубоким испытываемое чувство, сдержанность в его словесном выражении, молчаливая готовность принести жертву ради блага любимого человека — вот что характеризует эмоциональную жизнь наших современников, когда они действительно полны большим, настоящим чувством любви.

Вот письма Марины П., опубликованные К. Лапиным (имена в письмах заменены).

Необычным было знакомство Марины П. с ее будущим

¹ А. А. Корнилов, Молодые годы Михаила Бакунина, стр. 155—156.

мужем Андрашем. Они познакомились в клинике, где оба лечились от полиомиелита, и там они подружились. Приведем выдержки из писем Марины.

Из письма от 31 июля 1956 г.

«Весьма необычно сложилась наша дружба, она сразу началась с самого серьезного: ■ как жить дальше? Это была настоящая дружба — большая, лишенная молодой весны и песен, но суровая и верная. Я забывала о своей боли, когда знала, что его увезли в операционную, где нам делали уколы... А он неизменно сидел у окна около операционной, когда я попадала туда... У меня болезнь протекала более остро, чем у него, но зато и результаты были эффективнее. Спустя полгода я начала самостоятельно передвигаться. Теперь мы уже сидели в одной отведенной нам рабочей комнате и занимались всерьез каждый своим делом.

Давали ли мы себе отчет в своих отношениях? Да, конечно, давали, но не говорили об этом. Да и как мы могли говорить об этом, когда оба без ног, ■ сущности, когда неизвестно, что у нас впереди, когда, наконец, многое осложняется тем, что он венгр и уедет... Хотя ■ это время браки русских с иностранцами были уже разрешены.

Мы просто были необходимы друг другу ■ тот момент, мы не смогли бы бороться друг без друга...

Я стала выздоравливать быстрее, чем он. Начала ходить. Наступила весна, мне разрешили гулять в парке, а Андраш с трудом делал 10—20 шагов. И он стал хмурым, появилось особое выражение лица, сам улыбается, ■ глаза!.. не берусь описать, какие это были глаза. Я старалась делать все, чтобы он не падал духом. И это мне удавалось. И вот я выписалась. Трудно передать наш разговор перед моим уходом из клиники... Говорим обо всем на свете, кроме, конечно, своих отношений. Я обещала навещать его.

Мне сразу же дали путевку в санаторий на три месяца. На следующий день я поспешила в больницу. В коридоре встретила врача, который сказал, что Андраш хандрит, что у него поднялась температура ■ снова начались боли в ногах. Нечего и говорить, я ни слова не сказала о путевке, а, вернувшись домой, возвратила ее. Меня уверяли, что ■ делаю глупость... Но я не могла поступить иначе. Мы столько пережили вместе, столько вынесли, мы так были нужны друг другу — и вдруг он еще в беде, а я уеду! И я осталась... Он стал быстро поправляться...

Через месяц Андраш выписался, а еще через полмесяца мы шумной ■ дружной семьей проводили его в Будапешт. И только тут я со всей остротой поняла, кем он был для меня. Еще год я жила в Ленинграде, защитила диссертацию. Мы переписывались... Я получила направление в Курган, ■ пединститут...

После нашей разлуки прошло... два с лишним года. Жить дольше врозь было нельзя. Это понимал он, понимала и я. И пришло письмо, где он предлагал мне выйти за него замуж... Все так сложно, запутанно — и в то же время до предела просто — я люблю его, а он меня...»

Из письма от 20 августа 1956 г.

«... 5 августа я уехала в Курган (Андрашу я не писала ни о назначении, ни об отъезде). Приехала сюда. Начало нового учебного

года, новая обстановка, новые люди, работа, тысяча свалившихся на меня больших и малых дел... И только поздней ночью я думала: «А где-то Андрюша?» Но наступал день, и мне уже снова было не до размышлений. Казалось, что все хорошо, что то было лишь увлечением, и я правильно сделала, перестав писать, что я воистину «выздоровливаю»... Но прошел сентябрь... Схлынула первая, горячая пора, и тут я начала понимать, что по-прежнему думаю о нем, только не хочу сознаться в этом. Вы себе представить не можете, как я была несчастна (да, да!), когда поняла это!.. Но писать ему все равно не могла. Садилась, начинала — и ничего не могла сделать с собой.

...И я начала ждать письма. Это было чистейшим безумием. Ведь он не знает моего адреса, не знает, куда я получила назначение... Но ■ ждала. Тысячу раз ругала себя за это, но ...приходя с работы, с надеждой смотрела ■ почтовый ящик. Так прошел октябрь... и вот, придя однажды домой, ■ еще издали увидела на столике около дверей своей комнаты большой конверт со знакомым почерком».

Из письма от 12 августа

«... Не буду скрывать, иногда мне хотелось, чтобы он написал: «Приезжай и ни о чем не думай. Только приезжай». Какая девушка этого не хочет? Но... вот это постоянное «но»! Он писал мне: «Конечно, независимо от того, что я стал таким решительным, все те проблемы, о которых писала ты, не перестали быть проблемами ■ для меня. То обстоятельство, что ты уедешь далеко от друзей и знакомых, покинешь родные края, те трудности, которые всегда имеются в таком положении, не могут не беспокоить меня. И это беспокойство именно за тебя. Как ты будешь себя чувствовать у нас? Смогу ли я предоставить тебе все то, от чего ты чувствовала бы себя как дома — счастливой, радостной, довольной? Я никогда не старался приукрасить мое состояние, скрыть трудности. Может быть, даже преувеличиваю их, и снова из-за тебя. Люблю тебя больше того, чтобы быть эгоистом. Сказать только хорошее о нас, о стране, о себе с той целью, чтобы ты приехала ко мне, — этого я не могу, да и ты не нуждаешься ■ этом...»¹ (Курсив мой. — П. Я.)

Такая сдержанность в своих чувствах, готовность сделать многое ради другого человека, но не говорить при этом о своих чувствах и переживаниях характерны для эмоциональной жизни наших современников. В этом отношении интересен рассказ Л. Т. Космодемьянской о том, как выражали свои чувства ее дети.

«И Зоя и Шура очень сдержанно, даже осторожно проявляли свои чувства. По мере того как они подрастали, эта черта в характере обоих становилась все определеннее. Они, как огня, боялись всяких высоких слов. Они были скупы на выражение любви, нежности и восторга, гнева и неприязни. О таких чувствах, о том,

¹ «История одной любви», журн. «Знамя», 1957, № 1, стр. 145—147, 151—152, 156. —

что переживают ребята, я узнавала скорее по их глазам, по молчанию, по тому, как Зоя ходит из угла в угол, когда она огорчена или взволнована». (Курсив мой.— П. Я.)

Это были сильные и значительные чувства, но они выражались сдержанно и скупно.

Эти особенности переживания чувств, присущие людям нашей современности, способ их выражения имеют большое значение для рассмотрения и анализа их чувств. В письмах, дневниках и других документах, отражающих эмоциональную жизнь наших современников (и в нашей художественной литературе), мы не найдем подробных, детальных описаний тех чувств, которые советские люди глубоко переживали по поводу остро затрагивавших их явлений жизни. Мы не найдем и стремления к фиксации тонких оттенков в переживаниях, которые мы встречаем в подобных документах, относящихся к XIX веку. И это потому, что в наше время *иной стала форма переживания и выражения чувств*. Они выражаются *не столько в словах, сколько в действиях и поступках*: чувство долга проявляется в неуклонном, молчаливом его выполнении, глубокая привязанность к любимому делу — в готовности жертвовать ради него своим досугом и т. п. Все это заставляет при анализе чувств советского человека руководствоваться больше косвенными данными, чем прямыми его высказываниями. Занимаясь рассмотрением его чувств, необходимо учитывать существо его действий и поступков.

Новы́ по своему характеру и содержанию чувства советских людей.

В нашей стране произошел грандиозный исторический переворот, который привел к возникновению социалистического общества, движущегося по пути к коммунизму. Создались новые общественные отношения, новая идеология, новая мораль. Изменение жизни общества привело к изменению всего духовного облика людей, изменение духовного облика советских людей привело к глубокому изменению их эмоционального мира. Конечно, изменение чувств советского человека происходит не стихийно, не само собой, а в процессе борьбы с пережитками капитализма в сознании людей. Чувства, связанные с этими пережитками, могут еще занимать известное место в эмоциональном мире советских лю-

дей. Но типичным, характерным является изменение чувств, появление новых чувств. Эти сдвиги проявляются в разных отношениях.

Прежде всего подчеркнем появление у советского человека новых чувств, таких, которые не были свойственны людям предшествующих общественных формаций. Речь идет о целой группе морально-политических чувств, таких, как чувство советского патриотизма, чувства, связанные с социалистическим отношением к труду, чувство социалистического гуманизма и т. д. Эти новые чувства возникли на основе новых общественных отношений.

В первую очередь коснемся того сложного эмоционального отношения, которое мы называем чувством советского патриотизма.

В основе советского патриотизма лежат не расовые или националистические предрассудки, а братское содружество трудящихся всех наций Советской страны. Как общие жизненные интересы трудящихся Советского Союза, так и национальные традиции народов, входящих в Союз Советских Социалистических Республик, сочетаются в советском патриотизме. Поэтому он не разъединяет отдельные народности и нации Советской страны, а сплачивает их в братскую семью. Передовая идеология советских людей, определяющая принципы и цели их поведения и действий, становится огромным рычагом развития советского общества.

«Советский патриотизм, национальная гордость советских людей — это чувство активное, действенное, чувство, сильное тем, что корни, питающие его, — в живой, реальной жизни. Это — любовь к Отчизне, которую мы преобразили, которую отстраиваем своими руками. Это — любовь, которая укрепляется сознанием, что каждый шаг, каждое усилие во имя блага Родины приближают торжество коммунизма»¹.

Естественно, что чувство советского патриотизма получает яркое выражение в действиях и поступках советских людей.

Приведем отрывки из писем и дневника Инны Константиновой, окончившей во время Великой Отечественной войны десятилетку, вступившей в партизанский от-

¹ «Правда», № 183 от 2 июля 1951 г.

ряд и погибшей в боях. Запись в дневнике от 8 апреля 1942 г. раскрывает, как сознание того, что она призвана выполнять опаснейшие поручения во имя любимой Родины, наполняет ее радостью, рождает у нее возвышенные чувства.

«Какое счастье! Как я рада! *Никогда не было так хорошо.* Сегодня меня взяли на работу в тыл к немцам. Ой! Как я счастлива. Все, все после напишу. Ну, рада же!» ...«Милые, родные, дорогие... Не растривайтесь, не жалейте меня. Случилось то, чего я всегда так хотела. Я счастлива! Помните это. Все, все подробно напишу завтра, а пока только то, что я иду в отряд»¹.

Чувство советского патриотизма, относясь к глубоким нравственным чувствам советского человека, может проявляться и в соответствующем эмоциональном отношении к себе, к своим близким, к своей жизни.

В письмах молодого офицера Николая Чеховича, погибшего на фронте Великой Отечественной войны, имеются в этом отношении очень интересные высказывания. Вот отрывок из его письма от 30 декабря 1942 г., которое он написал, находясь в военном училище: «Здравствуй, мама! Поздравляю тебя с наступившим Новым годом... С грустью вспоминаю то счастливое время, когда мы еще и не предполагали войны... Когда думаешь об этом, начинаешь *ненавидеть самого себя за то, что находишься не на фронте и не бьешь фашистскую мразь*»². (Курсив мой.— П. Я.)

Николай Чехович встретил девушку Шуру, которую по-настоящему полюбил. Он пишет ей 13 октября 1943 г.: «Твои письма всегда придают мне новую энергию, бодрость в суровых условиях фронтовой жизни... Мы ползли ночью под проливным дождем, то и дело прижимаясь к земле от пулеметных очередей, в каждую минуту ожидая, что поползешь на мину. А я все время ощущал в кармане гимнастерки теплое дружеское похрустывание бумаги твоего письма. Казалось, ты здесь, вместе со мною...

Я очень люблю жизнь, мечтаю о жизни после войны, о встрече с тобой, и все-таки любовь к жизни нисколько

¹ «Девушка из Кашина», изд-во «Молодая гвардия», 1947, стр. 115, 192.

² «Дневник офицера», изд-во «Молодая гвардия», 1945, стр. 60—61.

не мешала и не мешает мне идти на самые опасные участки. Не моя вина будет, если после войны вернусь живым. А как бы хотелось вернуться! Особенно теперь, когда я имею такого друга»¹. (Курсив мой.— П. Я.)

Чувство радости труда также стало одним из характерных для советских людей чувств. И, что еще важнее, оно получило новые черты, стало новым чувством, поскольку это не просто радость труда, а радость труда для себя, для своего народа, для Советской страны. Оставаясь конкретным, ярко испытываемым, ярко переживаемым, оно стало вместе с тем чувством, получившим обобщенность и принципиальность, оно стало чувством радости созидания.

Трудясь, советские люди отчетливо сознают, что труд их служит делу развития Советской страны, делу построения коммунизма, и это вносит в чувство радости труда советских людей совершенно новые черты.

Радость участия в созидательном труде всей Советской страны особенно ярко выразил писатель Николай Островский. Он писал: «Счастье многогранно, и я глубоко счастлив. Моя личная трагедия оттеснена изумительной, неповторимой радостью творчества и сознанием, что и твои руки кладут кирпичи для создаваемого нами прекрасного здания, имя которому — коммунизм»².

Труд для советских людей стал делом героизма, делом чести, той деятельностью, в которую они вкладывают самое лучшее, самое дорогое, что у них есть, потому что этот труд служит делу построения коммунизма.

Новые общественные отношения, которые создались в нашей социалистической стране, изменили духовный облик советских людей, породили у них глубокое чувство общественного долга. Это чувство заставляет советских людей идти на лишения, на самопожертвование, самозабвенно трудиться, так как в осуществлении всех тех действий, которые служат выполнению общественного долга, они испытывают глубокое нравственное удовлетворение.

Б. Полевой в своем произведении «Золото» правдиво описывает, как в период Великой Отечественной войны трое комсомольцев шесть месяцев пробирались через

¹ «Дневник офицера», изд-во «Молодая гвардия», 1945, стр. 62.

² Н. Островский, Речи, статьи, письма, изд-во «Молодая гвардия», 1946, стр. 35.

пасные
вернусь
теперь,
Я.)
харак-
важнее,
ом, по-
труда
страны.
о пере-
олучив-
ло чув-
от, что
ы, делу
радости
Совет-
иколай
глубо-
изуми-
ознани-
даемого
низм»².
тва, де-
клады-
сть, по-
унизма.
дались
ховный
ое чув-
яет со-
ртвова-
твлении
общест-
ственное

вражеский тыл, неся с собой государственные ценности, чтобы передать их советским органам. Они выбиваются из сил, но не бросают тяжелую ношу. Близкие к гибели, они пишут следующее письмо: «Мы все трое: Николай Железнов, Мария Волкова, Анатолий Николаевич Зла-тоустов... обращаемся к тебе, товарищ, и просим известить наши организации, что мы до последней своей минуты выполняли боевое задание по доставке государственных ценностей через линию фронта. Мы просим тебя, товарищ, взять спрятанный здесь мешок с ценностями, принадлежащими государству, и доставить его в ближайшую партийную организацию. И мы, трое комсомольцев, просим тебя, товарищ, передать последний привет нашим дорогим родителям, и доблестной Красной Армии, и нашему Ленинскому комсомолу, и большевистской партии... *Передай им, что мы сделали все, что могли, и не выполнили задание только потому, что заболели, ослабли и не было уже сил...*» (Курсив мой.— П. Я.)

Чувство долга перед Советским государством, Коммунистической партией порождает в советских людях и огромную энергию, и энтузиазм.

Наряду с появлением новых чувств, некоторые из них мы перечислили, необходимо сказать и об исчезновении у советских людей определенных чувств, и об изменении эмоционального отношения к отдельным явлениям окружающей жизни. В этом также очень ярко проявляются существенные изменения в эмоциональном мире советского человека.

Исчезновение определенных чувств у советских людей проявляется в разных областях жизни.

До Великой Октябрьской социалистической революции были районы в нашей стране, где имела место родовая месть и связанные с нею чувства. Эти чувства совсем исчезли у советских людей.

До Великой Октябрьской революции у представителей определенных социальных прослоек отчетливо проявлялись чувства, порожденные расовыми предрассудками, которые насаждались в народных массах эксплуататорскими классами. Теперь эти чувства потеряли почву и почти исчезли.

До Великой Октябрьской революции освящались церковной моралью и всячески поддерживались господ-

ствующими классами и среде трудящихся чувства смирения, покорности и т. д.; теперь же все эти чувства чужды и непонятны советским людям.

У советских людей меняется эмоциональное отношение к тому, что раньше, в условиях капиталистического строя, вызывало чувства иного характера и содержания.

Такое изменение эмоционального отношения ярко выразил Н. Островский: «Я презираю людей,— говорит он,— которых нарыв на пальце выводит из равновесия, заслоняет все, для которых настроение жены важнее революции, которые из ревности готовы разнести дом, перебить окна и всю посуду»¹.

Новые чувства проявляются и в отношении советского человека к окружающим людям.

Непосредственное нравственное чувство, осознаваемое как мысль «нельзя дать человеку погибнуть», заставляет советского человека рисковать своей жизнью ради спасения другого. Так, Зинаида Львова, увидев играющего на рельсах ребенка, бросилась к нему и отбросила его в сторону, и сама попала под поезд. Ей ампутировали обе ноги.

Стрелочница Елена Кокурина «увидела на путях человека на костылях. Не замечая мчащегося позади поезда, он не спеша двигался вперед. «Еще минута, и он погибнет»,— молнией пронеслось в голове... Ни о чем не раздумывая, она бросилась к неизвестному и толкнула его в плечо. Тот отлетел в сторону, но сама Кокурина отскочить не успела. Страшный удар, и она потеряла сознание... В тяжелом состоянии Е. А. Кокурина доставили во вторую городскую больницу г. Казани... Кокуриной сделали ампутацию ступни, наложили швы на лицо и голову... На третьи сутки Елена Алексеевна пришла в сознание.

Первыми ее словами были:

— А что случилось с ним?

— Он жив, невредим,— ответила врач Еремеева...

...Елена Алексеевна рассказала о себе...

— В годы войны была старшим кондуктором... Однажды — это произошло под Киевом — вражеская бомба угодила в паровоз. Несколько вагонов было разбито, но людей, в том числе и меня, судьба миловала. И вот,

¹ Н. Островский. Речи, статьи, письма, изд-во «Молодая гвардия», 1946.

увидев человека на костылях, идущего по путям, я подумала: «Он избежал смерти на войне, и разве можно допустить, чтобы погиб от несчастного случая?!»¹

Высокие нравственные чувства проявились в поступке Кокуриной.

Однако было бы неверно представлять, что эмоциональное отношение людей в нашей стране к другим людям, к их благополучию, к их самочувствию определяется только такими чертами. Процесс перестройки чувств советских людей — процесс еще не заверченный. И поэтому рядом с глубоко нравственным эмоциональным отношением мы можем встретиться и с таким отношением к людям, в котором проявляется холодное безразличие, эгоистический расчет, себялюбие и т. д.

Вот выдержки из двух писем.

Девушка Линда П., приехавшая в Ростов, чтобы держать вступительные экзамены, описывает подруге, как она «развлекается» в общежитии. «Да, тут одна получила фото от своего «Кирилла» и рада: поставила перед собой и любит. Потом забыла и ушла. Я же взяла и привесила его под потолок вниз головой для грохота (для смеха.— П. Я.). Вот она ноет себе два дня подряд, чтоб отдали, а я говорю: «Не тебе одной на него смотреть. И мы тоже посмотрим»².

«Литературная газета», опубликовала в одной из статей письмо молодого человека, который писал своей знакомой:

«Здравствуй Ирина!.. В настоящее время у меня есть большое желание перейти на работу в столичный вуз в качестве преподавателя (ассистента)... Но у меня в Москве нет ни родных, ни знакомых, которые смогли бы помочь мне с работой и квартирой. При данном состоянии обстоятельств остается искать таких помощников путем бракосочетания. Конечно, стремление организовать семью диктуется не только желанием устроиться получше и потеплее, но и тем, что мне уже 29 лет... Родители моих знакомых должны быть ... ответственными лицами...

...Поскольку вход в мою квартиру проходит через общий коридор, где проживают любопытные соседи, то

¹ «Советская Россия» от 11 января 1957 г.

² «Комсомольская правда» от 30 января 1955 г. Из статьи Е. Русаковой «Что такое мещанство».

мне бы хотелось, чтобы ты писала от имени мужчины и данные о знакомых так же сообщала, как о юношах... Письмо после того, как ты усвоишь его содержание, следует обязательно уничтожить»¹.

Расчетливость, нравственная трусость, черствость характерны для этого человека. Встречающиеся еще подобные факты делают особенно существенной проблему воспитания чувств нашего подрастающего поколения.

Те изменения, которые мы замечаем в чувствах передовых советских людей, очень ярко проявляются и в области эстетических чувств, связанных с восприятием произведений искусства. Огромное распространение произведений классиков русской и зарубежной литературы ярко свидетельствует о том, с каким интересом читают их советские люди. Советских людей волнует музыка великих композиторов, восхищают прекрасные полотна художников. Восприятие этих произведений вызывает у них эстетические чувства, имеющие ряд характерных признаков.

Очень важно отметить, что эстетические чувства, которые возникают у передового советского человека, глубоко содержательны и идейны. Они отнюдь не заключаются лишь в наслаждении мастерством художника и красивой и выразительной формой произведения, это не любование лишь великолепными приемами писателя, актера, режиссера, живописца, это прежде всего постижение того идейного содержания, которое выражено в произведении. Само собой разумеется, что каждое произведение искусства затрагивает нас эмоционально, волнует нас. Именно на этой основе мы глубоко проникаем в существо произведения, в то, что хотел раскрыть художник. Эстетические чувства, которые у нас возникают при этом, — это чувства, органически связанные с нашими моральными оценками, определяющими наше отношение к героям и событиям, изображенным в произведении. Мы их любим или ненавидим, сочувствуем или испытываем неприязнь, руководствуясь принципами коммунистической нравственности. Наши эстетические чувства определяет не форма сама по себе, оторванная

¹ «Литературная газета» от 11 января 1955 г. Из статьи Вл. Михайлова «Карьера и любовь».

от основной идеи и содержания произведения, а идейное содержание, воплощенное в замечательную художественную форму.

Режиссер Сергей Образцов в открытом письме к английскому режиссеру Майклу Макоуэну писал: «Вы пишете: «Когда я думаю обо всем том, что мне довелось испытать в театре, о минутах веселья и радости, нежности, сочувствия и просветления, о наслаждении красотой и гаммой красок, я могу лишь над ним (противником его эстетствующих взглядов) посмеяться или скорбеть за него».

Не стоит смеяться, г-н Макоуэн. Лучше скажите, что Вы понимаете под словами «веселье», «радость», «сочувствие»? Ведь эти понятия не существуют безотносительно к тому, чем вызвано веселье и радость, чему или кому Вы сочувствуете и отчего возникает «просветление»... Книга, спектакль или роль в руках художника — оружие, и нельзя размахивать им безответственно. Можно поранить человеческие души»¹.

Именно идейностью и содержательностью эстетического восприятия и эстетических чувств и их связью с моральным сознанием объясняется значение художественных произведений в формировании сознания советского человека. Именно благодаря такому характеру эстетического воздействия советские художники формируют мировоззрение советских людей. Это и приводит к тому, что лучшие произведения советского искусства, порождая комплекс эстетических чувств, могут производить такое действенное впечатление.

Мать лейтенанта Леонида Зыкова, который погиб на фронте в 1942 г., рассказывает о том впечатлении, какое на ее сына произвело произведение Н. Островского «Как закалялась сталь»: «Он старался подражать характеру и поведению Павла Корчагина, которого он выбрал как пример для себя. Он во всем подражал ему, любил как старшего брата»².

Все это говорит о том, какой значительный эмоциональный отклик вызывают правдивые, реалистические художественные произведения у советских людей. Произведения же формалистические, лишённые подлинного

¹ С. Образцов, «Литературная газета» от 1 марта 1948 г.
² Из материалов, хранящихся в музее Н. Островского в Москве.

содержания, не передающие глубоко правды жизни, вызывают отрицательное отношение.

Но и в области эстетических чувств мы не всегда встречаемся с правильным эмоциональным откликом на воздействие художественных произведений. Вот перед нами письмо группы молодежи (студентов и рабочих), написанное в редакцию «Литературной газеты» по поводу фильма-балета «Ромео и Джульетта». Молодые люди, посмотревшие фильм, недоумевают по поводу «искренней, безумной и неправдоподобной любви между юношей и девушкой, приведшей к смерти обоих», и заключают: «Глупая, бессмысленная смерть без дуэли, без интриг, без всяких причин, толкающих на это. Смерть из-за любви. Безыдейно и бестактно»¹.

Приходится говорить в данном случае о том, что эмоциональный отклик не соответствует тому художественному произведению, которое воспринималось. В таком отклике сказалось упрощенное понимание человеческих отношений, раскрытых в трагедии Шекспира, неумение понять большое чувство самоотверженной любви.

У советского человека не только изменились отдельные чувства, связанные с определенными явлениями действительности и поведением людей, но и весь эмоциональный строй его личности. Это проявляется в том, что определенные явления жизни и отношений людей вызывают особенно острый и глубокий эмоциональный отклик в советском человеке, что определенного рода чувства являются ведущими для его личности, занимают значительное место в его духовном мире и оттесняют другие виды эмоционального отношения.

Ведущими для советского человека являются морально-политические чувства. Эти чувства очень глубоки, они занимают очень существенное место в личности советского человека. Больше того, эти чувства в известной мере определяют характер и место других его чувств. Эту черту в советских людях отмечает М. И. Калинин. Он говорит: «Почему коммунизм дает такую зарядку людям? У настоящего коммуниста личные переживания носят подчиненный характер: случилась какая-

¹ «Литературная газета» от 26 апреля 1955 г. Из статьи Атарова «Воспитание чувств».

то семейная неприятность — очень тяжело, но я думаю, что от этого социализм не пострадал, и следовательно, и работа не должна страдать. Понятно, если ты живешь только домашними интересами, только и думаешь все время о себе или о своей Фекле, то настоящим коммунистом не будешь. А когда действительно будешь активно работать, активно участвовать во всей стройке, то... забудешь бытовые мелочи и личные невзгоды»¹.

Мир чувств советского человека многообразен потому, что многообразны его отношения к действительности. Он восприимчив к искусству, к отношениям между людьми, ко всем явлениям общественной жизни.

Советский человек испытывает глубокие отцовские и материнские чувства.

В «Повести о настоящем человеке» Б. Полевого происходит разговор между комиссаром Степаном Ивановичем и хирургом Василием Васильевичем, потерявшим на фронте сына — талантливого молодого ученого. Старик-хирург говорит о том, что, стоило бы ему позвонить, и сын остался бы с ним в госпитале и приносил бы огромную пользу раненым, но он этого не сделал:

«— Он мог стать гордостью советской медицины... если бы мне тогда позвонить!

— Вы жалеете, что не позвонили?

— О чем вы? Ах, да... Не знаю, не знаю.

— А если бы теперь все повторилось снова, вы сделали бы иначе? Так как же? — спросил комиссар, и в его голосе слышалась бесконечная теплота.

— Не знаю... На ваш вопрос сразу не ответишь. Не знаю, но кажется, повторив все сначала, и поступил бы так же. Я же не лучше, но и не хуже других отцов...»

Огромное чувство отцовской любви отступает перед другим чувством, чувством советского патриотизма, столь свойственным советским людям нашей эпохи. Это чувство окрашивает отношение матери к детям, отношения любящих людей друг к другу. Единство отношений в этом плане создает основу для прочного союза у советских людей.

Николай Чехович писал: «Мама, в девушке, которую я полюбил, я нашел все, о чем мечтал. У нее совершенно

¹ М. И. Калинин, О коммунистическом воспитании, изд-во «Молодая гвардия», 1947, стр. 19—20.

такие же взгляды на жизнь, на любовь, как у меня... Вечера, проведенные с нею, были самыми счастливыми. Но на войне счастье не бывает продолжительным»¹.

Нельзя забывать, однако, что формирование чувств советского человека, о которых мы говорили, представляет собой еще не заверченный процесс.

Было бы неверно утверждать, что новые чувства, о которых мы говорили, совершенно вытеснили прежние чувства, не свойственные людям социалистического общества. Корни старого, представляющие собой пережитки капитализма в сознании, еще продолжают жить. Такие пережитки получают свое проявление и в сфере чувств человека. Так, в человеке рядом с новыми чувствами трудового энтузиазма, советского патриотизма могут жить грубая ревность, тщеславие и т. д. Эти чувства могут выступать более явно и быть более скрытыми. И это обстоятельство объясняет всю важность задачи воспитания чувств у подрастающего поколения.

¹ «Дневник офицера», изд-во «Молодая гвардия», 1945, стр. 52.

ГЛАВА 3

ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЧУВСТВ

Наблюдения показывают, что эмоциональные процессы, эмоциональные реакции имеют место тогда, когда нервное возбуждение охватывает подкорковые центры, управляющие симпатической нервной системой (регулирующие деятельность сердца, органов дыхания, пищеварения, желез внутренней секреции). Поэтому можно сказать, что переживание чувства связано в какой-то мере с деятельностью всего организма.

Ряд исследований показал, что во время эмоциональных состояний в организме происходят различные изменения (в деятельности сердца, органов дыхания, мышц и т. д.).

Удалось вскрыть на основе точной записи изменений пульса, кровяного давления, электрической сопротивляемости кожи («психогальванический рефлекс»), дыхания, какие серьезные сдвиги происходят в характере их деятельности во время эмоциональных процессов. Оказалось, что сдвиги в деятельности пульса, дыхания (в сравнении с нормой) во время переживания человеком разных эмоций характеризуются очень большой амплитудой колебаний.

Усиление или ослабление дыхания, пульса зависит от того, какой характер носит испытываемая человеком эмоция — подавляет ли она, или усиливает общую деятельность организма. Такие колебания в деятельности пульса и дыхания при разных эмоциях отчетливо видны на кривых, которые изображены на рис. 4—7¹. (Они

¹ При сравнении с нормальной кривой пульса и дыхания (составляющей 14—16 вдохов в минуту (рис. 3) мы имеем очень резкие

взяты из работ французского психолога Дюма, который особенно много занимался этим вопросом.)

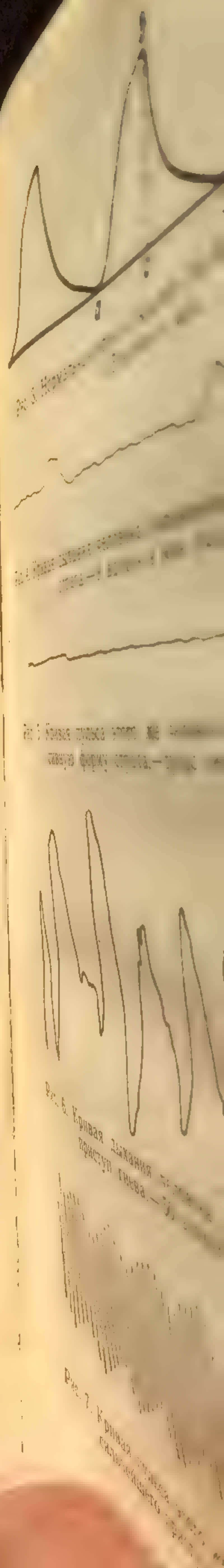
Но значит ли это, что переживание чувств (эмоций) имеет своей физиологической основой лишь деятельность подкорки, как утверждают это некоторые исследователи?

В качестве убедительного аргумента эти исследователи приводят такие факты: животные, у которых в результате специальных опытов была удалена кора головного мозга, вместе с тем продолжали проявлять (правда, в измененном виде) внешние признаки эмоций ярости, страха и т. д. Однако надо заметить, что проявление одних внешних признаков эмоции, связанной с изменениями мимики и пантомимики, еще не свидетельствует о том, что эмоция как таковая действительно налично. Многочисленные факты исследований и наблюдений за поведением и психическим состоянием больных людей, имеющих поражения мозга, говорят о том, что, например, смех не является еще свидетельством веселья, так же как слезы — свидетельством переживаемого огорчения. Больной может смеяться и быть при этом печален и т. д. Одно внешнее выражение, соответствующее определенной эмоции, еще не определяет ее.

Вопрос о физиологических основах эмоций подвергся широкому экспериментальным исследованиям после появления теории Джемса — Ланге. Среди многочисленных исследований необходимо упомянуть работы В. Кэннона и его школы. Кэннон считал, что теория Джемса — Ланге относительно того, что причиной возникновения эмоции являются процессы, связанные с изменением деятельности внутренних органов, необоснованна. Он высказал следующие соображения. Мы имеем факты,

сдвиги в сторону увеличения — уменьшения числа ударов пульса и количества вдохов в зависимости от природы эмоционального состояния. Когда налично эмоция, приводящая к понижению жизнедеятельности организма, то пульс теряет свою наполненность, делается более редким, иногда становится нерегулярным, так же как становится более редким и менее глубоким дыхание (см. рис. 4—5).

Когда же перед нами эмоция, ведущая к повышению жизнедеятельности организма, то пульс становится отчетливым, наполненным, может достигать большого числа ударов, и дыхание делается более глубоким и очень частым (см. рис. 6—7). Такие же резкие отступления от нормы во время переживания эмоции проявляются и в электрической сопротивляемости кожи, кровяном давлении и т. д.

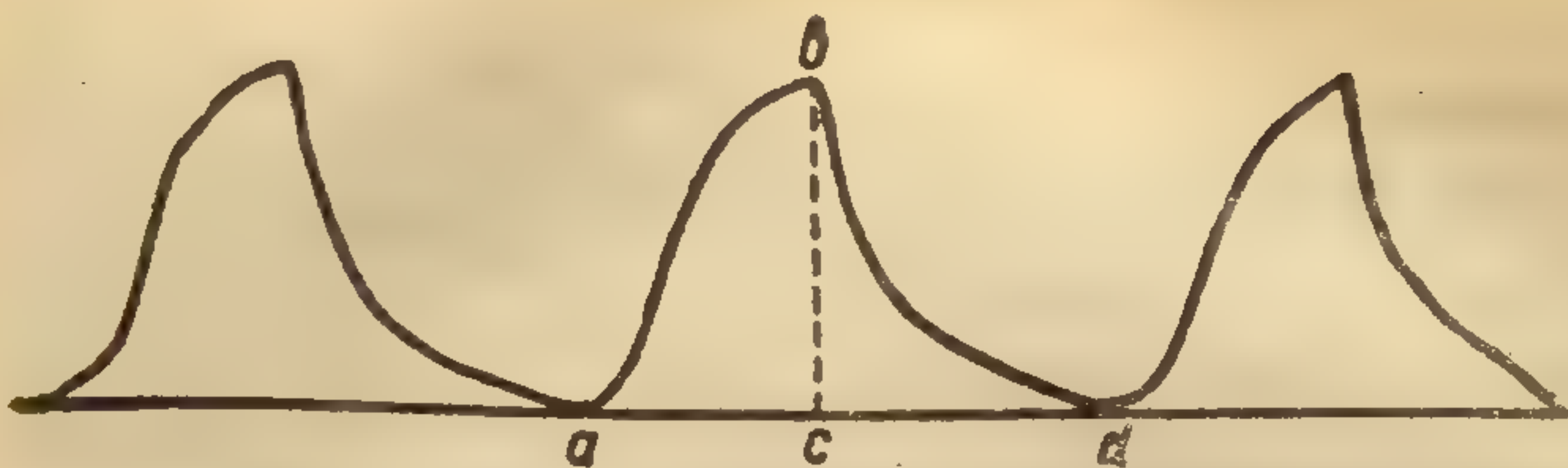

Рис. 3. Нормальная кривая дыхания (по И. А. Сикорскому)—
15 вдохов ■ мин.

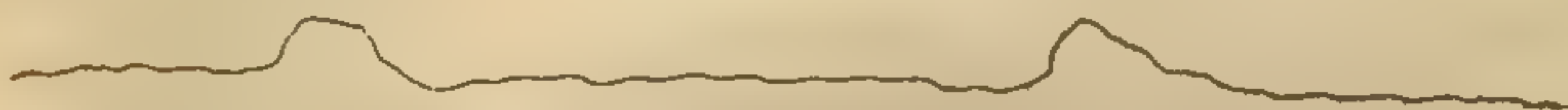

Рис. 4. Кривая дыхания человека, переживающего пассивную форму
страха,—9 вдохов в мин. (из Дюма)

Рис. 5. Кривая пульса этого же человека, переживающего пас-
сивную форму страха,—пульс нерегулярный

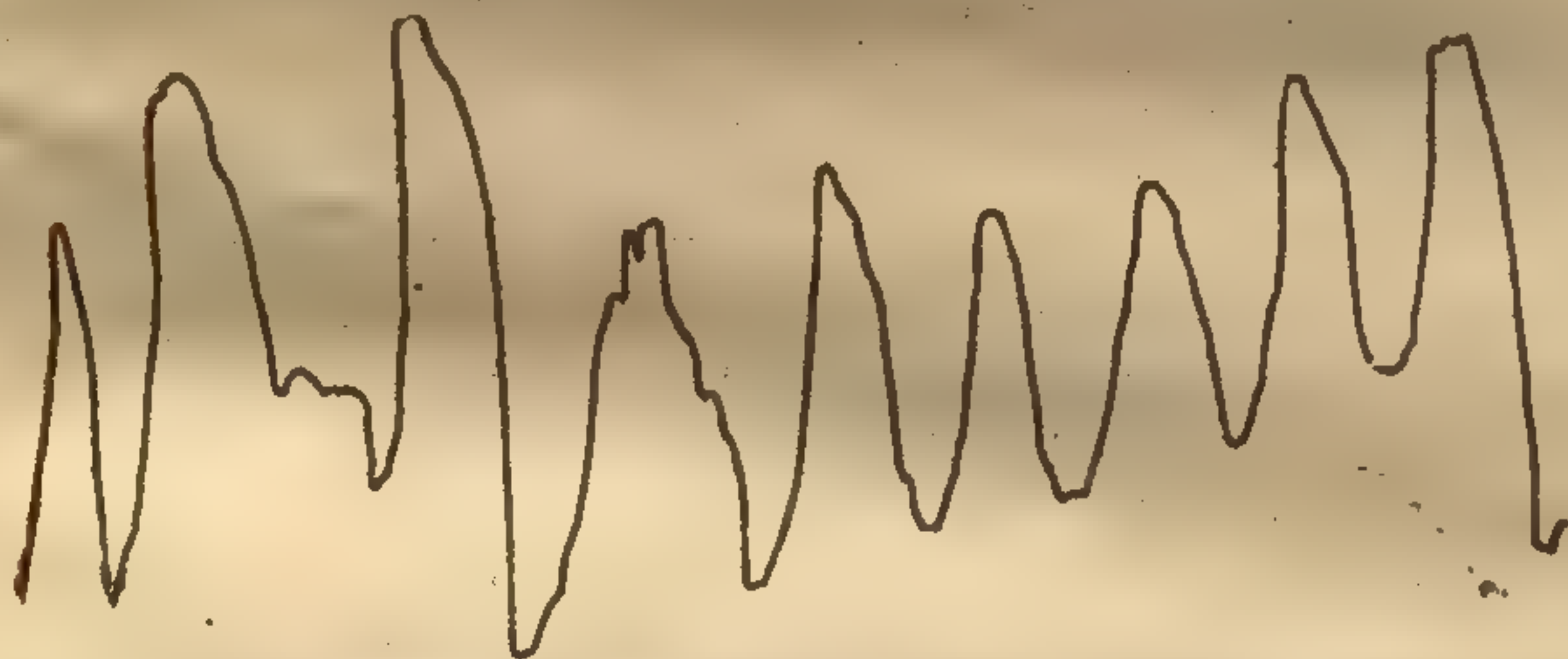

Рис. 6. Кривая дыхания человека, испытывающего сильнейший
приступ гнева,—50 вдохов ■ мин. (из Дюма)

Рис. 7. Кривая пульса этого же человека во время переживания
сильнейшего приступа гнева — 150 ударов ■ мин.

выявившиеся при некоторых несчастных случаях, когда в силу травмы у человека наступает отделение центральной нервной системы от периферической и вместе с тем эмоциональное поведение у такого человека не исчезает. Далее, результаты наблюдения и специальных опытов показывают, что одинаковые внутрителесные изменения имеют место при отчетливо различных эмоциональных состояниях. Наконец, возбуждение внутренних органов, имеющее такой характер, который свойственен им при переживании сильных эмоций, если такое возбуждение производится искусственно (не затрагивая центральной нервной системы), эмоций не вызывает. Наличие одного лишь возбуждения симпатической нервной системы, связанной с изменением дыхания, кровообращения, желез внутренней секреции (выделение надпочечниками адреналина, что имеет обычно место при эмоциях гнева, страха, ярости и т. д.), как показали опыты Кэннона, само по себе не приводит к возникновению эмоций¹.

Это положение подтверждается экспериментальными данными опытов с впрыскиванием людям адреналина. В результате впрыскивания можно получить физиологические симптомы, характерные для таких эмоций, как страх, гнев и т. п., но самой эмоции при этом не получается. Человек ощущает сердцебиение, дрожь и т. д., но чувств он не переживает. Состояние, испытываемое человеком после впрыскивания адреналина, может только напоминать ему некоторые симптомы испытанных различных эмоций.

Опыты Кэннона и его сотрудников раскрыли те значительные сдвиги, которые происходят в организме во время эмоции (изменение состава крови: выделение адреналина, сахара и т. д.), и вместе с тем показали, что периферическая теория Джемса—Ланге является неправильной. Без наличия возбуждения в центральной нервной системе (это подтвердили и опыты Шеррингтона) эмоция как таковая не возникает.

Кэннон выступил с утверждением, что физиологической основой возникновения эмоций являются нервные процессы, происходящие в определенном отделе мозга.

¹ Ряд исследований Кэннона опубликован в его переведенной на русский язык книге «Физиология эмоций», М., 1927.

именно в зрительном бугре (thalamus). Возникла так называемая таламическая теория эмоций. Однако эта теория, несмотря на то, что имеются данные, подтверждающие, что действительно нервные процессы в зрительном бугре имеют место при переживании эмоции, не получила полного признания и вызвала ряд возражений, поскольку не давала полной картины участия всех компонентов нервной системы человека в возникновении и развитии эмоции.

Подводя итоги развернувшейся дискуссии, Ньюмен, Перкинс и Уилер писали: «Эмоция является функцией объединенной нервно-мускульной системы. Если внутри-телесные и внешнетелесные (выразительные) факторы отсутствуют, то эмоции нет; если кора головного мозга подавлена, то выразительные и органические изменения могут иметь место без эмоции; если нарушен корти-кально-таламический баланс, эмоциональный опыт может быть изменен в самом различном виде. Кортикаль-ные, таламические, органические и периферические ус-ловия являются все необходимыми. Величайшее значе-ние имеет истолкование возникающей ситуации и свя-занный с ее пониманием ответ, который и определяет, будет или не будет эмоциональная система полной и бу-дут ли участвовать периферические условия в ответе, носящем эмоциональный или неэмоциональный харак-тер. Ценный труд Хэда, Кэннона и других относитель-но функции зрительного бугра имеет тем большее зна-чение, если мы не добиваемся локализации эмоции в определенном месте мозга»¹.

После теории Кэннона появился ряд других попыток объяснить физиологические основы эмоций (Крайль, Мерстон и др.)

То обстоятельство, что мы не имеем еще достаточно полного физиологического объяснения основ возникно-вения и развития эмоций, приводит к попыткам преодо-леть односторонность теории Джемса — Ланге и теории Кэннона. В этом отношении большое значение имеют взгляды П. К. Анохина. П. К. Анохин считает, что Кэннон и Шеррингтон не опровергли положений теории

¹ E. Newman, F. Perkins and R. Wheeler. Kannon's theory of emotion: a critique, "Psychological Review", 37, 1930, p. 326.

Джемса—Ланге. «Недостаточность этих концепций,—пишет он,—становится очевидной при рассмотрении отдельных экспериментов Шеррингтона и Кэннона, на основе которых они возражают против теории Джемса—Ланге»¹.

П. К. Анохин считает, что противоречия, которые возникли между теориями о центральном и периферическом построении эмоций, не соответствуют действительной природе явления эмоции. Он полагает, что для правильного понимания эмоций надо учитывать их роль в деятельности организма, в его приспособлении к окружающей среде. Первичное эмоциональное ощущение в ходе эволюции появилось в качестве критерия положительно оконченного действия. Эмоциональное состояние «в некоторых случаях может быть единственным критерием успешности действия периферических аппаратов». «Эмoция возникает как обязательное следствие полноценного периферического рабочего эффекта. Согласно этому представлению субъективное состояние эмоции неизбежно должно возникать на какую-то долю секунды позднее, чем первичный комплекс нервной интеграции»².

Хочет этого или не хочет автор, но П. К. Анохин тем самым склоняется к точке зрения теории Джемса—Ланге, поскольку переживание эмоции возникает позже, чем работа периферического аппарата. Он это отрицает, исходя из того, что нет единственного объяснения механизма возникновения эмоции, так как очень большую роль играет индивидуальный опыт животного, который вносит изменения в деятельность механизма эмоции. По мнению П. К. Анохина, физиологический аппарат эмоции не является чем-то однообразным и постоянным для всех форм внешних раздражений и для всех стадий развития организма, поэтому на определенных стадиях развития организма центральный нервный аппарат играет первичную роль в возникновении эмоции.

Мы не ставим своей целью изложение других теорий о физиологических основах эмоций, так как нашей целью является осветить не просто физиологические

¹ П. К. Анохин, Узловые вопросы в изучении высшей нервной деятельности, сб. «Проблемы высшей нервной деятельности», изд-во АМН СССР, 1949, стр. 63.

² Там же, стр. 80.

основы эмоций, которые И. П. Павлов сближал с инстинктами, а именно физиологические основы чувств. Чувство как более или менее устойчивое отношение человека к действительности выявляется в различного рода переживаниях, связано с личностью человека, с его убеждениями, моральным опытом и т. д.

Можно ли себе представить, что физиологической основой так понятных чувств является деятельность подкорки? Безусловно, нет. Ведущим началом в нервной деятельности больших полушарий головного мозга при испытании чувств человеком является деятельность коры. Это положение глубоко раскрыто в учении И. П. Павлова о деятельности коры и подкорки. Эмоции как своеобразно окрашенные переживания могут иметь место только тогда, когда нервное возбуждение охватывает подкорку и кору. Это относится и к переживаниям, которые возникают на основе инстинктов, и тем более к переживаниям, возникающим на более сложной основе взаимодействия человека с действительностью.

«Кто отделил бы,—говорит И. П. Павлов,—в безусловных сложнейших рефлексах (инстинктах) физиологическое соматическое от психического, т. е. от переживаний могучих эмоций голода, полового влечения, гнева и т. д.»¹. Вне деятельности коры нет и переживаний эмоций.

И. П. Павлов отмечает значение подкорки для эмоциональных процессов: «Эти подкорковые узлы,—говорит он,—являются центрами важнейших безусловных рефлексов, или инстинктов: пищевого, оборонительного, полового и т. п., представляя, таким образом, основные стремления, главнейшие тенденции животного организма. В подкорковых центрах заключен фонд основных внешних жизнедеятельностей организма... Подкорка оказывает положительное влияние на кору больших полушарий в качестве источника их силы»². В деятельности подкорки коренится сила эмоциональных реакций.

Но вместе с тем И. П. Павлов очень детально раскрывает, как на основе сложнейшей деятельности коры больших полушарий возникает многообразие чувств, присущих человеку.

¹ И. П. Павлов, Собр. соч., т. III, ч. 2, стр. 335.

² Там же, стр. 402—403.

Неправильной является та точка зрения, что чувства возникают в результате лишь деятельности подкорки (симпатическая нервная система, диэнцефалические процессы и т. д.) и что вместо деятельности коры головного мозга, которая, как говорит И. П. Павлов, «держит в своем ведении все явления, происходящие в теле», для объяснения возникновения протекания и изменения эмоциональных состояний человека выдвигается деятельность подкорки.

А. Г. Иванов-Смоленский пишет: «Эмоциональное состояние есть центрально-нервный, главным образом церебральный, процесс, соответствующий в нервной системе той сложной мускульно-сосудистой висцеральной реакции, которая охватывает весь организм в целом».

Говоря о работе Н. Гарцштейн «О вегетативном аккомпанементе двигательных условных рефлексов и тормозов у детей», А. Г. Иванов-Смоленский пишет: «Как показывает данная работа, почти общепринятое положение о том, что аффективная деятельность есть деятельность подкорки, — неправильно. Эмоциональные реакции у ребенка обычно происходят при деятельном участии мозговой коры»¹.

Иначе говоря, для того чтобы возникла эмоция, недостаточно того, чтобы происходили нервные процессы в периферической нервной системе, и в подкорке; необходимо, чтобы возникли соответствующие процессы в коре головного мозга. Чтобы имела место эмоция, возбуждение должно охватить и кору и подкорку. Что касается направления хода движения возбуждения, то оно может быть различным.

«Ход возбуждения при взаимоотношениях коры и подкорки, — пишет В. С. Дерябин, — возможен в обоих направлениях, как от подкорки к коре, так и от коры к подкорке»². Для появления эмоции существенно, чтобы возникло такое взаимоотношение и возбуждение захватило кору и подкорку.

Но надо помнить, что центры тех телесных реакций,

¹ Цит. по сб. «На пути к изучению высших форм нейродинамики ребенка», под ред. А. Г. Иванова-Смоленского, 1934, стр. 23 и 258.

² В. С. Дерябин, Аффективность и закономерности высшей нервной деятельности, «Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова», т. I, вып. 6, 1951, стр. 890.

которые являются характерным признаком эмоциональных процессов, находятся в подкорке.

Связь между корой и подкоркой в отношении возникновения и протекания эмоциональных процессов вскрывается еще с одной стороны. Вся деятельность коры оказывает тормозящее влияние на деятельность подкорки. Телесные реакции человека под воздействием коры приобретают упорядоченный характер, подвергаются регулированию.

И. П. Павлов пишет: «Тормозящее влияние коры, установленное в физиологии еще со времен Сеченова, особенно наглядно выступает в одном нашем эксперименте... Одним из моих сотрудников мне был показан случай обычного военного невроза. Пациент, бывший военный командир, как только засыпал или приходил в сонное состояние, сейчас же начинал кричать, махать руками и ногами, отдавал приказы, командовал — словом, *переживал все сцены войны*. В остальном больной никаких отклонений от нормы не представлял»¹. «Курсив мой. — П. Я.)

Эти наблюдения И. П. Павлова подтверждаются и другими наблюдениями.

«У человека, — пишет В. С. Дерябин, — при органических поражениях коры головного мозга и вызванном ими ослаблении ее тормозящего влияния на подкорку (прогрессивный паралич и др.) аффекты гнева, страха легко возникают и достигают большой силы»².

Хотя в подкорке находятся центры, управляющие непроизвольными телесными проявлениями эмоций, все же возникновение эмоций невозможно без процессов, которые происходят в коре головного мозга. Именно в коре мозга формируются те устойчивые отношения к действительности, поддержание или нарушение которых вызывает всевозможные эмоциональные реакции.

Как же возникают чувства, какие процессы высшей нервной деятельности коры больших полушарий головного мозга приводят к появлению многообразных чувств? Ответ на эти вопросы дает учение И. П. Павлова.

¹ И. П. Павлов, Собр. соч., т. III, ч. 2, стр. 405.

² В. С. Дерябин, Аффективность и закономерности высшей нервной деятельности, «Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова», т. I, вып. 6, стр. 897.

И. П. Павлов показывает, что различные виды чувств, испытываемые с различной степенью интенсивности, возникают на основе работы коры больших полушарий. Нормальное течение работы коры, затрудненное протекание работы коры, различного вида сдвиги в деятельности коры приводят к различного вида чувствам, переживаемым с различной эмоциональной окраской. Какими изменениями в процессе работы головного мозга могут вызываться чувства? Такие изменения в функционировании коры могут быть вызваны прежде всего тормозным состоянием больших полушарий, когда тормозной процесс задерживает раздражительный процесс. Затем эти изменения могут быть вызваны заменой привычных раздражителей непривычными раздражителями. А это приводит к ломке сложившегося стереотипа высшей нервной деятельности и предполагает предъявление новых, необычных требований к деятельности коры. Нормальное соотношение между раздражительным и тормозным процессом в коре во всех этих случаях нарушается и приводит к возникновению отрицательно окрашенных чувств. Когда же процессы переключения на новую деятельность происходят в коре незатрудненно, переключение является подготовленным, тогда имеет место возникновение положительно окрашенных чувств.

Обратимся к конкретным материалам. Сначала осветим вопрос о значении торможения.

Тормозной процесс, происходящий в нервных клетках коры полушарий головного мозга, может привести к появлению ряда чувств в том случае, когда он приводит к задержке раздражительного процесса, совершающегося в полушариях.

И. П. Павлов говорит: «Полное поведение животного складывается из балансирования раздражительного и тормозного процессов, приуроченных к различным агентам. Но... это балансирование для животного вещь часто не очень легкая и стоит большого напряжения, большого труда...

Если я вызвал раздражительный процесс и хочу его ограничить тормозным процессом, то животному трудно: оно начинает визжать, лаять, рваться из станка и т. д. И это только потому, что я вырабатываю трудный баланс между возбуждением и торможением.

Если каждый из нас обратится к своей жизни и деталям своего поведения, то найдет много сходных примеров. Если я, например, чем-нибудь занят, меня направляет известный раздражительный процесс, и если в это время мне скажут: «сделай то-то», *мне делается неприятно* (курсив мой. — П. Я.). Это, ведь, значит, что сильный раздражительный процесс, который меня занимал, мне надо затормозить и перейти потом к другому. Классический пример в этом отношении представляют так называемые капризные дети. Вы приказываете им что-нибудь сделать, т. е. требуете от ребенка затормозить один раздражительный процесс и начать другой. И дело доходит часто до сильной сцены. Ребенок бросается на пол, стучит ногами и т. д.»¹

Итак, можно сказать, что причиной возникновения неприятного чувства является перемена раздражителей, когда сильный раздражительный процесс заторможен и затруднен переход к другому процессу. Все те переключения к новым деятельности, к которым мы не подготовлены, которые вторгаются неожиданно в налаженный ход жизни, порождают неприятные чувства. Тормозное состояние больших полушарий является основой возникновения таких чувств, как страх, боязливость и т. д.

Появление чувств, характер их (положительно или отрицательно окрашенный), сила переживания их объясняются тем, как протекают наши нервные процессы — затрудненно или незатрудненно в отношении перехода от одних процессов к другим.

В этом характере перехода коренится причина возникновения чувств, окрашенных то положительно, то отрицательно.

«Наши чувства приятного, неприятного, легкости, трудности, радости, мучения, торжества, отчаяния и т. д., — пишет И. П. Павлов, — связаны то с переходом сильнейших инстинктов и их раздражителей в соответствующие эффекторные акты, то с их задерживанием со всеми вариациями либо легкого, либо затруднительного протекания нервных процессов, происходящих в больших полушариях, как это видно на собаках, решаю-

¹ И. П. Павлов, Двадцатилетний опыт..., изд. 4, Госиздат, 1928, стр. 337—338.

щих или не могущих решить нервные задачи разных степеней трудности»¹.

Причину возникновения сильных контрастных переживаний, борьбы чувств, которые часто могут очень ярко проявиться у человека при столкновении его со сложной задачей, И. П. Павлов видит в явлениях взаимной индукции. «Наши контрастные переживания, — пишет он, — есть, конечно явления взаимной индукции»².

И. П. Павлов всем своим учением раскрывает положение о том, что деятельность нервной системы направляется на связь организма с окружающей средой, на уравнивание организма с внешними условиями. И он показывает, что это уравнивание, все более тонкое и адекватное, осуществляется под действием коры. Такое уравнивание с теми воздействиями, которые возникают из окружающей среды, предполагает наличие тонких процессов анализа и синтеза, возникновение таких временных нервных связей, которые образуют в целом правильную реакцию на сложные и меняющиеся воздействия.

«Временная нервная связь есть универсальнейшее физиологическое явление в животном мире и в нас самих»³, — говорит И. П. Павлов. Повторяющиеся воздействия определенного характера ведут к образованию целых систем временных связей или динамических стереотипов. Это обстоятельство объясняет, почему возможно образование временных связей различного рода.

Такие стереотипные реакции становятся основой устойчивого отношения человека к тем или другим сторонам окружающей жизни. Этим и объясняется возникновение чувств как устойчивых видов эмоционального отношения личности к повторно возникающим воздействиям окружающей человека действительности.

И вот самый процесс образования динамических стереотипов разного рода (изменение их), ломка их и является физиологической основой возникновения чувств (переживаний) разного характера.

Характеризуя работу нашей коры в целом, И. П. Павлов говорит: «Мы имеем перед собой, во-первых, сложнейшую конструкцию, мозаику. По проводящим путям

¹ И. П. Павлов, Собр. соч., т. III, ч. 2, стр. 335.

² Там же.

³ Там же, стр. 325.

направляются в кору бесчисленно-различные положительные процессы, к ним ■ самой коре присоединяются тормозные процессы... Все это встречается, сталкивается и должно складываться, систематизироваться. Перед нами, следовательно, во-вторых, грандиозная динамическая система. И мы на наших условных рефлексах у нормального животного наблюдаем и изучаем это непрерывное систематизирование процессов, можно бы сказать — непрерывное стремление к динамическому стереотипу...

Не только установка, но и более или менее продолжительная поддержка динамического стереотипа есть серьезный нервный труд...

Нужно думать, что *нервные процессы полушарий при установке и поддержке динамического стереотипа* есть то, что обыкновенно называют *чувствами* в их основных категориях, положительной и отрицательной, ■ их огромной градации интенсивностей. Процессы установки стереотипа, довершения установки, поддержки стереотипа и нарушений его и есть субъективно разнообразные положительные и отрицательные чувства»¹.

«Здесь — чувство трудности и легкости, бодрости и усталости, удовлетворенности и огорчения, радости, торжества и отчаяния и т. д. Мне кажется, что часто тяжелые чувства при изменении образа жизни, при прекращении привычных занятий, при потере близких людей, не говоря уже об умственных кризисах и ломке верований, имеют свое физиологическое основание в значительной степени именно в видоизменении, в нарушении старого динамического стереотипа и трудности установки нового. При сильной напряженности и длительности таких случаев может наступить даже болезненная меланхолия»².

Закономерности высшей нервной деятельности позволяют не только объяснить появление положительной или отрицательной окраски в переживаемых чувствах и различие в градациях силы переживания, но и процесс расширения круга объектов, на которые направлено то или другое конкретное чувство, ■ также процесс изменения характера испытываемого чувства, его перестройку. То

¹ И. П. Павлов, Собр. соч. т. III, ч. 2, стр. 229—230.

² Там же, стр. 244.

обстоятельство, что возникновение чувств носит условно-рефлекторный характер, имеет существенное значение. Объекты, явления окружающей действительности («раздражители»), первоначально являющиеся для нас безразличными, в силу возникшей временной связи между ними и объектами, вызывающими нашу эмоциональную реакцию, начинают сами вызывать таковую. Остро испытанная нами неприятность, обида, оскорбление, происходившие в конкретной местности, доме и так далее, приводят к тому, что у нас возникает в какой-то мере неприязненное отношение к этой местности, дому и т. д. Влюбленный любит не только предмет своей любви, но начинает также испытывать привязанность к тому месту, где проходили счастливые для него встречи; он начинает испытывать положительный интерес к ранее безразличному для него кругу явлений, фактов окружающей жизни, к которым небезразличен любимый человек (если это только не противоречит его установившимся взглядам, принципам и т. д.). В силу условнорефлекторных связей имеет место и перестройка характера испытываемого чувства. Героиня рассказа Чехова «Шуточка», безумно боящаяся катания на санках с крутой горы, начинает стремиться к этому катанию, чтоб услышать слова: «Я люблю вас, Наденька!» Так пропадает отрицательная эмоция страха и возникает положительная эмоция, связанная с катанием.

Закономерности высшей нервной деятельности дают уже сейчас возможность объяснить и некоторые явления повторного возникновения чувств.

Накоплен материал, который показывает, как при возобновлении временной связи (целиком или в ее отдельных компонентах) путем ли повторения ситуации или путем оживления следов в результате деятельности второй сигнальной системы могут вновь возникать эмоциональные реакции.

Так, при воспоминании об обиде или нанесенном оскорблении может вновь вспыхнуть гнев: сжимаются кулаки, меняется выражение лица, человек краснеет и т. д. — одним словом, появляется соответствующая вегетативная реакция. Яркое представление о тех объектах, которые в свое время были связаны с переживанием сильной эмоции, вновь вызывает, правда, в ослабленном виде, ту эмоцию, которая ассоциировалась с ними.

Следует помнить, что образующиеся временные связи с различного рода компонентами окружающей действительности в момент эмоциональной реакции имеют сложный и многообразный характер.

«При переживании эмоции,— отмечает В. С. Дерябин,— последняя ассоциируется не только с одним каким-либо объектом, но со всей обстановкой, в которой протекало переживание; ассоциируется все течение переживания в его последовательности»¹. Это обстоятельство приводит к тому, что когда возобновляется один из компонентов окружающей действительности, который входил в обстановку, обусловившую образование эмоциональной реакции, то может оживиться и вся эмоциональная реакция.

Так, например, человек испытал однажды сильную эмоцию страха. И вот при восприятии им вновь одной из существенных деталей обстановки, в которой у него возникла эмоция страха, им вспоминается все сложное переживание в целом и воспроизводится его течение.

Правда, подобного рода факты могут быть в том случае, если оживление временной связи в силу каких-либо обстоятельств не было заторможено (человек видит деталь обстановки, в которой возникал у него раньше страх, и все же страха не возникает).

Приходится учитывать, что характер временных связей, образующихся во время эмоциональных реакций, не всегда устойчив. Повторное возникновение ситуации, при которой возникала та или другая эмоциональная реакция, может в некоторых случаях вести к ослаблению этой временной связи и изменению эмоциональной реакции.

Нами были отмечены те изменения в ходе нервных процессов, которые происходят в коре головного мозга и лежат в основе субъективных переживаний — чувств. Возникает вопрос, с чем связаны такие изменения в деятельности коры? Ответ на него надо искать в учении И. П. Павлова о взаимоотношении человека с окружающей средой. Мы уже отмечали, что в своих взаимоотношениях со средой человек стремится к тому, чтобы найти наиболее правильную, отвечающую объективному

¹ В. С. Дерябин, Аффективность и закономерности высшей нервной деятельности, «Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова», т. I, вып. 6, 1951, стр. 900.

положению вещей связь с окружающей действительностью. Поэтому соответствующие воздействия окружающей среды, отражаемые мозгом и выступающие как новые, меняющиеся, достигающие больших степеней сложности раздражители, перестраивают работу мозга, меняют ход нервных процессов.

Адекватная связь человека с окружающей действительностью предполагает более высокий уровень отражения, чем тот, который присущ животным, располагающим первой сигнальной системой. «В развивающемся животном мире на фазе человека,— писал И. П. Павлов,— произошла чрезвычайная прибавка к механизмам высшей нервной деятельности»¹, возникла вторая сигнальная система. У человека появились, развились и чрезвычайно усовершенствовались сигналы второй степени, сигналы первичных сигналов — в виде слов, произносимых, слышимых и видимых. Их появление обусловило более совершенную форму взаимоотношений со средой и прежде всего с общественной средой.

Для человека слово как раздражитель выступает как сигнал сигналов, в качестве обобщенного отражения действительности, за которым кроется простая система непосредственных воздействий вещей и явлений внешнего мира.

«Слово, благодаря всей предшествующей жизни взрослого человека, связано со всеми внешними и внутренними раздражениями, приходящими в большие полушария, всех их сигнализирует, все их заменяет и поэтому может вызвать все те действия реакции организма, которые обуславливают те раздражения»².

Павлов подчеркивает чрезвычайно важную роль, которую имеет новый принцип связи с общеприродной и социальной средой в поведении человека. То обстоятельство, что слово может сигнализировать все раздражители действительности и что первая сигнальная система у человека действует в неразрывной связи со второй сигнальной системой, приводит к тому, что появление чувств, возникающих в результате таких воздействий на кору, которые приводят к сдвигам в течении нервных процессов, невозможно вне второй сигнальной системы.

¹ И. П. Павлов, Собр. соч., т. III, ч. 2, стр. 335 и 345.

² Там же, т. V, стр. 429.

Вторая сигнальная система является высшим регулятором человеческого поведения. Она же регулирует и эмоции при нормально действующем и бодрствующем мозге человека.

Положение о значении второй сигнальной системы для возникновения и изменения эмоциональных состояний человека и о роли слова как раздражителя для их появления очень отчетливо выступает в специально поставленных экспериментах по вызову посредством словесного внушения различных переживаний. Об этом подробно пишет в своем труде К. И. Платонов¹. Он приводит многочисленные данные различных исследований о тех объективных изменениях в сосудистых реакциях, в дыхательной и пульсовой кривых, в газообмене, в моторике желудка, которые имели место во время различных переживаний у испытуемых, когда они подвергались внушению.

Характерна, например, реакция дыхания, записанная Ю. А. Поворинским (1949 г.) при словесном внушении действия несуществующего раздражителя. Внушение давалось в таком виде: «Вы ощущаете сильный ток!» Это вызывает изменение дыхания и мимическую и речевую реакции у исследуемого (см. рис. 8).

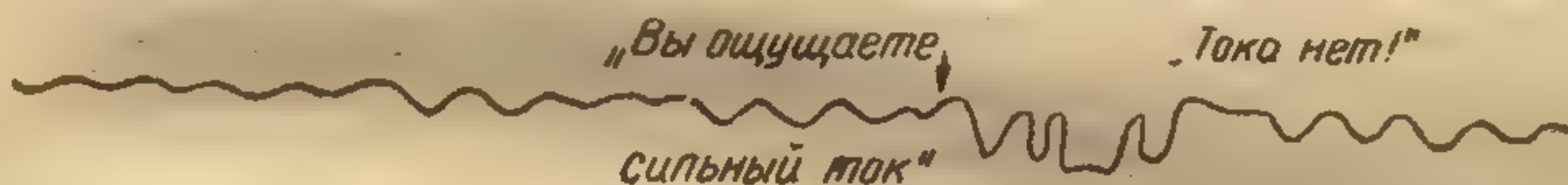

Рис. 8. Реакция дыхания при словесном внушении действия несуществующего раздражителя.

Внушение: «Вы ощущаете сильный ток!» вызывает изменение дыхания, а также мимическую и речевую реакции у исследуемого: «Больно, больно мне!» (по Ю. А. Поворинскому)

Очень интересными являются данные о биотоках мозга, полученные А. И. Марениной и И. Е. Вольпертом (1950 г.). Биотоки коры мозга были записаны в бодрствующем состоянии, в гипнозе и при внушенном сновидении, которое сопровождалось чувством страха (см. рис. 9).

¹ К. И. Платонов, Слово как физиологический и лечебный фактор, Медгиз, М., 1957.

Итак, процесс, происходящий в коре, является физиологической основой чувств здорового человека. Чувства возникают на основе отражения действительности: восприятий, представлений или мыслей. Процесс нервного возбуждения распространяется не только на кору, но ■ на нижележащие подкорковые центры и дает начало

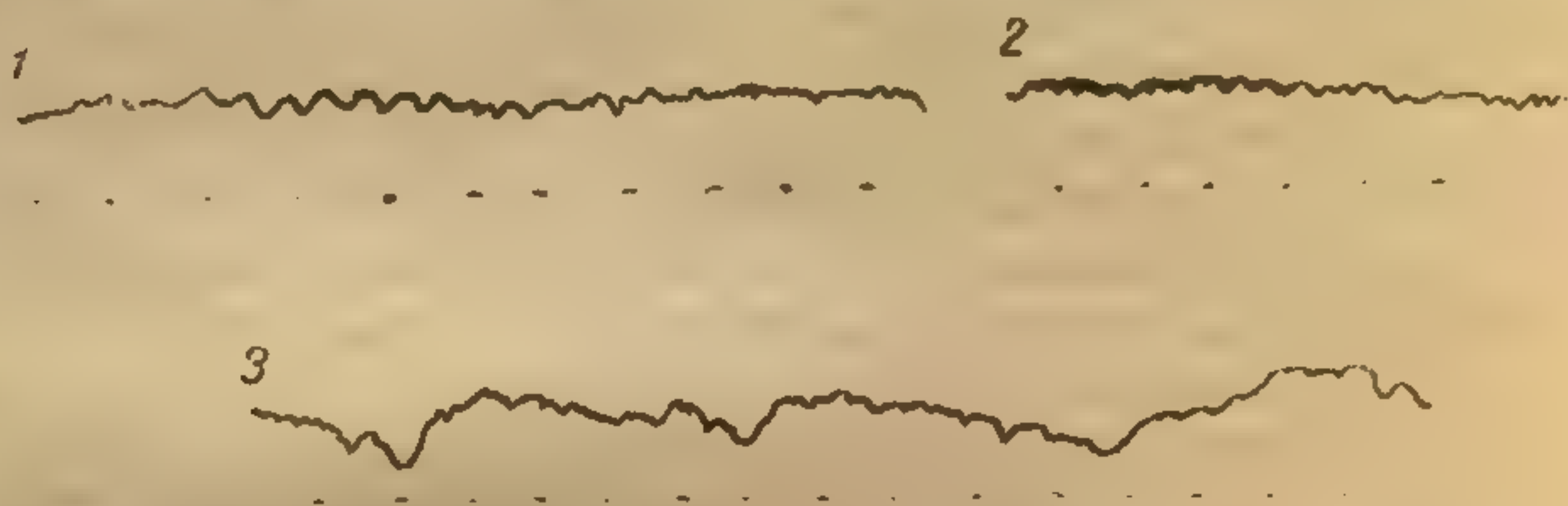

Рис. 9. Электрическая активность коры головного мозга в состоянии бодрствования (1), в спокойном внушенном сне (2) и при переживании во внушенном сне эмоции страха (3) (по А. И. Марениной и И. Е. Вольперту)

тем телесным реакциям, которые характерны для эмоциональных процессов. Эти телесные реакции, в свою очередь, дают о себе сигналы в кору в виде целого комплекса органических и кинестетических ощущений. Обозначение возникшего переживания при помощи слова приводит к осознанию переживания и включает его в более широкие связи, включает его ■ эмоциональный опыт человека.

Кора, однако, не только получает сигналы о телесных реакциях, которые входят в состав эмоции, но может их регулировать и задерживать. Человек может управлять не только многими телесными реакциями, которые характеризуют то или другое переживание, но и регулировать и те действия и поступки, которые возникают в связи с этими эмоциональными реакциями.

Для понимания физиологических основ эмоций большое значение имеет учение И. П. Павлова о типах высшей нервной деятельности. Учение о типах высшей нервной деятельности открывает возможности для физиологического объяснения различия в характере эмоциональных реакций человека и в уровнях интенсивности его переживаний.

Принципами для установления типов высшей нервной деятельности для Павлова являются особенности протекания нервных процессов. Он пишет: «Эти свойства суть: во-первых, *сила* основных нервных процессов — раздражительного и тормозного — постоянно составляющих целостную нервную деятельность; во-вторых, *равновесие* этих процессов и, наконец, в-третьих, *подвижность* их»¹. В результате колебаний основных свойств нервной системы возникают четыре типа нервной системы. Это — слабый тип, характеризующийся слабостью как раздражительного, так и тормозного процессов. Это — сильный, но неуравновешенный тип, имеющий сильный раздражительный процесс, но с отстающим по силе, иногда очень значительно, тормозным процессом. Это тип, который «лучше обозначать прилагательным *безудержный*»². Затем — сильный, уравновешенный и при этом живой тип. И, наконец, сильный, уравновешенный и спокойный тип.

Когда Павлов говорит о типе нервной системы, то он подразумевает, каким этот тип нервной системы сложился под влиянием тех жизненных воздействий, которым он подвергался. «Если дело идет о природном типе нервной системы,—пишет И. П. Павлов,—то необходимо учитывать все те влияния, под которыми был со дня рождения и теперь находится данный организм»³.

Такие стороны нервной системы, как ее сила, подвижность, являются сильно видоизмененными у человека в результате его воспитания и жизненного опыта.

Справедливо говорит А. Г. Иванов-Смоленский: «У человека сила нервной системы оказывается в огромной степени затуманенной и в то же время в огромной степени зависящей от особенностей прошлого опыта, воспитанного социальным окружением. Все сказанное в полной мере относится и к таким показателям силы нервной системы, как работоспособность и как хорошая прочность воспитанных социально-этических тормозов (т. е. умение подавлять неадекватные в данной обстановке эмоциональные и аффективные реакции)»⁴.

¹ И. П. Павлов, Собр. соч., т. III, ч. 2, стр. 267.

² Там же, стр. 291.

³ Там же, стр. 269.

⁴ А. Г. Иванов-Смоленский, Очерки патофизиологии высшей нервной деятельности, Медгиз, 1949, стр. 186.

Тип нервной системы человека сказывается в характере его эмоциональных реакций на соответствующие воздействия окружающей действительности. У слабого типа резкий сдвиг в установившихся отношениях может вызвать болезненную травму, которая проявится в растерянности, чувстве отчаяния и т. д. У сильного же типа такой сдвиг может вызвать значительно более умеренную эмоциональную реакцию, окрашенную при этом иным эмоциональным тоном.

Различия в характере и силе переживаний, присущие разным людям, связаны в известной мере и со специально человеческими типами нервной системы, которые возникают из особенностей взаимодействия первой и второй сигнальных систем. И. П. Павлов указывает, что масса людей в силу характера взаимодействия у них двух сигнальных систем (относительное преобладание первой сигнальной системы над второй или наоборот) и в силу определенного образа жизни можно разделить на художественный и мыслительный типы. Между ними находится средний тип, который занимает главное место.

«Жизнь отчетливо указывает на две категории людей: художников и мыслителей. Одни — художники во всех их родах: писателей, музыкантов, живописцев и т. д. — захватывают действительность целиком, сплошь, сполна, живую действительность, без всякого дробления, без всякого разъединения. Другие — мыслители — именно дробят ее и тем как бы умерщвляют ее, делая из нее какой-то временный скелет, и затем только постепенно как бы снова собирают ее части и стараются таким образом оживить, что вполне им все-таки так и не удается»¹.

Различие в типах высшей нервной деятельности в этом смысле приводит к тому, что для художественного типа является характерной непосредственность и эмоциональность восприятия явлений действительности. Для мыслительного же типа это не характерно.

А. Г. Иванов-Смоленский считает, что «по существу речь идет о людях с явным преобладающим образно-эмоциональным или отвлеченно-словесным мышлением и о людях без такого одностороннего преобладания, у которых одинаково развито как то, так и другое»².

¹ И. П. Павлов, Собр. соч., т. III, ч. 2, стр. 213.

² А. Г. Иванов-Смоленский, Очерки патофизиологии высшей нервной деятельности, Медгиз, 1949, стр. 193.

Вторая сигнальная система тормозит до известной степени эмоциональную деятельность. Поэтому человек с преобладающим развитием второй сигнальной системы и принадлежащий к отвлеченно-словесному типу восприятия и мышления в меньшей мере, чем человек с эмоционально-образным типом восприятия и мышления (при равных условиях), эмоционально реагирует на воздействия действительности и при этом с меньшей интенсивностью. Все это должно явиться предметом дальнейших исследований.

Исходя из вышеизложенного, мы должны сказать, что учение И. П. Павлова дает возможность объяснить происхождение чувств как устойчивых отношений человека к действительности, чувств как отражения действительности и вместе с тем объяснить сложную динамику переживаний (эмоций) с теми колебаниями в интенсивности их, которые бывают присущи отдельным людям.

То обстоятельство, что чувства возникают в связи с деятельностью коры (при обязательном захвате нервным возбуждением и подкорки), свидетельствует о многом. Прежде всего о том, что чувства представляют собой не неизменные, стереотипные реакции человеческого существа, которые связаны с работой низших отделов его мозга, мало изменившихся в процессе жизни общества, а что они являются такими формами его отражательной деятельности, которые меняются в процессе исторической эволюции человека. Чувства возникают в результате процессов, происходящих в коре, которая обеспечивает наиболее тонкую и адекватную форму отражения человеческим мозгом окружающей действительности во всей сложности ее социального бытия. В результате этого образуется материальная основа для изменения чувств в процессе изменения самого человека в ходе жизни общества. Поэтому-то чувства в их сложном содержании являются следствием и выражением тех изменений, которые происходят в общественном бытии человека.

ГЛАВА 4

ВЫРАЖЕНИЕ ЧУВСТВ

Переживания человека находят разнообразнейшее внешнее выражение. Это определяется рефлекторной природой психики.

На многообразие форм внешнего проявления переживаний указывает А. Г. Иванов-Смоленский. Он пишет: «Разве внутренние психические, так называемые субъективные, но вместе с тем более или менее точно отражающие объективную реальность, переживания получают свое внешнее выражение только через слово, через высказывание, через речь?»

Едва ли можно оспаривать, что эти переживания находят свое выражение также и в мимике (например, в мимике боли, тревоги, радости и т. п.), и в жестах, и в поступках, и даже в различного рода вегетативных реакциях (например, сердечно-сосудистых), в которых обычно резко проявляются эмоциональные переживания¹.

Итак, каково внешнее выражение чувств?

Чувства, как и все явления субъективного мира человека, находят свое выражение прежде всего в действиях и поступках.

Так о мире чувств героев «Молодой гвардии» можно судить прежде всего по их поступкам. Даже если бы мы не имели ярко нарисованной А. Фадеевым картины переживаний героев Краснодона, то дела Тюленина,

¹ А. Г. Иванов-Смоленский, Пути развития идей И. П. Павлова в области патофизиологии высшей нервной деятельности. Стенограф. отчет научной сессии АН СССР и АМН СССР, 1950, стр. 70.

Громовой и других героев-комсомольцев ясно говорят нам о их патриотизме, чувстве долга, их ненависти к фашистам.

О чувствах человека мы можем судить по его речи, словам, когда он непосредственно раскрывает в них содержание своих чувств, или же можем судить по тому, как он, с какими оттенками говорит о самом объекте, который вызвал у него соответствующие чувства.

Мы можем полностью не осознавать нашего эмоционального отношения к определенному явлению или человеку — нашу симпатию, влечение, влюбленность, неприязнь, холодность, но по тому, как мы об этом человеке или явлении говорим, как часто к нему возвращаемся в разговоре, какие выражения употребляем, другие люди могут судить о нашей симпатии к данному лицу, о нашем раздражении, о нашем недовольстве им и т. д.

Слово как средство общения позволяет сообщить другому человеку свои чувства. Но ясность и тонкость такого сообщения зависят от того, насколько чувства осознаны человеком, насколько хорошо он понимает мир своих чувств. Человек может говорить и о тех чувствах, которых у него нет, маскируя тем самым свои истинные чувства.

Достаточно вспомнить разговор Воротынского и Шуйского в первом действии трагедии Пушкина «Борис Годунов». После избрания Бориса на царство Шуйскому выгодно скрыть свои истинные чувства, выраженные незадолго перед тем в беседе с Воротынским, и вот он изображает дело так, будто тогда он лишь испытывал Воротынского «злословием притворным».

Шуйский: Теперь не время помнить,
Советую порой и забывать.
А впрочем, я злословием притворным
Тогда желал тебя лишь испытать,
Верней, узнать твой тайный образ мыслей...
Воротынский: Лукавый царедворец!

Таким образом, Шуйский изображает свою искреннюю реакцию на избрание Годунова как притворство, старается скрыть свои истинные чувства словами, в которых содержится угроза неосторожному собеседнику.

Итак, наряду с поведением человека о его чувствах говорят и его слова.

Действие и слово представляют собой существенные формы выражения чувств. Но мы не упомянули еще ту форму выражения чувств, которая нами очень отчетливо понимается и которая связана с самим характером тех телесных изменений, которые имеют место во время переживания чувств человеком.

Чувства человека получают специфическое выражение в произвольных мимических и пантомимических движениях, а также в интонациях речи. Переживание гнева, восторга, печали, удивления, волнения, беспокойства характеризуется каждое присущими ему особенностями выражения. Поэтому, несмотря на определенные различия в выражении чувств, вызванные индивидуальными особенностями человека — типом нервной системы и т. д., сказывающимися на его характере, — по воспринимаемой мимике и пантомимике¹ мы можем понять, что человек испытывает: нежность или злобу, радость или горе².

Правильное различие выражения таких разных по своему существу эмоций, как печаль, радость, злоба, гнев, страх, рассматриваемых при этом в целом (как выражение именно гнева, горя), без уточнения оттенков, объясняется тем, что механизм выражения этих основных эмоций достаточно древен. Он сформировался не в период исторического существования человечества и даже не в предисторический период, а раньше. Картину действия механизма выражения эмоций, раскрываемую на широком биологическом материале, нарисовал Дарвин в своем известном труде «О выражении эмоций у человека и животных». Его работа позволяет судить о генетических корнях человеческого выражения эмоций. Вероятно, что механизм выражения эмоций, присущий человеку, был в тех или иных модификациях присущ уже ближайшим предкам человека. Такое заключение может быть сделано (оставляя в стороне интересные работы М. М. Герасимова, посвященные восстановлению

¹ Мимика — это выразительные движения лица человека; пантомимика — это выразительные движения всего его тела.

² См. приложение: рис. 45—50. На них видно, как, несмотря на индивидуальные оттенки в выражении одного и того же чувства (речь идет о переживаниях Катерины в «Грозе» А. Н. Островского — сцена на скамейке перед самоубийством), мы отчетливо воспринимаем характер этого чувства у разных исполнителей роли Катерины.

лица по черепу, в том числе и черепу предков человека)¹ на основании изучения сравнительно-генетического материала. Сравнительное изучение механизмов выражения эмоций у человека (а это выражение в наиболее «чистом» и непроизвольном виде присуще младенцу и маленькому ребенку) и у существа, стоящего на более низкой ступени биологического развития, чем ближайший предок человека, а именно у антропоида — человекоподобной обезьяны, убедительно это доказывает.

Такое сравнение, проведенное на основе тщательных наблюдений, производившихся в течение нескольких лет, было осуществлено Н. Н. Ладыгиной-Котс. Данные ее исследования приведены в ее большой работе «Дитя шимпанзе и дитя человека»². Ее детальные описания выражения эмоций подкрепляются многими десятками прекрасных фотографий. Объектом ее наблюдений явился ее маленький сын Руди (от рождения до четырех лет) и маленький шимпанзе Иони (от полутора до четырех лет). Подводя итоги сравнению обоих малышей в области их эмоциональной сферы, Н. Н. Ладыгина-Котс приходит к следующим выводам: им присуще одинаковое выражение эмоции страха; сходным является выражение злости в мимике, а также проявление нежности к существу, к которому они испытывают симпатию (прижимаются, обнимают); сходным является также и выражение печали (плач). Различия сказываются в проявлениях ярости и инстинкта защиты (ярость шимпанзе проявлял резче), в проявлениях сочувствия (у человеческого ребенка оно выражено острее). Такие эмоции, как волнение, страх, злость, занимают в поведении шимпанзе гораздо более существенное место, чем у человека.

Но наличие общего сходства в выражении эмоций у детеныша шимпанзе и ребенка человека вызывает вопрос о том, что же специфическое появляется в выражении чувств у человека в процессе его развития, рассматриваемого как в индивидуальном, так и историческом аспекте. Поэтому особенно существенно выяснить, что нового внесло в формы выражения чувств бытие че-

¹ Они опубликованы в его книге «Восстановление лица по черепу», М., 1957.

² Н. Н. Ладыгина-Котс, Дитя шимпанзе и дитя человека, изд. Государств. Дарвиновского Музея, М., 1935.

ловека как общественного существа, рассматриваемого в многообразии его общения с другими людьми. Систематическое раскрытие этого недостаточно освещенного вопроса и делается предметом нашего анализа и изложения.

Выражение чувств во всех его многообразных формах и оттенках мы будем называть специальным термином — «выразительность», или «экспрессия». *Экспрессия* — это специфическая форма выражения чувств в интонации голоса, мимике, походке и т. п.

Выразительность, экспрессия первоначально возникает в связи с деятельностью подкорковых центров и имеет первоначально произвольный характер.

Однако эта произвольность существует лишь до известной степени. Формы выражения чувств человека становятся в значительной мере регулируемы (они поддаются воздействию коры), поскольку эмоциональная реакция может быть задержана¹. Такая регуляция вырабатывается в процессе воспитания и усвоения подрастающим человеком принятых форм поведения, способов обращения людей друг с другом. Уже ребенок научается удерживать свои слезы в определенных условиях, не показывать своего страха (хотя, конечно, нами его поведение воспринимается, как выражение «скрываемого страха»).

Иными словами, человек может, руководствуясь определенными социальными требованиями, которые выступают для него в правилах поведения, реально осуществляемых другими людьми (а он это видит и понимает), в известной мере регулировать свои эмоциональные реакции и экспрессию, т. е. выражать чувство по возможности так, как это принято. Итак, имеет место процесс усвоения социально принятых форм выразительности и тем самым процесс регулирования произвольного действующего механизма выражения чувств.

¹ Физиолог П. К. Анохин пишет: «Исторически корковое управление эффекторными аппаратами эмоций развивалось главным образом в отношении внешне выявляемых компонентов и особенно компонентов мимического выражения. Этот факт обусловлен приспособительными особенностями мимики и ее ролью в отношениях, сложившихся в человеческом обществе». (П. К. Анохин, Узловые вопросы в изучении высшей нервной деятельности, сб. «Проблемы высшей нервной деятельности», изд-во АМН СССР, 1949, стр. 70).

Особенно рельефно этот процесс выступает в деятельности людей, слепых от рождения. Часто молодые и неопытные педагоги, которые начинают работать со слепыми детьми, приходят в отчаяние от видимых, казалось бы, неудач их педагогического воздействия. Дети тогда, когда надо бы быть веселыми, выглядят недовольными, или в моменты, требующие серьезности, делают различные гримасы. На самом деле это происходит от их неумения отрегулировать выражение своих чувств в соответствии с социально принятыми его формами. Они, по существу, и довольны — в первом случае и серьезны — во втором. Но неопытный педагог в их выражении видит иное. В процессе их обучения сознательное регулирование приводит детей к нужным результатам в отношении соответствия выражения их чувств принятому¹.

Усвоение принятых форм выразительности опирается на механизм подражания, который в большей или меньшей степени развит у человека. Осуществляясь первоначально непроизвольно, это подражание в дальнейшем также поддается сознательному регулированию.

И. П. Павлов подчеркивает, какое значение для нас имеет подражательный рефлекс, при помощи которого у всех нас в детстве складывается и вырабатывается сложное индивидуальное и социальное поведение.

Об этом же пишет акад. Л. А. Орбели.

«Наряду с ... безусловными рефлексам, у нас есть некоторые безусловные реакции, врожденные и наследственно фиксированные.

Сюда относится, прежде всего, рефлекс подражания, имитационный рефлекс, бесспорно врожденный, наследственно фиксированный акт... Маленький ребенок обяза-

¹ В клинике для слепых и глухих проф. И. А. Соколянского в Харькове в течение ряда лет (с 1925 по 1938 г.) проводилась специальная работа со слепорожденными для овладения ими социально принятыми формами экспрессии. Во-первых, дети систематически ощупывали лица педагогов в моменты их различных эмоциональных состояний, а во-вторых, они систематически знакомились с выражением различных чувств, запечатленных в скульптурных масках. Таких масок было двадцать четыре, так что в них довольно разносторонне передавались оттенки выражения, присущие наиболее типическим чувствам. Ознакомление со скульптурными масками и лицами педагогов, сопоставление с собственной экспрессией приводило к тому, что выражение чувств слепых детей делалось точным и отвечающим принятым формам экспрессии.

тельно имитирует и родителей и гостей, и на известном этапе развития это составляет одну из главных форм приобретения новых форм поведения, новых деятельностей, только потому, что ребенок способен воспроизвести двигательные акты, которые он видит своим зрительным прибором. То же касается слухового прибора. Достаточно в присутствии ребенка определенного возраста издать какой-нибудь звук, чтобы ребенок начал этот звук повторять. И каждый из нас обладает этой способностью воспроизводить услышанные звуки. Это есть момент, который лежит в основе выработки ряда новых деятельностей»¹.

Существенно заметить, что подражание человека в процессе его роста не только превращается из непроизвольного в произвольное, но и приобретает значительно более сложный характер — смысле его форм. Это может быть подражание буквальное (механическое), подражание частичное (нечто берется как пример), подражание обобщенное. Характерно, что подражание часто связано с деятельностью, отношение к которой эмоционально окрашено.

Т. Н. Горбатенко, изучавшая особенности подражания детей дошкольного возраста, указывает на следующее: «Проявления подражания детей более часты и деятельности, которая представляет для них особую радость. Оно неразрывно связано с чувством ребенка и носит всегда эмоциональный характер. Обычно оно направлено только на то, что вызывает у ребенка интерес, затрагивает его эмоции и связано с переживанием чувства удовольствия»².

Велика роль подражания и у школьников. Интересный в этом отношении материал приведен в исследовании Н. С. Лукина. Показательна запись в дневнике ученика VII класса Игоря П.: «У учителей, которые кричат, и ты начинаешь кричать... как-то захватывает тебя то, что кругом делается. Вот и в классе так же. Когда все шумят, то и тебя захватывает».

Показательны и следующие наблюдения одного педагога, приведенные Н. С. Лукиным: «Мы наблюда-

¹ Л. А. Орбели, Лекции по вопросам высшей нервной деятельности, изд-во АН СССР, 1945, стр. 121.

² Т. Н. Горбатенко, Особенности подражания детей дошкольного возраста, М., 1955, стр. 14.

ли, что капризность и излишняя слезливость ученика V класса Алексея П. постепенно исчезли. Он стал сдерживать себя. Это произошло потому, что он стал находиться под сильным влиянием ученика своего класса Дмитрия А. Он настолько подражает ему и копирует его, что поражаешься сходству. *Стремление подражать внешним манерам Дмитрия сильно отражается и на внутреннем состоянии Алексея. Он невольно перенимает те хорошие стороны, которые имеет Дмитрий*. (Курсив мой.— П. Я.).

Однако то, что известные оттенки в выражении чувств усваиваются и регулируются, не означает, что экспрессия тем самым теряет свою непосредственность. Она делается естественной для человека в процессе его воспитания.

Самая возможность пользоваться экспрессией по-разному в различных обстоятельствах общения с людьми создается развитием средств выразительности чувств в процессе роста и развития человека.

Мы часто говорим о выразительности лица ребенка; мы можем очень отчетливо увидеть у него проявления сильно переживаемых эмоций: гнева, страха, недовольства, удовольствия и т. д. Но вместе с тем насколько богаче выразительность взрослого человека в передаче тонких оттенков настроения: печали, сдерживаемой нежности, скрытой симпатии, легкой неприязни или недовольства, привязанности, которую не должны увидеть посторонние, раздражения и т. д.

Все средства выразительности, заключенные в разнообразных сочетаниях изменений частей лица, обусловленных деятельностью мышц глаза, подбородка, лба и т. д., должны быть человеком освоены. Как сами мышцы лица, так и умение дифференцированно управлять ими должны получить полное развитие¹. А затем, что еще более существенно, надо научиться хорошо пользоваться этими многообразными средствами выразительности чувств в соответствии с возникающей ситуацией. Поэтому постепенно в экспрессию чувств ребенка по мере его развития и его опыта включаются все новые моменты и оттенки.

¹ Об анатомических основах мимической игры лица подробно говорит Phil. Lersch в своей книге «Gesicht und Seele», 1932.

Нет исследований, которые бы полностью раскрывали весь процесс изменения и обогащения средств экспрессии по мере роста ребенка. Однако имеются отдельные работы, которые дают все же известное представление о том, какова тенденция развития экспрессии. Так, Ф. Гуденаф¹, которая занималась рассмотрением развития эмоции гнева у детей с ее первого проявления в младенчестве вплоть до восьмилетнего возраста, указала на ряд происходящих изменений в выражении этой эмоции.

Вначале у ребенка гнев проявляется только в крике; когда он становится старше, к крику присоединяется топание ногами, затем появляются агрессивные движения (он может схватить какой-то предмет, начать драку и т. д.). После овладения ребенком речью в состоянии гнева он может произносить обидные слова и т. д.

В работе Эмс², посвященной развитию улыбки у детей как одной из форм общения между людьми, автору удалось показать следующее: во-первых, с возрастом (она наблюдала детей от полутора до четырех лет) у детей увеличивается количество улыбок; во-вторых, возрастает количество улыбок, обращенных к воспитателю, товарищам по играм; в-третьих, в определенный период развития большое место начинает занимать смех как форма выражения своего отношения к различным событиям.

Леруа-Бусьон³ систематически наблюдал поведение и эмоциональные реакции детей с 4 до 14 лет во время просмотра ими фильма (всем детям показывался один и тот же фильм). С возрастом наблюдались отчетливые изменения в формах и способах эмоционального общения друг с другом. Резко увеличивается такая форма экспрессии, как смех (в пять раз больше у старших детей, чем у самых младших). Наряду с жестом (тронул за руку, положил руку на плечо и т. д.) и взглядом в экспрессии все большую роль начинает играть эмоционально окрашенное слово. В эмоциональном общении с

¹ F. L. Goudenough, Anger in young children, 1931.

² L. Ames, Development of interpersonal smiling responses in the preschool Years. "Journ. of genetic Psychol", 1949, June.

³ Leroy-Boussion, Le jeune spectateur et son entourage, "Enfance", 1954, № 4.

с другими детьми появляется стремление приобщить другого к своему переживанию и т. д.

Таким образом, мы видим, что по мере роста ребенка им осваиваются новые средства экспрессивного выражения своих чувств и становится значительно разнообразнее использование им средств экспрессии (улыбки, смеха, взгляда и т. д.). Мы не коснулись еще тех возможностей экспрессии, которые заключены в выразительных движениях тела (пожимание плечами, жесты и т. д.).¹ Все эти средства, вначале применяемые непроизвольно, затем изменяются в процессе овладения человеком теми формами экспрессии, которые являются социально принятыми.

Но мы встречаемся со случаями, когда в силу особых обстоятельств эти средства экспрессии не только не получают развития, но и постепенно исчезают. Со слепорожденными надо заниматься специальными упражнениями, как мы отмечали выше, чтобы они овладевали социально принятыми оттенками экспрессии. Но экспрессивные оттенки у слепорожденного все же беднее, чем у зрячего. Слепо-глухонемой человек почти совсем лишен возможности корректировать свою экспрессию. У слепо-глухонемого при отсутствии соответствующих воздействий экспрессия делается все более бедной в оттенках. Лицо его становится все более неподвижным. Для того чтобы слепо-глухонемой не потерял те выразительные возможности, которые заложены в нем природой, его надо подвергать целенаправленным воздействиям, вызывать в нем эмоциональные реакции разного характера, чувства разных оттенков, для того чтобы естественные средства экспрессии не исчезали, а закреплялись и даже развивались.

В этом отношении чрезвычайно поучителен длительный опыт работы проф. И. А. Соколянского со слепо-глухонемой девочкой Юлией Виноградовой. Ей сейчас 15 лет, она стала слепо-глухонемой, когда ей было 2 года.

Те воспитательные воздействия, которым подвергается Юлия Виноградова в Институте дефектологии АПН РСФСР, направлены не только на то, чтобы передать ей

¹ Разнообразие мимики и пантомимики показывает (на основе анализа киносъемок, производившихся в различных ситуациях) Н. Strehle в своей работе "Mienen, Gesten und Gebärden", 1954.

известные знания, расширяющие ее представления о мире, развить ее умения (печатать на пишущей машинке, читать книги по методу Брайля, читать с помощью аппарата проф. Соколянского, говорить), но и на то, чтобы вызывать у нее живые эмоциональные реакции, обогащать ее эмоциональный и тем самым экспрессивный опыт.

Нами приводится ряд фотографий, которые показывают оттенки выражения лица Юлии Виноградовой (см. в приложении фотографии, рис. 29—37). На рис. 29—34 Юлия со своей учительницей Ф. М. Казакевич, которая рассказывает Юлии (передает пальцами руки) смешную историю. На рис. запечатлены моменты нарастания веселья у Юлии по мере развития сюжета рассказа. На рис. 35 Юлия сосредоточенно повторяет материал, полученный на занятиях. На рис. 36—37 Юлия воспринимает тот же рассказ, который рассказывала ей учительница, посредством тактильных импульсов, посылаемых в пальцы руки (аппарат проф. И. А. Соколянского).

Процесс все более дифференцированного использования человеком средств экспрессии в ходе овладения «языком» выразительности приводит к тому, что в экспрессии появляются все более богатые оттенки, передающие конкретные особенности того или другого чувства. Если мы учтем, что можно говорить о многообразных оттенках выражения глаз, об оттенках смеха, улыбки, что характер выражения глаз и характер смеха, улыбки могут совпадать и не совпадать между собой с точки зрения передаваемого ими содержания, то становится понятно, как много оттенков чувств можно выразить при помощи изменений одного лишь выражения лица. А мы не учли еще выразительные возможности тела: посадка головы, положение плеч, движения и жесты рук, пальцев и т. д. Мы также намеренно обошли богатство экспрессивных возможностей, которое заключено в выразительности голоса человека.

Вместе с тем надо заметить, что нельзя судить о богатстве выразительности улыбки, глаз, исходя из подсчета возможных изменений выражения глаз и формы губ, их сочетаний и комбинаций. Подобный подсчет, а его производили некоторые исследователи, не раскрывает действительной картины потому, что он не учитывает закономерностей восприятия. Как показывают экс-

Рис. 10.

большие изме-
рактер впечатления
выражения лица
Л. Эппле были
выражений лица
бражения не
глаз). Мы знаем
мер Бидструп.
Именно характ
И вместе с тем
восприятием
жизня лица, на
отношения на
нию серьезных
жизня лица.

перименты, в которых исследовалось восприятие выражения различных частей лица (модель Боринга и Тичинера дает 360 комбинаций, см. рис. 10), многие не-

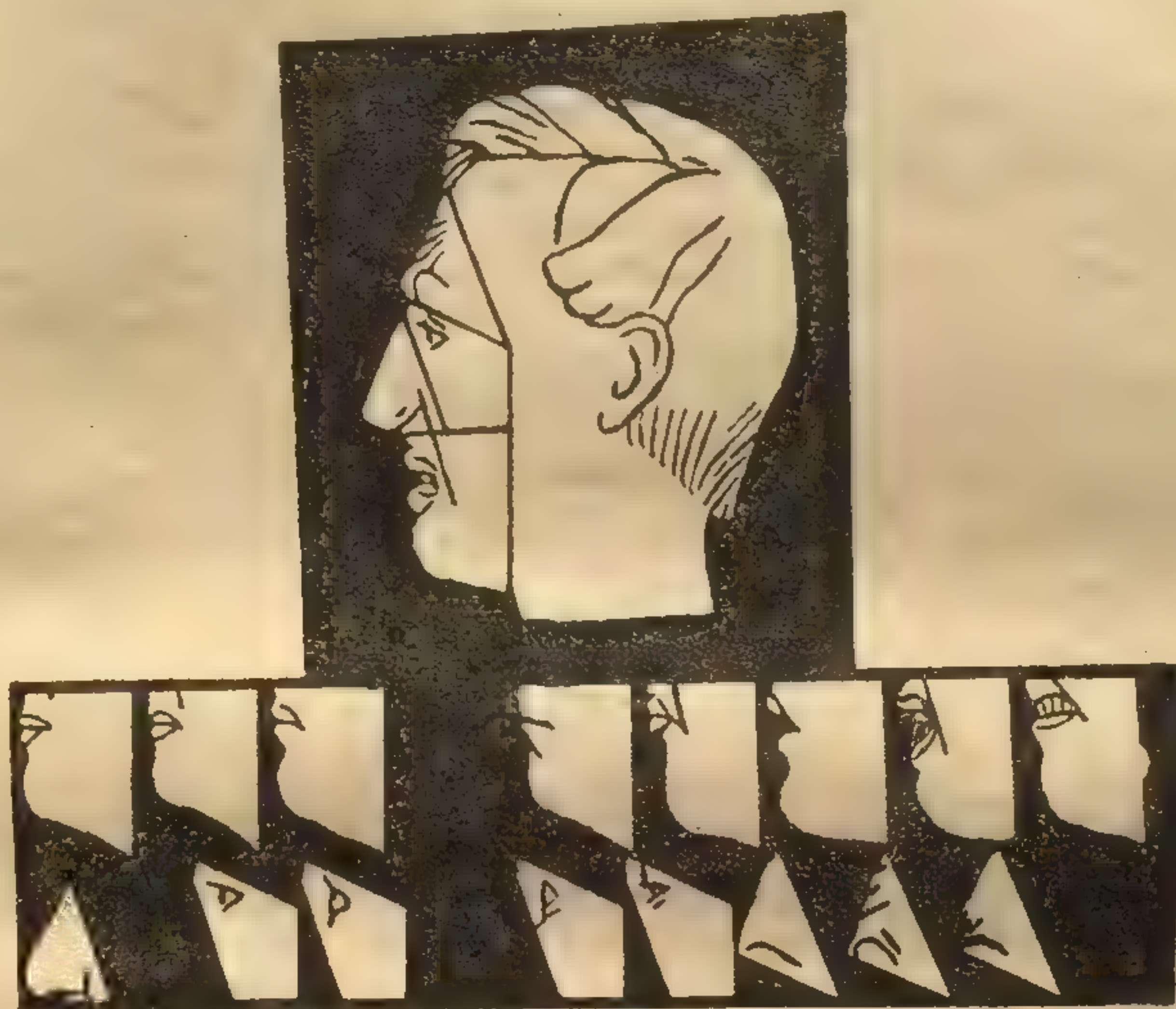

Рис. 10. Модель Боринга и Тичинера для изменения выражения лица (профиль)

большие изменения не вносят существенно нового в характер впечатления воспринимающего от увиденного выражения лица. Автором при содействии художника Л. Эппле были составлены 210 различных схематических выражений лица (овал лица и линия носа на всех изображениях неизменны, меняется положение губ, бровей, глаз). Мы знаем, что художники-карикатуристы, например Бидstrup, такими схематическими линиями очень удачно характеризуют состояние своих персонажей. И вместе с тем, как показали пробные эксперименты с восприятием наших схематических изображений выражения лица, многие из этих схематических выражений, несмотря на их определенное различие между собой в отношении отдельных элементов, не приводят к появлению серьезных различий в характере восприятия выражения лица. Убедительными оказываются лишь неко-

торые выражения (см. рис. 11). Всякого рода схематизированные выражения и система их сочетаний, хотя они дают представление о некоторых закономерностях восприятия экспрессии, вместе с тем—надо прийти к такому выводу — не являются путем для вскрытия реаль-

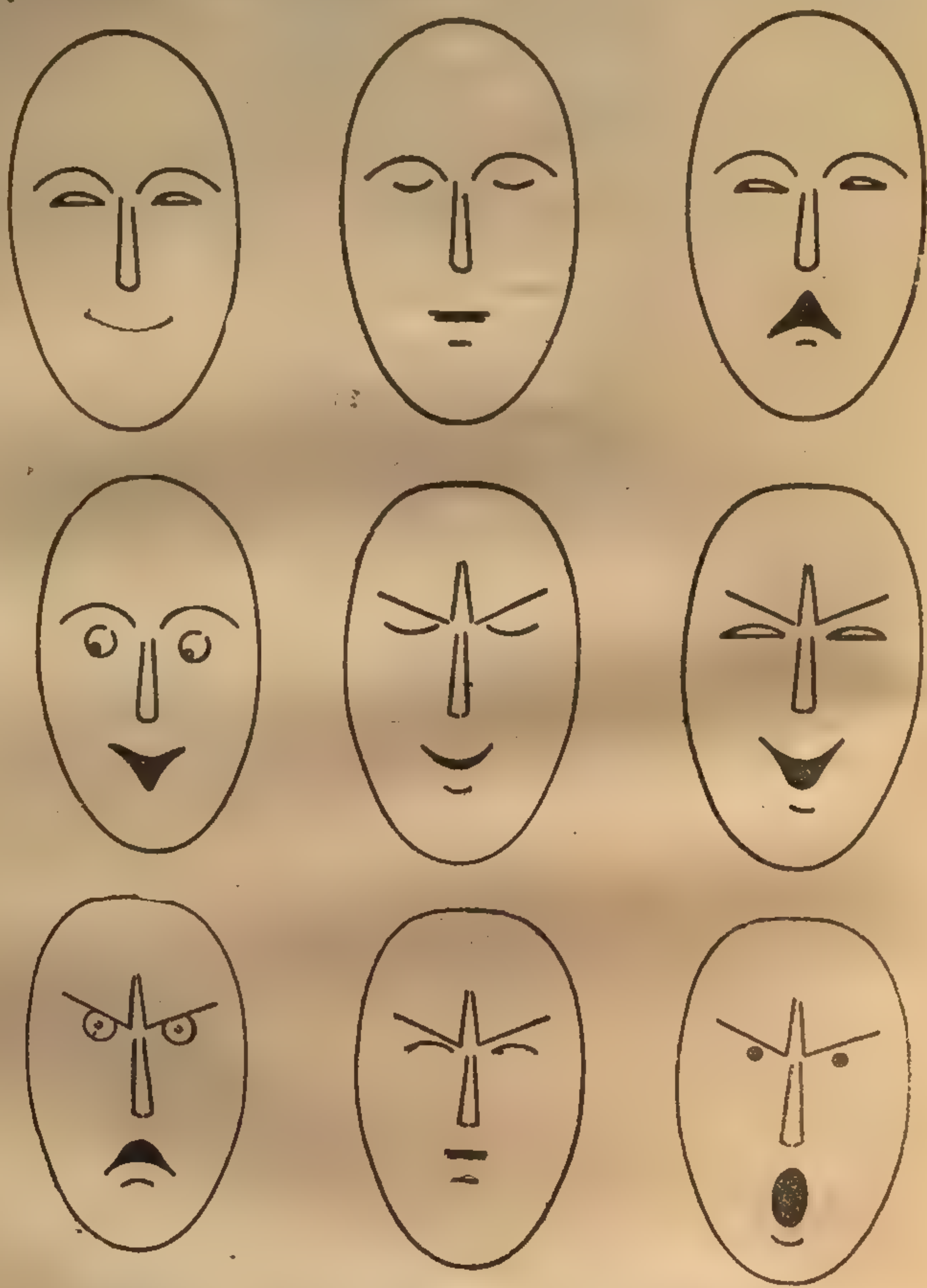

Рис. 11. Образцы схематического изображения различных выражений лица, полученных путем изменения положения губ, бровей, глаз (по П. М. Якобсону)

ного богатства «языка» выразительности живого лица человека. Нельзя забывать, что, например, для характера взгляда является важным и положение бровей и степень открытости глаз, их блеск или тусклость, направление взгляда (в сторону, вверх, прямо) и т. д. Судить о богатстве оттенков выразительности следует не по возможным комбинациям частей лица, а на основании учета живого человеческого восприятия людей, воспринимающих оттенки выразительности человека в различных условиях и ситуациях. В этой связи очень важно учесть тот живой опыт восприятия человеческой экспрессии, который накопило человечество. Такой опыт в конденсированном виде выступает в деятельности большого писателя, посвящающего многие годы своей творческой жизни острому наблюдению за поведением, действиями и способами выражения чувств людей и их правильному и отчетливому запечатлению в слове. В этом отношении Толстой, Достоевский, Флобер, Мопассан, Чехов являются подлинными психологами.

С. Р. Янкелевич провел очень большую работу по изучению того, сколько оттенков выражения глаз находит у людей Л. Н. Толстой (взгляд холодный, тоскливый, печальный, завистливый, задумчивый, умоляющий, радостный, лукавый и т. д.). Кропотливому анализу были подвергнуты все тома произведения Толстого «Война и мир». Такая же работа была проделана и по выяснению того, какие оттенки выражения находит Л. Н. Толстой в улыбке человека (улыбка застенчивая, нежная, надменная, радостная, горькая и т. д.). С. Р. Янкелевич приводит 85 оттенков выражения глаз, отчетливо передающих различное эмоциональное отношение человека, которые описаны Л. Н. Толстым, и 97 оттенков улыбки человека, раскрывающих его эмоциональное отношение и состояние¹.

Не всеми перечисленными оттенками выражения глаз и улыбки владеет каждый индивидуальный чело-

¹ С. Р. Янкелевич, Наблюдательность и психологическом познании людей (рукопись). Глава 5. Путь осуществления психологической наблюдательности как своеобразной формы сознательного отношения к человеку.

В этой большой работе автор среди ряда других вопросов освещает также то, как Л. Н. Толстой и некоторые другие писатели фиксируют многообразные оттенки переживаемых человеком эмоциональных состояний в особенностях интонаций голоса.

век, но во всяком случае в процессе роста и воспитания человека эти оттенки выразительности, как и умение их различать и «читать», делаются достоянием людей. Человек овладевает не только этим, но и принятыми в обществе формами выражения чувств. Человек, осваивая принятые формы экспрессии, осознает, каковы те оттенки выражения чувств, которые не вызывают неодобри- тельной оценки у других, и он регулирует выражение своих чувств, руководствуясь принятыми нормами.

Так мы подходим к существенному моменту формирования экспрессии. Нормы поведения человека в процессе общения с людьми, правила и манера обращения людей между собой изменяются в процессе историческо- го развития общества, изменения нравов и обычаев. Меняются и нормы требований к оттенкам выражения чувств. Это приводит, во-первых, к тому, что принятые формы выражения чувств изменяются; во-вторых, к то- му, что в различной социальной среде с ее принятыми обычаями и формами общения между людьми, так же как и в различной национальной среде с ее устойчи- выми нравами, вырабатываются некоторые особенности в выражении чувств.

Справедливо говорит проф. С. Н. Давиденков: «Ес- ли в одних исторических окружениях, как в древней Спарте, считалось, что каждый член общества должен быть постоянно и в любых условиях максимально сдер- жан, то в других исторических окружениях, наоборот, культивировалось яркое и демонстративное проявление своих интимных чувств, и вдова умершего из какого- нибудь малоцивилизованного народа навлекла бы на себя, вероятно, всеобщее порицание, если бы не стала максимально ярко изображать свое отчаяние.

В «Песни о Роланде» автор, воспевающий мужество и доблесть своих героев, нисколько не стесняется изо- бражать в столь же утрированном виде и проявление их эмоций, которое с нашей современной точки зрения показалось бы весьма неуместным. Храбрые бароны и все французские воины на каждом шагу плачут и пада- ют в обмороки... и даже сам Карл Великий, вернувший- ся в Аахен после испанской войны и получив от архан- гела Гавриила приказ начать новую войну, от горя пла- чет и рвет свою седую бороду.

Сдерживать свои чувства, по представлению автора,

очевидно, еще совершенно не требовалось, и никого не мог шокировать образ Карла Великого, рвущего на себе от огорчения бороду, плачущего или падающего в обморок.

... Дело идет, несомненно, не о различных врожденных свойствах нервной системы, а просто о том, что в данную эпоху считалось «хорошим» и что «неприличным» и в каком направлении приходилось людям тренировать свое поведение¹.

Так, определенными «правилами» общежития объясняется, что в условиях старой русской деревни женщина в горе голосила высоким голосом (он был принят и в пении), т. е. горе получало определенное социально принятое внешнее выражение.

То выражение чувства любви, которое рисует Л. Н. Толстой, описывая объяснение Вронского с Анной Карениной в салоне Бетси, резко отличается по характеру от картины объяснения в любви Рогожина Настасье Филипповне («Идиот» Достоевского). В одном случае чрезвычайная сдержанность и скупость в выражении чувства, диктуемая прежде всего правилами светского тона (а затем и особенностями темперамента); в другом — многообразная экспрессия, сказывающаяся в движениях, речи, действиях, возможная благодаря нравам определенной социальной прослойки.

Очень яркий пример необычной сдержанности в выражении чувств, возникшей в результате соответствующего воспитания и нравов той среды, в которой жил человек, приводит проф. С. Н. Давиденков, говоря о Фритиофе Нансене. «Одним из лучших примеров... является короткий и корректный разговор Фритиофа Нансена, после года проведенного в Арктике вдвоем с Иогансеном (его сотрудником. — П. Я.), встретившегося неожиданно с англичанином Джексоном, — разговор, который мог бы иметь место в совершенно нормальной обстановке. Эти двое людей, нашедших друг друга в суровой Арктике, приветствовали друг друга классическим «how do you do!», представились друг другу и пожали друг другу руки. Когда читатель доходит до этого места в знаменитой книге Нансена, он испытывает

¹ С. Н. Давиденков, Эволюционно-генетические проблемы в невропатологии, Л., 1947, стр. 40—41.

странное противоречие между словами этих двух людей, настолько тренировавших свои тормоза, что они даже в такую минуту разговаривали так, как будто ничего особенного не случилось»¹.

Большие возможности выражения чувств заключены в речи человека.

Посредством языка, как было сказано, мы можем передать другим людям содержание испытываемых нами чувств. Мы говорим: «Я опечален, рад, я люблю, я стыжусь, я ненавижу» и т. д. Чувства могут быть выражены путем изменения интонации речи, ее замедления или ускорения, изменения тембра голоса и т. д., т. е. посредством применения выразительности, «экспрессии» речи. Речь может выражать эмоцию и тогда, когда мы обозначаем словами испытываемое нами чувство, и тогда, когда его не обозначаем. Независимо от того, прямо названо чувство или оно дано нам в характере произнесения слов с другим содержанием, мы можем более или менее отчетливо понять: человек недоволен, обижен, рассержен, обрадован (обижен сильно, слабо и т. п.); более того, мы узнаем таким образом и об устойчивых эмоциональных состояниях: человек любит свою профессию, ему дорого сочувствие товарищей, он с презрением или уважением относится к кому-либо.

Понимание чувств по их выражению может достигать большой тонкости и глубины. Это зависит от того, насколько полно мы воспринимаем отдельные «показатели» чувств. Как было сказано, чувство выражается для нас не только в голосе, изменениях лица, походке человека, но и в ритме его движений — замедленном или убыстренном. Что еще важнее, оно выражается и в содержании того, что человек сейчас, в данной обстановке делает, какими качествами характеризуется это его действие, и в том, что он говорит, и т. д. Человек управляет выражением своих чувств, руководствуясь определенными нормами общежития. Это также учитывается нами при восприятии и понимании экспрессии человека.

Словом, о чувствах человека мы судим по сложнейшему комплексу его поступков, слов и связанной с ни-

¹ С. Н. Давиденков, Эволюционно-генетические проблемы в невропатологии, Л., 1947, стр. 41.

ми экспрессии (мимике, пантомимике, интонаций и т. п.). Поэтому понимание чувств может при особых обстоятельствах и при большой чуткости и заинтересованности человека в том, чтобы понять, чем живет, что переживает другой, достигать большой точности и глубины даже на основе очень неполных данных.

По недостаточно отчетливо выделяемым признакам поведения человека, которые сказываются в его манере говорить, смотреть, двигаться, действовать (читать, слушать, одеваться и т. д.), мы также можем узнать, что человек грустен, с ним произошло что-то необычное, он негодует, хочет подавить свои переживания, находится в мечтательном настроении или хочет казаться веселым и т. д.

Ярким примером этого является эпизод из романа Л. Н. Толстого «Война и мир». Он описывает приезд княжны Болконской к Ростовым. Она приехала, чтобы повидать раненого князя Андрея: «В дверях слышались легкие, стремительные, как будто веселые шаги. Княжна огляделась и увидела почти вбегающую Наташу, которая в то давнишнее свидание в Москве так не понравилась ей.

Но не успела княжна взглянуть в лицо этой Наташи, как она поняла, что это был ее искренний товарищ по горю и потому друг...

На взволнованном лице ее, когда она вбежала, было только одно выражение — выражение любви, беспредельной любви к нему, к ней, ко всему тому, что было близко любимому человеку, выражение жалости, страдания за других и страстного желания отдать себя всю для того, чтобы помочь им...

Чуткая княжна Марья с первого взгляда на лицо Наташи поняла все это и с горестным наслаждением плакала на ее плече».

Для правильного понимания переживаний другого человека имеет большое значение возможность непосредственно увидеть его лицо, взгляд, фигуру, услышать его голос, чтобы понять характер и оттенки его чувств.

На это обращает внимание Ф. М. Достоевский в своем письме к А. Н. Майкову из ссылки от 18 января 1856 г. Он писал: «Но я испытываю в эту минуту то, что вероятно испытали и вы, когда ко мне писали: не-

возможность высказать себя после стольких лет не только в одном, но даже и в 50 листах. Тут нужно говорить глаз на глаз, чтобы душа читалась на лице, чтобы сердце сказывалось в звуках слова. Одно слово, сказанное с убеждением, с полной искренностью и без колебаний, глаз на глаз, лицом к лицу, гораздо более значит, нежели десятки листов исписанной бумаги»¹. (Курсив мой.— П. Я.)

Надо сказать, что понимание истинных настроений, чувств человека осуществляется нами с известной долей вероятности, даже когда человек намеренно их вуалирует, скрывает, иногда с большим искусством. Опытный глаз наблюдателя позволяет ему увидеть, каковы подлинные переживания того человека, который их пытается скрыть. В этом отношении интересный пример приводит Бальзак в рассказе «Супружеское согласие»:

«Госпожа де Лансак, видимо заинтересовавшаяся участниками этой сцены, могла легко догадаться о тревоге, терзавшей графиню. Напрасно кокетка изящно обмахивалась веером, напрасно улыбалась она молодым людям, приветствовавшим ее, и пускала в ход все уловки, к которым прибегают женщины, чтобы скрыть сердечное волнение,— госпожа де Лансак читала в ее сердце и мыслях. Старая дама замечала признаки, свидетельствующие о душевном смятении графини де Водреман. Незаметная морщинка, прорезавшая это белое и ясное чело, еле уловимое подергивание лица, чуть нахмуренные брови, почти не приметно вздрагивающие губы — все это были приметы, по которым она читала, как в открытой книге»².

Но вместе с тем бывают случаи, когда, несмотря на наше стремление узнать истинные переживания и настроения человека, ему удастся их скрыть от нас. Писатель А. И. Эртель сообщает в своей автобиографии следующий факт. Он был заключен в тюрьму, и его особенно мучило то, что он не знал, каково состояние здоровья его семилетней дочурки, которая серьезно заболела (она умерла от дифтерита, когда Эртель сидел в тюрьме). «Что я тогда передумал о моей девочке и ка-

¹ «Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского», Спб., 1883, стр. 83.

² О. Бальзак, Собр. соч., т. 2, стр. 24, 1952.

кие картины ее болезни и возможной смерти представлялись мне в каземате Петропавловской крепости — этого я и до сих пор не могу описать. Это было что-то ужасное, доходящее до бреда, до галлюцинаций. После, кажется, недели две спустя, М. И. (жена) сказала, что Оля выздоровела, что ее уже увезли в Усмань. Дивлюсь до сих пор мужеству, с которым М. И. обманывала меня, чтобы меня успокоить. *Жадно заглядывая ей в глаза, я не мог приметить в их выражении ничего подозрительного: глаза были так спокойны, что мне в голову не приходило, что они лгали. Мне страшно и до сих пор подумать, какие нечеловеческие муки приходилось ей вынести в то время...*¹ (Курсив мой.— П. Я.)

Но все же можно сказать, что при известной наблюдательности удастся «читать» чувства другого человека даже в том случае, если он старается их скрыть.

Процесс такого «чтения» становится более достоверным, если мы хорошо знаем данного человека и имеем возможность длительно наблюдать за его поведением. Одно дело — лишь однократно наблюдать человека в обычной обстановке, не зная его характера, манеры поведения, а другое дело, зная особенности его характера, иметь возможность сопоставлять его поведение в данный момент с тем, которое характерно для него в другое время. Благодаря этому процесс понимания чувств делается точнее и углубленнее.

Формы выражения чувств, «правила» их проявления в определенной социальной среде подвергаются изменению в процессе изменения жизни этой среды. А вместе с процессом изменения форм выражения чувств происходит и изменение нашего «социального глаза» и «социального уха», улавливающего оттенки чувств и интонационной окраске речи, в выражении лица и глаз, жестах.

Под образным выражением «социальный глаз», «социальное ухо» мы подразумеваем очень существенное качество восприятия реального живого человека, на которое обращалось недостаточно внимания.

Оно заключается в том, что наше восприятие людей (и предметов социальной действительности), будучи сложным процессом восприятия отдельных качеств лю-

¹ «Письма А. И. Эртеля», М., 1909, стр. 33.

дей и их осмыслением, включает ■ себя также «видение» и понимание целого ряда социальных характеристик, присущих им. Так, например, одежда человека с ее особенностями, даже мало заметными, характерные выражения, употребляемые им в речи, манера поведения и обращения говорят нам о его принадлежности к определенной социальной среде, иногда профессии, о местности, в которой он жил, и т. д. Мы отчетливо воспринимаем социальные оттенки в экспрессии чувств и поведении людей. Когда для определенной социальной и национальной среды изменились принятые нормы выражения чувств, то люди отчетливо улавливают несоответствие принятого и ставшего «естественным» способа выражения чувств старому, ушедшему уже способу выражения, которое у кого-то реально сохранилось или запечатлено в искусстве.

Так, когда мы теперь воспринимаем некоторые жанровые картины известного французского живописца Греза (1725—1805), поклонника «слезливой комедии», например изображение горя буржуазной семьи, потерявшей своего отца, нам кажутся слишком театральными, и, можно сказать, манерными и аффектированными позы всех страдающих, хотя для определенных слоев Франции того времени такое выражение чувств представлялось естественным. Формы выражения чувств, показанные художником, представляются неестественными для нас, людей другой исторической эпохи.

Экспрессия получает социально значимую в определенной общественной среде форму, и это превращает ее в соединении с действием или словом, с которым она связана, в такое выражение чувств, которое читается, с большей или меньшей точностью в зависимости от знания соответствующей среды. Определенный опыт общения с людьми различных общественных и национальных групп, известная наблюдательность позволяют улавливать оттенки выражения чувств у представителей разных социальных групп.

Так, большая сдержанность, казалось бы невозмутимость, в моменты острых волнующих событий у китайцев (об этом пишет К. Симонов в своих очерках о Китае) представляется такой только для человека, не знающего «языка» чувств великого китайского народа. На самом деле человек, усвоивший эти скупые формы экс-

прессии. 1955 г.
вызывает
О гаванях
шает известне
ший в 1955 г.
«Японцы
время испо
лица удивит
Реагируют он
как прозвучит
не по себе, ко
нении увидет
шающего теб
привычное о
чульем музы
лику, и конта

Отклонени
объясняющее
века, также ч
водит к непра
Артистка
подробность
роль играю к
ных местах. Е
выражения го
ню случаи, чт
вочки смеялис
зами рассказ

1 Интересны
чувств, обуслов
в определенных
сказе японского
«Ни манеры, ни
умер родной сын
таилась улыбка.
только посмотрел
повседневных ме
...Взгляд про
ленях лежали
метил, что ее ру
быть для того, ч
руками так ком
лась, на самом
ка в а р ю н о с
стр. 37—39).
2 Д. Ойст
10*

прессии, прочтет в них все богатство чувств, которое она выявляет¹.

О таких же особенностях в выражении чувств сообщает известный советский скрипач Д. Ойстрах, посетивший в 1955 г. Японию:

«Японцы умеют,— пишет он,— слушать музыку: во время исполнения в зале стоит необычайная тишина, лица удивительно сосредоточены и полны внимания. Реагируют они на исполнение бурно, но уже после того, как прозвучит последний такт. *И сначала было немного не по себе, когда чувствовал, что не можешь при исполнении увидеть на лице отражение души человека, слушающего тебя.* (Курсив мой.— П. Я.) Но вскоре это непривычное ощущение сгладилось. Каким-то особым чутьем музыканта я научился понимать японскую публику, и контакт со слушателями был найден полный»².

Отклонение от привычных форм выражения чувств, объясняющееся индивидуальными особенностями человека, также часто затрудняет понимание чувств и приводит к неправильному их истолкованию.

Артистка В. Н. Благовидова сообщила следующую подробность о себе: «Я всякую, даже драматическую, роль играю комедийно, т. е. зритель смеется в серьезных местах. Есть что-то комическое в характере моего выражения горя. Когда я училась в средней школе, помню случаи, что я плакала по некоторым поводам, а девочки смеялись во время моих слез. Помню, как со слезами рассказывала А. Я. Таирову о происшедшей со

¹ Интересный материал о большой сдержанности выражения чувств, обусловленной нравами и правилами поведения и принятой в определенных социальных слоях у японцев, приводится в рассказе японского писателя Акутакава Рюноске «Носовой платок»: «Ни манеры, ни обращение дамы ничем не говорили, что у нее умер родной сын. Голос звучал обыденно. Мало того, в углах губ таилась улыбка. Поэтому, если бы кто-нибудь, не слыша слов, только посмотрел на даму, он подумал бы, что она рассказывает о повседневных мелочах.

...Взгляд профессора случайно упал на колени дамы. На коленях лежали ее руки, державшие носовой платок... Профессор заметил, что ее руки сильно дрожат. Он заметил, что она — может быть для того, чтобы как-нибудь подавить свое волнение,— обеими руками так комкает платок, что он чуть не рвется... Дама улыбалась, на самом же деле всем существом своим рыдала» (Акутакава Рюноске, Расемон, изд-во «Худож. литература», Л., 1936, стр. 37—39).

² Д. Ойстрах, «Советская культура» от 12 апреля 1955 г.

мной неприятности, а он хохотал, слушая меня». (Из беседы автора с В. Н. Благовидовой 18 ноября 1950 г.)

Поэт Я. П. Полонский приводит следующее признание И. С. Тургенева М. С. Савиной (1881): «Однажды к матери моей приехала одна барыня, которая потеряла сына. И так глупо, так неестественно рассказывала о своем горе, так фразисто, что меня покорило; она показалась мне ломающейся притворщицей, которая во все не чувствует, и приехала только для того, чтобы возбудить наше к ней сожаление. Я и мать моя внутренне ее осуждали и над ней смеялись... И что же? Эта барыня так сильно чувствовала свое горе, что через неделю сошла с ума, бросилась в пруд и утопилась... Иногда и правда облекается ■ подозрительно неестественные фразы»¹.

Могут быть неточности в истолковании выражения лица, оттенков голоса, выявляющих характер чувств, особенно если это выражение воспринимается изолированно. Это подтверждается экспериментами. В экспериментах людям различного возраста предъявлялись фотографии, на которых было запечатлено выражение лица в момент переживания определенной эмоции — изумление, испуг, смущение, неодобрение и т. п. Однако, как показали ответы опрошенных, они довольно часто неверно определяли, какая эмоция изображена. При этом ошибки у детей были более многочисленными. Эти ошибки могли происходить оттого, что люди при фотографировании недостаточно ярко и точно выражали свою эмоцию. Однако, когда в экспериментах были предъявлены взрослым людям фотографии, фиксирующие выражение определенных чувств у артистов, передавших эти чувства достаточно выразительно, то и тогда в «чтении» чувств было допущено много ошибок. Так, выражение удивления было узнано 77% испытуемых, страх — 70, ужас — 62, стыд — 53, ярость — 50, подозрение — 27 и жалость — 19%. Когда же мы обращаемся к «чтению» чувств, которые проявляются в изменении поведения человека (например, в кино), то

¹ И. С. Тургенев и М. Г. Савина, Письма, под ред. А. Ф. Кони, Петроград, 1918, стр. 27.

ошибок бывает гораздо меньше¹. Наблюдение за поведением человека в целом дает возможность правильно «прочитать» его чувства. Итак, экспрессия является специфической социальной формой проявления чувств, дающей возможность другим людям «прочитать» наши чувства.

Но человек может стремиться намеренно выражать свои чувства. Он может хотеть, чтобы его чувства, его эмоциональное отношение были восприняты и поняты окружающими. Невольное, «естественное» (для него) выражение чувств он может вызывать с сознательной целью. Регулирование экспрессии сказывается, следовательно не только в том, что человек в известной мере сдерживает выражение своих чувств, но и в том, что он пользуется формами экспрессии для известных целей, которых он хотел бы добиться. Иначе говоря, мы начинаем пользоваться экспрессией, усиливать ее для того, чтобы произвести впечатление на других. Мы подкрепляем воздействие, которое хотим произвести на других, нашими чувствами. Очень точно передает это Л. Н. Толстой устами героя «Детства» Николеньки, описывающего свои переживания после смерти матери. «Прежде и после погребения я не переставал плакать и был грустен, но мне совестно вспомнить эту грусть, потому что к ней всегда примешивалось какое-нибудь самолюбивое чувство: то желание показать, что я огорчен больше всех, то заботы о действии, которое я произвожу на других». (Курсив мой.— П. Я.)

Обиженный человек может стремиться своим поведением подчеркнуть, что он обижен. Мы иногда говорим: «Ну, я дам ему понять, как отношусь к его поступку. Буду холоден с ним» и т. п. Используемый нами характер выражения чувств служит целям воздействия на других для того, чтобы они поняли наше к ним отношение.

Возможность такого использования экспрессии предполагает, что экспрессия, ее характер и конкретные чер-

¹ Систематическая сводка всех этих различных экспериментальных данных имеется в книге Р. Вудвортса «Экспериментальная психология», 1950, гл. 21, 22, 23.

См. в приложении рис. 83 и 84 (из Лерша). В них мы видим различные сочетания частей лица, позволяющие прочесть его выражение, но это выражение вместе с тем по-разному истолковывается разными людьми.

ты во время определенных переживаний при известной произвольности и естественности ее проявления поддаются осознанию. Степень осознания при этом может быть различной. Этим обстоятельством объясняется то, что в некоторых случаях это осознание достигает высокой степени и экспрессия может запомниться человеком для определенных целей его поведения в различных жизненных обстоятельствах. Особенно отчетливо это выступает в деятельности актера.

Актер воплощает литературный образ, созданный драматургом, в живом сценическом образе, раскрывающем для зрителя мысли и чувства героя пьесы. Творчество актера и посвящено отысканию таких форм экспрессии, которые бы правдиво, ярко, убедительно донесли до зрителя мир помыслов и переживаний героя пьесы. Замечательная система К. С. Станиславского показывает, как организуется творческая деятельность актера, его устремления, мысли и чувства, которые приводят к тому, что на сцене в образе актера перед зрителем выступает «живой» герой пьесы. Интерес к экспрессии, стремление убедительно донести ее до зрителя, которые присущи актерам в силу характера их творческого труда, приводят к тому, что некоторые актеры стараются осознать и запомнить особенности своей экспрессии при собственных жизненных переживаниях.

Артистка Малого театра В. А. Шухмина сделала в 1924 г. следующее любопытное признание в своем ответе на вопросы анкеты Государственной академии художественных наук: «Часто во время жизненных бурных радостей является желание закрепить в памяти формы того или другого переживания, чтобы воспользоваться этим материалом для сценического творчества».

Знаменитый французский актер Тальма писал в 1825 г. в своих мемуарах: «Страсть к театру была так сильна во мне, что, когда при одном обстоятельстве я испытывал глубокое горе, то среди слез, которые я проливал, я, против моей воли, мимолетно обратил внимание на изменения моего голоса и на определенную спазматическую вибрацию, которая получалась во время плача. И, я это говорю не без некоторого стыда, я машинально подумал о том, чтобы этим воспользоваться при случае».

Очень хорошо эту сторону наших чувств — регулирование выражения чувств для целей воздействия на дру-

гих—вскрывает А. С. Макаренко: «Теперь о педагогическом гневе. Не подумайте, пожалуйста, что я вас призываю вместо ровного голоса к громовому стуку кулаками по столу, крику и т. д. Это не может произвести полезного действия.

Что же такое гнев? Все надо понимать диалектически. При мастерстве гнев звучит иначе. Если вы мастер, то вы будете переживать негодование, но у вас это не примет никаких антипедагогических форм. Это будет искреннее проявление вашего настоящего человеческого чувства, но не вообще человека, а мастера-педагога.

Не только гнев противопоставляется ровному голосу, ровному голосу и противопоставляю вообще живое переживание человека. Надо представить себе всю лестницу от простого недовольства до гнева. Я должен сказать, что я тут научился поневоле, и я знал, что значит сказать: «Здравствуй» — сухим, сдержанным тоном и «Здравствуй» — спокойным, добрым тоном; или «Все. Можешь идти» — суровым, холодным тоном; или «Все. Можешь идти» — сдержанным, но мягким тоном. Все это практика»¹.

«Я сделался настоящим мастером только тогда, когда научился говорить «иди сюда» с 15—20 оттенками, когда научился давать 20 нюансов в постановке лица, фигуры, голоса. И тогда я не боялся, что кто-то ко мне не пойдет или не почувствует того, что нужно»².

Здесь мы подходим к более широкому значению термина «экспрессия». Экспрессия в узком смысле слова — это выражение чувств человека в его мимике и интонации речи.

Нельзя забывать, что и мимика, и жесты, и интонационная окраска произносимых нами слов служат не только передаче нашего эмоционального состояния и эмоционального отношения. Они служат и для того, чтобы оказать воздействие на других людей, являются средством выявления наших устремлений, выражения нашей оценки явлений окружающей действительности. Поэтому в интонации произнесенных нами слов может звучать не только волнение и радость, но и просьба,

¹ А. С. Макаренко, Избр. педагогич. соч., Учпедгиз, 1946, стр. 171,

² Там же, стр. 206.

приказание, мольба, удивление, угроза, сомнение, неодобрение, любезное отношение, насмешка и т. д. Все это «читается» нами в словах, в выражении лица, жестах (это может быть жест, означающий: «прошу вас сесть», «уходите вон», «останьтесь», «оставьте меня в покое» и т. д.). Иначе говоря, все это запечатлевается в соответствующей выразительности, т. е. экспрессии. Разумеется, это экспрессия в более широком смысле слова, это экспрессия поведения, используемая в процессе общения людей.

Эмоциональная и действенная сторона экспрессии тесно сливаются друг с другом.

Об этом говорит А. С. Макаренко: «Я убежден, что в будущем в педагогических вузах обязательно будет преподаваться и постановка голоса, и поза, и владение своим организмом, и владение своим лицом, и без такой работы я не представляю себе работы воспитателя. Конечно, постановка голоса имеет значение не только для того, чтобы красиво петь или разговаривать, а чтобы *уметь наиболее точно, внушительно, повелительно выражать свои мысли и чувства*. Все это вопросы воспитательной техники.

Например, относительно голоса, *как нужно делать выговор, в каких границах вы имеете право показать свой гнев или негодование, имеете ли право показать или не имеете права, и если имеете право, то как вы должны показать. Это постоянное действие воспитателя и есть воспитание. Воспитанник воспринимает вашу душу и ваши мысли не потому, что знает, что у вас в душе происходит, а потому, что видит вас, слушает вас*¹. (Курсив мой.— П. Я.)

Характер выразительности поведения человека в обществе социально обусловлен, обладает разными оттенками в различной социальной среде, в зависимости от «правил», которые регулируют формы общения людей друг с другом, в зависимости от норм «вежливости», принятых в данной среде, и т. д. Поэтому при одной форме отношений между людьми приказание может быть отдано резким криком, при другой — негромким голосом, но с «непреклонной» интонацией. Недовольство может

¹ А. С. Макаренко, Избр. педагогич. соч., Учпедгиз, 1946, стр. 120.

быть выражено резкой гримасой или только «холодным тоном» в разговоре и т. д.

Экспрессия, используемая в общении людей, также усваивается человеком в процессе воспитания. Определенные формы выразительности осваиваются в порядке подражания и применения их в жизни. Высказывание И. П. Павлова о подражательном рефлексе имеет прямое отношение к усвоению всех форм выразительности поведения.

Интересны в этом отношении наблюдения Л. Космодемьянской. Она наблюдала, как Зоя рассказывала сказку про Иванушку: «Она сидела, охватив руками колени и что-то негромно рассказывала... На всех лицах было такое горестное сочувствие непослушному, незадачливому Иванушке, и Зоя так точно и выразительно повторяла печальные интонации бабушки Мавры Михайловны...»¹. (Курсив мой.— П. Я.)

Мне пришлось наблюдать, как одна девочка в пятилетнем возрасте играла в телефон. Она разговаривала якобы с другой девочкой, позвонившей ей. Говоря с другой («Лена, это ты? Как ты поживаешь?»), она передавала как интонации взрослых, так и свои собственные при разговоре по телефону (голос звучит более громко, кажется, что недостаточно хорошо нас слышат, явно слышен вопрос и т. д.) Вопросы, ответы девочки, характер интонирования ею слов передали те принятые способы обращения, которые имеют место в разговоре взрослых по телефону. Это было сделано непроизвольно, путем подражания принятым формам выразительности.

То же наблюдалось мной, когда эта девочка рассказывала сказки, которые читали ей взрослые. Интонация взрослых при чтении сказки имеет определенные качества (известная напевность речи, эпичность ее). Эти оттенки интонации взрослых передавались непроизвольно девочкой при ее рассказе.

Наряду с освоением форм выразительности осваивается и понимание ее в процессе восприятия поведения людей. Человек научается «читать» приказание при обращении «я прошу вас сделать это», читать удивление, просьбу и т. д.

¹ Л. Космодемьянская, Повесть о Зое и Шуре, Л., 1951, стр. 72.

Наше «социальное ухо» и «социальный глаз» научаются отличать оттенки выразительности в этом плане. Часто ребенок не слушает слов, не обращает внимания на то, что мать предлагает ему вернуться с улицы домой, пока он не услышит определенного характера интонации в словах «иди домой». Это приказание, понятое уже как приказание, он выполняет. Мы научаемся дифференцированно пользоваться выразительностью, научаемся ее «дозировать» по отношению к разным людям и в разных социальных условиях и научаемся тонко понимать интонационную и мимическую выразительность у других.

Следует учесть, что эти две формы экспрессии не представляют собой нечто такое, что разделено непродолимой стеной. Это означает, что в общении людей, например, любезность в обращении, проявляемая по отношению к другому человеку (и воспринимаемая лишь как простая любезность обращения воспитанного человека), может перейти в соответствующих обстоятельствах встречи в живой интерес и благорасположение к человеку, т. е. форма выразительности поведения, служащая определенным социальным целям, может наполниться живым субъективным переживанием и стать выражением чувств. И, наоборот, экспрессия, выявляющая определенное чувство, может, оставаясь, казалось бы, такой же по своей форме (на самом деле для тонкого наблюдателя нечто утрачивается в ней), утратить то живое чувство, которое ее одушевляет. Остается лишь одна форма выражения, т. е. условная выразительность поведения.

Экспрессия как выразительность поведения не только усваивается людьми в процессе их воспитания в обществе, не только делается предметом их наблюдения и понимания, но и становится объектом изображения в искусстве. В произведениях искусства через ярко, правдиво и типично запечатленную выразительность поведения человека в различных обстоятельствах жизни раскрываются нам существенные стороны образа тех людей, которых хотел показать художник. И не только нравы, привычки людей, их обычаи, условия их жизни и быта внимательно наблюдает художник-реалист, но и выразительность их поведения, экспрессию их чувств во время радости и страдания.

У меня
записки
во в своих
и конкрет
иногда не
ходом к лю
дожнику в
чет непосред
не вспомнит
«Не зави
люди, — пис
теля от под
ступно ему.
страдания,
для него в
и ни от чего
ловеческие с
Если он
рается удер
где он остав
го на свете,
все, что я ис
и т. п. И зат
позы соседе
чаль и тыся
Он все в
невольнo д
Об этом
о художнике
вые моменты
поздри еще
след жизни.
нию видеши
альностью п
умирающей
ком, — говори
но я оставал
видеть, как

Г. М. о п
стр. 223—224.
изд-во «М.

И такая острая наблюдательность, направленная на экспрессию чувств и поведение людей и самого себя, дающая художнику возможность обоснованно и правдиво в своих произведениях раскрывать полноту, тонкость и конкретность человеческих переживаний, становится иногда невольно тем творчески-профессиональным подходом к людям, который делается в тягость самому художнику в волнующие моменты его жизни, когда он хочет непосредственно отдаться своим чувствам. Нельзя не вспомнить горьких слов Мопассана по этому поводу:

«Не завидовать нам, а жалеть нас должны были бы люди,— писал он,— ибо вот в чем состоит отличие писателя от подобных ему. Никакое простое чувство недоступно ему. Все, что он видит, все его удовольствия, страдания, разочарования моментально превращаются для него в предмет наблюдения. Совершенно невольно и ни от чего не зависимо он постоянно анализирует человеческие сердца, лица, жесты, интонации голоса...

Если он страдает, он отмечает для себя это и старается удержать в памяти; возвращаясь с кладбища, где он оставил существо, которое он любил больше всего на свете, он говорит себе: «Как это было странно — все, что я испытал: словно какое-то опьянение от боли» и т. п. И затем начинает припоминать все подробности: позы соседей, их искусственные мины, притворную печаль и тысячу разных мелочей...

Он все видел, все запомнил, все отметил — совсем невольно для себя, ибо он прежде всего писатель...»¹.

Об этом же рассказывает В. Стасов в своей работе о художнике Н. Н. Ге: «Ему нужно было передать первые моменты смерти: лоб, рот уже застыли и только ноздри еще сохранили последний остаток, последний след жизни. Этот ужасный момент, который, по признанию видевших картину врачей, с такой необычной реальностью передан там, Н. Н. Ге уловил в лице своей умирающей жены. «И вот что значит быть художником,— говорил Н. Н.,— я был вне себя от ужаса и горя, но я оставался себе верен: не мог не смотреть, не мог не видеть, как художник»².

¹ Г. Мопассан, Собр. соч., т. XII, изд-во «Просвещение», стр. 223—224.

² Цит. по кн.: И. И. Лапшин, Художественное творчество, изд-во «Мысль», Петроград, 1923, стр. 25—26.

И наконец, замечательный артист Н. П. Хмелев, создавший на сцене ряд незабываемых образов, делает подобное признание: «Эта способность все наблюдать,— пишет он,— и потом прилагать к роли иногда приводит в ужас, приходится ловить себя даже на таких моментах, когда, например, умирает близкий человек, и человек очень любимый, а ты смотришь, как он умирает, что в это время с ним происходит, наряду со страданиями при потере близкого друга в тебе выскакивает все наблюдающий актер, и это бывает для меня очень тяжело. А все это, конечно, остро запоминается, куда-то прячется и в нужную минуту для той или иной роли вдруг появляется»¹.

Экспрессия делается предметом изображения в искусстве. Нет сомнения в том, что человек как личность определенного склада и характера с присущим ему миром мыслей и чувств может быть запечатлен в произведениях искусства. Об этом говорит искусство портрета, достигающее в лучших своих созданиях огромного проникновения во внутренний мир человека, об этом свидетельствует искусство актера и мастерство художника слова.

В особенностях своего поведения, облика, манер, речи и т. д. человек проявляет себя как личность, обладающая определенным кругом помыслов и чувств, отношением к жизни и людям, как личность, принадлежащая к определенной социальной среде, национальности и т. д. Мы видим и понимаем это потому, что наше реальное восприятие живого человека обладает большой сложностью. К сожалению, психологи на это обращали очень мало внимания, хотя это очень существенная проблема психологии восприятия.

Наш глаз, как мы уже говорили,— «социальный» глаз. Мы умеем, увидев и услышав человека, по особенностям его речи, произношения, ударений, интонирования слов, по построению фраз, употребляемым словам, по его облику и поведению (взгляду, выражению лица, манере держать себя, одеваться и т. д.) в какой-то мере судить о его возрасте, социальной принадлежности, национальности, занятии, интеллигентности, характере

¹ Н. П. Хмелев, Творческие анкеты, «Ежегодник МХАТ, 1945», т. II, изд-во «Искусство», 1948, стр. 362.

(раздражительный, тихий, открытый, замкнутый), о существе ему устойчивом эмоциональном отношении к людям (добрый, злой, себялюбивый, гордый и т. д.). Это наше восприятие может оказаться ошибочным или же правильно отражающим действительность. Но оно представляет собой живой процесс, который может углубляться и совершенствоваться. Наше восприятие человека представляет собой процесс истолкования отдельных черт, особенностей его облика, поведения с точки зрения того, что они значат, о чем они свидетельствуют; наше восприятие представляет собой процесс сопоставления этих данных между собой, процесс связывания их с нашими знаниями о быте, нравах, манерах, характеризующих людей определенных социальных, национальных и других групп.

Все эти многочисленные приметы и признаки, говорящие о человеке, о многообразии его социальных и индивидуальных качеств, делаются предметом специального внимания художников, которые отбирают наиболее значимые, наиболее выразительные из них. Художник, для того чтобы убедительно изобразить внутренний мир человека, должен опираться на реальные факты действительности; для этого он наблюдает за поведением, манерами людей, за их нравами и вкусами, одеждой и привычками, речью, взглядом и улыбкой.

С. А. Толстая записала в своем дневнике в 1873 г. следующее о Л. Н. Толстом: «Он записывает в разные записные книжечки все, что может быть нужно для верного описания нравов, привычек, платья, жилья, и все, что касается обыденной жизни, особенно народа и жителей, вне двора и царя»¹.

Биограф Леонардо да Винчи рассказывает:

«Часто Леонардо отправлялся на рынок, где торговали крестьяне, выбирал между ними наиболее поражающие его фигуры, приглашал их к себе и угощал на славу. Расположивши их таким образом в свою пользу, Леонардо рассказывал им уморительные истории, доводя их до того, что часто они надрывали, как говорится, животики от смеху; или же он старался вызвать в своих добровольных натурщиках чувство страха, внезапно вынимая из-под плаща фантастических животных, вы-

¹ «Русские писатели о литературе», т. II, 1939, стр. 139.

лепленных из гипса и двигавшихся по столу вследствие движения наполнявшей их ртути»¹. Свое знание о человеке, свое умение его видеть художник стремится пере-нести в произведение искусства, чтобы передать ■ изображение человека, в выразительности его облика и поведения его сущность, мир его помыслов и чувств.

Всякое произведение искусства непременно рассчита-но на то, что зритель (массовый или избранный, современники художника или будущие поколения — это зави-сит от взглядов и идеологии художника) поймет то, что хотел раскрыть в этом произведении художник. Иначе говоря, что зритель увидит ■ образе человека, создан-ном художником, такие качества его характера, душев-ного облика, которые хотел показать художник. Но для этого художнику задуманное надо показать верно. Не-обходимо, чтобы изображение экспрессии поведения че-ловека, его облика создавало правильное «впечатление», чтобы использованные средства передачи этой экспрессии отвечали пониманию человека, воспринимающего худо-жественное произведение, не «вели» его восприятие к ошибочным заключениям. И подлинный художник стре-мится найти такое верное, правильно впечатляющее изо-бражение облика и поведения человека. Настоящий пи-сатель, художник все время корректирует свою работу, стремясь взглянуть на то, что он создает, как бы со сто-роны, глазами будущего зрителя и читателя. Недаром говорил Л. Н. Толстой: «Выразить словами то, что по-нимаешь, так, чтобы другие поняли тебя, как ты сам,— дело самое трудное, и всегда чувствуешь, что далеко не достиг того, что должно и можно». Этот процесс дости-жения правильной, верной выразительности в изображе-нии и заставляет настоящего художника искать, перера-батывать сделанное, искать варианты, вносить исправ-ления и т. д. Для примера обратимся к работе И. Н. Крамского. Он задумал картину «Неутешное го-ре», передающую горе матери, потерявшей ребенка. Он делает эскизы, зарисовки, пишет картину в трех вариан-тах (1883 г.). И тем не менее он не испытывает удов-летворения от картины, считая, что не выразил с нуж-ной убедительностью именно «неутешное горе» матери. И, отталкиваясь от того, что было намечено еще в пер-

¹ М. М. Филиппов, Леонардо да Винчи, стр. 16.

воначальных эскизах, он решает писать новую картину, делает этюды и наконец приходит к тому решению, которое дано в его картине (1884 года), находящейся в Третьяковской галерее. Репродукции эскизов, вариантов картины и самой картины даны в приложении (рис. 38—44).

На этих репродукциях показаны отдельные этапы работы И. Н. Крамского над картиной «Неутешное горе». На рис. 38 изображены три женские фигуры. Эти эскизные зарисовки показывают поиски художником наибольшей выразительности лица и фигуры женщины, переживающей большое горе. В первом варианте картины Крамской дает образ совсем молодой женщины, потерявшей близкого человека (может быть, ребенка). Но художнику представляется (так следует предположить), что горе совсем молодой женщины не будет неутешным. Он пишет в 1883 г. два новых варианта — вариант второй (рис. 40) и вариант третий (рис. 41), где перед нами уже немолодая женщина, переживающая тяжелое горе. Позы женщин во втором и третьем варианте картины, по существу, лишь конкретизируют то, что было уже изображено на рисунке. Но Крамской не удовлетворен самим решением — характером выразительности облика женщины, переживающей «неутешное горе». Отправляясь от зарисовки средней из фигур, он делает четыре наброска (рисунок из альбома) и пишет в 1884 г. женскую голову (рис. 42). Лицо женщины на этом рисунке молодое. Наконец, художник приходит к окончательному варианту (в 1884 г.) — более скупому и выразительному. Лицо женщины немолодое; все в ее облике, в позе, в осанке «говорит» о «неутешном горе» (см. рис. 43, где дана вся картина, и рис. 44, где дана деталь картины — голова женщины).

Стремление вызвать нужное впечатление у зрителя выразительностью создаваемого образа особенно отчетливо раскрывается при рассмотрении некоторых сторон процесса работы актера. Этот процесс поддается отчетливому наблюдению на репетициях, особенно потому, что актер имеет как бы «зеркало» в лице режиссера, который ему советует, помогает, исправляет его. Режиссер помогает актеру довести до нужной убедительности создаваемый им образ, добиться того, чтобы правильное понимание вызывали произносимые актером слова, дви-

жения, действия, т. е. чтобы у зрителя создалось верное, а не ошибочное представление об образе, о мотивах его поведения, о его помыслах, чувствах, отношении к другим героям пьесы.

Мы не входим сейчас в рассмотрение того, как вообще актер работает над сценическим образом, не рассматриваем и того, как работает режиссер с актерами, стремясь воплотить определенный замысел в спектакле. Мы хотим обратить внимание только на одну сторону процесса работы режиссера с актером — на то, как режиссер выступает в качестве «идеального будущего зрителя» и стремится добиться от актера правильного выявления выразительными средствами черт и качеств образа. Мы приведем некоторые материалы из наших систематических наблюдений на репетициях пьесы «Вторая любовь» Е. Мальцева в Московском театре им. Ленинского Комсомола в 1950 г. (режиссура С. В. Гиацинтовой).

Репетиция второй картины. Груня (арт. Руднева) вернулась в хату-лабораторию, где сидят ее подруги, от военкома. Он сообщил ей страшную весть, что Родион, за которого она недавно вышла замуж, погиб на фронте. Груня пытается скрыть от подруг постигшее ее горе и говорит о хозяйственных делах.

С. В. Гиацинтова делает такое замечание:

«Вы говорите так тихо, что, очевидно, жалеете себя. А задача у вас противоположная — вы хотите вырваться из страдания. Надо: пришла энергичная, но странная, иначе сразу поймут, что Груня похоронную получила. Она спрашивает внимательно, энергично, но не логично. Руки у вас идут неверно, «вальсом», и надо, чтобы они бросались на работу. У вас чисто городской штамп: положили руку на лоб и страдаете, а надо по-другому; скажем, застегнуть — растегнуть куртку».

Проходит репетиция четвертой картины. Эпизод, когда Груня и Родион, встретившись после шести лет разлуки, говорят о будущем:

Груня говорит: «Помогать друг другу будем».

С. В. Гиацинтова делает замечание:

«Не мельчите мысль маленьким чувством в словах «помогать друг другу будем». Так, как вы сказали, говорят с подругой о не очень значительных делах. А тут ведь новая жизнь начинается, о которой она мечтала, жизнь с любимым человеком».

Проходит репетиция седьмой картины. Вокзал. Родион, решивший порвать с Груней и уехать, слышит о ней разговор колхозников и селекционера и узнает некоторые эпизоды из ее жизни в период войны. С. В. Гиацинтова говорит селекционеру (арт. Гуров): «Должны совершенно по-разному звучать слова в рассказе о том, как Груня выводила семенной картофель и как она скрывала от близких похоронную о смерти (мнимой) мужа. У селекционера должна быть другая манера говорить, чем у колхозников. Он ведь лектор, он хорошо говорит, речь у него плавная».

Как мы видим, режиссер настойчиво добивается того, чтобы актер правильно донес в словах, действиях определенное отношение к событиям и фактам жизни и этим выявил индивидуальность героя, его положение в жизни, определенные помыслы и чувства. Режиссер вместе с актером добивается *верной экспрессии*, соответствующей образу персонажа и помогающей правильному восприятию и пониманию этого образа зрителем. Актер работает над экспрессией, чтобы она стала *убедительной для зрителя*. Таковы некоторые моменты, характеризующие особенности изображения в искусстве поведения и чувств человека.

Формы выражения чувств, усвоенные в процессе воспитания, позволяют нам более правильно понимать чувства других людей. Мы наблюдаем выражение лица человека, вслушиваемся в интонации его речи, учитываем его слова, воспринимаем особенности его поведения и действий и тем познаем его чувства.

О таком процессе понимания пишет В. О. Топорков, рассказывая о своих наблюдениях во время репетиции «Тартюфа» Мольера во МХАТ. Он исполнял роль Оргона, а А. А. Гейрот — роль Клеанта. «У меня явилось страстное желание возможно подробнее, яснее обо всем передать Клеанту — Гейроту, и было досадно: как он не может понять всего этого? А что он не понимает, *это мне было видно по выражению глаз, по скептически опущенным углам губ, готовых вот-вот расплыться в саркастическую улыбку, по нетерпеливому подергиванию плечами и т. д. и т. д.*»¹. (Курсив мой. — П. Я.)

Сталкиваясь с выражением чувства у человека, мы не только воспринимаем и понимаем, какое это чувство, но мы на него и реагируем. Необязательно, чтобы эта реакция, этот отклик был сходен с воспринятым чувством. Так, выражение страха и трепета может вызвать у нас чувство презрения, выражение довольства может вызвать негодование из-за того, что вместо чувства стыда по поводу плохого поступка человек испытывает совсем иные чувства, и т. д. Но бывает и так, что восприятие чувства грусти и печали порождает у нас такие же чувства. Наш эмоциональный отклик, следовательно,

¹ В. О. Топорков, Станиславский на репетиции, «Искусство», 1949, стр. 180.

может совпадать с воспринятым чувством, а может и отрицать его. Когда мы воспринимаем чувства другого человека и не осуждаем его за то, что он испытывает именно такое чувство, то в наше восприятие чужого чувства входит еще один новый момент. При отсутствии препятствий, тормозящих возникновение ответного отклика, мы начинаем невольно реагировать сходным образом на его переживание. В наше восприятие включается в большей или меньшей мере механизм эмоционального «заражения», основанный на подражательном рефлексе. Этот «механизм» эмоционального «заражения» в очень яркой форме выступает у маленьких детей. Маленький ребенок на улыбку отвечает улыбкой, на слезы окружающих отвечает плачем.

На «механизме» эмоционального «заражения» основано взаимодействие чувств людей при их общении друг с другом. Так, у человека возникло волнение по какому-то определенному поводу. Такое же волнение стало испытываться другими людьми, с которыми он общается, и вот из-за того, что они заволновались, стало сильнее его собственное волнение.

Интересные наблюдения приводит психолог Д. Ошанин в своей книге «Симпатия», характеризуя, как проходил в Македонии (до второй мировой войны) в сельских местностях день поминовения усопших.

«Женщины (вдовы и матери), молоденькие девушки (сестры), покрыв волосы черным платком, направляются в эти дни группами на сельское кладбище, чтоб оплакивать усопших — каждая на могиле своего близкого. Их совместные похоронные причитания прерываются слезами или рыданиями. Все это, поднимаясь от могил, сливается в общую жалобу, мрачную и раздирающую. Для такого совместного действия соединяются женщины на кладбище. Они выражают свое горе в строго ритуальных формах. ...Рыдания часто бывают искренними, но присутствие других людей также играет роль — оно ведет к экзальтированности, к преувеличению чувства, оно доводит экспрессию до крайнего предела»¹.

На этом «механизме» заражения основывается то нарастание волнения, возбуждения, страха, восторга, трудового энтузиазма и т. д., которое имеет место в кол-

¹ D. Ochanine, La Sympathie, Paris, 1938, стр. 27 — 28.

лективе людей, когда в нем уже выработалось определенное эмоциональное отношение к известным действиям и поступкам людей, к общественным событиям.

Механизм эмоционального «заражения» участвует и в процессе нашего понимания чужих чувств. Мы чужие чувства понимаем активно не только потому, что старательно постигаем содержание данного чувства, но мы еще и помогаем этому пониманию тем, что опираемся на нашу собственную экспрессию. Воспринимая горе другого человека, мы невольно становимся серьезными. Часто веселый человек говорит: «Мне не по себе в обстановке печали, которая царит в такой-то семье»; «Мне трудно там бывать, у меня настроение становится плохим». А. С. Макаренко рассказывает: «У меня был педагог Терский. Я дрожал, как бы его у меня не сманили. Он был удивительно веселый человек. Он меня заражал и воспитанников заражал своим буйным весельем». (Курсив мой.— П. Я.)¹.

Восприимчивость к чувствам другого человека, которые отчетливо проявляются в оттенках экспрессии и поведения, может быть очень велика. На эту восприимчивость опирается понимание чувств. Это является также основой для некоторых форм отражения действительности в процессе общения и взаимопонимания людей. Среди многообразных видов чувств, испытываемых человеком, мы встречаемся и с такими, которые по самому своему существу характеризуются не только направленностью на другого человека, но и предполагают какой-то ответ с его стороны на это чувство. Таковы характерные особенности любви, привязанности, преданности, ненависти и т. д.

Когда человек проявляет свое чувство любви, привязанности, преданности к другому, он стремится понять, почувствовать, как доходит его чувство, как оно принимается этим человеком. В словах, жестах, взгляде, молчании, характере улыбки, в интонациях голоса этого человека он старается уловить, «прочитать» ответ: принято его чувство или отвергнуто, вызывает ли он симпатию, или безразличие. По характеру экспрессии человека, на которого направлено чувство, он истолковывает

¹ А. С. Макаренко, Избр. пед. соч., Учпедгиз, 1946, стр. 123.

то более, то менее правильно, как воспринимается его чувство, какой оно в данный момент получает отклик со стороны другого.

Но он не только улавливает характер той эмоции, которая возникает как ответ на проявление его чувства, он произвольно и сам отвечает известными сдвигами в характере течения своего чувства на реакцию другого человека. Так, его чувство «зажимается» при явно недоброжелательном отношении, оно может потерять свою устремленность, стать более сдержанным. Из-за того, что чувство не было принято, в нем могут появиться элементы горести, печали и т. д. И, наоборот, встретив поощрение во взгляде, улыбке, молчании и т. д., оно может стать другим, лишиться элементов тоски, неудовлетворенности, стать полностью дозволенным и т. д. И это получает свое выражение в экспрессии. Изменения чувств и их экспрессии в процессе меняющихся взаимоотношений людей с большой глубиной раскрывают такие крупные писатели-психологи, как Толстой, Достоевский, Флобер, Мопассан, в своих произведениях, посвященных изображению чувств людей.

То, что рисует при помощи слова писатель, непосредственно изображает большой актер. Все богатство, тонкость изменений экспрессии, возникающей в человеческих взаимоотношениях — в их дружбе, любви, ненависти, преданности, принятой или оставленной без внимания, отверженной, — раскрываются в искусстве таких актеров, как Качалов, Хмелев, Щукин, Станиславский, Дузе, Комиссаржевская, с большой психологической глубиной проникающих в эмоциональный мир человека и дающих ему адекватное выражение в экспрессии, поднятой до высоты художественного обобщения¹.

На умении точно воспринять экспрессию чувств другого человека основывается и взаимопонимание чувств. Конечно, взаимопонимание в первую очередь определяется тем, что человек верно постигает содержание чувств другого и принимает их, но еще и тем, что чело-

¹ См. в приложении фотографии сцены прощания Тузенбаха и Ирины («Три сестры» А. П. Чехова) в исполнении Н. П. Хмелева и А. О. Степановой; сцены из балета «Бахчисарайский фонтан» в исполнении Г. С. Улановой, а также сцены из спектакля «Анна Каренина» по Л. Н. Толстому в исполнении А. М. Андреевой, М. Н. Кедрова, П. В. Массальского (рис. 51—79).

его
к со
ции,
ства,
гами
руго-
явно
ерять
из-за
вить-
стре-
оно
удов-
т. д.
мене-
вза-
вают
осто-
к, по-
сред-
тон-
вече-
нави-
вни-
таких
вский,
ческой
овека
и, под-
в дру-
чувств.
преде-
ожание
о чело-
енбаха и
Хмелева
фонтан
«Анна
ндреевой,

век «входит» в круг чувств другого. В самом его облике есть «сочувствие», испытание им в известной мере того, что переживает другой человек. Это служит основой для сближения и создает то особое взаимопонимание, которое называют интимным проникновением, «сердечным» пониманием. Это то понимание, которое возникает в дружбе людей, во взаимной любви и которое вместе с тем укрепляет взаимоотношения, возникшие в товарищеской близости, дружбе, любви.

О таком понимании между Кити и Левиным говорит Толстой в «Анне Карениной»:

«Кити, подойдя к расставленному столу, села и, взяв в руки мелок, стала чертить им по новому зеленому сукну расходящиеся круги... Она все чертила мелом по столу. Глаза ее блестели тихим блеском. Подчиняясь ее настроению, он чувствовал во всем существе своем все усиливающееся напряжение счастья.

— Пойдите, — сказал он, садясь к столу, — я давно хотел спросить у вас одну вещь.

— Вот, сказал он, — и написал начальные буквы: к, в, м, о, э, н, и, л, э, л, э, п, и, т?..

... Долли утешилась совсем от горя, причиненного ей разговором с Алексеем Александровичем, когда она увидела эти две фигуры. Кити с мелком в руках и с улыбкой, робкою и счастливою, глядевшую вверх на Левина, и его красивую фигуру, нагнувшуюся над столом, с горящими глазами, устремленными то на стол, то на нее.

... На него нашло затмение от счастья. Он никак не мог подставить те слова, какие она разумела; но в прелестных, сияющих счастьем глазах ее он понял все, что ему нужно было знать».

Хотя в чувствах человека часто выражена интимная сторона его личности, вместе с тем они являются средством единения с другими людьми, основой нового, своеобразного понимания, которое может очень сблизить людей.

Благодаря тому что мы непосредственно воспринимаем чувства других людей, в переживание наших собственных чувств может войти новый элемент. Вот мы переживаем определенное чувство по известному поводу и видим, как люди, присутствующие здесь, также переживают подобное же чувство. Мы понимаем, что бли-

зость их взглядов, воззрений, моральных принципов нашим воззрениям и моральным принципам порождает у них чувство, сходное с нашим по характеру его содержания. И тогда мы переживаем уже наше собственное чувство по-иному, осознавая общность этого чувства с чувствами других людей. И это делает чувство не только более сильным, но и дает человеку сознание его приобщенности к миру чувств и устремлений других людей.

Очень хорошо эту сторону в испытании чувств показал В. Короленко в рассказе «Без языка», в котором идет речь о белорусе, жителе местечка Лозищи, попавшем в Америку. Матвей Лозинский попадает на митинг рабочих и слушает речь оратора на непонятном ему языке.

«В груди лозищанина подымалось что-то незнакомое, неиспытанное, сильное. В первый еще раз на американской земле он стоял в толпе людей, чувство которых было ему понятно, было в то же время его собственным чувством. Это нравилось ему, это его подмывало на что-то... Он не знал, куда он хочет идти, что он хочет делать, он забыл, что у него нет языка и паспорта, что он бродяга в этой стране. Он все забыл и, ожидая чего-то, проталкивался вперед, *опьяненный после одиночества сознанием своего единения с этой людской массой в каком-то общем чувстве*». (Курсив мой. — П. Я.)

На сознании и переживании общности чувств с другими людьми основано чувство коллектива.

Такую общность чувств очень хорошо показал А. М. Горький в повести «Мать» в сцене первомайской демонстрации:

«— Да здравствуют рабочие люди всех стран! — крикнул Павел. И, все увеличиваясь в силе и в радости, ему ответило тысячеустое эхо, потрясающим душу звуком.

Мать схватила руку Николая и еще чью-то, она задышалась до слез, но не плакала, у нее дрожали ноги, и трясущимися губами она говорила:

— Родные...

По рябому лицу Николая расплылась широкая улыбка, он смотрел на знамя и мычал что-то, протягивая к нему руку, а потом вдруг охватил мать этой рукой за шею, поцеловал ее и засмеялся».

Ф. Вигдорова в повести «Мой класс» пишет:

«Мы стали оставаться после уроков и читали «Детство» (Горького) вслух... Затаив дыхание, слушали ребята повесть о трудном, невеселом детстве, минутами у них начинали влажно блестеть глаза, время от времени кто-нибудь тяжело вздыхал, кто-нибудь, сам не замечая, крепко стискивал плечо соседа.

Каждый невольно искал сочувствия и ощущал, что другие переживают то же. И это роднило нас. Мы лучше понимали друг друга... чаще советовались. Все более дружным становился наш коллектив, наш класс». (Курсив мой — П. Я.)

Преподавательница 433-й школы Москвы Н. Костарева говорит: «Во время чтения художественной, идейно-выдержанной, правдиво-реалистической книжки все самое хорошее и юных слушателей идет навстречу вам, образам книги, ребята «раскрываются» (часто невольно)... Нередко приходилось видеть во время громкого чтения слезы настоящего горя, наблюдать взрывы неподдельного негодования и слышать такой радостный, счастливый смех своих юных слушателей, что он невольно заражал и читавшего воспитателя... Преображались самые инертные, всегда молчаливые и пассивные... При коллективном слушании впечатление удесятряется: ребята действуют друг на друга, наиболее экспансивные, живые «зажигают» соседей, иногда «подсказывают» им ценное переживание.

...Отмеченная нами важная особенность: общность переживаний, единство настроения детей во время слушания чтения им рассказа педагога, способность их «заражаться» радостью и печалью товарищей всегда соединяется с детской активностью, так присущей подростковому возрасту»¹. (Курсив мой. — П. Я.)

Огромное морально-политическое единство нашего советского народа выражается не только в том, что советским людям присуща общность убеждений и взглядов на явления общественной жизни, но и в общности переживаний.

Сказанное нами об экспрессии и ее изменении в процессе жизни общества, о путях и способах «чтения» экс-

¹ Н. Костарева, Внеклассное чтение как средство коммунистического воспитания учащихся, «Известия АНП РСФСР», вып. 30, 1950, стр. 87—88.

прессии человека делает понятным также роль и значение искусства актера в обогащении нашего эмоционального опыта.

Советские актеры — Качалов, Москвин, Щукин, Дикий, Ливанов, Тарасова, Марецкая и другие — своим замечательным искусством воплощения образов людей прошлого и образов советских людей делают очень много для формирования нашего эмоционального опыта.

Помимо того, что они в убедительной, понятной для нашего времени форме раскрывают чувства людей других исторических эпох и социальных слоев, они делают нечто другое и более важное. Они улавливают благодаря своей острой наблюдательности те формы выражения чувств, которые свойственны нам, советским людям, в нашем быту, во взаимоотношениях с другими людьми, и придают им большую отчетливость, ясность и художественную убедительность. Мы научаемся лучше разбираться в оттенках, раскрывающих чувства других людей, потому что эти оттенки были даны в выразительной форме. Благодаря же аппарату подражания эти формы выражения чувств в какой-то мере входят и в тот «язык» чувств, которым мы пользуемся в жизни.

Отметим и другое. На сцене показывается в очень яркой, иногда очень волнующей нас из-за характера конфликта, форме выражение чувств человека. Это обстоятельство приводит к тому, что восприятие чужих чувств может достигать очень большой остроты еще и потому, что у зрителя при этом восприятии включается механизм эмоционального «заражения». Яркость же возникающих в этой связи переживаний, в свою очередь, содействует обогащению нашего эмоционального опыта.

Таков сложный и многосторонний процесс формирования экспрессии человека. Имеющиеся возможности в выражении оттенков чувств, которые заложены в природном аппарате выразительности человека, получают свое раскрытие и развитие в процессе социального общения людей. В ходе социального общения осуществляется понимание экспрессии людей и освоение ее общественно принятых форм, совершается овладение всем многообразием экспрессивного «языка» людей, который вырабатывался в ходе развития всей культуры человечества.

ЧУВСТВА

Чувства присущи всякому человеку. Они определяют его жизнь, историю, политическую деятельность, проявляются в его взглядах, интересах, чувствах. В чувствах отражаются психические состояния человека и взаимодействие с окружающей действительностью. Чувства человека с его мировоззрением и принципами, идеями, раскрываются в его поведении.

Поэтому, какого рода отношения к определению чувств и самим людям, как они являются ведущими факторами в его жизни и деятельности, он и раскрывает. В этом отношении человек характеризуется своим характером, но не только. Рассмотрение чувств позволяет нам увидеть

ГЛАВА 5

ЧУВСТВА И ЛИЧНОСТЬ

Чувства присущи всякому живому человеку. Создавшееся у человека определенное отношение к явлениям действительности проявляется в его воззрениях на жизнь, историю, политику, поведение людей, оно также проявляется в его взглядах, жизненных установках, интересах, чувствах. В чувствах человека как устойчивых психических состояниях, создавшихся в ходе его жизни и взаимодействии с окружающим, выражается его эмоциональное отношение к определенным сторонам и явлениям действительности. В чувствах раскрывается весь человек с его мировоззрением, моральными представлениями и принципами, оценками окружающего, убеждениями, раскрывается его позиция по отношению к окружающему.

По тому, какого рода чувства человек испытывает по отношению к определенным явлениям жизни, поступкам людей и самим людям, по тому, какова роль этих чувств в его личности в том смысле, какие из этих чувств являются ведущими, определяющими его поведение и действия, он и раскрывается нам как личность определенного склада и духовного облика.

В этом отношении рассмотренные нами чувства советского человека в их содержании, соотношении друг с другом характеризуют не только черты его эмоциональной жизни, но и весь духовный мир советского человека.

Рассмотрение чувств как качеств и черт личности позволяет нам увидеть в них некоторые новые стороны

благодаря выяснению взаимоотношения между сферой чувств и психической жизнью человека в целом.

Человек изменяется в течение жизни под влиянием жизненных условий. И чувства человека также меняются вместе с изменением его личности. Они являются ярким выражением этих изменений. Вместе с изменением личности человека меняются его привязанности — то, что раньше его волновало, перестает волновать, зато новые явления становятся объектом его эмоционального отношения. Об этом пишет И. И. Мечников в своих наблюдениях над самим собой.

Вот некоторые материалы из его «Записей самонаблюдения»:

28 декабря 1913 г.

«...Между тем как я становлюсь равнодушнее к собственной жизни, у меня в высшей степени становится острым беспокойство о здоровье, жизни и счастье близких мне лиц. Испытываешь вечный страх за близких...

В возрасте между 50, 60 и 65 годами радость жизни, как я описал в «Этюдах о природе человека» и «Этюдах оптимизма», мною ощущалась очень сильно, за последние же годы она начинает заметно ослабевать. Научная работа еще вызывает у меня неугасимый энтузиазм, но ко многим благам жизни я сделался равнодушным».

16 мая 1914 г.

«Сегодня я вступил в 70-й год жизни. Для меня это большое событие. Анализируя свои чувства, все больше убеждаюсь, что «инстинкт жизни» у меня ослабел. Я нарочно слушал те музыкальные вещи, которые прежде доводили меня до слез восторга (как, например, 7-я симфония Бетховена, ария Баха для скрипки и т. д.), чтобы проверить впечатление. Последнее значительно ослабело против прежнего...

То же и в других областях. Нынешней весной распускание и цветение кустов и деревьев, проявление оживления природы не вызвали во мне и тени того восторженного чувства, которое я испытывал в прежние годы... О наслаждении жизнью, как и прежние годы, не может быть и речи. Чувством, преобладающим над всеми прочими, является бесконечная тревога из-за здоровья и счастья близких».

16 мая 1915 г.

«Изменения в моем душевном складе, которые я заметил год назад, усилились в немалой степени.

Разница в силе приятных ощущений сказывается все более и более. Приятные ощущения ослабевают, я сделался равнодушным к благам, которые прежде были мною очень ценимы. Нечего говорить, что я сделался равнодушным к качеству пищи. Потребность к музыкальным ощущениям настолько ослабела, что я почти не испытываю желания ее удовлетворения. Прелесть весны меня не трогает, а возбуждает грусть. Наоборот, тревога из-за счастья и здоровья

близких становится все сильнее. Мне трудно понять, как я раньше мог переносить эту тревогу»¹.

Мы можем сказать, что чувства являются в каком-то отношении характеристикой этапов жизни и развития человека. И так же, как может быть поставлен вопрос о том, какие наиболее характерные чувства присущи человеку определенной эпохи с ее идеологией, господствующим мировоззрением, принципами морали — и это есть способ раскрытия живого человеческого отношения к действительности через чувства, — так же может быть поставлен и другой вопрос. Это вопрос о том, какие же чувства в их содержании, направленности, соотношении друг с другом присущи человеку на различных этапах его жизни в соответствии с его развитием, с характером его познания действительности и социальных отношений, подхода к жизни и оценок окружающего. Это позволит подойти к раскрытию эмоционального мира ребенка, подростка, юноши, зрелого, старого человека и увидеть в чертах их чувств особенности отражения ими окружающей действительности.

Нашей задачей не является конкретное рассмотрение того, какие чувства присущи советскому человеку на различных этапах развития его личности. Однако следует помнить, что эти возрастные этапы не только характеризуются различием в содержании чувств и их соотношении между собой, но и различным взаимоотношением между личностью в целом и сферой его чувств. Чувства имеют не только разный характер на различных этапах жизни человека, но, будучи устойчивыми эмоциональными отношениями к окружающей действительности, характеризуются и различной значимостью для личности. Не только разные объекты и явления в

¹ И. И. Мечников, Страницы воспоминаний, изд-во АН СССР, 1946, стр. 174—176. Свидетельство И. И. Мечникова о тех чувствах, которые стали для него преобладающими в старости, следует воспринимать как *свидетельство изменений* в эмоциональной сфере человека в определенные этапы жизни. Самое же содержание чувств, которые возникли у Мечникова, их окраска и т. д. объясняются его болезненным состоянием в последние годы, а не являются характерным признаком старости. Так, К. С. Станиславский на склоне своих лет подчеркнул в беседе со своим другом Любовью Яковлевной Гуревич, что старость приносит человеку и свои собственные радости, делает его чувства более бескорыстными, позволяет больше отдаваться переживаниям художественного порядка.

различные этапы жизни человека становятся предметом его устойчивого отношения, но оно и по-разному входит в его жизнь, становится двигателем его поступков. Меняется и глубина, т. е. значимость чувств для личности в разные этапы ее существования.

Меняется и характер эмоциональной жизни человека: эмоциональная окраска переживаний, их сила, быстрота развития чувств. Эти моменты очень отчетливо выступают при сопоставлении эмоциональной жизни человека в юности и в пожилом возрасте.

Что характеризует юношу, развивающегося в нормальных социальных условиях, юношу социалистического общества? Оптимизм, вера в себя и в свои силы, уверенность в том, что он найдет достойное место в жизни нашего общества, обретет личное счастье, жажда деятельности, острота и непосредственность чувств и т. д.

Иное характеризует человека пожилого. Многие в его жизни познано, преодолевались препятствия, требовавшие большого напряжения, чтобы найти свое место в жизни, отвечающее запросам и интересам личности. Пожилой человек более правильно соизмеряет свои силы и возможности; многое в жизни для него позади: и многие решающие жизненные события вызывавшие большое эмоциональное напряжение, и создание семьи, и определение жизненного призвания. Чувства пожилого человека возникают не в поисках своего нового жизненного пути, а в утверждении существующего.

Что характеризует юношу в эмоциональном отношении? Большая эмоциональная отзывчивость, большая впечатлительность. Приходится говорить и о готовности к чувствам, которых юноша еще не испытал, но, как он считает, должен испытать.

С возрастом в человеке происходят значительные перемены. Прежде всего уходит часто встречающаяся юношеская горячность и подъем, легко возникающие по всякому поводу; если же они сохраняются, то проявляются уже более избирательно, по какому-то важному для человека случаю, вызывающему его живой интерес. Появляется большая сдержанность, которая связана с утратой ощущения, что решающее в жизни еще впереди, что вершина жизненного взлета еще только будет. Эта сдержанность сказывается в большей внутренней замкнутости к чувствам чисто личного порядка. В чувствах,

которые возникают, нет той внешне выраженной энергии, которая имеется в юности. А вместе с тем само чувство (когда преодолено возникшее внутреннее сопротивление к его возникновению) может быть более связанным с существом личности, быть более глубоким, чем в юности.

Сдержанность в переживании чувств сказывается и в более скупых формах их экспрессии. Нет в выражении их той пылкости, которая часто встречается в юности. Поэтому-то в некоторых случаях о человеке зрелом говорят «он пылок, как юноша», он откликается на все, восприимчив ко всему, волнующему людей в юности. Так даже в этом схематическом сопоставлении для нас выявляются те сдвиги в эмоциональной жизни личности, которые связаны с ее возрастными этапами.

То обстоятельство, что в годы юности для человека характерна большая эмоциональная впечатлительность, «открытость» к эмоциональным воздействиям, имеет серьезное значение для воспитания. Безусловно, человек изменяется в течение всей жизни, меняется он и в эмоциональном отношении. Но очень важно не пропустить в воздействиях на него тот период его развития, когда готовность к переживанию чувства (мы не говорим сейчас о ее причинах) особенно велика. Этим можно создать серьезные предпосылки для дальнейшего эмоционального развития человека как необходимого элемента его общего развития.

Если подросток, юноша испытывает большое чувство морального негодования, сочувствие несчастью другого, его горю, душевный подъем от хорошего поступка, радость эстетического переживания, испытывает волнение, грусть, радость первой любви, делающей его лучше и человечнее, то тем самым он в силу большой эмоциональной впечатлительности приобретает тот эмоциональный опыт, тот «фонд» эмоциональных переживаний, который будет иметь значение для его дальнейшего развития. Это значит, что будут уже проторены пути для ассоциаций эмоционального характера и в других условиях. Когда он в силу жизненных условий столкнется с фактами, событиями, которые вызовут его эмоциональную реакцию, его переживания будут и глубокими и ответственными этим жизненным обстоятельствам. Эмоциональная восприимчивость человека ко всему тому,

с чем он столкнется в процессе своей жизни и деятельности, подготавливается тем, что он познает в своем эмоциональном опыте в период наибольшей его эмоциональной «открытости». Поэтому важно, чтобы годы юности были полноценными годами в смысле эмоционального развития человека, чтобы он познал остроту, силу тех переживаний, которые возвышают человека, делают его лучше.

Но человеческая личность не просто отдается своим чувствам, которые у нее формируются в процессе ее жизни и деятельности; она и осознает их, определяет для себя их качества. И так же, как человек может относиться к чертам своего характера, к различным свойствам своей личности, он может относиться и к своим чувствам. На основе осознания и освоения общественных оценок тех или других качеств личности, превращения этих оценок в самооценку человек занимает определенную позицию в отношении своих чувств. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Мы уже отмечали, что чувства представляют собой достояние личности. Человек осознает, что появление, наличие определенных конкретных чувств свидетельствует об изменении каких-то черт его как личности. В связи с этим человек занимает к появившимся в нем чувствам соответствующую более или менее определенно выраженную «позицию».

Мы встречаемся со следующими видами отношения человека к собственным чувствам:

1. Имеющиеся у человека определенные чувства к тем или другим явлениям жизни не вызывают у него никакого внутреннего противодействия; без колебаний он просто отдается им. Он считает возможным негодовать, волноваться, роптать, испытывать нежность и т. д. Такой подход к определенному роду чувств присущ ребенку, подростку, взрослому. Именно так, например, отдается чувству дружбы одна из учениц VII класса, которая пишет о своем чувстве дружбы к подруге Т.:

«Я не знаю, что именно влечет меня к ней, я не помню, как мы подружились, только знаю, что дружба наша началась еще тогда, когда мы были маленькими глупышами — второклассниками. Она некрасива, но мне она кажется лучшей красавицей. Может быть, меня ослепляет моя любовь к ней, а другим может казаться моя

любовь, или, вернее сказать, обожание, бессмысленным и глупым, но для меня все равно, что бы ни говорили, и никакие насмешки не мешают мне любить ее и дружить с ней. Мы делимся друг с другом всеми нашими тайнами. Когда она выходит отвечать урок, я не могу усидеть от волнения на месте и, конечно, мое поведение вызывает замечание преподавателя. Но и это не улучшает мое поведение, и я успокоюсь только тогда, когда она сядет на место. Мою милую Т. я люблю и за то, что она не покинула и не отстранилась от меня, когда меня потрясло большое горе»¹.

В других случаях человек занимает по отношению к своим чувствам совсем иную позицию.

2. Он не одобряет возникшее у него чувство и начинает противодействовать ему. Так, человек старается подавить в себе чувство нежности к другому из страха, что оно может превратиться в большое чувство. Анна Каренина, вернувшись из Москвы в Петербург, всячески избегает Вронского, к которому у нее возникает серьезное чувство, избегает потому, что она считает это чувство опасным и могущим привести к изменению установившегося уклада ее жизни.

Человек не одобряет чувство привязанности к человеку, идеологически ему чуждому, и противодействует своему чувству.

Активность отношения к своим чувствам, наблюдаемая в этих случаях, очень ярко раскрывается Николаем Островским в романе «Как закалялась сталь»:

«С чувством грусти и удивления следил Павел, как ломается, казалось бы, крепкая дружба... Дешевый индивидуализм Тони становится непереносимым Павлу. Сегодня они пришли оба в купеческий сад, чтобы сказать друг другу последнее слово.

Тоня проговорила с глубокой грустью:

«Неужели наша дружба угаснет, как угасает сейчас солнце?»

Он смотрел на нее не отрываясь, крепко сдвинув брови, тихо ответил:

«Тоня, мы уже говорили об этом. Ты, конечно, знаешь, что я тебя любил, и сейчас еще моя любовь может воз-

¹ И. В. Страхов, О дружбе школьников, Саратов, 1946, стр. 82.

вернуться, но для этого ты должна быть с нами. Я теперь не тот Павлуша, что был раньше. И я плохим буду мужем, если ты считаешь, что я должен принадлежать прежде тебе, а потом партии. *А я буду принадлежать прежде партии, а потом тебе и остальным близким.* (Курсив мой.— П. Я.)

Здесь очень отчетливо вскрывается, что Павел начинает противодействовать своему чувству к Тоне из-за ее индивидуализма; вместе с тем он хорошо знает, что если снимется преграда, ведущая к их взаимному отчуждению, то его чувство, которое он заглушал в себе, вновь возвратится к нему.

Вследствие разной позиции человека по отношению к различным чувствам, а она образовалась на основе осознанных и освоенных общественных оценок этих чувств, чувства существуют не рядоположно, а в известной иерархии. Есть чувства, которые человек считает высшими, ценными и повышающими его собственную самооценку. Это те чувства, которые одобряются обществом. Это чувства, которые отвечают моральным принципам, принятым в данном обществе. Эти чувства имеют прямую связь с идейными устремлениями человека, с его идеалами поведения и т. п., а наряду с этими чувствами человек испытывает иногда чувства, которые такого общественного одобрения не получают, но вместе с тем и не противоречат морально-общественному сознанию людей, не вступают с ним в конфликт. И отношение человека к ним заключается в том, что он с этим чувством в себе не борется.

Наконец, надо говорить и о тех чувствах, которые самому человеку представляются как чувства морально низкие. Это чувства, которые противоречат идеалу поведения человека, ставшего для него органичным.

Это чувства, которые представляются ему аморальными и отвергаются им. И человек не просто не одобряет такие чувства в себе. Он может очень остро переживать то, что ему присущи подобные чувства. Он испытывает стыд, гнев на самого себя, чувство тоски в связи с тем, что он испытал эти чувства. Его совесть «говорит» в нем, потому что его нравственное сознание вступило в конфликт с теми побуждениями, переживаниями в нем самом, которые противоречат его нравственному сознанию. И то обстоятельство, что соответствующие пережи-

вания оказались достаточно сильными, усиливает чувство стыда, чувство гнева. Человек сам делается объектом собственных чувств, которые могут получить очень действенный характер. Чувство стыда, негодования на себя помогает человеку побороть чувства, которые он не одобряет.

Вот что, например, по материалам работы Т. В. Драгуновой, говорит ученица VI класса Ш. Р.: «Сама к себе стала по-другому относиться, хочу лучше стать, иногда прямо ненавижу себя за некоторые поступки, за то, как разговариваю с девочками». Ученик V класса Т. Х. сообщает: «Один раз я нечаянно разбил в физическом кабинете зеркальный прибор. Никто не видел, и я мог бы этот факт скрыть. Стал убирать, заторопился, оглядываясь, подумал, что мне попадет. И вот этот страх перед ответственностью и склонил меня ко лжи. Но потом стал себя ругать за трусость — ведь не маленький — взял себя в руки, убрал осколки, пошел и сказал об этом учителю»¹.

Человек может негодовать на себя, может презирать себя за свои чувства. В «Севастопольских рассказах» Л. Н. Толстой описывает состояние Володи, только что выпущенного из кадетского корпуса и впервые попавшего в обстановку осажденного города:

«Оставшись наедине с своими мыслями, первым чувством Володи было отвращение к тому беспорядочному, безотрадному состоянию, в котором находилась душа его. Ему захотелось заснуть и забыть все окружающее, главное, самого себя... Но вдруг ему пришла мысль, что пролетит бомба, пробьет крышу и убьет его... Он опять встал и походил по комнате. Страх действительной опасности подавил таинственный страх мрака... *«Я подлец, я трус, я мерзкий трус»*, — вдруг подумал он и снова решил к тяжелому чувству презрения, отвращения даже к самому себе»². (Курсив мой. — П. Я.)

Такое отношение человека к своим чувствам проявляется иногда очень ярко. Возьмем, например, такой случай, когда высокое чувство советского патриотизма требует от человека мужества, а он испытывает страх.

¹ Н. С. Лукин, Воспитание выдержки у подростков, Учпедгиз, 1955, стр. 57.

² Л. Н. Толстой, Севастополь в августе, Собр. соч., т. II, 1928, стр. 128.

12 П. М. Якобсон

Или такой случай, когда человек находится в безопасности, а глубокое чувство долга советского патриотизма говорит ему о том, что надо быть там, где в опасности остался твой коллектив, и т. д.

Наша советская жизнь дала много примеров такого отношения к своим чувствам. Они широко запечатлены в нашей советской литературе.

Георгий Березко в своей повести «Ночь полководца» рисует переживания Уланова, впервые попавшего на фронт: «Казалось, в нем жили теперь два различных человека, обособленных один от другого. Первый думал и решал, как того требовала честь, достоинство, дисциплина; второй только слушал и смотрел, инстинктивно реагируя на окружающее.

«Ну, чего вздрагиваешь?» — говорил первый Уланов второму. Сзади раздался громкий треск сломанной ветки, и второй Уланов всем телом приник к земле. Тогда, чтобы подчинить себе это пугливое существо, Николай попытался его пристыдить.

«Вспомни Овода,—обратился он к себе самому,—или Желябова, или Перовскую — они ничего не боялись. И ты можешь, ты должен быть похожим на них...».

«Почему же я трушу? — как бы прикрикнул он на себя. И столько гнева было в этой мысли, что она подействовала». (Курсив мой.— П. Я.)

Эти примеры раскрыли те приемы борьбы с неодобряемыми чувствами, к которым прибегает человек. Здесь налицо не просто оценка своих чувств, но и активная борьба человека за лучшее в себе, конфликт между положительными и отрицательными чувствами. Именно потому, что для него выявились качества личности, которые он в себе не одобряет, он начинает переживать моральные чувства. Благодаря этому он и может заглушить, победить те чувства, которые он в себе презирает и которых стыдится.

Моральные представления, идеалы, образцы поведения, которые вошли в жизнь человека, стали близкими, превратились в способ его отношения к поступкам людей, возникают вновь перед ним, оживляются и становятся тем тормозящим началом, которое приводит его к преодолению в себе нежелательных чувств.

А. Фадеев в романе «Молодая гвардия» рассказывает о поступке Валько на переправе. Валько по долгу

службы должен был во время эвакуации двигаться на Восток, к Саратову. Там находились его жена и дети. Он оказался на берегу Донца, свободном от фашистов. Но на его душе беспокойно, что-то мешает ему воспользоваться этой возможностью.

«Едва Валько представил себе, что могут подумать о нем его рабочие, Григорий Ильич Шевцов — его друг, ребята комсомольцы, оставшиеся на берегу,—едва только Валько представил это — вся кровь хлынула к черному лицу его и он повернул обратно».

Мысль о том, что люди могут подумать, что он трус, упрекнуть его в страхе перед опасностью, вызывает у него острое чувство стыда.

Человек сознает, что он отвечает за свои чувства, поэтому он может переживать стыд по поводу тех чувств, которые он когда-то испытывал или, наоборот, не испытывал в соответствующей ситуации.

В «Детстве» Л. Н. Толстого описано поведение Николеньки, когда он в компании с другими мальчиками жестоко потешался над Илинькой Грап.

«Я решительно не могу объяснить себе жестокости своего поступка, как я не подошел к нему, не защитил и не утешил его? Куда девалось чувство сострадания, заставляющее меня, бывало, плакать навзрыд при виде выброшенного из гнезда галченка...

Неужели это прекрасное чувство было заглушено во мне любовью к Сереже и желанием казаться перед ним таким же молодцом, как и он сам? Незавидные же были эти любовь и желание казаться молодцом! Они произвели единственные темные пятна на страницах моих детских воспоминаний».

3. Человек одобряет возникшее у него чувство. Это выражается в том, что он дает ему возможность развиваться без препятствий, более того, он начинает ему активно содействовать. Одобрение своего чувства может приобрести специальную форму — оберегания в себе известного чувства, т. е. избегания всего того, что может как-то нарушить его, нанести ему ущерб (насмешка кого-либо над этим чувством и предметом чувства).

Этим объясняется то, что человек иногда не может рассказать о своей привязанности к кому-то, о своей любви, страсти к какому-то занятию, о тяжелом переживании безразличному человеку. Подросток, юноша,

девушка бояться порой рассказывать окружающим о своем увлечении и поверяют свои интимные чувства и мысли дневнику. Они поверяют их избранному другу или подруге, с сочувствием и пониманием относящимся к их переживаниям.

О необходимости такого понимания, живого отношения к мыслям и переживаниям воспитанников говорит А. С. Макаренко, касаясь отношений учителя к ученикам. Осуждая безразличное отношение к ученикам, он пишет: «...когда вы прячетесь от ученика за ровным голосом, он никогда к нам не пойдет, он самое тайное, самое опасное переживание обязательно от вас спрячет. Да и кого же потянет к человеку с ровным голосом!»¹.

Есть чувства, которые могут быть человеку особенно дороги. И это может быть не только впервые испытанное чувство любви, вызывающее в юности переживание застенчивости и стыдливости. Л. Н. Толстой писал в «Детстве» о подобном чувстве. «Никому в мире я не решился бы поверить этого чувства, так много я дорожил им». Речь идет о чувствах, которые потому очень дороги человеку, что в них он видит проявление самого сокровенного, что ему присуще как личности. И о таком чувстве он не хочет, чтобы узнали посторонние, безразличные люди.

И. Н. Крамской в своем письме к молодому другу, умирающему художнику Ф. А. Васильеву (это было его последнее письмо перед смертью Васильева—от 10 сентября 1873 г.), писал следующее:

«... Мой дорогой, мой благородный друг, Вы меня совершенно понимаете, и письмо мое не будет в состоянии прибавить ни одной черты, которой Вы не чувствовали гораздо раньше, чем я заговорил об этом. Чем больше я думаю о нашем сближении, о странности наших встреч, об их краткосрочности, о силе впечатления, мною испытываемой, и, наконец, о глубокой черте, которую Вы успели провести в моей жизни, тем более я удивляюсь и тем меньше я могу говорить об этом. *Прошу Вас, добрый мой, дорогой, это письмо по его прочтении, уничтожить, сжечь. Странное желание и странная просьба, но, мне кажется, Вы угадаете истинную при-*

¹ А. С. Макаренко, Избр. пед. соч., Учпедгиз, 1946, стр. 170.

чину и смысл. Беда не большая, если бы и не догадались, но есть вещи, есть чувства, есть состояния, которые могут и должны быть известны и понятны только тем, кому они дороги, и потому сожгите. Вам я все могу сказать, не унижая ни себя, ни Вас. Мы недаром встретились с Вами... ■ что — это я говорю, — я, седой ■ взрослый человек, отец семейства и счастливый в семье, предаюсь такой чувствительности. Но все равно; Вы живы: доказательство моей мысли, что за личной жизнью человека, как бы она ни была счастлива, начинается необозримое, безбрежное пространство жизни общечеловеческой в ее идее, и что там есть интересы, способные волновать сердце, кроме семейных радостей и печалей, печалью и радостями, гораздо более глубокими, нежели обыкновенно думают. ...Вы представляете для меня частичку этого необозримого пространства, на Вас отдыхал мой мозг, когда я мысленно вырывался за черту личной жизни; ■ Вашем уме, в Вашем сердце, в Вашем таланте я видел присутствие высокого поэта и, несмотря на молодость, встречался с зачатками правильного решения всех, или по крайней мере многих, вопросов общечеловеческого интереса. Как мне выразить печаль о судьбе наших жизней ■ чего бы я не дал, чтобы быть всемогущим. Какое глупое слово, ■ как часто человек принужден его употреблять!...»¹ (Курсив мой. — П. Я.)

Такие чувства дороги человеку потому, что ■ них для него выявляется самое существенное и ценимое им в своем «я», в своей собственной личности. Это чувства глубоко интимные. И вместе с тем именно в такого рода чувствах ■ наибольшей мере испытывается живая связь с другими людьми, переживание неповторимой «сердечной» близости с человеком, ставшим объектом такого чувства.

Те чувства, которые человеку дороги, он оберегает от всего того, что может повести к их изменению.

Вот отрывок из письма, полученного автором от десятиклассницы Анны Р., в котором она пишет о характере чувства взаимной любви в юношеском возрасте. «...Чтобы отношения между юношей и девушкой приняли плотские формы, они должны испытывать друг к

¹ И. Н. Крамской, Письма, т. I, Изогиз, 1937, стр. 195—196.

другу достаточно сильное физическое влечение. Но слишком содержательна, слишком прекрасна наша жизнь, чтобы влечения подобного рода могли хоть на минуту побеждать все остальное. Поверьте, что, если бы хоть один из нас испытал такое чувство, ему стало бы стыдно самого себя. *Мы слишком бережно относимся к любви, чтобы загрязнить наши первые чувства*. (Курсив мой.— П. Я.)

И человек старается сохранить, уберечь от изменений, от утраты все те чувства, которые он одобряет, используя для этого различные психологические пути.

Он старается избегать впечатлений, могущих отвлечь его от чувств и побуждений, которые ему дороги, породить иного характера настроения и чувства. Так, человек стремится избежать, когда он полон значительных чувств, таких впечатлений, развлечений, которые носят грубый характер, могут породить ■ нем иные устремления и побуждения. Это психологически тонко раскрывают классики русской литературы: Толстой, Тургенев, Чехов и многие другие.

О подобном саморегулировании в области чувств сообщает В. С. Якут, говоря о своей работе над ролью А. С. Пушкина: «В процессе работы я начал понимать, что образ мыслей Пушкина был необычайно оптимистический. В общем главный строй этого человека — это желание, когда он разговаривал с другим человеком, найти ■ нем лучшее, а не худшее, в природе найти наиболее интересное. Он любил воздух, небо, природу. Это была жизнерадостная натура. И для меня важно, чтобы в этой роли на сцене я всегда чувствовал себя жизнерадостным. Вот я загримирован, вот иду на выход, все, что попадается мне, все это я должен принимать, как жизнерадостное. Я очень бегу от неприятностей в этот день. Вот вижу: человек, он сейчас скажет мне неприятное, или ■ принужден буду спорить с ним — я уйду»¹.

Имеет место сознательное «заглушение» в себе устремлений и переживаний, мешающих развитию дорогих для человека чувств.

Человек может стремиться к тому, чтобы в нем возникло определенное конкретное чувство, которое он не

¹ Стенограмма беседы автора с В. С. Якутом о работе над образом Пушкина, Всероссийское театральное общество, 22 февраля 1950 г.

пережил, но которое он одобряет. Испытав неприязнь к кому-то из соображений, по его мнению не принципиальных, он может стремиться к тому, чтобы в нем появилось расположение к этому человеку.

Человек может одобрять или не одобрять не столько само чувство, сколько его силу. Так, он может одобрить свое огорчение, вызванное расставанием с кем-то, но силу его не одобрять. Он может сердиться на себя, что оказался слишком чувствительным.

Конечно, характеристика «позиций», которые личность может занимать по отношению к своим чувствам, не исчерпывается сказанным.

Так, человек может переживать настоящие угрызения совести по поводу того, что в нем, например, шевельнулась зависть; и может испытывать лишь сожаление по поводу того, что он не испытал из-за усталости ярких эстетических чувств на хорошем концерте. В первом случае речь идет о том, что он как личность не проявил нужных моральных чувств, а во втором случае — о том, что он оказался невосприимчивым к музыке ■ данное время, и т. п.

То обстоятельство, что человек занимает известную позицию по отношению к своим чувствам: одни одобряет, другие отвергает, борется с ними — является выражением самопознания человека в области чувств. Такое самопознание в области чувств связано с их оценкой, которую человек проводит, исходя из коренных, нравственных устремлений его личности.

Не всякое изменение в области чувств, которое свидетельствует о временной или более длительной перестройке личности, осознается человеком как такое свидетельство. Часто посторонние люди могут это заметить, а сам человек не отдает себе отчета ■ том, что в нем произошли какие-то изменения, благоприятные или неблагоприятные для развития его личности. Примером такого недостаточного учета и осознания изменений в сфере чувств является письмо одной матери (В. О.) ■ редакцию одного педагогического журнала в 1955 г. по поводу ее отношения к сыну.

«Меня заставил мой гнев обратиться к Вам за помощью и советом. Я воспитываю сына одна, сын учится ■ III классе. Ему скоро исполнится 10 лет. Меня возмущает его ложь, он дает честное слово, что будет учиться

ся на хорошо и отлично, и к моему огорчению приносит кол или двойку. В классе сидит и совершенно не слушает, что объясняет учительница... Когда я ухожу на работу, он приводит товарищей, они строгают, пилят... Я спрашиваю, кто был у нас; он смотрит мне в лицо и говорит: «честное слово, мама, никого не приводил»...

Я долго терпела, теперь я стала по каждому поводу кричать, что вошло у меня в систему (я знаю, что не права, но уже не могу себя сдержать). Даже тогда, когда он мне говорит: «Мама, объясни пожалуйста», я не могу спокойно объяснить, обязательно повышаю голос. Сын любит, когда я рассказываю ему прочитанную книгу; я рассказываю, но, если он мне задает вопрос, я моментально вспыхиваю. Он во мне отравил все своей отвратительной учебой, ложью, непослушанием мне и учительнице».

Нет сомнения в том, что В. О. не сознает в достаточной мере того, что она сама изменилась, что в ней доминирующим чувством стало раздражение, неприязненное отношение к сыну, мешающее правильным воспитательным воздействиям матери на сына.

Переживание человеком различных чувств и одновременно оценка их с точки зрения основных устремлений личности совершается далеко не всегда, и такая оценка может отставать во времени от переживания чувств. Для того чтобы человек осознал, какие чувства им владеют и как ему следует относиться к ним (бороться с ними или, наоборот, содействовать их развитию), должны произойти какие-то события, которые его затрагивают и волнуют. Этим событием может быть его собственный поступок, который вызывает у него чувство стыда или, наоборот, чувство нравственного удовлетворения, им может быть определенное суждение о его действиях и чувствах тех людей, которых он ценит и уважает. Уже сам по себе факт появления нового чувства, отличного от тех, которые ранее были свойственны человеку, или осознание им утраты некоторых чувств заставляют его яснее осознавать особенности своей эмоциональной сферы. Она делается невольно объектом собственного наблюдения человека.

Интересную в этом отношении подробность приводит в своей автобиографии писатель А. И. Эртель. Им в определенный момент жизни было в яркой форме пережито

чувство любви к людям: «Это же чувство снова поднялось во мне после полугодового промежутка, но не сделалось и до сих пор моим постоянным чувством. Оно чаще повторяется, отношения мои к людям стали гораздо терпимее, спокойнее и снисходительнее, но постоянной любви к людям, постоянной терпимости и снисходительности во мне нет, и я до сих пор способен на взрывы злобы и ненависти, правда, скоро, гораздо скорее, чем прежде, проходящей. Затем теперь гораздо реже, чем прежде, взгляды мои заслоняются пристрастием и предрассудками, и я гораздо реже отдаюсь непосредственным порывам той бессознательной силы, которая прежде столь часто увлекала меня и на дурное и на хорошее»¹.

Ярко пережитое, при этом ценимое человеком чувство заставляет его внимательнее относиться к миру собственных переживаний, превращает их в объект самопознания.

Возникающие у человека новые чувства, новое эмоциональное отношение к жизненным явлениям, к людям становится выражением процесса изменения его личности. Такой процесс может происходить длительно и часто незаметно для самого человека. Однако наряду с этим мы можем встретиться с острыми переживаниями нравственного характера, которые ведут к тому, что человек отчетливо осознает значение возникшего в нем чувства для него-самого, для его жизненного пути. Острое переживание нравственного характера ведет к перестройке личности, или, точнее говоря, в остром переживании проявляется совершающаяся перестройка личности. Но такое острое переживание (подчеркнем не всякое, а такое, которое создается как переживание, значимое в нравственном отношении) уже само по себе вносит новые моменты в жизнь личности. Человек, испытав такое переживание, начинает уже по-новому относиться к окружающей его жизни, к людям, к самому себе, к своему призванию. А затем, когда он осознал значимость такого переживания для себя, он направляет все свои духовные силы на перестройку своей личности.

Такая работа над собой может быть долгой, в ней могут чередоваться успехи и неудачи, но она уже стано-

¹ А. И. Эртель, Письма, М., 1909, стр. 34.

вится для человека осознанной, целенаправленной. Острое и глубокое чувство стыда по поводу совершенного поступка, переживание никчемности своего существования, переживание возмущения угнетением людей, неравенством их положения в эксплуататорском обществе и т. д.— все это может стать толчком, который приводит человека к осознанию того, каким должен быть его жизненный путь, ■ чем должен выражаться его нравственный долг, его призвание ■ деятельность. Жан-Жак Руссо в своей «Исповеди» с беспощадностью пишет об остром и глубоком переживании тоски и недовольства собой, вызванном совершенным им постыдным поступком (он оклеветал девушку, служившую с ним в одном доме, обвинил ее ■ мелкой краже, не желая сам признаться в этом проступке, и она была с позором уволена).

«... Я вынес оттуда (из дома.— П. Я.) долгое воспоминание о преступлении и невыносимое бремя угрызений совести, которое и по истечении сорока лет все еще тяготит меня; и мое горькое раскаяние не только не уменьшается, а даже увеличивается, по мере того, как я старею... Жестокое воспоминание порой так волнует ■ мучает меня, что во время своих бессонниц я вижу, как бедная девушка приходит и упрекает меня в этом преступлении, как будто оно было совершено только вчера... И все же я никогда не мог решиться облегчить свое сердце признанием на груди друга... Таким образом, тяжесть эта, ничем не облегченная, осталась на моей совести до сегодня, и я могу сказать, что желание как-нибудь освободиться от нее много содействовало принятому мною решению написать свою исповедь»¹.

Острота нравственных переживаний, осознаваемых человеком, становится стимулом для совершенствования его личности. Тут имеет место своеобразная диалектика.

Для личности, достигшей определенного уровня духовного развития, становится возможным глубокое нравственное переживание. Но потому, что переживание такого нового чувства вошло ■ опыт человека и осознано им, оно способствует дальнейшему развитию его личности.

Для одаренной, но мятущейся натуры, какой была Тереза Брунsvик, друг и почитательница Бетховена, ре-

¹ Жан-Жак Руссо, Исповедь, ГИХЛ, М., 1949, стр. 100—102.

шающим моментом в осознании своего нравственного долга явилась встреча в 1808 году с Песталоцци, которого она характеризует как «маленького человечка, невыразимо безобразного, но обладающего небесной добротой, гигантской энергией, который издали возвышался над всем, что есть вульгарного...». Песталоцци зажигает в ней страстную любовь к делу воспитания покинутых детей, которому она посвятит без остатка всю свою долгую жизнь. Тереза Брунsvик описала в своих мемуарах то, что произошло в ней после встречи с Песталоцци: «Там я научилась знать то, в чем мой дух нуждался: «действие на народ». Слово было найдено! Начиная с этого мгновения, прекратилась всякая забота о себе, эгоистическая. Мы посвятили себя отечеству в качестве воспитательниц масс. Им наши силы, наше время, нашу любовь — грядущему поколению!»¹.

Таковы те перемены в личности человека, которые им осознаются. Значительное и глубокое нравственное переживание делается для него самого отчетливым выражением ее перестройки. В отношении человека к собственным чувствам проявляется вся его сущность, мир его взглядов и убеждений, его устремлений и помыслов.

Наряду с отношением человеческой личности к испытываемым ею чувствам, которое влияет на характер переживания чувств, на особенности их изменения и развития, следует указать еще на одну сторону воздействия на область чувств. Речь идет об эмоциональной восприимчивости человека, меняющейся у него в известные периоды жизни под влиянием различного рода воздействий окружающего, в результате которых ему становятся доступны чувства различного характера.

Когда мы говорим о степени восприимчивости человека к воздействиям эмоционального характера, то подразумеваем не индивидуальные различия людей, связанные с характерными особенностями сложившегося у них типа высшей нервной деятельности, а известные колебания восприимчивости человека к чувствам в пределах уже сложившегося типа нервной системы. Правда, в зависимости от типа нервной деятельности эти проявления

¹ Ромэн Роллан, Собр. соч., т. XV, Бетховен. Приложения, изд-во «Время», 1933, стр. 379.

восприимчивости человека получают различный характер. Колебания восприимчивости связаны с теми изменениями, которые происходят в личности под влиянием воздействий на нее действительности в процессе ее жизненного развития и соответствующих реакций личности на эти воздействия.

Человек может характеризоваться различными формами эмоциональной восприимчивости. Он может в какой-то период своей жизни характеризоваться известной «открытостью» или, наоборот, известной «замкнутостью» в отношении эмоциональных воздействий, способности эмоционально реагировать на получаемые впечатления.

Под «открытостью» мы подразумеваем готовность человека воспринимать известные впечатления эмоционального порядка; он может отнестись эмоционально к тому, что в другое время он воспринял бы с безразличием. Так, например, многие юноши и девушки полны внутренней готовности к тому, чтобы загореться значительным чувством — увлечься какой-либо работой, творчеством и т. д. «Открытость» человека в эмоциональном отношении сказывается в том, что он легко реагирует на эмоциональные воздействия, идущие от других людей, — проявления внимания, симпатии, антипатии.

«Открытость» сказывается и способности реагировать сильными чувствами на впечатления от природы, искусства, проявления дружбы и т. д. О такой «открытости» чувствам, о готовности взволноваться, об ощущении «наполненности» чувствами пишет Михаил Бакунин в письме к отцу от 12 июля 1833 г. «Я никогда не позабуду одной ночи, проведенной мною в лагерях. Все вокруг меня спало, все было тихо; луна освещала все дальнейшее пространство, покрытое лагерем. Я с одним из товарищей своих, с которым мы занимали одну палатку, стал читать стихи покойного Веневитинова и письма его. Эта чудная ночь, это небо, покрытое звездами, трепетный и таинственный блеск луны и стихи этого высокого, благородного поэта потрясли меня совершенно. Все это наполняло меня каким-то грустным, каким-то томительным блаженством... Я был весь проникнут чувством бесконечности и любовью ко всему прекрасному, божьему миру, ко всем людям, и особенно к вам, батюшка, к маменьке, к сестрам. Душа моя порывалась к вам, она

жаждала видеть вас, говорить с вами, открыться вам, показать вам все светлые и черные стороны свои... О, батюшка, я был бесконечно блажен тогда, я чувствовал в себе всемогущие силы для того, чтобы жить, для того, чтобы достойно носить великое звание человека...»¹.

«Открытость» чувствам как способность «загореться» чувством является часто встречающейся чертой юношеского возраста. Вера в свое будущее, в свое счастье приводит к тому, что чувства в юности иногда приобретают значительный и возвышенный характер.

Так писала в своем дневнике Инна Константинова: «Жизнь хороша, и жить хорошо, когда за спиной у тебя шестнадцать лет и девять классов, в настоящее время яркое солнце и хорошие отметки, большая дружба и светлая любовь, а впереди... О, впереди — жизнь!»²

Такая «открытость» может быть к чувствам вообще, а может приобрести избирательный характер, быть связанной лишь с определенным кругом чувств.

Например, человек может быть «открыт» для чувств нежности, дружбы, ласки по отношению к своей семье и быть «закрытым», сдержанным по отношению к чувствам симпатии, нежности, выраженным к нему окружающими; он может вообще мало реагировать на воспринимаемые им эмоциональные состояния других людей. Или, наоборот, человек отзывчивый, открытый для эмоциональных впечатлений в кругу товарищей, друзей и т. д., в силу сложившихся семейных отношений замкнут для эмоциональных воздействий в семье, мало реагирует на проявления внимания, нежности, сух и сдержан.

Замкнутость может быть по отношению к чувствам вообще или к определенным чувствам. Замкнутость представляет собой временно проявляющуюся форму отношения человека к новым эмоциональным впечатлениям. Какая-то значительная душевная травма, разочарование в близком друге, захваченность идеей (например, изобретение) — все это может вести к замкнутости в эмоциональном отношении. Она проявляется в том, что человек мало податлив на эмоциональные воздействия,

¹ А. А. Корнилов, Молодые годы Михаила Бакунина, стр. 52.

² «Девушка из Кашина», «Молодая гвардия», 1947.

направленные на него; он не реагирует на ситуации, обычно вызывающие у него эмоциональную реакцию. Замкнутость выражается в том, что в человеке есть известная связанность, мешающая ему отдаться чувству, скованность, мешающая чувству легко в нем развиваться. Замкнутость может явиться формой проявления душевной усталости от волнений, от потрясений (не обязательно горестных), одним словом, от слишком большого душевного напряжения, вызванного сложными переживаниями.

Как мы уже говорили, замкнутость может проявляться по отношению к определенным видам чувств. Человек может быть замкнут для чувства любви в силу испытанных разочарований, и открыт для привязанности к своим близким, для дружбы и преданности. Замкнутость носит более или менее длительный характер.

Замкнутость совсем не обязательно выражается в сосредоточенности на себе самом, это скорее пониженная эмоциональная восприимчивость к воздействиям других людей. Даже в ситуации, ранее всегда вызывавшей у человека определенные эмоции, у него не возникает переживания. Чувства его молчат даже тогда, когда он хотел бы, чтобы они в нем заговорили, когда он тяготеет к тому, что он эмоционально невосприимчив.

О такой замкнутости, о внутренней связанности, которая не позволяет отдаться чувству, которое хотелось бы пережить, пишет В. Г. Белинский. Он стремится испытать чувство скорби и потому, что это чувство отвечало его убеждениям и привязанностям, и потому, что он хотел пережить живое, непосредственное чувство, захватывающее человека и дающее ощущение того, что живешь полнокровной жизнью.

В. Г. Белинский пишет:

В. П. Боткину 3—10 февраля 1840 г.

«...Причина моего молчания — состояние моего духа... Да, я не знаю светлых минут, самое страдание посещает меня в редкие, очень редкие минуты. В душе моей сухость, досада, злость, желчь, апатия, бешенство и пр. и пр...».

Письмо В. П. Боткину 12 августа 1840 г.

«Смерть Станкевича не произвела на меня никакого особенного впечатления. Я принял известие о ней довольно равнодушно. Думаю, что причина этого отчасти в долговременная разлука... Но

это не главное. Главная причина — состояние моего духа, апатическое, сухое, безотрадное, причина которого ■ во внешних обстоятельствах и внутри».

Письмо ■ А. Н. Ефремову 23 августа 1840 г.

«... Станкевича нет, и я уже не увижу его никогда, и никто никогда не увидит его — странная, дикая, неестественная идея!.. Да, Ефремов, я завидую твоей святой скорби, твоему святому страданию, завидую — потому что сам чужд их. Странное дело! Как глубоко страдал я, и как религиозно было мое страдание, когда умерла она (Любовь Александровна Бакунина.— П. Я.), которая была совершенно чужое мне, хотя и прекрасное явление!»¹ (Курсив мой.— П. Я.)

Такая замкнутость, характеризующаяся пониженной эмоциональной восприимчивостью, может быть преодолена ■ результате воздействия новых обстоятельств, которые достаточно остро эмоционально «задевают» человека.

Так, в холодном, суровом Каренине у постели умирающей Анны поднимается такая волна чувств, что растопляется вся его суровость, сдержанность и он отдается охватившему его новому чувству.

Надо отметить, что преобладающий характер самих чувств, испытываемых человеком в данный период его жизни, накладывает известный отпечаток на его эмоциональную восприимчивость. Чувства привязанности, дружбы, любви, преданности и т. д., когда они занимают значительное место в его личности, делают вообще его мягче, доступнее и для других чувств. В таких чувствах человек «поступается» чем-то своим, отдает в своем переживании что-то от себя для других людей, которые ему дороги; в этих чувствах нет эгоистического утверждения своего «я». И человек делается податливее для моральных и эстетических переживаний и, наоборот, — более замкнутым для чувств неприязни, злобы и т. д. (если только они не возникают в связи с угрозой существованию тех, на которых направлено его чувство дружбы, преданности, любви). Поэтому для человека в состоянии душевного подъема делается доступнее восприятие красоты природы, поэзии и музыки, он стано-

¹ В. Г. Белинский, Письма. Под ред. Е. А. Ляцкого, т. III, 1914, стр. 26, 143, 151.

вится отзывчивее, добрее, эмоционально более восприимчивым к моральным переживаниям.

Иное наблюдается, когда в человеке значительное место занимают чувства неприязни, зависти, злобы по отношению к определенному человеку или людям. В переживании таких чувств человек отвергает объекты, на которые направлены его чувства. Он отделяет себя от них и вместе с тем становится эмоционально более замкнутым по отношению к тем воздействиям, которые должны были бы вызвать чувства, отличные от переживаемых в данный момент. Замкнутость, возникающая уже на этой основе, делает человека суше, жестче, эмоционально беднее.

Но сказанным не исчерпывается проблема взаимоотношения сферы чувств и психической жизни человека в целом. Возникает вопрос и о том, какое место занимают чувства в личности человека с точки зрения той роли, которую они играют.

Вообще невозможно найти людей, за исключением больных, находящихся в состоянии полной апатии, которые не испытывали бы тех или иных чувств. Всякий нормальный человек так или иначе эмоционально реагирует на окружающее, на события, его затрагивающие.

Существование человека было бы лишено подлинно человеческих черт, если бы у него не возникало никаких эмоциональных реакций на то, что он сам делает, и на то, что происходит вокруг него. Поэтому скудость, бледность чувств, связанные с бездейственностью человека, с отсутствием у него широких интересов, налагают на его жизнь печать однообразия, серости и скуки. Об этой скуке, проистекающей от безразличия ко всему живому, писал Николай Островский в одном из писем Жигаревой: «Вокруг меня ходят крепкие, как волы, люди, но с холодной, как у рыб, кровью, сонные, безразличные, скучные и размагниченные. От их речей веет плесенью, и я их ненавижу, не могу понять, как здоровый человек может скучать в такой напряженный период».

Бедность чувств и отсутствие ярких переживаний отчетливо свидетельствуют о том, что жизнь человека пуста.

Яркость и разнообразие чувств, безусловно, делают жизнь человека внутренне более полноценной. Его жизнь становится тогда содержательной, когда мы встречаемся у него с богатством чувств как свойством его натуры широко откликаться на явления действительности, человеческие взаимоотношения, на собственную деятельность, на область искусства и т. д. Богатство чувств, подразумевая под этим их содержательность, предполагает высокое и разностороннее развитие внутренней жизни. Односторонняя же направленность чувств, узость их содержания делают внутреннюю жизнь человека бедной, поскольку человек однообразно, шаблонно откликается на разнообразные явления действительности. Всякая деятельность человека в любой области практики, техники, науки, искусства, активные и творческие поиски в любой области сопровождаются чувствами.

Владимир Ильич Ленин писал: «Без «человеческих эмоций» никогда не бывало, нет и быть не может человеческого *искания истины*»¹.

Чувства вносят живое начало в наше существование, в нашу деятельность. Плоха была бы та деятельность, которая не волновала бы нас, не рождала бы творческого порыва и интереса при ее осуществлении, беспокойства и огорчения при ее неудачном ходе, удовлетворения и радости при успешном ее завершении.

В жизни человек прежде всего и преимущественно действует—он овладевает знаниями, воспитывает других, участвует в самых различных отраслях производства, отдается науке или искусству, и поэтому самая большая группа чувств связана с многообразными формами деятельности человека. Основы для возникновения самых различных и сильных чувств заложены в процессе его деятельности, если он относится к ней не формально и не с «холодком»; там, где имеется увлечение деятельностью, там она становится источником сильных, ярких чувств.

Необходимо сказать не только то, что любая деятельность человека сопровождается его чувствами, но и подчеркнуть другое. Активная деятельность человека, в которую он вносит изобретательность, выдумку, упорство, настойчивость, вызывается только теми целями, ко-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 237.

которые рождают у человека к себе достаточно сильное и притом положительно окрашенное эмоциональное отношение.

Всякая сложная деятельность человека становится источником не только глубоких, но и многообразных чувств. Тут разочарование, напряжение, боязнь неудачи, чувство удовлетворения, радости от достижения цели, гордости за то дело, которому служишь, и многое другое. Значение деятельности для роста и развития чувств человека велико.

Но существенное значение имеет не только наличие и богатство чувств, но их место и роль в жизни личности. Спрашивается, в какой роли они могут выступать в жизни личности?

Когда речь идет о богатстве чувств, делающих жизнь человека наполненной, было бы неверно думать, что богатство чувств означает многообразие и тонкость в оттенках переживаний, независимо от содержания испытываемых чувств. Наоборот, содержательность внутренней жизни человека определяется отнюдь не многообразием оттенков переживаний, а содержанием самих чувств. Содержательность чувств определяется их направленностью, их идейностью. Чем глубже и разностороннее отношения человека к действительности, тем значительнее и содержательнее его чувства. Если чувства направлены на незначительные объекты, возникают по случайным поводам, не связаны с существенными устремлениями личности, они не могут получить нужной глубины, окажутся поверхностными и поэтому скорее будут мешать человеку в выборе определенного жизненного пути и жизненных задач, чем помогать ему в этом.

Если же чувства направлены на существенные явления окружающей жизни, возникают не случайно, связаны с общественно необходимой и полезной деятельностью человека, отвечают его высоким нравственным устремлениям, они приобретают значительность и становятся важным элементом его личности. Тогда-то и можно говорить о подлинном богатстве чувств человека. О том, какое значение имеет идейность и содержательность интересов и устремлений человека для формирования содержательных и глубоких чувств человека, очень хорошо сказал М. И. Калинин: «Идейная, насыщенная общественными интересами, целеустремленная в

этом смысле жизнь есть самая лучшая, самая интересная жизнь на земле»¹.

«Жить большой, идейной жизнью,—говорит М. И. Калинин,—это значит жить общественными интересами самого передового и наиболее прогрессивного класса своего времени, а в настоящее время — интересами советского народа, социалистической Родины. Если вы будете жить такими интересами, если все ваши помыслы будут устремлены к тому, чтобы еще больше возвеличить свой народ, еще выше поднять экономическую и военную мощь своей Родины, если вы будете отдавать все свои силы борьбе за полную победу коммунизма и эта великая идея будет доминировать в вашем сознании, то я не сомневаюсь, что вы действительно проживете большую жизнь»².

Те же мысли высказаны в письме Габриэля Пери, редактора «Юманите», написанном им перед смертью:

«Священник тюрьмы Шерш-Миди только что сообщил мне, что сейчас меня расстреляют как заложника. Очень прошу вас, потребуйте, чтобы вам выдали из тюрьмы все мои бумаги. Некоторые из них послужат доброй памяти обо мне.

Пусть мои друзья знают, что я остался верным тому идеалу, которому служил всю жизнь; пусть мои соотечественники знают, что я умираю за то, чтобы жила Франция.

В последний раз я проверил себя. Моя совесть спокойна. Я хочу, чтобы вы сказали всем: если бы мне пришлось начать жить снова, я пошел бы по тому же пути.

Ночью я долго думал о таких верных словах моего друга Поля Вайяна-Кутюрье: он говорил, что коммунизм подготавливает светлое будущее. И вот я умру, чтобы подготовить это светлое будущее.

Потому, что моим учителем был Марсель Кашен, я чувствую в себе силы встретить смерть.

Прощайте!

Да здравствует Франция!»³

¹ М. И. Калинин, О коммунистическом воспитании, изд-во «Молодая гвардия», 1947, стр. 96.

² Там же.

³ «Письма расстрелянных французских коммунистов», изд-во «Правда», 1949, стр. 7.

Если первоначально переживание чувства возникает по определенному поводу и в его содержании заключены и те моменты, которые связаны именно с данными конкретными обстоятельствами, то постепенно в процессе повторных переживаний, связанных с подобными же явлениями жизни, чувство приобретает черты обобщенности и все более ясную и отчетливую связь с теми моральными принципами и идейными побуждениями, которые являются характерными для человека. В этом случае всякий конкретный факт, вызывающий определенное переживание, становится лишь поводом для переживания чувства в его обобщенной форме. От этого такое обобщенное чувство только развивается и укрепляется. Так из первоначальных моральных переживаний по определенным конкретным поводам может со временем возникнуть вообще у человека любовь к правде, ненависть ко лжи и обману, несправедливости и т. д., которые, в свою очередь, проявятся в характере конкретных переживаний, возникающих по поводу жизненных обстоятельств, затрагивающих моральное сознание человека.

Такое изменение, когда чувство приобретает черты обобщенности и связывается с убеждениями и принципами человека, относящимися к различным областям действительности и деятельности человека, может произойти и в сфере моральных, морально-политических и эстетических чувств и т. д. Чувства становятся связанными со всей личностью человека и приобретают характерные ее черты. Если человеку свойственны высокие устремления, то обобщенные чувства могут приобрести черты высокой принципиальности.

По свидетельству современников, таким качеством чувств в особенно яркой форме обладал В. Г. Белинский. И. С. Тургенев писал:

«Белинский был... действительно страстный и действительно искренний человек... умевший любить и ненавидеть бескорыстно. Подобного ему я человека не встречал ни прежде, ни после».

О таких чувствах Белинского мы можем судить и по некоторым его высказываниям. В своем письме к Гоголю он писал: «Оскорбленное чувство самолюбия можно перенести, и у меня достало бы ума промолчать об этом предмете, если бы все дело заключалось в нем, но нель-

39
ского Да
...
жизнь. и
эти позо
Тако
ет соотн
личности
ральные
связанн
Гово
мира со
ведущим
чувства.
Обра
ратуры
ложный
свойствен
вительнос
они подх
эстетству
Значе
ности, те
ным) нач
ганизуют
Чувств
ния чело
ной силой
но, чтобы
нечно, это
ловек, в с
шлого, мо
пок, из ст
эгоистичес
му недост
ми, они де
правленно
вышают л
Когда
ремлениям
стр. 709. В. Б.

зя перенести оскорбленного чувства истины, человеческого достоинства...

... Да если бы вы обнаружили покушение на мою жизнь, и тогда бы я не более возненавидел вас, как за эти позорные строки...»¹.

Такое же значение, как направленность чувств, имеет соотношение и соподчинение, в каком существуют в личности различные чувства, присущие человеку (моральные, морально-политические, эстетические чувства, связанные с его деятельностью, и т. д.).

Говоря о характере и особенностях эмоционального мира советского человека, мы отмечали, что основными, ведущими для него являются морально-политические чувства.

Обращаясь к безыдейным героям декадентской литературы буржуазного Запада, мы находим противоположный строй чувств. Например, героям О. Уайльда свойственно морально-безразличное отношение к действительности. Характер их чувств определяется тем, что они подходят к оценке жизненных явлений с позиций эстетствующих эгоистов.

Значение чувств определяется их ролью в жизни личности, тем, насколько они являются активным (пассивным) началом в жизни личности, как мобилизуют и организуют ее общественную активность.

Чувства проявляются в конкретных формах поведения человека. Более того, они могут стать побудительной силой к совершению определенных поступков. Важно, чтобы чувства человека были действенными. Но, конечно, этого мало для правильного их назначения. Человек, в сознании которого еще сильны пережитки прошлого, может из зависти совершить недостойный поступок, из страха перед опасностью покинуть свой пост, из эгоистических чувств оставить товарища в беде. Поэтому недостаточно того, чтобы чувства были действенными, они должны быть еще по своему содержанию и направленности морально значимыми, тогда лишь они возвышают личность.

Когда действенное чувство отвечает основным устремлениям, убеждениям и взглядам человека, когда че-

¹ В. Белинский, Собр. соч. в трех томах, т. III, Огиз, 1948, стр. 709.

ловек одобряет это чувство, не препятствует его развитию, тогда это чувство становится могучим началом, которое ведет человека к большим свершениям в области науки, искусства, государственной деятельности и т. д.

Очень интересны в этом отношении слова Н. К. Крупской, сказанные ею на II съезде Советов СССР вскоре после смерти В. И. Ленина: «Товарищи, за эти дни, когда я стояла у гроба Владимира Ильича, я передумывала всю его жизнь, и вот, что я хочу сказать вам. Сердце его билось горячей любовью ко всем трудящимся, ко всем угнетенным. Никогда он этого не говорил сам, да и я бы, вероятно, не сказала этого в другую, менее торжественную минуту... Это чувство заставило его страстно, горячо искать ответа на вопрос: каковы должны быть пути освобождения трудящихся?»¹

Действенные чувства служат не только началом, побуждающим к совершению ряда поступков, они становятся и началом, преобразующим личность человека. Действенные чувства перестраивают симпатии, вкусы, интересы, даже привычки человека в соответствии с его глубокими и жизненными устремлениями.

О ярком примере такого изменения человека под влиянием большого страстного чувства рассказывает Леонид Кушнарев:

«...Я хотел бы рассказать о самой яркой странице в моей жизни — о странице любви.

Я, будучи еще подростком лет 14, видел отношения с девушками, которые носили пошлый характер. Я искал дружбу с девушкой, с которой можно было бы поговорить, которая была бы другом, товарищем, но такой не находил, и сам постепенно начинал вести себя неправильно.

Но вот я повстречался с одной девушкой. Смотрел я на нее, как и на других. Но она вдруг мне прямо в глаза мужественно и честно рассказала о своем чувстве любви, о своем высоком чувстве. Я был потрясен. Первый раз меня любили. Я был любим! Сознание мне отказывало. Домой я пришел в горячке, спать не мог. Меня стало тянуть к ней, я чувствовал, что и я люблю. С этих пор резко изменился мой характер. Я теперь не мог уже выйти в пальто без пуговицы, в порванной рубашке, я не мог кутить, ругаться. Я чувствовал, что я должен стать другим, и я становился другим.

При встречах она все мои недостатки прямо перечисляла и требовала, чтобы я исправил их. Трудно было мне. Порой я сердился,

¹ Н. К. Крупская, О Владимире Ильиче, Госиздат, 1925, стр. 3.
198

мы ругались, но я понимал, что без нее я — ничто. И еще я понял, что никогда не смогу разлюбить ее. Правда, и ей приходилось трудно. Мать ее знала меня как хулигана, недостойного человека, и вдруг ее дочь ходит с таким! Да и понятно — она любила дочь и не хотела, чтобы та сделалась плохой девушкой.

Но наша дружба крепла с каждым днем. Мы часто заводили разговор о кино, книгах, и она всегда заставляла меня прочитать ту или иную книгу. Я стал дорожить нашими встречами. Иногда ребята тянут — пойдем туда-то, а я отказываюсь.

Многое во мне переменялось. Я стал спокойнее. А когда я начинал нервничать или ругаться, она спокойно брала меня за руку и, смотря прямо в глаза, говорила: «Хватит». И это «хватит» было для меня законом.

После того как я получил направление в Комсомольск-на-Амуре, она прямо посмотрела мне в глаза и сказала: «Ну, что же, Родина требует — поезжай, буду ждать!..» И я знаю — она ждет и верит. И она дождется. Ни перед кем я больше не смогу высказать свои чувства и никого больше не смогу так любить, как ее. И я верю, что мы снова встретимся. Встретимся и снова, я знаю, она посмотрит мне в глаза и спросит: «Любишь?» И я отвечу: «Люблю». И мы, как прежде, рука об руку, плечом к плечу, будем идти по трудной дороге жизни, побеждая на своем пути горе и неприятности, борясь за счастье. И мы завоюем это счастье!»¹

Чувство, заполняющее человека, может, однако, вступить в конфликт с убеждениями, со взглядами человека, и тогда оно становится чувством, порабащающим личность. Человек, побуждаемый таким чувством, действует вопреки голосу разума, вопреки своим взглядам. Он становится рабом чувства.

Яркий пример того, как поглощающее человека чувство, вопреки его собственным представлениям о том, как следует правильно поступать, заставляет его совершать поступки, о которых он сам потом сожалеет, показывает Л. Н. Толстой в эволюции чувства любви Анны Карениной к Вронскому. Неоправданные вспышки ревности в последний период ее жизни, прорывающаяся враждебность к Вронскому, которая ей самой представляется неожиданной, возрастающая требовательность к нему, желание, чтобы Вронский целиком посвящал себя ей, хотя она понимает, что это невозможно и отчуждает его от нее, — все это говорит о том, что изменяющееся в ходе их взаимоотношений чувство любви Анны вызывает в ней такие переживания, такие эмоциональные реакции, совладать с которыми она не в состоянии. Чувство заставляет ее совершать поступки, которые ей

¹ «Комсомольская правда» от 11 января 1953 г.

представляются необоснованными, но она ничего не может с собой сделать. Она поработана своим чувством. (Мы не входим в анализ обстоятельств—общественных, личных и т. д., которые вызвали у Анны Карениной такие чувства.) Перед своим трагическим концом Анна думает о себе, о своей любви: «Моя все делается страстнее и себялюбивее, а его все гаснет и гаснет, и вот отчего мы расходимся,—продолжала она думать.—И помочь этому нельзя. У меня все в нем одном, и я требую, чтобы он все больше и больше отдавался мне... Он говорит мне, что я бессмысленно ревнива, и я сама говорила себе, что я бессмысленно ревнива... Разве я не знаю, что он не стал бы обманывать меня, что он не имеет видов на Сорокину, что он не влюблен в Кити, что он не изменит мне? Я все это знаю, но мне от этого не легче...».

Наряду с действенными чувствами мы встречаемся и с чувствами недейственными, которые не оказывают никакого влияния на характер поведения человека. Например, неглубокое чувство может проявляться в ярких, но поверхностных переживаниях; неглубокое чувство не организует настоящим образом помыслы и действия человека. Недейственное чувство как установившееся неглубокое эмоциональное отношение к определенным явлениям действительности характеризуется тем, что возникающая эмоциональная реакция ограничивается лишь субъективным переживанием, а не действиями человека, поскольку переживаемое чувство не превращается в мотив его поведения.

Чувства и возникающие на их основе переживания осознаются человеком и могут испытываться и осознаваться им как приятные.

При наличии определенных моральных установок человек может стремиться культивировать в себе такое недейственное чувство. В этом, между прочим, вред «пустой мечтательности», когда человек отдается мечтанию ради мечтания и ради тех, иногда «ярких», переживаний, которые у него при этом появляются. Поиски такого рода переживаний становятся целью, и «яркие» переживания превращаются для человека в своеобразный «наркотик».

Ф. М. Достоевский в одной из своих статей очень ярко описал превращение чувств у беспочвенного мечта-

теля в «наркотическое» средство, служащее целям ухода от действительности:

«А знаете ли, что такое мечтатель, господа,— это кошмар петербургский...

Селятся они большей частью в глубоком уединении, по неприступным углам, как будто таясь в них от людей и от света... Они угрюмы и неразговорчивы с домашними, углублены ■ себя, но очень любят все ленивое, легкое, созерцательное, все действующее нежно на чувства или возбуждающее ощущения. Они любят читать... но обыкновенно со второй-третьей страницы бросают чтение, ибо удовлетворились вполне. Фантазия их подвижная, легкая уже возбуждена... и целый мечтательный мир, с радостями, горестями, с адом и раем, с пленительными женщинами, с героическими подвигами... овладевает всем бытием мечтателя. Комната исчезает, пространство тоже, время летит так быстро, что час идет за минуту... часто в несколько часов переживаются рай любви или целая жизнь — громадная, гигантская, чудная, как сон. По какому-то неведомому произволу ускоряется пульс, брызжут слезы, горят лихорадочным огнем бледные, увлажненные щеки и, когда заря бледнеет в окошке мечтателя, он бледен, болен, истерзан и счастлив... Минуты отрезвления ужасны; несчастный их не выносит и немедленно принимает свой яд в новых, увеличенных дозах... В заблуждении своем он совершенно теряет то нравственное чутье, которым человек способен оценить всю красоту настоящего, он сбивается, теряется, упускает моменты действительного счастья»¹.

Если недейственные чувства начинают занимать в человеке, в его отношении к действительности все большее и большее место, то происходит полное перерождение человека. «Переживание» становится для него самоцелью. Человек стремится к новым впечатлениям не из любопытности, желания обогатить свой опыт, расширить свой духовный горизонт, а из желания получить и испытать новые переживания.

Таковы многие герои произведений эпохи реакции, наступившей после поражения революции 1905 г., — люди безыдейные, опустошенные, занимающиеся поисками «сильных ощущений», не считающие себя морально ответственными перед обществом. Их переживания становятся самоцелью, поводом для удовлетворения своих узко личных, корыстных прихотей. Психология имморализма и авантюризма связана в определенной мере с таким перерождением эмоциональной сферы человека. С одной стороны, тут обилие переживаний, связанных с поисками «сильных ощущений», с другой —

¹ «Фельетоны 40-х годов», изд-во «Academia», М.—Л., 1930, стр. 179—181.

беспрепятственное развитие лишенных всяких моральных устоев действенных чувств, связанных с удовлетворением низменных устремлений и потребностей. Моральное разложение, усиливающееся в капиталистических странах, общий рост преступности и преступлений, показываемый статистикой, являются свидетельством той психологии имморализма, которая имеет место в условиях изжившего себя капиталистического строя.

Рассмотрев вопрос о взаимоотношении между всей психической жизнью человека и сферой его чувств, мы можем сделать некоторые выводы о том, что же характеризует эмоциональную жизнь человека как целостной личности.

Эмоциональная жизнь личности, проходящей процесс развития от младенчества вплоть до старости, т. е. личности, изменяющейся в ее побуждениях, мотивах действий, во взглядах, идеалах и так далее, характеризуется серьезными сдвигами.

1. В процессе развития потребностей, влечений, интересов, интеллектуальных запросов личности — роста одних, изменения других, угасания третьих — происходят изменения и в области чувств. Эти изменения имеют различный характер. Так возникают новые (по сравнению с имеющимися), еще не испытанные чувства; меняется, а иногда и совсем пропадает эмоциональное отношение к тем объектам, явлениям действительности, сторонам жизни людей, которые вызывали ранее эмоциональное отношение определенного рода; происходит расширение (или сужение) круга тех явлений действительности, которые делаются предметом многообразных чувств человека; происходит изменение самого характера, способа эмоционального реагирования на факты, затрагивающие человека.

Когда изменение личности выражается в процессе ее духовного роста, тогда мы можем говорить о том, что эмоциональная жизнь человека делается разностороннее и богаче; когда же это изменение идет по пути регресса, снижения интересов, духовных запросов, тогда мы должны говорить об обеднении эмоциональной жизни человека, ее упрощении, об угасании когда-то живых чувств.

2. Для эмоциональной жизни человека характерно, что какие-то чувства как устойчивые виды эмоциональ-

ного отношения к определенному кругу явлений действительности являются главными, доминирующими в его эмоциональной сфере.

Появление чувств такого рода вызвано тем, что это чувства, связанные с наиболее существенными для человека (на этом его жизненном этапе) целями; это чувства, которые определяются характером наиболее важных для человека жизненных отношений, которые у него установились с окружающими людьми, человеческими коллективами, обществом в целом. Такие ведущие чувства определяют существо эмоциональной жизни человека.

Когда обстоятельства, связанные с осуществлением главных жизненных целей, благоприятны (или неблагоприятны), когда улучшается (или ухудшается) положение личности в системе складывающихся жизненных отношений, то основные чувства окрашивают жизнь личности в целом то одним, то другим эмоциональным тоном. Это проявляется и в том, какое влияние они оказывают на другие чувства, возникающие по менее существенным поводам. Если жизненная основа существования человека, порождающая ведущие чувства, благоприятна, то тогда неприятности, возникающие по менее значимым поводам, вызывают относительно слабую эмоциональную реакцию. Если же произошли такие жизненные сдвиги, которые лишают личность возможности добиться выполнения основных жизненных целей (на данном этапе), то и приятные, но не слишком значащие события не могут изменить картину эмоциональной жизни личности.

В смене жизненных этапов человека меняются содержание и черты главных, ведущих чувств, которые были характерны для того или иного возрастного периода человека. Поэтому раскрытие содержания ведущих для данного периода чувств (ребенок, подросток, юноша, зрелый, старый человек) позволяет уже дать существенную характеристику эмоциональной жизни человека.

3. Для эмоциональной жизни личности имеет значение не только содержание и сила возникающих переживаний, но в еще большей мере то, чему эти переживания служат, какую функцию они выполняют в ходе психической жизни человека. Чувства могут испытываться так (речь идет о нравственных чувствах главным обра-

зом), что они становятся побудителями действия. Само возникшее переживание делается мотивом поступка человека; человек стремится реализовать свое переживание в действии. Или же чувства переживаются без тенденции к действию, они не включаются в процесс деятельности человека. Он ограничивается в значительной мере самым лишь переживанием этих чувств. Различная функция, которую чувства выполняют в жизни личности, позволяет увидеть серьезные особенности самой эмоциональной жизни человека. В первом случае она характеризуется активностью и действенностью, во втором — бездейственностью.

4. Существенной характеристикой эмоциональной жизни личности является то, какое место занимает эмоциональная сфера во всей жизни и деятельности человека.

Это определяется тем, какова эмоциональная возбудимость человека; какова его способность более или менее избирательно эмоционально отнестись к многочисленным воздействиям окружающей жизни, отвечать на эти воздействия переживаниями большей или меньшей силы, большей или меньшей устойчивости. Речь идет, по существу, об эмоциональной восприимчивости человека. Возникающие колебания в эмоциональной восприимчивости человека также характеризуют в известной мере его эмоциональную жизнь.

5. Для эмоциональной жизни человека характерно и то, в какой мере его чувства являются организующим началом его духовной жизни, элементом, помогающим осуществить те основные жизненные цели, которые он сам перед собой ставит. Принимая в общей форме положение о том, что чувства являются началом, стимулирующим деятельность человека, вместе с тем необходимо увидеть и те различия, которые в этом отношении могут быть. Мы можем встретиться, в силу своеобразия организации эмоциональной жизни человека, с тем, что некоторые чувства отвлекают его, а тем самым и мешают его основным устремлениям. Мешать чувства могут в силу ряда причин: если человек эмоционально возбудим и в то же время без достаточного внутреннего противодействия отдается всем переживаниям, которые у него возникают, то он отвлекается от существенных жизненных задач. Если в жизни личности отсутствует

стержень, определяющий ее поведение в достижении основных жизненных целей, то это приводит к тому, что возникают часто (слишком часто) чувства случайного характера. Они также отвлекают ее от выполнения тех целей, которые она сама перед собой ставит.

Так ряд особенностей эмоциональной сферы человека приводит к тому, что появляются своеобразные черты, которые характеризуют его эмоциональную жизнь в целом.

ГЛАВА 6

ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ЧУВСТВ

Чувства человека многообразны, так как многообразны его отношения с действительностью.

Многообразие чувств объясняется еще и тем, что близкие по своему характеру чувства отличаются друг от друга степенью интенсивности переживания и оттенками эмоциональной окраски. Вспомним высказывание И. П. Павлова: «Нужно думать, что нервные процессы полушарий при установке и при поддержке динамического стереотипа есть то, что обыкновенно называют чувствами, в их основных категориях положительной и отрицательной и в их огромной градации интенсивностей»¹. Эта градация интенсивностей еще более увеличивает многообразие чувств. Достаточно представить себе градацию интенсивностей в переживании, скажем, страха — от легкого, чуть беспокоящего страха, через его нарастание, вплоть до ужаса, — чтобы понять, что интенсивность переживания чувства делает его особенным, неповторимым. Тем самым каждое такое переживание приобретает индивидуализированный характер.

Многообразие чувств приводит к настойчивым попыткам их систематизировать и классифицировать. Надо упомянуть о часто повторяющихся попытках классифицировать чувства с точки зрения эмоционального тона и интенсивности переживания, а также и по характеру отношения человека к объекту чувства. Так говорят о легкой радости, бурной радости, негодовании, ненависти, скорби, печали, стыде, восхищении, сочувствии,

¹ И. П. Павлов, Собр. соч., т. III, ч. 2, стр. 230.

любви¹ и т. д. Подобная классификация дает возможность произвести некоторую систематизацию чувств человека. Однако она является принципиально неполной. В ней есть отвлечение от конкретного содержания, которое имеет очень большое значение для характеристики чувств. Например, очень отличаются друг от друга радость в связи с победой любимой футбольной команды, от радости встречи со знакомым, от радости, которую доставляет слушание музыкального произведения. Или, например, беспокойство за судьбу героя романа или фильма, беспокойство, возникающее при катании на лодке, когда поднялся сильный ветер, беспокойство, связанное с тем, что могут подумать люди при совершении нами какого-то поступка, и т. д. Отвлечение от конкретного содержания чувства, имеющееся в такого рода классификации, привело к классификациям, учитывающим содержательную сторону чувств.

Из каких же принципов необходимо исходить при классификации чувств? Прежде всего следует исходить из принципа материалистической психологии, что психика человека представляет собой отражение им объективной действительности, существующей независимо от него. Вопрос поэтому может быть поставлен так: как отражается в сфере чувств человека та действительность, в которой он живет, действует, с которой он многообразно связан?

Действительность понимается нами в самом широком смысле. Это — природа, человеческое общество, люди, социальные учреждения (государство, семья и т. д.), процесс и продукты человеческого труда, выступающие в различных формах, нормы морали и т. д. В индивидуальном сознании человека отражены те черты общественного сознания, которые присущи данному обществу, эпохе с ее кругом воззрений на мир, на жизнь, правилами и нормами поведения и взаимоотношений между людьми. Действительность в ее конкретных проявлениях человек воспринимает, руководствуясь общественным сознанием своего времени. Человек живет в этой действительности. Он действует согласно развившимся в нем потребностям, оценкам, взглядам на вещи

¹ См., например, Ч. Дарвин, О выражении эмоций у человека и животных, Полн. собр. соч., т. 5, изд-во АН СССР, 1953.

и явления, представлениям о моральном и прекрасном и т. д., приобретенным в процессе его жизни в обществе. Эта действительность отражается в его индивидуальном сознании, в том числе и в сфере чувств.

Чувства человека, будучи его личным «откликом» на окружающее, порождены в своем содержании прежде всего характером того явления, той стороны действительности, на которую они направлены. Затем они определяются характером того отношения, которое выработалось у людей к данной стороне действительности в процессе длительной общественной практики. И, наконец, они определяются природой индивидуальных потребностей человека, развивающихся и преобразующихся в процессе развития общества.

Исходя из этого, чувства различаются, во-первых, по объекту действительности, на который они направлены (реальный, воображаемый, настоящий, прошлый и т. д., обладающий определенными свойствами и качествами с точки зрения общественной практики); во-вторых, различаются по содержанию. Под содержанием следует подразумевать сущность направленности чувства, характер эмоционального отношения к объекту (принимается объект чувства или отвергается и т. д.) и особенности возникающего при этом субъективного состояния.

Связь человека с действительностью, выступающая в процессе его жизни и деятельности в сложных многообразных сочетаниях, делает до некоторой степени условной ту классификацию чувств, которую можно установить.

Тем не менее некоторые виды чувств следует выделить. Мы выделяем прежде всего те виды чувств, которые с достаточным основанием называют высшими чувствами. Это — моральные, эстетические, интеллектуальные чувства. Эти чувства связаны с восприятием и осознанием человеком многообразных явлений социальной жизни и культуры. Эмоциональное отношение человека, проявляющееся в этих чувствах, может распространяться как на относительно простые, так и на сложнейшие формы отношений людей, на социальные институты и создания культуры. Эти чувства обладают рядом характерных особенностей. Во-первых, они в своих развитых формах могут достигать большой степени обобщен-

ности. Во-вторых, что очень существенно, они всегда связаны с более или менее отчетливым осознанием общественных норм, относящихся к той или другой стороне действительности. Эти высшие чувства благодаря тому, что в них раскрывается в известной мере отношение человека в целом к миру и к жизни, иногда называют мировоззренческими чувствами. В конкретном переживании человека, относящемся к сложному явлению действительности, эти чувства могут выступать в слитном комплексе и в различных сочетаниях, но для более точного выяснения их качеств мы будем рассматривать их в отдельности.

1. МОРАЛЬНЫЕ ЧУВСТВА

Объектом моральных чувств являются отдельные люди, человеческие коллективы (нация, партия, комсомол и т. д.), социальные институты и учреждения (государство, семья, школа, предприятие), жизненные события (явления классовой борьбы, война, научные открытия и т. д.), человеческие отношения (поступки и действия человека в общественной и личной жизни, характер взаимоотношений людей в коллективе, семье и т. д.), сам человек (как объект своих чувств) и т. д.

Эмоциональное отношение возникает в связи с тем, что в сознании реального исторического человека все эти явления неотделимы от норм морали, правил и требований общежития. В их свете воспринимаются, оцениваются и переживаются все перечисленные явления и факты. Тем самым и природа, как то, что входит в круг воспринимаемой человеком жизни, может стать и становится предметом морального чувства. Достаточно напомнить, какое место природа родной страны с ее пейзажем занимает в чувстве патриотизма.

Что же представляют собой моральные чувства? На каком основании мы относим то или иное чувство к группе моральных чувств? Можем ли мы сказать, что это обуславливается самой природой того объекта, на который чувство направлено? Иначе говоря, если чувство направлено на те или другие социальные институты, человеческие коллективы, отдельных людей, то тем самым оно уже становится моральным? Нет. И к социальным институтам и к отдельным людям можно испыты-

вать резко выраженное эмоциональное отношение, и вместе с тем оно отнюдь может не являться моральным чувством. Примером этого может быть отношение к какому-то определенному человеку. Эмоциональное отношение к нему и его поступкам со стороны других людей может строиться на основе эгоистических интересов и устремлений. Не только к отдельному человеку, но и к общественным институтам, к государству в целом можно испытывать эмоциональное отношение, вызванное стремлением удовлетворять свои эгоистические интересы.

Под моральными же чувствами мы подразумеваем все те чувства, которые испытываются человеком при восприятии им явлений действительности под углом зрения нравственного начала, отправляясь от категорий морали, выработанных обществом.

И это связано со своеобразным характером переживаемого им чувства. Поведение человека может не нарушать требований морали, оно внешне может соответствовать нормам морали, а по существу находится вне их. Это зависит от мотивов его поведения. Ему, например, хочется совершить проступок, но он воздерживается из-за осторожности, страха перед возможными последствиями для него и т. д., но отнюдь не из нравственных соображений.

Поведение, поступок является нравственным не только потому, что объективно он внес какие-то изменения в действительность, отвечающие требованиям общественной морали. Надо, чтобы нравственными были еще те мотивы, которые его вызвали, и чтоб совершение этого поступка определялось нравственным чувством.

Мораль, ее нормы становятся основой поведения человека не тогда, когда они им просто познаются, а когда становятся объектом эмоционального отношения к ним. Без нравственных чувств, вносящих живое начало в восприятие человеком норм общественной морали, эти нормы, по существу, остаются чуждыми ему. А вот когда в самом переживании чувства непосредственно заключена та или другая нравственная оценка, тогда оно является уже моральным.

Моральное чувство может переживаться человеком как «естественное», непосредственное чувство, проявляющееся в прямом побуждении к действию. Когда стре-

лочница Зинаида Львова бросилась к игравшему на железнодорожном полотне ребенку, спасла ему жизнь, а сама, попав под поезд, потеряла обе ноги, то ее нравственные чувства и побуждения были совершенно непосредственными. Однако надо сказать, что всякое непосредственно захватывающее человека моральное чувство, по существу, является плодом очень сложного развития человеческого общества, отношений людей, проявляющихся в различных формах общественной идеологии.

То или другое моральное чувство, испытываемое человеком, отражает (правда, в своеобразной форме) сложность своего общественного происхождения. В чем же это проявляется? Человек испытывает различные переживания. Однако лишь тогда его чувство становится нравственным, когда само его переживание характеризуется тем, что моральные нормы представляют для него нечто большее, чем только внешнее ограничение его желаний и устремлений. Эти нормы выступают в его сознании как нечто такое, чему он обязан подчиняться. При этом нравственная норма («помоги товарищу в беде, отдай все свои силы на благо Родины», «не проявляй страха в момент опасности», «будь честным») — это не просто чуждая сила, которой, хочешь — не хочешь, надо подчиниться, а это закон, который принят человеком добровольно, стал тем, что его побуждает в определенной ситуации, затрагивающей его нравственное сознание, к определенному отношению или к действиям. Вот эта особенность, характеризующая самое переживание нравственного чувства, делается его существенным компонентом.

Нравственное чувство возникает тогда, когда человек начинает исходить в своих действиях не из побуждений «своей воли», а из общественных требований. В результате воздействия общества на процесс воспитания человека общественные требования к его поведению переходят в сознание индивида, превращаются постепенно в его собственные требования к себе. И поэтому они входят в само переживание чувства как требования нравственного долга.

Эта внутренняя потребность к действию может проявляться иногда как непосредственно переживаемое чувство и побуждение, проявившееся так ярко в поступке

Зинаиды Львовой, а также может быть отчетливо осознано именно как нравственное требование, вытекающее из определенных требований морали.

Заключенная в моральном чувстве внутренняя необходимость к выполнению нравственных требований особенно остро выступает в самом переживании, когда возникает коллизия между эгоистическими чувствами и побуждениями и нравственным чувством. Желание сохранить свое спокойствие, привычный уклад жизни может «подсказывать» человеку, что не следует вмешиваться в дело, которое он считает несправедливым, так как это вмешательство, возможно, повлечет какие-либо осложнения для него. И человек, поддаваясь слабости, может уклониться от совершения поступка, который ему подсказывает нравственный долг. Но когда он не следует побуждениям долга, возникшим у него вместе с нравственным переживанием, то это вызывает у него неудовлетворенность, беспокойство, угрызения совести. И эти угрызения совести человек иногда пытается в себе заглушать, стараясь в этом найти оправдания уклонению от поступка, на который его толкало нравственное чувство.

Но в некоторых случаях чувство нравственного долга может быть настолько сильным, что человек меняет свое отношение к людям, изменяет свой привычный образ жизни и иногда жертвует своим благополучием. Так, Белинский при всем своем уважении к Гоголю после выхода его «Переписки с друзьями» пишет негодующее письмо к нему. Эмиль Золя, узнав о несправедливом приговоре Дрейфусу, посвящает себя борьбе за пересмотр «судебного дела». Лев Толстой пишет свое знаменитое «Не могу молчать», явившееся протестом против жестоких репрессий царского правительства по отношению к участникам революционных выступлений в 1905—1906 годах.

Развитие переживания нравственного чувства человеком может характеризоваться своеобразной диалектикой. Бывают случаи, когда нравственное переживание захватывает человека и, не встречая препятствий в других его побуждениях и устремлениях, свободно и легко проявляется по отношению к тому или другому событию, человеку, происшествию, поступку. Но так бывает не всегда. Бывают случаи, когда в сознании чело-

века появляется нравственное переживание, но оно не сразу овладевает им, встречая сопротивление в чувствах, побуждениях, желаниях человека, имеющих эгоистический характер. Человеку в этом случае свойственна в начале переживания известная враждебность к требованию, возникшему в его собственном сознании. Но затем эта враждебность в процессе роста и развития нравственного переживания, благодаря победе лучшей стороны личности человека, исчезает. Он принимает нравственное требование и отвергает в себе все, что мешает ему следовать этому требованию. Человек начинает испытывать нравственное удовлетворение от того, что ему удалось подавить в себе свой эгоизм, себялюбие и т. д.

Любой случай, когда человек находит в себе мужество признаться в каком-то проступке, хотя это ему очень тяжело, когда он преодолевает страх в момент опасности, чтоб прийти на помощь другому, свидетельствует о внутренней борьбе, происходящей в нем. И чем острее была эта борьба, тем большее нравственное удовлетворение доставляет человеку победа над собой.

Моральное чувство часто возникает на основе конкретного случая, происшествия и может ограничиться лишь эпизодическим переживанием. Но оно может возникнуть и на основе обобщенного восприятия многих явлений действительности. Оно может стать выражением отношения человека к определенным явлениям социальной жизни, общественного устройства, отношений людей, народов, классов, и в этом случае оно является воплощением определенных помыслов, идей, захватывающих человека, пронизывающих его сознательные устремления. Все те случаи, когда человек жертвует собой за идеалы, дорогие его сердцу, когда он отказывается от легкого пути и выбирает трудный во имя блага других людей, являются проявлением морального чувства, не только достигшего большой обобщенности, но делающегося выражением большой моральной идеи.

Это проявляется с большой силой в ответственные, решающие моменты жизни человека. Вот письмо юноши Фелисьена Жоли, французского бойца сопротивления, расстрелянного 15 ноября 1941 года.

Всем, кто мне дорог.

Это письмо действительно последнее, потому что придет к вам после моей смерти. Оно будет пробуждать в вас тяжелые воспоминания. Но помните, ■ не трус, я знал, на что иду, и умру мужественно.

Папа и мама, дорогие мои сестры, не плачьте обо мне, напротив — гордитесь мною.

Сегодня я принял священника: конечно, не для того, чтобы он причастил меня, а для того, чтобы голос хоть одного живого человека передал мои последние слова.

Я хотел, чтобы человечество стало счастливым. Смотрите в лицо будущему, оно лучезарное, оно придет несомненно. Вы будете счастливы, ■ я поработал для вашего счастья.

Я умираю молодым, очень молодым. Но есть во мне нечто такое, что не умрет вовек, — моя мечта. И никогда еще она не возникала перед моими глазами такой светлой, такой радостной и такой уже недалекой теперь. Ну вот, настал час моей жертвы, час ее осуществления.

Кончаю письмо. Стрелки часов бегут, до смерти осталось только три часа. Кончается моя жизнь...

Скоро настанет холодная зима, но за ней придет чудесное лето. Я посмеюсь над смертью, потому что ведь я не умру, я буду жить вечно — мое имя будет звучать не похоронным звоном, а колоколом надежды.

Не забывайте моих товарищей ■ тюрьме: у их родителей нет никаких средств. Шлю прощальный привет моим учителям ■ валансьенском училище.

Я умираю за то, чтобы Франция была свободной, сильной и счастливой¹.

Моральные чувства характеризуются тем, что в самом их переживании заключена нравственная оценка. Поэтому к ним надо отнести не только те чувства, которые мы считаем моральными ■ собственном смысле слова (негодование в связи с нечестным поступком, самоотверженность в оказании помощи, нравственный подъем от совершенного поступка ради блага коллектива, сочувствие товарищу ■ беде, любовь к семье и т. д.). К их сфере надо отнести ■ те чувства, с которыми мы боремся, которые мы не одобряем (такие, как трусость, жадность, зависть, злорадство и т. д.). Пережитки прошлого ■ сознании советских людей, сказывающиеся в характере отношения к общественной собственности, к другим людям и т. д., проявляются в таких чувствах, которые мы считаем морально неполноценными, низкими, не отвечающими передовой морали. Они воспринимаются нами как отрицательные.

¹ «Письма расстрелянных французских коммунистов», изд. во «Правда», М., 1949, стр. 33.

Среди моральных чувств выделяются морально-политические чувства. К области моральных чувств относятся все то, что определяет наше отношение к людям и человеческим взаимоотношениям. Это чувство удовлетворения от помощи больному, сочувствие товарищу в беде, нежность к другу, негодование по поводу проявленной жестокости, зависти, доброжелательность к людям, любовь к ребенку, к семье и т. д.

К области же морально-политических чувств относятся все то, что связано с нашим эмоциональным отношением к социальным учреждениям, институтам, коллективам, к Родине, государству, форме общественного устройства, определенному классу, социальному строю, партии и т. д. К морально-политическим чувствам советского человека принадлежит и чувство советского патриотизма, преданность коммунистической партии, социалистическому обществу, чувство пролетарского интернационализма и т. д.

Сам человек, его действия и поступки нередко являются объектом морально-политических чувств. Мы относимся к своему сыну, к другу, к жене, к товарищу и т. д., руководствуясь в своем эмоциональном отношении нашей позицией как советского гражданина, советского патриота, члена партии и т. д. (Вспомним эпизод из «Как закалялась сталь» — беседу Павла Корчагина и Тони.)

Мы не в достаточной мере охарактеризовали моральные чувства. Отношения человека с другими людьми, в которых он выступает как отец или сын, сестра или брат, друг или подруга, муж или жена и т. д., являются той почвой, которая не только порождает моральные чувства различного характера, но и вызывает в некоторых случаях конфликты в переживании моральных чувств.

Нельзя забывать, что в процессе развития человека как члена общества изменились его естественные потребности, связанные с отношением к людям другого пола, с продолжением рода и т. д. Половое влечение к существу другого пола в ходе исторического развития человечества перерастает в чувство любви, которое осложняется многообразными вплетающимися в него оттенками чувств. Отношение родителей и детей, проникающая общественно-историческим содержанием, пере-

растает во взаимную связь, которая рождает и питает сложные чувства родителей к детям и детей к родителям. Большое место в жизни человека занимают семья, дети, друзья. Он испытывает к ним глубокие чувства—такие, как любовь, привязанность и т. д., а также чувства, вызываемые всем, что касается близких ему людей,—восторг, удовлетворение, блаженство, отчаяние, ужас и т. д. О глубине и силе, например, родительских чувств ярко свидетельствуют письма Ф. М. Достоевского к А. Майкову, в которых он писал о смерти своего первого ребенка.

Женева, 18 (30) мая 1868 г.

«Соня моя умерла, три дня тому назад похоронили. Я за два часа до смерти не знал, что она умрет... Ох, Аполлон Николаевич, пусть, пусть смешна была моя любовь к моему первому дитяти, пусть я смешно выражался об ней во многих письмах моих многим поздравлявшим меня. Смешон для них был только один я, но вам, вам я не боюсь писать. Это маленькое, трехмесячное создание, такое бедное, такое крошечное—для меня было уже лицо и характер. Она начинала меня знать, любить и улыбалась, когда я подходил. Когда я своим смешным голосом пел ей песни, она любила их слушать. Она не плакала и не морщилась, когда я ее целовал; она останавливалась плакать, когда я подходил. И вот теперь мне говорят и утешение, что у меня еще будут дети. А Соня где? Где эта маленькая личность, за которую я, смело говорю, крестную муку приму, только чтоб она была жива...»

Вевей, 4 июня 1868 г.

«Друг мой, Аполлон Николаевич, я знаю и верю, что вы истинно и искренно жалеете меня. Но никогда я не был более несчастен, как во все это последнее время. Описывать вам ничего не буду, но, чем дальше идет время, тем язвительнее воспоминание и тем ярче представляется мне образ покойной Сони. Есть минуты, которых выносить нельзя. Она уже меня знала; она, когда я, в день смерти ее, уходил из дома, читать газеты, не имея понятия о том, что через два часа умрет, она так следила и провожала меня своими глазками, так поглядела на меня, что до сих пор представляется, и все ярче и ярче. Никогда не забуду и никогда не перестану мучиться. Если даже и будет другой ребенок, то не понимаю, как я буду любить его; где любви найду, мне нужно Соню. Я понять не могу, что ее нет и что я ее никогда не увижу...»¹.

Отцовские, материнские, сыновние, супружеские чувства могут занимать огромное место в жизни человека и влиять на его отношение ко многим явлениям окружающей его жизни вообще и особенно в момент непосредственного переживания чувства.

¹ «Биография, письма и записки из записной книжки Ф. М. Достоевского», Спб., 1883, стр. 186 и 188.

Многообразны связи и отношения человека с окружающим.

Человек может подойти к тому или другому явлению жизни как семьянин, как член партии, как сторонник определенной морали и т. д. Он может другого человека воспринять с точки зрения его внешней привлекательности, в плане моральной оценки его личности, оценить его интеллектуальные качества. И все это порождает своеобразный эмоциональный отклик, часто противоречивый. Когда, например, человек привлекателен другому в эстетическом отношении, но не привлекателен в моральном. В чувстве к другому человеку все эти оттенки отношения могут слиться. И человек любит другого и за его моральный и за внешний облик. Сложное чувство человеческой любви включает в себя все эти многообразные виды отношения человека, порождает переживания различного характера.

Хорошо и гармонично развиваются личные чувства, когда они основаны не только на взаимной симпатии, но и на единстве взглядов, убеждений, воззрений, единстве моральных и морально-политических чувств. О таком чувстве писал в своих письмах Николай Чехович (см. главу 2). Но личные чувства могут, однако, вступать в борьбу с моральными и морально-политическими чувствами. Это делает их односторонними, лишает морального оправдания, моральной опоры в нравственном сознании человека. Большей частью в возникающем конфликте побеждают моральные чувства человека. Мы знаем много примеров, когда люди отказывались от своего личного счастья во имя требований долга перед народом, во имя определенных идей, во имя своеобразно понятой ими чести. Достаточно напомнить рассказ Проспера Мериме «Маттео Фальконе»: мальчик, позарившись на часы, обещанные жандармом, выдал беглеца, скрывавшегося в стогу сена, и отец убил его за это. В такой борьбе, где определяется, что для человека важнее, что составляет существо его личности, обычно побеждает общественное начало.

Редкий пример того, когда в сознании человека возникает борьба между личными, индивидуалистическими чувствами и морально-политическими и побеждают личные чувства, описывается в повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба».

Младший сын Бульбы Андрий, влюбившийся в прекрасную полячку, презрел ради своего чувства к ней все — и долг, и отчизну, и привязанность к своим близким. Пробравшись тайком в лагерь осажденных врагов, в волнении говорит он ей такие слова:

«Царица!» — воскликнул Андрий, полный сердечных, душевных, и всяких избытков: «Чего тебе нужно? Чего ты хочешь? Прикажи мне!.. Скажи мне сделать то, чего не в силах сделать ни один человек, — я сделаю, я погублю себя! Погублю, погублю! и погубить себя для тебя, клянусь святым крестом, мне так сладко...»

«Не обманывай, рыцарь, и себя и меня», — говорила она, качая тихо прекрасной головой своей: «Знаю, и, к великому моему горю, знаю слишком хорошо, что тебе нельзя любить меня: и знаю я, какой долг и завет твой: тебя зовут твой отец, товарищи, отчизна, а мы — враги тебе».

«А что мне отец, товарищи и отчизна?» — сказал Андрий, встряхнув быстро головою и выпрямив весь прямой, как надречный осокорь, стан свой. «Так если ж так, так вот что: нет у меня никого! никого, никого!.. Кто сказал, что моя отчизна Украина? Кто дал мне ее в отчизны? Отчизна есть то, чего ищет душа наша, что милее для нее всего. Отчизна моя — ты! Вот моя отчизна!.. И все, что ни есть, продам, отдам, погублю за такую отчизну!...»

И погиб казак! Пропал для всего казацкого рыцарства!.. Вырвет старый Тарас седой клоч волос из своей чупрыны и проклянет и день и час, в который породил на позор себе такого сына.

Эгоистические чувства Андрия создали почву для появления иных морально-политических чувств. И Андрий становится предателем своего народа.

У передового советского человека, для которого большое значение имеют его морально-политические чувства, конфликт между личным чувством и долгом перед советской Родиной, перед народом заканчивается победой морального долга.

У советского человека личные чувства беспрепятственно развиваются лишь тогда, когда они не вступают в конфликт с его морально-политическими и моральными чувствами.

Личные чувства, как мы уже говорили, могут выступать в комплексе с нравственными и эстетическими чувствами. Чувство любви, дружбы может включать в себя и эстетическое восхищение обликом человека, нравственное чувство уважения к значительности духовного мира этого человека. Нравственные чувства в зависимости от самого характера любви и дружбы могут занимать то большее, то меньшее место в целостном чувстве любви, дружбы к человеку.

Это имеет место и в дружеских связях детей и подростков. О своих чувствах к подруге пишет ученица VII класса:

«Я познакомилась с ней три года тому назад, когда училась в IV классе. Это была очень скромная девочка. Т., всегда задумчивая и тихая, была гордостью нашего класса. Ко мне она относилась особенно нежно. До сих пор не могу забыть, как я, не поняв ее характера, поссорилась с ней. В этом была виновата только я — поэтому очень тяжело переживала. В летние каникулы мы встретились с ней в лагере, где и помирились. С этого времени наша дружба стала еще крепче. Казалось, что ничто не могло нас разъединить, но неожиданные события изменили нашу жизнь.

Однажды она пришла очень расстроенная и сообщила мне, что ее родителей переводят в другой город и поэтому мы должны расстаться. Это известие как громом сразило меня, и я с ужасом представила себе жизнь без подруги. Все время на уроках я была точно в тумане. Объяснения преподавателей как-то проходили мимо меня. Последние дни мы с ней не расставались, вспоминали счастливые часы, проведенные вместе. Все прошедшее, как живое, проходило в нашем воображении. Я провожала ее до вагона. Мы обещали друг другу аккуратно писать, хотя знали, что это не может нам заменить нашей совместной жизни. Вот уже год, как мы с ней не видимся, но она стоит передо мной каждую минуту, и я никогда ее не забуду»¹.

Чувство симпатии, привязанности, нежности, уважения, преданности к другому человеку, возникающее в дружбе и любви, получает различную окраску в зависимости от характера отношений между людьми. Чем больше в такое сложное целостное отношение входит нравственных чувств, которые человек одобряет и ценит, которые делают его самого лучше, тем большее место оно занимает в его личности.

2. ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ЧУВСТВА

В процессе общественного развития, общественной практики человек приобрел способность воспринимать явления окружающей действительности, руководствуясь не только моральными нормами, но и принципами прекрасного, — это становится основой для возникновения эстетических чувств.

В процессе развития общества, его культуры вырабатывались и критерии того, что является прекрасным. Определенным итогом развития общественных взглядов

¹ И. Страхов, О дружбе школьников, Саратов, 1946, стр. 104—105.

на прекрасное явились высказывания Н. Г. Чернышевского. Он писал: «Прекрасное есть жизнь; прекрасно то существо, в котором мы видим жизнь такую, какова она должна быть по нашим понятиям; прекрасен тот предмет, который выказывает в себе жизнь или напоминает нам о жизни»¹.

В самих явлениях, предметах, людях могут быть признаки, которые придают им черты прекрасного, позволяют воспринять все эти явления как прекрасные. Но всегда ли эмоциональное отношение, которое возникает у человека по отношению к этим явлениям, предметам, людям, является эстетическим чувством? Нет. Явления природы могут, например, вызывать иногда не эстетическое чувство, а страх и смятение; внешне красивый человек, в силу известных причин, может вызвать у нас не эстетическое впечатление, а неприязнь.

Когда же эмоциональное отношение, переживаемое человеком, приобретает качества эстетического чувства? Это бывает тогда, когда человек подходит к окружающим явлениям, предметам с особой оценкой — исходя из категорий прекрасного. При этом и возникает переживание, характеризующееся специфическими чертами. О некоторых особенностях такого переживания также говорит Н. Г. Чернышевский. Это «светлая радость, похожая на ту, какую наполняет нас присутствие милого для нас существа. Мы бескорыстно любим прекрасное, мы любимся, радуемся на него, как радуемся на милого нам человека. Из этого следует, что в прекрасном есть что-то милое, дорогое нашему сердцу»².

Эстетические переживания характеризуются большим многообразием и могут обладать меньшей или большей сложностью; они проходят градации, начиная от легкого волнения по поводу воспринятого и кончая глубокой взволнованностью увиденным.

Усложнение эстетических чувств, появление в них новых моментов определяется прежде всего характером воспринимаемого объекта, богатством его граней и сторон, глубиной запечатленного в нем содержания, которое удалось постигнуть. А затем оно определяется характером эстетического познания, которое может

¹ Н. Г. Чернышевский. Статьи по эстетике, Соцэкгиз, 1938, стр. 247—248.

² Там же, стр. 8—9.

быть менее и более глубоким. Предметом эстетических чувств могут оказаться различные явления действительности. Это, во-первых, может быть природа, общественная жизнь, человек, во-вторых, специально организованное отражение жизни, представленное в продуктах человеческой деятельности (искусство в широком смысле слова).

Восприятие природы: гор, моря, равнин, рек, лесов, степей—вызывает у человека своеобразный эмоциональный отклик. Этот эмоциональный отклик видоизменяется в зависимости от того, какой выступает для него природа — в первом цветении или, наоборот, в период увядания, во время бури, грозы, урагана и т. д. В соответствии с этим возникают различные эстетические переживания—радость, восхищение или тревога от характера изменений природы. Эстетические чувства, вызываемые восприятием природы, могут слиться воедино с моральными чувствами, которые возникают в связи с тем, что природа нашей Родины преобразована нашим трудом. О таком слитном морально-эстетическом переживании, вызванном природой, свидетельствует следующее высказывание: «Край, где я живу, — говорит учительница Е. И., — суровый, природа — серая, но я не променяю ее ни на какую другую, потому что здесь жили и продолжают жить мои ученики и их дети, тоже мои ученики, и может быть, будут на моих глазах жить и их внуки, которых я тоже мечтаю учить в своей школе. А серую природу я еще потому люблю, что на ее фоне виднее наши скромные дела. Здесь почти каждое фруктовое дерево, каждый ягодный кустик посажен моими руками или руками моих учеников. До меня здесь, кроме рябин на огородах, ни одного фруктового дерева не было. Могу ли я уйти от этих людей, из этих милых мне мест?»¹ Так любовь к родной земле, которая выступает в виде сложного морально-политического чувства, сочетается с эстетическими чувствами.

Значительной областью, порождающей эстетическое чувство, является искусство.

Искусство представляет собой отражение жизни в художественных образах. Для художественного отраже-

¹ Ф. Н. Гоноволнн, Психология советского учителя, изд-во АПН РСФСР, 1951, стр. 30.

ния жизни ■ искусстве могут быть использованы различные средства: средствами языка создается художественная проза и поэзия; на основе ритмизации, обработки и композиционного построения звуков возникает музыка; на основе специальной организации действий человека создается драматический театр; в результате использования многообразия красок и линий для передачи действительности создается живопись.

Произведения искусства могут явиться основой для возникновения содержательных эстетических чувств. Искусство использует ряд специальных средств и приемов для того, чтобы в художественно-образной форме отразить действительность. Оно в лучших произведениях запечатлевает глубину художественного познания действительности. И именно поэтому произведения искусства могут порождать глубоко содержательные эстетические переживания.

Особенностью эстетических чувств, вызываемых произведениями искусства, является то, что возникающее у человека эмоциональное отношение к предметам искусства всегда сопровождается сознанием, что им воспринимается не сама жизнь, а отражение этой жизни в создании художника, которое содержательно, типически, образно передает эту жизнь. Такое отражение реальных процессов жизни становится источником наслаждения, рождая в зависимости от содержания произведения целую гамму разнообразных переживаний — радости, волнения, печали, восторга, удивления, преклонения, страха, негодования, восхищения. Вспомним пушкинское «Над вымыслом слезами обольюсь!»

Ясно, что печаль, негодование, грусть, которые возникают при восприятии произведения искусства, окрашиваются иначе, чем тогда, когда они возникают в процессе реальных человеческих отношений (простился с дорогим человеком, был свидетелем подлого поступка и т. д.).

Характерно, что такая особенность восприятия произведений искусства возникает на определенном уровне развития человека. Маленький ребенок не умеет еще разграничить в своем восприятии реальное событие от действия, развертывающегося на сцене театра, а ребенок постарше уже умеет воспринять действительность, запечатленную в создании искусства, не как подлинную

реальную жизнь, а как ее отражение в произведении художника.

Благодаря отличию восприятия явлений жизни от восприятия созданий искусства эстетические чувства, порожденные ими, приобретают, как мы уже отмечали, специфические особенности в самом переживании. Так как человек воспринимает в произведении искусства не саму реальную жизнь, а ее отражение, в его восприятии отсутствуют практические житейские соображения и установки; человек имеет возможность целиком отдаться бескорыстному наслаждению этими произведениями. Такое отношение и создает благоприятную основу для возникновения, в соответствии с развивающимся содержанием произведения искусства, богатой и многообразной гаммы эстетических переживаний, оплодотворенных мыслями, отношением человека к миру и жизни. Создания искусства порождают в человеке огромный мир чувств и мыслей.

Вот что пишет своей жене художник И. Н. Крамской.

Париж, 2 декабря 1869 г.

«... В Антверпене я видел «Снятие со креста» Рубенса, так это что-то такое громадное, что даже уж не похоже и на Рубенса, и я понимаю теперь, зачем делают сто верст в сторону, чтобы видеть одну эту картину. Одним словом, я видел такие вещи, что не стыдно за человека и даже чувствуешь как будто гордость такую, что и ты тоже человек и что ты тоже родился человеком, потому что люди создали такие хорошие вещи...»¹.

И. Н. Крамской в письме к И. Е. Репину пишет о своем впечатлении от статуи Венеры Милосской:

С.-Петербург, 15—27 ноября 1873 г.

«... Не знаю, что Вы скажете, и так ли это, но впечатление этой статуи лежит у меня так глубоко, так покойно, так успокоительно светит через все томительные и безотрадные наслоения моей жизни, что всякий раз, как образ ее встанет передо мной, я начинаю опять юношески верить и счастливый исход судьбы человечества. Вот какой высокий слог! А ведь я, право, старался сказать, что думаю и что чувствую. Не шутя, ни одно произведение так высоко на меня не действовало, а оно, как Вам известно, только красота и ничего больше, да еще женская красота, а ведь у меня относительно этого кровь рыба. Черт знает что такое... Но нет, что бы там ни было, как бы Вы ни думали, как бы ее новое и грядущее время ни развенчало, а я не могу отделаться от этого образа. Я многое почти забыл уже, что видел, а эта — как теперь стоит пе-

¹ И. Н. Крамской, Письма, т. I, Изогиз, 1937, стр. 67—68.

редо мною живая, и я смотрю на нее, вижу все до мельчайших подробностей, вижу даже, как она дышит...»¹.

Композитор Рейхардт сообщает о том, какое впечатление на слушателей производила музыка Бетховена во время его импровизаций (это происходило в конце 1808 года).

«Сначала он (Бетховен) выглядел так же мрачно, как его квартира, однако быстро развеселился... Это сильная натура. По внешности он циклопообразен, но очень искренен, сердечен и добр... Вот мы сажаем веселого Бетховена за фортепиано, и он фантазирует нам целый час со всей глубиной своего художественного чувства... Так что мы, пожалуй, десять раз предавались горячим слезам, и я под конец не мог найти никаких слов, чтоб выразить свое глубочайшее восхищение. Как сердечно тронутое, счастливое дитя, я висел у него на шее...»².

Не меньшую силу впечатления, рождавшего целый мир различных чувств, вызывало у слушателей чтение А. С. Пушкиным своих произведений. О том, что переживали слушавшие чтение Пушкиным трагедии «Борис Годунов», только что им оконченной, сообщает историк М. П. Погодин.

«... Можно представить, с каким нетерпением мы ожидали назначенного дня. Наконец, настало это вожделенное число... Какое действие произвело на всех нас это чтение, передать невозможно... Первые явления мы выслушали тихо и спокойно или, лучше сказать, в каком-то недоумении. Но чем дальше, тем ощущения усиливались. Сцена летописателя с Григорием просто всех ошеломила. Что было со мною, я и рассказать не могу. Мне показалось, что родной мой и любезный Нестор поднялся из могилы и говорит устами Пимена: мне послышался живой голос древнего русского летописателя. А когда Пушкин дошел до рассказа Пимена о посещении Кириллова монастыря Иоанном Грозным, о молитве иноков: «Да ниспошлет господь покой его душе, страдающей и бурной» — мы все просто как будто обеспамятовали, кого бросало в жар, кого в озноб. Волосы поднимались дыбом. Не стало сил воздерживаться. Один вдруг вскочит с места, другой вскрикнет. У кого на глазах слезы, у кого улыбка на устах. То молчание, то взрыв восклицаний...

Кончилось чтение. Мы смотрели друг на друга долго и потом бросились к Пушкину. Начались объятия, поднялся шум, раздался смех, полились слезы, поздравления... О, какое удивительное то было утро, оставившее следы на всю жизнь!»³.

О том, какое эмоциональное впечатление производило на Ленина исполнение сонаты Бетховена «Апассио-

¹ И. Н. Крамской, Письма, т. I, Изогиз, 1937, стр. 204.

² А. Альшванг, Л. Бетховен, Музгиз, 1952, стр. 175.

³ Н. Л. Бродский, А. С. Пушкин, Биография, изд-во «Худож. литература». М., 1937, стр. 432—434.

ната», какие породила у него эта музыка переживания, мысли, сообщает А. М. Горький:

«Ленин, слушая сонаты Бетховена, сказал: «Ничего не знаю лучше «Апассионаты», готов слушать ее каждый день. Изумительная, нечеловеческая музыка. Я всегда с гордостью, может быть наивной, думаю: вот какие чудеса могут делать люди». И, прищуриваясь, усмехаясь, он прибавил невесело: «Но часто слушать музыку не могу, действует на нервы, хочется милые глупости говорить и гладить по головкам людей, которые, живя в грязном аду, могут создавать такую красоту. А сегодня гладить по головкам нельзя»¹.

Таковы эстетические переживания, вызываемые художественными произведениями. Они свидетельствуют о том, какой силы могут достигать эти переживания, какое многообразие взволнованных мыслей они порождают, в зависимости от содержания воспринятого.

Но мы не можем забывать, что переживание эстетического чувства возникает в соответствии с содержанием тех сторон жизни, которые отражены в произведении искусства; но явления жизни являются также предметом наших нравственных оценок и чувств, поэтому и наши эстетические чувства выступают в единстве с нравственными чувствами. Только искаженное, поверхностное изображение жизни и интерес лишь к одной форме ее изображения могут породить эстетические переживания, лишенные глубокой содержательности. В этом случае объектом эмоционального отношения является уже не отраженная в произведении искусства жизнь, а только самый способ ее отражения.

То обстоятельство, что в эстетическое отношение включаются наши нравственные оценки и чувства, объясняет тот факт, что произведение искусства может не только вызвать у человека художественное наслаждение, но и побудить к определенным действиям и поступкам.

3. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ЧУВСТВА

Сложный процесс все углубляющегося познания окружающей действительности, приведший людей к открытию тех объективных закономерностей, по которым

¹ А. М. Горький, Владимир Ильич Ленин, сб. «Ленин о культуре и искусстве», Изогиз, 1938, стр. 304.

совершается развитие вселенной, привел к созданию такой огромной области систематизированных знаний, как наука. Большая и разнообразная деятельность человека, заключающаяся в приобретении знаний о действительности, порождает своеобразный эмоциональный отклик. Это чувства, связанные с процессом решения тех или других теоретических и практических задач, с процессом приобретения знаний. Они имеют ряд характерных признаков. Их следует выделить под названием *интеллектуальные чувства*.

Деятельность познания, размышление, рассуждение по поводу тех или других явлений, фактов, положений вызывает особого характера переживания: это и чувство удивления перед сложным и еще непонятным явлением, и чувство любознательности по отношению к новому, еще не познанному, это и чувство сомнения в правильности найденного решения, чувство уверенности и верности вывода, и радость и гордость по поводу сделанного открытия и т. д. Все эти чувства в зависимости от характера и масштаба решаемой задачи, от степени ее трудности могут выступать то и более, то и менее сложном виде.

Характерное признание делает в этом отношении известный ученый Р. Майер, открывший закон превращения энергии. Это событие произошло в 1840 году. Находясь в это время в Индонезии, куда он выехал в качестве пароходного врача, он писал:

«Я с такой любовью ухватился за работу, что мало интересовался — над чем может иной посмеяться — той далекой частью света; охотнее всего оставался на борту, где я мог беспрепятственно отдаваться своей работе и где я в некоторые часы чувствовал себя как бы вдохновенным и ни раньше, ни позже ничего подобного, насколько помню, не переживал»¹.

В основе различных переживаний, возникающих в процессе познания, лежит становящееся все более обобщенным в результате повторяющегося опыта чувство любви к знанию. Это чувство приобретает не только различные формы, но и различную направленность в смысле объекта чувства: любовь к конкретному знанию, любовь к знанию обобщенному, выступающему в систе-

¹ В. Оствальд, Великие люди, 1910, стр. 63.

ме сложных теоретических обобщений, фиксирующих основные закономерности действительности в ходе их диалектического изменения; любовь ко всякому знанию вообще. Мы говорили о том, как на основе развивающегося опыта моральных переживаний, в результате связи со всей личностью человека, с ее убеждениями и мировоззрением возникает обобщенное чувство любви к правде, которое может становиться все более принципиальным.

Подобным же образом, на основе развивающегося опыта интеллектуальных переживаний, связывающегося с убеждениями личности, ее принципами поведения, мировоззрением, может возникнуть обобщенное чувство любви к истине, которое заставляет человека преодолевать трудности в процессе познания и испытывать подлинное счастье, если ему удастся сделать значительное научное открытие. Чувство любви к истине, стремление получить достоверные данные заставляют человека искать, сомневаться в истинности найденного и снова искать.

Чередование уверенности и сомнения, смена разочарования и радости, когда истина возникает в своей непреложности и полной убедительности, — все это переживается как острый эмоциональный отклик на процесс познания.

К. А. Тимирязев приводит чрезвычайно интересное в этом отношении высказывание Луи Пастера.

«Быть уверенным, что открыл важный научный факт, гореть лихорадочным желанием оповестить о том весь свет и сдерживать себя днями, неделями, порою годами, вступать в борьбу с самим собой, напрягать все силы, чтобы самому разрушить плоды своих трудов и не провозглашать полученного результата, пока не испробовал всех ему противоречащих гипотез — да, это тяжелый подвиг. Но зато, когда после таких усилий достигаешь полной достоверности, испытываешь одну из высших радостей, какие только доступны человеческой душе»¹.

Знаменитый ученый И. Кеплер (1571—1630) после длительных исследований и наблюдения небесных светил пришел к открытию закона их движения.

¹ Л. Пастер, Н. Гамалея, И. Мечников, К. Тимирязев, изд-во АН СССР, 1946, стр. 34.

сал в состоянии великого воодушевления, что свет истины, который ранее светил ему умеренным светом, стал превращаться для него по мере приобретения все большей уверенности в правильности своего открытия в ослепительное солнце истины.

Эта любовь к истине заставила Галилея в 1633 г. во время судебного процесса над ним, когда инквизиторы требовали от него, чтобы он отрекся от учения Коперника, несмотря на угрозы, отстаивать это новое учение.

Чувство любви к истине приобретает для человека, по существу, моральный характер, становится особой, остро переживаемой формой его нравственного отношения к окружающей действительности.

Так интеллектуальные чувства, по существу, вплетаются в целостное переживание — в моральное отношение человека к действительности.

4. ПРАКСИЧЕСКИЕ ЧУВСТВА

Область человеческой практики в самом широком смысле слова, т. е. разнообразные формы деятельности человека, делаются предметом его эмоционального отношения. Это — деятельность человека как рабочего, ученого, художника, воина, воспитателя, политика, деятельность в процессе игры, учения и т. д.

Чувства, порожденные деятельностью, имеют свои специфические черты и качества, поскольку представляют собой эмоциональное отражение в сознании человека его собственных действий, имеющих конкретное общественное назначение.

Чувства, вызываемые деятельностью, изменением ее в ходе работы, успешностью или неуспешностью ее, трудностями ее осуществления, ее завершением, — иногда специально выделяют в особый вид чувств. Поскольку такие чувства до сих пор не получили наименования, то их можно было бы назвать трудовыми чувствами, однако, понятие труда не охватывает игры и спорта. Целесообразнее было бы их назвать «праксическими» чувствами¹.

Поскольку праксические чувства представляют собой эмоциональный отклик на все богатство и много-

¹ Праксис — деяние, деятельность, действие (древнегреч.)

образии человеческой деятельности, достигающей различного уровня сложности и характеризующейся различной значимостью для человека, постольку эти чувства характеризуются различным содержанием и различной степенью интенсивности переживания.

Самое большое место в жизни человека занимает труд. Труд — основа существования человека, поддержания жизни, удовлетворения его жизненных потребностей. «Труд — источник всякого богатства, утверждают политико-экономы, — пишет Энгельс. — Он действительно является таковым наряду с природой, доставляющей ему материал, который он превращает в богатство. Но он еще и нечто бесконечно большее, чем это. Он — первое основное условие всей человеческой жизни, и притом в такой степени, что мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека»¹. Именно потому, что труд — основа существования и связан с ко-ренными жизненными запросами человека, он порождает многообразные чувства, вызываемые процессом его осуществления. При этом в эмоциональном отношении к процессу труда очень отчетливо выявляется условность выделения в целостном эмоциональном отношении к сложному социальному явлению отдельных видов чувств: моральных, эстетических, практических. Труд является источником глубоких моральных переживаний и эстетической радости. И вместе с тем, поскольку в организации труда выявляются общественные отношения между людьми (труд является подневольным в классовом обществе и свободным в бесклассовом обществе), постольку с процессом труда связываются и морально-политические чувства: ненависть к эксплуататорам и солидарность со всеми эксплуатируемыми в классовом обществе и чувство преданности и любви к обществу, в котором труд свободен от эксплуатации.

Трудовая деятельность в зависимости от ее характера и способа осуществления вызывает различный отклик. Когда выполняется привычная несложная работа, процесс которой автоматизирован, то эмоциональный отклик относится в большей мере уже к самому результату труда, чем к его процессу, появляется удовлетво-

¹ Ф. Энгельс, Диалектика природы, Госполитиздат, 1955, стр. 132.

рение от того, что все намеченное выполнено. Или же возникает неудовлетворение, что процесс труда очень прост, однообразен, не требует умственной активности, вызывает утомление. Если трудовая деятельность более сложна, то практические чувства в значительной мере связаны не только с результатом ее, но и самим процессом деятельности. Появляются переживания возбуждения и напряжения во время работы, огорчения, раздражения, подавленности при малоуспешном ее результате, удовлетворения, радости от ее успешного хода, удовольствия от самого процесса действия. Удовольствие, которое доставляет человеку труд, «игра сил» во время его осуществления объясняет возникновение чувства скуки у большинства людей, когда они вынуждены бездействовать, и чувство радости от сознания того, что твой труд нужен обществу.

О таком большом и волнующем переживании в процессе труда рассказывает А. М. Горький в своей биографии:

«Мне хорошо памятен день, когда я впервые почувствовал героическую поэзию труда.

Под Казанью села на камень, проломив днище, большая баржа с персидским товаром: артель грузчиков взяла меня перегружать баржу... Артель, человек с полсотни, угрюмо расположилась на палубе пустой баржи... Грузчики ворчали и ругались, проклиная дождь, ветер, жизнь. Лениво ползали по палубе, пытаюсь спрятаться от холода и сырости... К полуночи доплыли до переката, причалили пустую баржу борт о борт с сидевшей на камнях; артельный староста... крикнул... Ну, молодчики, покажи работу!..

И тяжелые, ленивые, мокрые люди начали «показывать работу». Они, точно ■ бой, бросились на палубу и ■ трюмы затонувшей баржи — с гиком, ревом, с прибаутками. Вокруг меня с легкостью пуховых подушек летали мешки риса, тюки изюма, кож, каракуля, бегали коренастые фигуры, ободряя друг друга воем, свистом, крепкой руганью. Трудно было поверить, что так весело, легко и спорно работают те самые тяжелые, угрюмые люди, которые только что уныло жаловались на жизнь, на дождь и холод... Работали так, как будто изголодались о труде, как будто давно ожидали удовольствия швырять с рук на руки четырехпудовые мешки... Я жил эту ночь в радости, не испытанной мною, душу озаряло желание прожить всю жизнь в этом полубезумном восторге делания. За бортами плясали волны, хлестал по палубам дождь, свистел над рекою ветер, ■ серой мгле рассвета стремительно и неустанно бегали полуголые, мокрые люди и кричали, смеялись, любуясь своей силой, своим трудом»¹.

¹ А. М. Горький, Мои университеты, Собр. соч., т. 9, 1947, стр. 544—545.

Чем сложнее деятельность, которую выполняет человек, чем больше сама эта деятельность связана с запросами личности, ее устремлениями, жизненными целями, тем больший она вызывает эмоциональный отклик и порождает переживания различного характера и интенсивности. Это происходит потому, что в связи с выполняемой деятельностью появляются не только переживания, являющиеся непосредственным откликом на ее ход (на ее успешность или неуспешность), но и переживания личностного характера (как проявляет себя человек в избранной им области деятельности—соответственно своим возможностям или ниже этих возможностей, вносит он что-то новое или только повторяет уже известное, может быть собой доволен или нет и т. д.).

Пушкин после успешной творческой работы радостно восклицал: «Ай да Пушкин! Ай да Пушкин!» А вот другой пример: известный спортсмен-лыжник, бывший неоднократно чемпионом, во время длительного состязания вдруг убедился, что его уверенно обгоняет спортсмен, которого он не считал опасным соперником. Он остановился на дороге и от огорчения заплакал.

Чем сложнее деятельность, которую осуществляет человек, тем многообразнее круг чувств, который связан с нею. В предыдущем разделе мы говорили об интеллектуальных чувствах, возникающих в процессе познания. Но такие чувства являются только одним из компонентов целостного эмоционального отклика ученого, изобретателя, который вызывает у него его творческая деятельность. Эта деятельность порождает, по существу, именно практические чувства, поскольку они являются откликом всей его личности на процесс работы.

В сфере практических чувств может быть специально выделен тот вид их, который связан с творческим трудом и имеет ряд своеобразных черт. Он может быть назван областью творческих чувств. Когда человек осуществляет деятельность, выполнение которой не имеет преимущественно автоматизированного характера, а наоборот, предполагает сознательное внесение в нее элементов нового, приводящее к повышению ценности создаваемого продукта деятельности, то это порождает эмоциональный отклик в виде творческих чувств. Они являются откликом на вносимые и осознаваемые человеком новизну, творческое начало в процесс работы.

Можно говорить о творческих чувствах новатора производства, изобретателя, ученого, писателя, художника, педагога, спортсмена, шахматиста, композитора, актера и т. д.

Эти чувства связаны с различными областями деятельности человека и характеризуются большим разнообразием. Но о них в психологических работах говорилось пока в общем виде. Однако для более углубленного психологического познания этих чувств требуется провести отчетливую дифференциацию среди них, чтобы увидеть присущие некоторым из этих чувств своеобразные черты и особенности.

Есть, несомненно, общие черты, присущие чувствам любого представителя творческого труда, в какой бы области деятельности он ни творил: будь то изобретатель или поэт, конструктор или композитор, ученый или писатель, архитектор или актер. Они могут испытывать подъем от самого процесса деятельности, волнение и наслаждение от процесса открытия, создания нового.

Известный русский ученый Боткин писал в одном из своих писем: «Я взялся за лягушек и, сидя над ними, открыл новое кураре в лице сернокислого атропина, надо было проделать с ними все опыты, которые были проделаны с кураре. Новизна приемов работы, удачные результаты и поучительность самой работы до того увлекли меня, что я просиживал с лягушками с утра до ночи... До такой степени меня захватывает какая-нибудь работа, ты не можешь себе представить. Я решительно умираю тогда для жизни»¹.

Изобретатель Буров сообщает: «Когда я работаю над изобретением, я запираюсь в кабинет на несколько суток, черчу и не сплю. Есть изобретения, которые имеют до 18 тысяч деталей, но когда я нахожусь в этом азарте, я помню почти каждую деталь. Я вычерчиваю иногда до 30 листов ватмана, курю много, но если останусь без папирос все равно мне и это не мешает, забуду о папиросах. Тяжело только первые сутки, пока не попал на верный след. Но если попал на верный след, то пусть кругом взрывают, все равно буду работать»².

¹ И. Лапшин, Философия изобретения и изобретение в философии, т. 2, изд-во «Мысль», Петроград, 1922, стр. 177.

² П. М. Якобсон, Процесс творческой работы изобретателя, М., 1934, стр. 37.

Совершение открытия, имеющего решающее значение для обоснования научной теории, нахождение конструктивного решения, определяющего сущность нового изобретения, и т. д. вызывают целый ряд переживаний.

«Как переживается нахождение такого решения? — говорит А. Н. Туполев. — Это момент, определенно отличный от других моментов работы. Он связан с ощущением особого удовлетворения. Решение дается с определенным сознанием его правильности, обоснованности, уверенности, очевидности»¹.

О том, какой подъем, волнение может вызвать творческая деятельность, очень подробно сообщает писатель И. А. Гончаров. В письме Е. А. и С. А. Никитенко из Мариенбада 3(15) июня 1860 г. он писал:

«Вообще вчерашнее утро принадлежит к лучшим утратам моей жизни. Я чувствовал бодрость, молодость, свежесть, был в таком необыкновенном настроении, чувствовал такой прилив производительной силы, такую страсть выразиться, какого не чувствовал с 57 года. Разумеется, это не пропало даром для будущего (если только будет) романа. Он весь развернулся передо мной часа на два готовый, и я увидел там много такого, чего мне и не грезилось никогда... Это удивительное, благодарное утро! Я бросил в Франценсбаде почту, взял коляску и ехал один, при отличной погоде, ясной, жаркой и тихой, на душе было еще яснее. Что, если б почаще нисходили на душу такие утра!»²

А вот выдержки из его другого письма И. И. Львовскому от 2(14) августа 1957 г. по поводу работы над романом «Обломов».

«На всю эту смеющуюся перспективу (что он закончит роман.— П. Я.) я смотрю, как на сон, едва сбыточный. Времена не те, и свежесть во мне не та,— и все не то. А сколько еще выработки предстоит — ужасно подумать! Одно только отрадно, что выработка — не труд, а наслаждение. Как же все это случилось, что я, человек мертвый, утомленный, равнодушный ко всему, даже к собственному успеху, вдруг принялся за труд, в котором было отчаялся? И как принялся, если б вы видели! Я едва сдерживал волнение, мне ударяло в голову, Луи-

¹ П. М. Якобсон, Процесс творческой работы изобретателя, М., 1934, стр. 87. Собр. соч., т. 8, 1955, стр. 329.

² И. А. Гончаров, Собр. соч., т. 6, 1899, 1914.

за заставляла меня в слезах, я шагал по комнате, как сумасшедший, и бегал по горам и лесам, не чувствуя под собой ног. Этого ничего не бывало и в молодости»¹.

Изменения настроения во время работы в связи с ее успешностью или неуспешностью, гамма переживаний от отчаяния до восторга, возникающая в процессе творчества с необычайной откровенностью описана Флобером в его письме к Луизе Коле от 24 апреля 1852 года, где он говорит о своей работе над романом «Мадам Бовари». Он писал следующее:

«Жизнь я веду суровую, лишенную всякой внешней радости, и единственной поддержкой мне служит постоянное внутреннее бушевание, которое никогда не прекращается, но временами стелет от бессилия. Я люблю свою работу неистовой и извращенной любовью, как аскет власяницу, царапающую ему тело. По временам, когда я чувствую себя опустошенным, когда выражение не дается мне, когда, исписав длинный ряд страниц, убеждаюсь, что не создал ни единой фразы, я бросаюсь на диван и лежу оцепеневший, увязая в душевной тоске. Я ненавижу себя и обвиняю в безумном честолюбии, которое заставляет меня гнаться за химерой. А через четверть часа все изменилось, сердце бьется от радости. Прошлую среду мне пришлось встать и пойти за носовым платком — у меня по лицу текли слезы. Я сам умилился над тем, что писал; я испытал сладостное волнение и от своей идеи, и от фразы, передавшей эту идею, и от удовлетворения, что нашел эту фразу. Такие именно чувства заключались в том волнении, где нервы, в конечном счете, занимали больше места, чем все остальное. Так, по крайней мере, мне кажется.

Среди эмоций этого рода встречаются и самые возвышенные, ■ них элемент чувственный играет наименьшую роль, ■ духовной красотой они превосходят добродетель — настолько эти эмоции независимы от личности, настолько они вне всякой связи с людскими отношениями. Порою (в знаменательные для меня солнечные дни) моему взору открывалось в озарении восторженного энтузиазма, вызывавшего трепет во всем теле, то возвышенное состояние души, при котором слова — ничто и самое счастье — не нужно...»².

Чувства, связанные с процессом созидания и достигающие огромной интенсивности, может быть, никто не выразил с такой остротой, как Бетховен, когда он делился своими мыслями и переживаниями по поводу творческой работы с Беттиной фон Арним.

«Следующие упоенные слова, — пишет Ромэн Роллан, — по поводу погони за мелодией относились к его (Бетховена) поискам гетевской идеи, которую он хотел перелить в музыку:

«... И тогда из пылающего очага вдохновения я должен рассылать во всех направлениях мелодию. Я преследую ее, снова стра-

¹ И. А. Гончаров, Собр. соч., т. 8, 1955, стр. 292.

² Гюстав Флобер, Письма 1831—1854 гг., Собр. соч., Гос. изд-во худож. литературы, 1933, стр. 240—241.

стно сжимаю, вижу, как она убегает и теряется ■ хаосе впечатлений, но вскоре я опять ее ловлю с новой страстью; я не могу от нее оторваться, мне необходимо размножать ее в судорожном восторге, во всевозможных модуляциях; и ■ последний момент я торжествую над ней, обладаю ею, той, которую ■ преследовал, первой мыслью! И вот вам симфония!... Да, музыка — поистине посредница между духовной жизнью ■ чувственной»¹.

Таковы те многообразные чувства и переживания, которые возникают ■ процессе творческой деятельности, порожденные увлеченностью человека этой деятельностью, являются взволнованным откликом на самый ее процесс.

Но наряду с тем общим, что мы наблюдаем ■ творческих чувствах, независимо от того, в какой области деятельности происходит творческая работа, так как они являются откликом именно на саму деятельность — представляются откликом и о различиях, связанных с конкретным содержанием процесса труда. В одном отношении есть отчетливое различие в творческих чувствах ученого и писателя, изобретателя и композитора. И тот и другой, как мы видели, в зависимости от значения того нового, что они внесли в свою область, могут испытывать эмоциональный подъем и волнение, горечь от неудачи и радость от успеха, переживать наслаждение от процесса созидания. Однако самый материал, над которым работает физик, создающий новую теорию, и композитор, создающий оперу, изобретатель, строящий новую машину, и писатель, раскрывающий в своем произведении душевный мир людей, — этот материал является различным по своей природе. Материал, над которым работает поэт, композитор, живописец, актер, в силу того, что он имеет отношение к духовному миру людей, к их чувствам, помыслам и желаниям, создает основу для возникновения еще одной разновидности творческих чувств, чувств, порожденных уже не самим интенсивным трудом, его неудачами и успехами, а тем, что художник-творец «входит» в мир переживаний создаваемых им персонажей, что он начинает жить чувствами героев, созданных его творческим воображением. И переживания этого рода «наслаиваются» на эмоциональное переживание от процесса деятельности.

¹ Р. Роллан, Гете и Бетховен, Собр. соч. т. XV. Кооперативное изд-во «Время», 1932, стр. 15.

О таком двойном характере творческих чувств очень убедительно писал П. И. Чайковский, раскрывая особенности тех творческих чувств, которые он испытывал при создании оперы «Евгений Онегин»:

«Я работал с неописуемым наслаждением, мало заботился о том, есть ли движение, эффекты и т. п... если была когда-нибудь написана музыка с искренним увлечением, с любовью к сюжету и к действующим лицам, то это музыка к Онегину. Я таял и трепетал от невыразимого наслаждения, когда писал ее. Если на слушателе будет отзываться хоть малейшая доля того, что я испытывал, сочиняя эту оперу, то я буду очень доволен, и большего мне не нужно»¹.

В некоторых случаях глубокого «вживания» в душевный мир создаваемых персонажей эти особые творческие чувства, связанные с душевным миром создаваемых героев, осознаются художником. Об этих чувствах, созданных в процессе художественного воображения и связанных с сильными и своеобразными переживаниями, рассказывают два таких крупных художника слова, как Флобер и Гончаров.

Флобер писал Луизе Коле:

Круассе, пятница, 2 часа ночи,
23 декабря 1853 г.

«Надо любить, чтобы писать тебе сегодня, ибо я *выдохся*, — у меня точно железная каска на черепе. С двух часов дня я пишу *Бовари*. Описываю прогулку верхом, сейчас я в самом разгаре, дошел до середины; пот льет градом, сжимается горло. Я провел один из тех редких дней, когда с начала до конца живешь иллюзией. Давеча, ■ 6 часов, ■ тот момент, когда я писал слова «нервный припадок», я был так возбужден, так горланил и так глубоко чувствовал то, что переживает моя бабенка, что даже испугался, как бы со мной самим не случился нервный припадок; чтобы успокоиться, я встал из-за стола и открыл окно. У меня кружилась голова. Теперь же сильно болят колени, спина и голова; я испытываю нечто вроде переутомления, полного опьянения, но раз я пишу о любви, то считаю справедливым послать тебе ее ласку, поцелуй и те мысли, что у меня остались. Хорошо ли получится? Не знаю... Все равно, плохо ли, хорошо ли, так чудесно — писать, не быть *самим собой*, а вращаться среди всех тех образов, которые создаешь. Сегодня, например, я был одновременно мужчиной и женщиной, любовником и любовницей и катался верхом в лесу осенним днем, среди пожелтевших листьев»...².

¹ «Письма П. И. Чайковского ■ С. И. Танеева», Госкультпросветиздат, М., 1951, стр. 23 и 28—29.

² Гюстав Флобер, Письма 1831—1854 гг., Собр. соч., 1933, стр. 391—392.

О таких же ярких, своеобразных переживаниях пишет в 1857 году И. А. Гончаров И. И. Льховскому из Мариенбада.

«Узнайте, что ■ занят... не ошибетесь, если скажете женщиной; да, ей: нужды нет, что 45 лет, а сильно занят Ольгой Ильинской... едва мимоходом напьюсь чаю, как беру сигару и к ней: сижу в ее комнате, иду в парк, забираюсь ■ уединенные аллеи, не надышусь, не нагляжусь. У меня есть соперник: он хотя и моложе меня, но неповоротливее, и я надеюсь, их скоро развести. Тогда уеду с ней во Франкфурт, потом в Швейцарию или прямо ■ Париж, не знаю: все будет зависеть от того, овладею я ею или нет. Если овладею, то в одно время приедем и в Петербург: Вы увидите ее и решите, стоит ли она того страстного внимания, с каким я вожусь с нею, или это так, бесцветная, бледная женщина, которая сияет лучами только для моих влюбленных глаз? Тогда, может быть, и я разочаруюсь ■ кину ее. Но теперь, теперь волнение мое доходит до бешенства: так и ■ молодости не было со мной. ...Вы покачаете головой... Может быть, даже пожалеете: не жалейте, я счастлив — от девяти часов утра до трех — чего же больше. Женщина эта — мое же создание, писанное, конечно, — ну, теперь угадали, недогадливые, что я сижу за пером?»¹.

Те особые, творческие переживания, которые возникали у некоторых художников слова и у композиторов (есть замечательные свидетельства Глинки и Чайковского по этому поводу) в результате «вживания» в мир своих героев, являются следствием живого воображения художника, в деятельности которого возникали своеобразные переживания, делавшие его творческую работу еще более близкой и значимой для него.

Таково различие в характере творческих чувств, которые возникают под влиянием природы того материала, над которым работают ученый и писатель, изобретатель и композитор. В содержание творческих чувств, испытанных композитором, писателем, актером и т. д., входят органической частью эстетические чувства (чувства, порожденные деятельностью художественного воображения, по особенностям переживания их следует отнести к эстетическим), вызываемые самим характером предмета, с которым они имеют дело. Ученый, несомненно, может испытывать большое эстетически-интеллектуальное удовольствие от стройности и последовательности теории, от перспективы охвата ею новых областей действительности.

Об этом очень выразительно говорит Д. И. Менде-

¹ И. А. Гончаров, Собр. соч., т. 8, 1955, стр. 281—282.

леев: «Здание науки требует не только материала, но и плана, гармонии; воздвигается трудом, необходимым как для заготовки материала, так и для кладки его, для выработки самого плана, для гармонического сочетания частей, для указания путей, где может быть добыт наиболее полезнейший материал...

Узнать, понять и охватить гармонию научного здания с его недостроенными частями — значит получить такое наслаждение, какое дает только высшая красота и правда» (курсив мой.— П. Я.)¹.

Однако по сравнению с ученым композитор и писатель наряду с переживанием удовлетворения от стройности и ясности композиции произведения может еще испытывать переживания, связанные с тем, что он «входит» в переживания создаваемых им персонажей. Поэтому если в творческих чувствах ученого, изобретателя, конструктора существенным компонентом являются интеллектуальные чувства, а эстетические являются лишь побочными, то в творческих чувствах писателя, композитора, актера как раз существенным компонентом являются эстетические чувства. Хотя, несомненно, в целостном переживании творческих чувств этих представителей искусства занимают известное место и интеллектуальные чувства, связанные с художественным познанием тех явлений действительности, которые они отображают, связанные с нахождением правильного решения в трактовке героев, композиции произведения и т. д.

Но и среди творческих чувств, возникающих благодаря особенностям области искусства и тому, что художник отображает мир помыслов и чувств создаваемых персонажей, приходится провести еще одно разграничение — между творческими чувствами писателя, композитора, живописца и актера. Это разграничение связано с характером смысла и назначения, который имеют подобные чувства в самом процессе творческой деятельности.

Для композитора, писателя, живописца переживание «чувств персонажа» (так условно можно их назвать) является произвольным «компонентом» в их творческой работе, помогающим им лучше понять душевный мир изображаемых персонажей, но в малой степени

¹ О. Писаржевский, Менделеев, 1949, стр. 214—215.

вливающим на самый способ воплощения материала. Иной характер имеют условия работы актера. Целью его искусства является (во всяком случае в реалистическом направлении) воплощение на сцене образа живого человека, с полнотой его чувств, мыслей, желаний и т. д. Актер для убедительности своей игры (чтобы голос звучал взволнованно, взгляд выражал теплоту, нежность, страх, смущение и т. д.) должен не просто испытывать подъем и волнение, но и чувства, близкие его герою, роль которого он исполняет, так как такие переживания (при соблюдении условий, связанных с художественностью исполнения) делают выразительнее его экспрессию.

Чувства персонажа в различных обстоятельствах сценической жизни испытывает далеко не всякий актер. Однако известны случаи, когда свидетельства самого актера о такого рода чувствах получали подтверждение со стороны его партнеров, зрителей и т. д. Мы приведем сообщение Л. М. Леонидова. Речь идет о замечательном актере, которого называли «правнуком Мочалова». Его исполнение роли Мити Карамазова вызывало признание у самых требовательных зрителей. Об этом исполнении писал известный театральный критик П. А. Марков. «Леонидов играл так, как будто на время спектакля он полностью перенимал в себя бытие Дмитрия Карамазова. Иными словами, Леонидов вовсе не играл, и самая театральность образа была следствием его полнейшей жизненности»¹.

Л. М. Леонидов рассказывает следующее об исполнении этой роли.

«У меня такое правило: я в театре за час до начала спектакля загризировался, облачился в платье Дмитрия Карамазова. Третий звонок. Я уже стою в первой кулисе от публики и жду своего выхода. На сцене Грушенька Мусяилович, бывший жених Грушеньки—Врублевский. Внимание! Дают занавес! И вот вдруг со мной происходит какое-то перевоплощение. Я увидел Грушеньку, рядом человека, которым когда-то она увлекалась. А вдруг это чувство опять в ней проснется? Я могу ее потерять. Сердце мое заныло, заплакало. Я стал тих, покорен, в

¹ П. А. Марков, Л. М. Леонидов. Театральные портреты, 1939, стр. 139.

руке, ■ глазах, ■ словах одна покорность, и я тихо вхожу и тихо прошу продолжать беседу и не обращать на меня внимания, одна просьба: «не прогоняй меня, Грушенька»¹.

Так у актера, входящего в образ персонажа, возникают чувства, близкие к тем переживаниям, которые персонаж испытывал в известных жизненных обстоятельствах.

О значении для искусства актера эмоционально наполненного исполнения роли писал К. С. Станиславский:

«Мы верим и крепко знаем по опыту, что только такое сценическое искусство, насыщенное живыми, органическими переживаниями человека-артиста, может художественно передать все неуловимые оттенки и всю глубину внутренней жизни роли. Только такое искусство может полностью захватить зрителя...»².

Не всякое переживание актера во время исполнения им роли означает ее «эмоциональное освоение». Бывают переживания, которые являются эмоциональной реакцией актера на условия его публичного выступления (страх «провала», возбуждение от благожелательного приема актера публикой), имеются и переживания, которые показывают субъективно живое отношение актера к роли (выражаются в покраснении лица, в слезах) и вместе с тем объективно не обогащают выразительность его игры (иногда ведут к «наигрышу», к крику и т. д.). Только при определенных условиях творческой работы актера чувства, имеющие отношение к душевному миру героя пьесы, содействуют выразительности исполнения роли актером.

У писателя, композитора «чувства персонажа» возникают непроизвольно в результате глубокой заинтересованности чувствами создаваемого образа и умения «входить» в мир переживаний других людей, в том числе и вымышленных героев. Актер же в силу требований самого искусства театра вынужден осознанно искать пути, позволяющие испытать «человеческие чувства» (К. С. Станиславский). Правда, мы можем иногда встре-

¹ Л. М. Леонидов, Прошлое ■ настоящее, изд. Музея МХАТ, 1948, стр. 13—14.

² К. С. Станиславский, Работа актера над собой, М., 1938.

тяться и в деятельности писателя с осознанным стремлением испытать подобные переживания для целей своей работы. Об этом пишет Ф. М. Достоевский в письме к своему брату М. М. Достоевскому от 31 мая 1858 г.

«...Ты явно смешиваешь вдохновение, т. е. первое мгновенное создание картины или движение души (что всегда так и делается) с работой. Я, например, сцену тотчас и записываю, так как она мне явилась впервые, и рад ей; но потом целые месяцы, год обрабатываю ее, вдохновляюсь ею *по несколько раз*, а не один (потому что люблю эту сцену) и несколько прибавлю к ней или убавлю что-нибудь, как уже и было у меня, и поверь, что выходило гораздо лучше»¹.

Однако в деятельности писателя подобные случаи редки, а в деятельности актера — весьма часты.

Возникновение у актера чувств, близких к чувствам персонажа, существенно отличается от возникновения такого рода чувств у писателя и композитора. У писателя и композитора они возникают непроизвольно. И у актера в силу близости ему внутреннего мира персонажа, его взглядов, чувств, мыслей могут возникать и иногда возникают такого рода чувства. К. С. Станиславский называл их «первичными чувствованиями». Но он так писал о них: «Неожиданность, которая скрыта в первичных чувствованиях, таит в себе неотразимую для артиста силу. Очень досадно: не мы владеем моментами первичного переживания, а они владеют нами»². Такие чувства редки в практике актера, и он не может регулировать ни их возникновение, ни повторный вызов. А вместе с тем эмоциональная окрашенность исполнения роли, при этом соответствующая ситуациям сценической жизни и особенностям героя, нужна актеру по существу его работы. Тем самым в деятельности актера возникает сознательная задача какими-то путями испытать подобные переживания. И актер обращается к различным психологическим приемам «оживления» путем воспоминаний, ярких жизненных переживаний, испытанных им или познанных в порядке сочувствия переживаниям других людей. Он стремится «подставить» переработанные жизненные переживания в соответствующие куски

¹ Ф. М. Достоевский, Биография, письма, С.-Петербург, 1883, стр. 113.

² К. С. Станиславский, Работа актера над собой.

роли, аналогичные по ситуации, и т. д. Так он в ходе работы над ролью обретает своеобразные творческие чувства, выявляющиеся во время спектакля и характеризующиеся рядом признаков¹.

Путь актера к переживаниям чувств героя сложен. Он представляет одну из самых интересных проблем в области психологических механизмов саморегулирования. Здесь не место характеризовать эти психологические «механизмы» и излагать материалы по их исследованию. Мы укажем только на некоторые, выявленные нами при анализе актерской работы психологические приемы и пути, по которым идет актер, стараясь вызвать в себе чувства, соответствующие исполняемой им роли, поскольку они представляют общий интерес в связи с рассматриваемым вопросом.

1. Актеру удается испытать *отдельные эмоциональные состояния*, присущие герою пьесы, являющиеся ответом на определенную ситуацию в том или другом куске роли. Это возможно потому, что он устанавливает связь между данной ситуацией и *определенным переживанием*, имевшим место в его опыте. Б. Г. Добронравов, обладавший редким по силе умением «заражаться» миром чувств других людей, работая над ролью крестьянина-бедняка Листрата («Земля» Вирты во МХАТе), стремился пережить то чувство ненависти, которое испытывал Листрат по отношению к Сторожеву. Он сообщает:

«В работе над ролью Листрата оказали мне известную помощь воспоминания детства. Когда я читал «Одиночество» Вирты, я вспомнил богатого помещика Боева, жившего в той местности, где я обычно проводил лето. Это был типичный кулак, жадный до денег. Он жестоко эксплуатировал окрестных крестьян и вызывал к себе сильнейшую неприязнь у всех. Сторожев в моем представлении принял все черты этого помещика, и от этого я, Листрат, испытывал к нему подлинную ненависть, непреодолимую»².

¹ Систематическая характеристика своеобразных психологических черт и качеств, присущих этим творческим чувствам, дается автором в его книге «Психология сценических чувств актера», М., Гослитиздат, 1936.

² Б. Г. Добронравов, Автобиография (представлена им в ВТО в 1945 г.).

2. Актер испытывает *последовательность* *изменяющихся чувств* героя на основе творческой переработки собственных жизненных переживаний, аналогичных по условиям их возникновения обстоятельствам жизни героя в целом. Эти переживания он «переводит» в воображаемые обстоятельства пьесы. Эмоционально роль раскрывается актеру через испытание целостного эмоционального состояния, которое характеризует существо образа. Происходит двойкий в психологическом отношении процесс — «наполнение» роли собственными переживаниями и преобразование собственных переживаний благодаря роли.

Вот что рассказывает В. А. Сперантова об исполнении роли Наташи в «Русалке» Пушкина в 1937 г.

«Образ роли по большей части кажется возникшим независимо от моих личных переживаний. Но бывают исключения. Так было с образом Наташи из «Русалки» Пушкина. Я не хотела браться за эту роль, но когда стала работать над нею, то она вызвала к жизни целый мир чувств и моих личных переживаний. Работа над «Русалкой» совпала с тем периодом моей жизни, когда я остро переживала свой разрыв с моим первым мужем. *И вот это мое личное самочувствие толкало меня на то, как будить в себе эмоции в связи с ролью.* Я к образу «Русалки» шла не от начала развития событий ее жизни, а шла от самого сильного, самого страшного, что было в ее жизни. Я шла от разрыва с князем. Она узнает, что он ее не любит, что он ее покидает, и она остается одна со своим ребенком. И у меня после разрыва остался ребенок. И вот мое самочувствие, все мои чувства наполняли образ Наташи. У меня было ощущение, *как будто я наливаю образ, «душу» его своим вином, горьким вином.* «Русалку» я делала сравнительно недолго — три месяца»¹.

3. Актер добивается испытания чувств героя на протяжении всей роли путем внутреннего сближения с его душевным миром. Оно происходит на основе целеустремленной временной перестройки эмоциональной организации личности актера. Актер обращается к своему прошлому душевному опыту и стремится воссоздать в себе былую эмоциональную направленность путем ра-

¹ Из записи бесед автора с актрисой В. А. Сперантовой в 1945 г.

боты над собой. Такая перестройка позволяет ему на известный период вызвать в себе новое целостное эмоциональное отношение, близкое миру чувств героя пьесы. Оно-то и помогает освоить роль в эмоциональном плане.

Приведем высказывания К. Н. Еланской по поводу ее работы над ролью Ольги из «Трех сестер» А. П. Чехова в постановке МХАТа. Вначале она вообще не понимала, почему именно такую роль поручают ей. «Какой-то промежуток времени, — говорила она, — я считала Ольгу даже «синим чулком», только постепенно мне стали ясны основные качества ее — благородство и альтруизм. Это пробудило во мне интерес, я почувствовала, что я начинаю увлекаться ролью. Для контакта с образом я стала искать благородство в себе и вспомнила, что, когда я только что еще начала формироваться как человек, у меня было какое-то беспредельно альтруистическое отношение к людям. Но, столкнувшись с жизнью, я принуждена была стать хитрее, быть себе на уме. Уступая жизненным требованиям, я стала одно свойство натуры от себя отстранять, другое приближать. Так, если я любила человека, мне казалось самым правильным просто признаться ему в этом, говорить откровенно, ясно, открыто, а жизнь приучала к иному: чтобы удержать около себя любимого человека, не надо говорить ему об этом, а нужно кокетничать, заставить ревновать. Ольга так не поступает, такого надуманного кокетства у нее нет, поэтому, я думаю, она не вышла замуж, так и окружающие стали на нее смотреть, лишь как на добродетельную женщину, которая всю тяжесть дома взвалила себе на плечи. Я поняла, что могу ее сыграть только тогда, когда обращаю внимание на свои наиболее благороднейшие струны души, отрешаясь от себя все свои эгоистические обывательские переживания и обращаюсь только к своим наилучшим чувствам»¹.

Таковы некоторые характеристики тех психологических приемов, при помощи которых актер может испытать чувства, близкие по своему содержанию тем эмоциональным состояниям, которые испытывает персонаж пьесы. Самый способ прихода к такого рода творче-

¹ Из бесед автора с актрисой К. Н. Еланской ■ 1946 г.

ским чувствам (а не надо забывать, что в силу условий исполнительского искусства актер стремится известными психологическими приемами «закрепить» эти чувства, чтоб они возникали у него многократно при повторении спектаклей) говорит о том, что имеются различия в творческих «чувствах персонажа» у писателя, композитора и актера. Это определяется характером той деятельности, которую осуществляет актер, теми задачами, которые его творческие чувства выполняют в ходе воплощения сценического образа.

Перед нами прошли в их многообразии практические чувства, которые являются эмоциональным откликом человека на осуществление им той или другой деятельности. Различие форм деятельности, которые человек выполняет в условиях дифференциации ее видов, приводит к тому, что могут возникать практические чувства разного характера и содержания. По мере усложнения той деятельности, которую человек выполняет, его эмоциональный отклик претерпевает изменения: вместо отклика на результат своего труда появляется отклик на самый процесс его осуществления. Для него все более эмоционально окрашенным делается отношение к самому процессу деятельности, а не только к ее результату. И именно потому, что сама деятельность вызывает большой эмоциональный отклик, связывается с существенными запросами личности, она становится все более и более нужной человеку, близкой ему, превращается в потребность. Так, труд из условия существования человека превращается для него в глубокую жизненную потребность.

Мы говорили о практических чувствах разного характера, выделили в них группу чувств, которую назвали творческими чувствами. В них в большей мере, чем в другие чувства, включаются в качестве компонентов интеллектуальные и эстетические чувства.

Но мы не в достаточной мере охарактеризовали чувства, вызываемые деятельностью. Мы уже говорили, что объектом моральных чувств может быть любое явление социальной действительности, воспринимаемое под углом зрения морального начала. Этим объектом может быть для нас и самый процесс деятельности — учение, спорт, труд и т. д. Переживания, возникающие в процессе деятельности, имеющие свои характерные

особенности, эмоционально видоизменяются от того, что они переосмысливаются в связи с осознанием значения данной деятельности для общества, с осознанием своего участия в этой деятельности. Этот процесс видоизменения практических чувств особенно ярко проявляется в деятельности советских людей. Для них учение, спорт, труд в его различных видах, поведение в процессе учения и труда являются объектом моральных чувств. Эмоциональная оценка своей деятельности, вера в свои силы, назначение, чувство гордости от содеянного и т. д. опираются на моральное сознание человека.

Труд советского человека в нашей стране рождает ряд эмоций, которые можно назвать радостью труда.

Но, говоря о практических чувствах, нельзя забывать, что их испытывает не просто рабочий, спортсмен, художник, композитор, изобретатель, ученый — их испытывает человек как целостная личность, имеющая свои убеждения, мировоззрение, идеалы.

Советский человек воспринимает свою деятельность как дело своей гражданской патриотической совести. Поэтому в переживание практических чувств входит нечто новое — нравственное начало, которое видоизменяет и обогащает эти чувства.

Рассмотренные нами виды чувств — нравственные, эстетические, интеллектуальные, практические — могут превратиться и превращаются в устойчивое эмоциональное отношение, являющееся основой для многообразных переживаний человека.

ХАРАКТЕРНЫЕ
ЧУВСТВА В ТРУДЕ
РАЗВИТИЕ

Чувства, которые
силу испытывает
результатом сложной
действий являются результа
в жизни общества в
двух сторон. резул
той жизни людей в
чении.

Многообразие чувств
взаимного человека.
ствами только в
зависимости в ходе его
чувства человека на
большой путь развития

Эти изменения
влияют на развитие
эстетического чувства
в жизни человека
С развитием
эстетического чувства
в жизни человека
С развитием

С развитием
эстетического чувства
в жизни человека
С развитием

ГЛАВА 7

ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗМЕНЕНИЯ ЧУВСТВ В ПРОЦЕССЕ ВОЗРАСТНОГО РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА

Чувства, которые с большей или меньшей полнотой и силой испытывает индивидуальный человек, являются результатом сложного развития общества. Чувства людей являются результатом, с одной стороны, изменений в жизни общества в ходе исторического процесса, а с другой стороны, результатом преемственности в духовной жизни людей в процессе этих общественных изменений.

Многообразные чувства делаются достоянием индивидуального человека, становятся его личными чувствами только в процессе длительного жизненного развития, в ходе его физического и духовного созревания.

Чувства человека на протяжении его жизни проходят большой путь развития, изменений и превращений.

Это изменение чувств индивида в процессе его развития сложно; оно имеет ряд этапов и ступеней. Большие изменения, происходящие в эмоциональной сфере растущего человека в течение его жизни, вызваны физическим и интеллектуальным ростом, процессом формирования его личности в ходе развития его отношений с окружающим миром и людьми.

Эти сдвиги в эмоциональной сфере человека связаны с углублением его познания действительности, с развитием потребностей в процессе его общего роста, с физиологическими изменениями, приводящими к появлению новых потребностей, запросов и интересов, они связаны с изменением структуры личности растущего че-

ловека, ведущими к развитию самопознания и увеличению роли саморегулирования в его поведении.

Для полного уяснения этих сдвигов необходимо проследить весь ход изменений эмоциональной сферы человека в процессе его роста, вскрыть закономерности, его характеризующие, выяснить, какие новые чувства появляются на определенных этапах его жизненного развития, как изменяются уже возникшие чувства, какие качественные сдвиги могут быть в характере переживания чувств и т. д. Эта задача еще не решена психологами в полном объеме, но в ряде работ показаны изменения в содержании и качествах некоторых чувств на протяжении всего периода раннего детского возраста (например, работа Гуденафа о гневе у детей, начиная с первых дней и кончая восьмилетним возрастом).

Джерсильд¹, используя ряд исследований, преимущественно американских психологов за последние десятилетия, показывает в большом сводном очерке, какие изменения происходят в эмоциях страха, гнева, любви, понятой в широком смысле как положительное чувство, направленное на окружающих, за годы развития ребенка. Нельзя при этом отборе эмоций не вспомнить, что Уотсон указывал на то, что первоначально у младенца замечаются именно эти три эмоции.

Мы не ставим перед собой задачи проследить эволюцию отдельных видов чувств на протяжении возрастного развития. Мы считаем, что наряду с выполнением такой задачи, имеющей определенное значение, необходимо выяснить сдвиги во всей эмоциональной сфере растущего человека. Поэтому мы хотим настоящую главу посвятить выявлению основных тенденций развития эмоциональной сферы в процессе роста человека — от младенца к дошкольнику, от дошкольника к школьнику и т. д. В этой связи мы хотим коснуться таких вопросов, как импульсивность эмоциональной жизни ребенка и тенденция к ее преодолению; процесс появления наряду с ситуативными чувствами более устойчивых чувств; изменение характера регуляции в выражении чувств; процесс «социализации» чувств растущего человека.

1. В процессе роста ребенка намечается отчетливая

¹ Большой раздел о развитии эмоций помещен Джерсильдом в руководстве по детской психологии под редакцией Кармайкла: Manual of Child Psychology, 1954.

тенденция к преодолению импульсивности поведения. Для маленького ребенка дошкольного возраста характерна большая импульсивность поведения: появившееся эмоционально окрашенное побуждение, желание сразу же переводится в действие. А если осуществление действия встречает препятствия, то возникает отрицательная эмоциональная реакция, часто очень бурная.

Воздействия взрослых все время направлены на то, чтобы формировать у ребенка умение сдерживать свои непосредственные побуждения и реакции. «Не шуми», «Нельзя трогать», «Отойди» — все это воспринимает ребенок. Но эти сдерживающие его действия требования быстро теряют свое значение, когда ребенком овладевает эмоция того или другого характера. Для дошкольника и младшего дошкольника (т. е. до 5 лет) является характерным то, что ему очень трудно не поддаться действию находящегося перед ним и влекущего к себе раздражителя. Лакомство, игрушка, обещанные ему, если он выполнит то или иное требование или задание взрослого, являются для него, как оказывается, в зависимости от ситуации, стимулом различного характера. Как отмечает А. Н. Леонтьев¹, они являются эмоциональным стимулом, усиливающим его деятельность, если обещание дано в словесной, не наглядной форме. Однако достаточно положить обещанное лакомство, игрушку перед его глазами, как, вместо того чтобы действовать, он поддается желанию, эмоции, овладевающей им, и качество выполнения снижается, он спешит и т. д. В экспериментах К. Левина и Т. Дембо², когда детям после игры с новыми игрушками показывали эти игрушки за прозрачной металлической сеткой так, что они не могли их достать, у них также появлялось расстройство в поведении, вызванное эмоцией.

Чем старше ребенок, тем менее импульсивны его действия, он постепенно овладевает своим поведением. Это происходит на основе требований окружающих, в результате собственной практики выполнения им действий, требующих контроля, а также в результате опре-

¹ А. Н. Леонтьев, Психическое развитие ребенка в дошкольном возрасте, сб. «Вопросы психологии ребенка дошкольного возраста», изд-во АПН, 1948.

² Barker B. Dembo T. Levin K. Frustration and regression. An experiment with young children, Univers. Jova Stud., 1941, № 13.

деленного образа жизни, приводящего к тому, что у него появляются привычки организованного поведения. Все это приводит к торможению непосредственно эмоционально окрашенных импульсов и побуждений. Ребенок постарше, находясь в гостях и испытывая сильное желание получить любимое лакомство, не просит его, а ждет пока его ему дадут. Правила поведения приобретают регулирующее значение, и это ведет к торможению импульсов. Правда, это не означает, что они распространяются на все формы поведения ребенка. Дело в том, что с возрастом ребенка как бы перемещаются «зоны», в которых проявляется его импульсивность. Так, те раздражители, которые имеют значение для дошкольника, уже не действуют на ребенка 6—9 лет. Но вместе с тем импульсивность его поведения проявляется в другом. В ряде случаев она сказывается в том, что, несмотря на отчетливо осознаваемые им требования к выполнению школьных заданий (а школа у маленького школьника вызывает большие переживания, относящиеся и к его новой жизненной позиции в качестве школьника), он не может преодолеть различные «соблазны» в виде игр и, заигравшись, забывает о необходимости, например, приготовить домашние задания. М. Н. Волокитина, проводившая наблюдения над первоклассниками, отмечает, что многие из них не могли своевременно сесть за приготовление уроков, будучи не в силах оторваться от игры. Например, Митя К. приступал к домашним заданиям только тогда, когда игра кончалась и товарищи уходили домой¹.

У подростка такие проявления импульсивности почти исчезают, однако его импульсивность поведения проявляется в другом. Импульсивность поведения (в смысле бурной реакции на какое-то явление, происшествие, отношение к нему самому) вызывается не столько самими непосредственно данными раздражителями, сколько поводами, в которых он воспринимает отчетливое отношение к нему как личности и его «миру»: высокое признание его качеств или, наоборот, обида, насмешка, оскорбление его личности, а также признание или, наоборот, оскорбление того, что ему дорого. Все это

¹ М. Н. Волокитина, Очерки психологии младших школьников, изд-во АПН РСФСР, 1955, стр. 46—47.

может вызвать
Находясь в аффекте
его в импульсивно
ния, благодарно
или же, испытыва
жения, может в
В этом отноше
сделанное в ав
дах» по повод
называл «Кор
Марго» говори
припадки чувст
вистью к спл
желание злить

Однако нов
ником, которы
пульсивность
что им в том
ство, является
ростка) осозн
Подросток оце
того, насколько
жанность може
стыда и т. д. У
к импульсивно
юношеском воз
эмоциональност

II. Характе
ной сферы явля
чувствами котор
(переживание п
исчезает), возни
стойкий характе
нальной жизни

скольким взаим
Всем хорош
характерна оче
ваний, вызван
дражителей. М
и горько плач
том, вызываю
ся. Такая быс
для

может вызвать у него резкие аффективные состояния. Находясь в аффективном состоянии, он может проявить его в импульсивной форме. Испытывая прилив волнения, благодарности, он может выразить их неумеренно или же, испытывая прилив гнева, озлобления, раздражения, может вступить в пререкания, драку и т. д. В этом отношении интересно признание А. Горького, сделанное в автобиографическом произведении «В людях» по поводу его отношения к женщине, которую он называл «Королевой Марго»: «Когда о «Королеве Марго» говорили пакостно, я переживал судорожные припадки чувств не детских, сердце мое набухало ненавистью к сплетникам, мною овладевало неукротимое желание злить всех, озорничать...».

Однако новым у подростка по сравнению с дошкольником, который в гораздо меньшей мере осознает импульсивность своего поведения и не переживает того, что им в том или другом случае целиком владело чувство, является (в силу самосознания и самооценки подростка) осознание импульсивности своего поведения. Подросток оценивает свое поведение с точки зрения того, насколько он владел собой, собственная несдержанность может вызывать у него недовольство, чувство стыда и т. д. Усиливающееся с годами такое отношение к импульсивности является одной из причин того, что в юношеском возрасте (наряду с изменением характера эмоциональности) она делается слабее.

II. Характерным моментом в развитии эмоциональной сферы является то обстоятельство, что вместе с чувствами которые носят лишь ситуативный характер (переживание появляется вместе с ситуацией и затем исчезает), возникают чувства, имеющие уже более стойкий характер. Эти изменения в характере эмоциональной жизни растущего человека проявляются по нескольким взаимно связанным линиям.

Всем хорошо известно, что для маленького ребенка характерна очень быстрая смена настроений и переживаний, вызванная сменой воздействующих на него раздражителей. Маленький ребенок, только что огорченный и горько плачущий, будучи отвлечен каким-то предметом, вызывающим его интерес, тут же начинает смеяться. Такая быстрая смена эмоций является характерной и для дошкольника, однако она имеет уже другие черты,

особенно у старшего дошкольника. Причиненное ему огорчение, лишение его того, что он очень хочет иметь, создает у него переживание более сложного характера. Оно не может быть сразу «угашено» предъявлением ему яркого внешнего раздражителя. Это происходит оттого, что у старшего дошкольника (не говоря уже о ребенке 8—9 лет) начинает формироваться в известной мере отношение к себе как к личности, и необоснованное лишение его какой-то вещи часто воспринимается им уже как обида и порождает переживания, более глубоко его затрагивающие и не могущие сразу исчезнуть от перемены воздействий.

Отчего происходит быстрая смена, иногда даже чередование контрастных переживаний радости и огорчения, смеха и слез? Она происходит прежде всего от того, что вызванное ситуацией переживание не захватывает личность ребенка, поэтому при изменении ситуации легко появляется эмоциональная реакция иного типа. Однако повторяющиеся воздействия (особенно вызывающие отрицательные эмоции у ребенка — страх, гнев) порождают не поверхностную эмоциональную реакцию, а уже более глубокую. Они могут привести маленького ребенка даже к эмоциональной травме — например, в результате систематического запугивания ребенка. Но пока речь идет о ситуациях, которые не выходят за пределы обыденных воздействий, то в ходе их изменения мы встречаемся с частой сменой переживаний.

Возникновение переживаний ситуативного характера у ребенка 7—8 лет сказывается в иной форме. Оно заключается в том, что ребенок проявляет неустойчивость поведения под влиянием чувств. Он может поддаться случайным впечатлениям, благодаря чему настроение его резко изменяется.

В своих наблюдениях М. Н. Волокитина отмечает черты эмоционального поведения у первоклассника Лени В.: «Первоклассник Леня В. обычно проявляет старание в работе. Но достаточно какого-нибудь незначительного обстоятельства (поссорился с сестренкой, сломал перо, потерял резинку), чтобы настроение у мальчика резко изменилось: он надует, расплечется, бросает работу или выполняет ее небрежно или плохо»¹.

¹ М. Н. Волокитина, Очерки психологии младших школьников, изд-во АПН РСФСР, 1955, стр. 48.

Данный случай не может быть назван типичным (мы встречаемся с большими индивидуальными различиями у детей в этом отношении), однако он говорит о том, что такой характер эмоционального поведения может быть присущ ребенку, развитие которого не выходит за пределы нормального.

С годами такое быстрое чередование переживаний встречается все реже. Младших школьников, которые поссорились друг с другом, обычно можно помирить, если вовлечь их в какое-нибудь интересное для обоих занятие. Поссорившиеся же подростки могут с интересом принять участие в общем интересном для них деле, но известная натянутость в отношениях между ними сохранится (если не последует такое объяснение, которое примирит их друг с другом). Это происходит оттого, что возникшая эмоциональная реакция значительно больше затрагивает личность подростка.

Переживания, появляющиеся у подростка, а тем более юноши делаются более стойкими. Они оставляют более длительный след, поэтому в данном возрасте нет такого быстрого контрастного чередования переживаний. Конечно, речь идет об обычных ситуациях. Несомненно, что могут быть такие жизненные ситуации, как, например, опрокинулась лодка, вот-вот должна произойти автомобильная катастрофа и т. д., когда и у взрослого человека в силу объективных обстоятельств страх может смениться быстрой надеждой, а потом вновь смениться ужасом. Речь идет, само собой разумеется, не о таких острых и чрезвычайных изменениях в ситуации.

Наряду с тем, что с возрастом в силу ряда причин возникающие случайные переживания становятся более стойкими, приходится говорить о более существенных моментах в изменении характера эмоциональной жизни растущего человека, т. е. о том, что рядом с ситуативными чувствами появляются такие, которые имеют уже длительный характер.

Формируется устойчивое эмоциональное отношение к ряду явлений окружающей действительности, возникают привязанности, рождаются дифференцированные по своей глубине виды эмоционального отношения к различным сторонам жизни.

С каждым годом развития ребенка и появления но-

вых объектов познания — усложнения отношений с окружающими людьми в процессе занятий, учения, проведения досуга — возникают новые виды устойчивого эмоционального отношения.

На их характере сказывается также происходящее развитие личности растущего человека, связанное со все более многообразной деятельностью, с появлением у него отчетливого отношения к себе самому.

В процессе своей жизни ребенок сталкивается с такими воздействиями, затрагивающими его в той или другой степени, которые имеют повторяющийся характер. И эти воздействия вызывают, в свою очередь, такие эмоциональные реакции, которые имеют в своем содержании одинаковые черты. При этом происходит изменение в характере эмоциональной реакции. На повторяющиеся проявления ласки, внимания, нежности (или строгости, суровости) со стороны окружающих людей у ребенка начинает появляться не просто эмоция нежности, а образуется уже привязанность, любовь к матери, отцу и т. д. У него возникает положительное эмоциональное отношение вообще к их облику, голосу, словам, действиям.

И наоборот, у него может сложиться также устойчивое неприязненное отношение к человеку, который груб с ним, пугает его своим отталкивающим видом, жесткостью и т. д. Так, в результате запугивания, страшных рассказов могут возникнуть у детей устойчивые формы страха по отношению к некоторым явлениям природы, животным.

А вместе с тем экспериментально доказано, что при иных условиях воспитания страхи подобного рода могут и не возникать. Это очень хорошо иллюстрируется примером того, как в семье Эверс девочка Аннет была приучена с раннего детства играть со змеями, которые обычно у детей, слышавших страшные рассказы о них, вызывают реакцию страха. Аннет же страха совершенно не испытывала (рис. 12, 13)¹.

Повторяющиеся эмоциональные реакции на многократные воздействия окружающей среды приобретают «системный» характер. Это означает, что возникновение эмоции может быть вызвано уже появлением одного из

¹ Приведено у Н. Манна, «Psychology», 1946.

элементов того целого воздействия, которое ранее порождало данную эмоцию. Эмоция возникает и тогда, когда на ребенка воздействует не сам источник этой эмоции, а то, что связано с ним. Если это мать, то ласковое слово, сказанное ею по телефону, открытка, полученная от нее, уже будят у ребенка чувство нежности, привязанности к ней.

Рис. 12. 14-месячная Аннет Эверс, играющая со змеями

Так рядом с ситуативными чувствами начинают формироваться уже и более устойчивые виды эмоционального отношения. Это эмоциональное отношение сохраняется и тогда (уже в неактуализированном виде), когда отсутствуют поводы для появления чувства. Но оно тут же возникает, как только появляется соответствующий повод.

Следует обратить внимание еще на одну особенность в формировании устойчивых чувств. В процессе разви-

Рис. 13. 6-летняя Аннет Эверс со змеями
(из Н. Манна)

тия личности ребенка, его чувств характер эмоционального реагирования дифференцируется в зависимости не только от качества полученных воздействий, но также от того, какого рода мотивы деятельности у ребенка возникли. Новые мотивы порождают новые эмоции. Как показало исследование Л. Благонадежиной, в том случае, когда ребенок, например, рисует ради удовольствия, не заботясь о качестве рисунка и его оценке, то эмоциональные переживания, возникающие при поме-

хат. выра-
выражен-
носят не-
нальные
ности — не-
здание
положительно
ционально
деятельно
ражение ч
да даже с
устойчиво
несколько

Отметил
щенном из
тей-дошкол
ресные от
«Поступая
обижая др
ребенок эт
неловкости
ражения л
задержива
тий или от
ребенок съ
слове остан
выражаются
• В проце
усложнения
ния некотор
уклада и об
ся отдельные
шения.

У ребен
не только к
другим лю
к классном
к своим св
живания.

1 «Психо-
учебных зав
2 Р. И б
жури. «Д
17 п. м

хах, выражены внешне — обиженное или недовольное выражение лица, плаксивый голос; эмоции при этом носят неустойчивый характер. «Иными бывают эмоциональные переживания тогда, когда мотив деятельности — не просто удовольствие от ее выполнения, а создание продукта определенного качества, достойного положительной оценки. В этих случаях ребенок эмоционально реагирует на оценку взрослыми продукта деятельности. При отрицательной оценке внешнее выражение чувства не только не подчеркивается, но иногда даже скрывается. Но само переживание относительно устойчиво (иногда следы его обнаруживаются через несколько дней после вызвавшего его факта)»¹.

Отметим, что в исследовании Р. Ибрагимовой, посвященном изучению возникновения чувства долга у детей-дошкольников, замечаются такого же рода интересные оттенки в выражении лица ребенка. Она пишет: «Поступая недостойным образом — говоря неправду, обижая другого ребенка, нарушая покой взрослых, — ребенок этого возраста испытывает чувство смущения и неловкости. Эти чувства проявляются в изменении выражения лица, интонации голоса ребенка, в движениях задерживающего характера. Допустив во время занятий или отдыха взрослых неосторожность в движениях, ребенок съеживается, начав громко говорить, на полуслове останавливается, закрыв рот рукой, и т. д.»². Так выражаются формирующиеся более устойчивые чувства. В процессе созревания, развития личности ребенка, усложнения его отношений с окружающим, превращения некоторых из этих отношений в силу жизненного уклада и обстоятельств в устойчивые связи формируются отдельные виды устойчивого эмоционального отношения.

У ребенка возникает чувство привязанности, любви не только к родителям и близким, но и к некоторым другим людям, не только к своему дому, но и к школе, к классному коллективу, формируется чувство дружбы к своим сверстникам, рождающее своеобразные переживания. В материале исследования М. Д. Громова

¹ «Психология», под ред. А. А. Смирнова. Учебник для высших учебных заведений, Учпедгиз, 1956, стр. 387—388.

² Р. Ибрагимова, Первые зачатки чувства долга у детей, журн. «Дошкольное воспитание», 1955, № 7, стр. 33.

имеются различные высказывания детей 10—11 лет, раскрывающие относительную устойчивость такого чувства. Приведем высказывание Элеоноры О.: «У меня подруга Вера. Дружим мы с ней давно. Иногда ссоримся, но ненадолго. Один раз мы поссорились и три дня ходили в школу в одиночку, так и гуляли. Так прошло три дня, но на четвертый день скука стала невыносимой, и мы помирились». Происходит с годами изменение характера дружбы и оснований для дружбы.

В исследованиях Хоррокса и Томсона¹, Хоррокса и Бьюкера², изучавших устойчивость дружбы у детей различного возраста (исследованием было охвачено несколько сот детей, жителей сельской местности и городов), отчетливо выступают такие факты. Во-первых, и маленьким детям свойственно чувство дружбы, которое обладает некоторой устойчивостью. Во-вторых, чем старше становится ребенок, тем более устойчивый характер приобретает чувство дружбы. Авторы выясняли этот вопрос, изучая то, насколько длительной является дружба как ребенка, так и подростка с другим ребенком, которого он считает своим первым и вторым другом. Оказалось, что эта дружба сохраняется более двух недель, затем появляются новые друзья. Прежние друзья, названные самыми близкими, преимущественно остаются таковыми и через две недели, и степень привязанности к ним мало изменяется.

В исследовании Сантуччи³, посвященном изучению эмоциональной направленности детей от 8 до 14 лет, в котором выясняется характер их эмоционального отношения друг к другу, также подтвердилась мысль о возрастающей с годами устойчивости чувств; исследование показало и другое — постепенно эмоциональное отношение приобретает более избирательный характер.

Наряду с положительными устойчивыми могут формироваться и стойкие отрицательные чувства, например, неприязнь к кому-то и т. д.

¹ Horrocks Y. and Thomson G., A study of the friendship fluctuations of rural boys and girls, Journ. of Genetic Psychol., 1946, December.

² Horrocks Y. and Buker M., A study of the friendship fluctuations of preadolescents, Journ. of Genetic Psychol., 1951, June.

³ Santucci H., L'expansion affective chez l'enfant de 8 à 10 ans et chez le preadolescent, „Enfance“, 1955, № 4.

В процессе роста ребенка, превращения его в подростка, юношу виды таких устойчивых эмоциональных отношений становятся многообразнее и сложнее. Появляются объекты устойчивых положительных чувств: любимый писатель, композитор, любимые книги, мелодии, виды спорта и т. д., также и объекты отрицательных чувств: неприязнь к некоторым людям, презрение к определенному поведению, чертам характера и т. д.

В зависимости от запросов и интересов растущей личности, широты ее опыта, впечатлительности, способности эмоционально реагировать на явления окружающей действительности и образуются индивидуальные различия в видах устойчивого эмоционального отношения.

Изменение эмоциональной сферы ребенка, превращающегося в подростка и юношу, заключается в том, что воздействия окружающих попадают на более сложную психологическую почву развивающейся личности с ее определенными симпатиями, склонностями, запросами, интересами. Поэтому переживания, если они уже возникли, приобретают более глубокий характер. Они становятся и более управляемыми. В силу возрастающей с годами избирательности эмоциональных впечатлений среди целого ряда воспринимаемых воздействий окружающей жизни только некоторые из них делаются значимыми для человека.

III. В изменении эмоциональной сферы ребенка существенное место занимает усиление регулирующих моментов в переживании и выражении чувств. Для маленького ребенка характерно малое умение тормозить проявления чувств, отсутствие регулирования их выражения. Он плачет, смеется, кричит, не реагируя на указания окружающих о недопустимости таких форм выражения чувств (его стыдят, говорят, что плакать стыдно, но он продолжает плакать и т. д.). И лишь переключение его на другой раздражитель — предмет, вызывающий его живой интерес, или угроза, порождающая страх, приводят к изменению его чувств и их проявлений.

Уже у дошкольника происходят определенные изменения в этом отношении. Для него начинают приобретать более существенное значение указания окружающих, касающиеся его поведения: как надо вести себя дома, в детском саду; что можно делать, что нельзя;

как надо обращаться к взрослым и т. д. Для маленького школьника эти правила поведения приобретают еще большее значение, так как условия его школьной жизни, целенаправленные воздействия со стороны взрослых приводят к тому, что определенные правила поведения начинают им осваиваться и становятся положениями, которыми он в большей или меньшей мере начинает руководствоваться в жизни. Они регулируют его отношения со сверстниками и взрослыми. Регулирование своего поведения начинает распространяться — хотя это труднее и потому оно осуществляется с меньшим совершенством — и на выражение чувств.

Требования взрослых, чтобы он не выражал слишком бурно свою радость, гнев, их укоризненные замечания, что стыдно плакать, когда не очень больно, что недопустимо в такой форме выражать свое недовольство, оказывают свое влияние.

Интересны в этом отношении наблюдения Н. А. Менчинской за поведением ребенка.

«Когда мальчику исполнилось 5 лет, он начал сознательно ставить себе задачу подавлять в некоторых случаях внешние проявления своих чувств. Он плакал довольно часто, и мать неоднократно ему говорила о том, что плакать нельзя. Она прочла ему отрывки из книги Гайдара «Тимур и его команда» и сказала, что тимуровцы не плачут.

Как-то, бегая в саду, мальчик упал и ушибся, а потом, подбежав к матери, сказал: «Я сжал губы и все». Придя домой, продолжал говорить на эту тему: «Если я не буду плакать, меня примут тимуровцы? А командиром будет тот, кто никогда не плачет»¹. Тут уже не только требования взрослых определяют его усилия подавить выражения чувств, но и наличие определенного образца поведения.

Также влияет на ребенка и отношение его сверстников к выражению им своих чувств (страха, боли, радости, горя, злости, тщеславия). Осознание этого отношения включается в той или другой форме в самый процесс переживания им горя, страха, обиды, недовольства. Чувство, произвольное в начале его возникновения,

¹ Н. А. Менчинская, Развитие чувств у ребенка, журн. «Дошкольное воспитание», 1946, № 12, стр. 35.

уже во время переживания начинает меняться, так как ребенок вспоминает об известных требованиях к допускаемым формам выражения чувств. Выражение чувств приобретает более сдержанные формы. (Вспомним наблюдения Р. Ибрагимовой, приведенные выше.) Иногда испытываемые чувства становятся скрываемыми переживаниями (скрываемый страх, недовольство, обида и т. д.) и они получают другую форму проявления. Эти скрываемые чувства, однако, «читают» родители, педагоги, товарищи в чуть опущенных глазах, сжатых губах, в бегающих глазах, в небольшом побледнении и т. д., хотя ребенок прилагает все усилия, чтобы скрыть эти чувства.

То обстоятельство, что ребенок, подросток при переживании чувства учитывает, что нельзя так проявлять страх, недовольство, обиду, заставляет его выражать свои чувства в форме, не вызывающей отрицательных суждений о нем самом и его личных качествах. Стремление скрыть чувства, вызывающие осуждение товарищей, окружающих людей (часто подросток лишь предполагает, что такое выражение чувства будет осуждено товарищами), ведет к тому, что он начинает «маскировать» свои чувства. Так, нежность к родителям он может «маскировать» сдержанной, грубоватой манерой обращения; он борется с проявлениями «сентиментальности», страха, зависти; со слишком бурным выражением радости. То, что подросток стремится придать выражению своих чувств такую форму, которая представляется ему отвечающей социальным требованиям их выражения, становится существенным элементом в самом переживании чувства.

Рост регулирования выражения чувств, который имеет место в процессе развития растущего человека, происходит вместе с обогащением форм экспрессии как средства эмоционального общения и с улучшением понимания им чувств других людей.

В процессе созревания ребенка совершенствуются средства общения его с другими людьми, в том числе и средства эмоционального общения. Выражение лица и глаз делается богаче, дифференцированнее, обогащаются оттенки улыбки, смеха, улучшается одновременное использование всех средств выразительности лица. Само же выражение в известной мере регулируется,

исходя из освоенных социальных требований. С ростом ребенка все большую и большую роль приобретает слово и как средство для выражения своих переживаний в прямой форме, и как средство для выявления их в оттенках интонации.

Следует отметить те конкретные изменения средств эмоционального общения, которые происходят в годы развития ребенка. В этом отношении интересны наблюдения американского психолога Л. Эмс за поведением детей в дошкольном учреждении в возрасте от полутора до четырех лет (упоминавшиеся нами частично в 4-й главе). Она изучала характер и развитие оттенков улыбки у детей. Изучая средства общения детей между собой и со взрослыми, она подразделила улыбки детей на три группы: а) улыбки, связанные с собственной активностью ребенка (когда он занимается один, например с игрушкой); б) улыбки, направленные воспитателю (когда показывает ему что-нибудь, слышит его слова); в) улыбки, относящиеся к другим детям в процессе игры.

И вот оказалось, что происходят большие изменения в этом отношении за довольно короткие периоды. Характерны, например, количественные изменения в пользовании улыбкой. Так, если у полуторалеток одна улыбка наблюдалась в течение шести минут, у двухлеток в течение четырех минут, то у трехлеток уже в течение двух минут и у четырехлеток в течение 1 1/3 минуты. Существенно, что улыбка все более и более превращается в средство общения. Очень в большой степени растет количество улыбок, направленных воспитателю. Так, например, у группы детей полуторалеток число улыбок, вызванных собственной активностью, равно 67; обращенных к воспитателю — 47; к другим детям — 7. А уже в три года (у такой же по численности группы детей) количество улыбок, вызванных собственной активностью — 117, обращенных к воспитателю — 324, к другим детям — 298. При этом увеличивается число улыбок, вызванных словом, обращенным к ребенку взрослым. Все это говорит о росте социальной направленности ребенка, о росте его социальных связей и их форм.

Изменение средств и форм эмоционального общения ребенка в ходе его роста вскрывается и в интересном исследовании французского психолога Леруа-Бусьона

«Юный зритель и его окружение» (о котором мы также частично говорили в 4-й главе). Автор изучал эмоциональные реакции детей от четырех до четырнадцати лет при просмотре ими фильма. Под наблюдением каждый раз находился один ребенок. Всего было проведено 222 сеанса, исследовано 222 человека. Леруа-Бусьон фиксировал формы эмоционального общения детей, когда они произвольно или намеренно стремились поделиться с другими детьми впечатлением от какого-то эпизода фильма. Оказалось, что с годами у детей повышается стремление поделиться с другими охватившей их эмоцией. В то время как у четырехлеток было за время демонстрации фильма в среднем 3,4 обращения друг к другу, у восьмилеток — 6,4 обращения (у подростков примерно столько же).

Овладение словом, интонационной стороной речи для выражения своих переживаний, преимущественное пользование словом для передачи своих чувств и настроений, которое с годами развивается, выражается в изменении с возрастом средств эмоционального общения. Если у четырехлеток и пятилеток в обращении к другим слово занимает 19%, взгляд 70%, жест 11%, у детей 6—7 лет слово занимает 53%, взгляд 32%, жест 15%, то у более старших детей (с 8 до 14 лет) слово занимает уже 74%, взгляд 16%, жест 10%. Меняется и характер переживаний и форма их передачи другим людям. В то время как 4-летние и 5-летние дети главным образом обращаются к воспитателю, чтобы поделиться с ним своими переживаниями, более старшие дети обращаются преимущественно к своему соседу — сверстнику. Таким образом, с годами происходят серьезные изменения в пользовании средствами эмоционального общения, а также в формах этого общения.

Обогащение характера эмоционального общения, рост способности регулировать выражение собственных чувств, которое происходит в процессе развития и роста человека, делают его также и более внимательным к выражению чувств у других людей. Это происходит в связи с тем, что поведение окружающих во время переживания является критерием и его собственного поведения при подобных переживаниях. Это обстоятельство в известной степени помогает формированию другого процесса, который также играет существенную роль в раз-

витии эмоциональной сферы, т. е. росту понимания выражения чувств другими людьми. Мы знаем, что дошкольник ■ ряде случаев плохо «читает» выражение лица человека на фотографии ■ не всегда точно определяет характер чувств, выраженных в оттенках интонации речи. Там, где нет явно выраженной в облике человека и выражении его лица угрозы, гнева, страха, большой радости, а имеются более слабые в смысле резкости и более тонкие в смысле характера чувств оттенки переживаний, недостаточно точно «читают» выражение чувств не только дошкольники, но и младшие школьники, как это показывают наблюдения за детьми при восприятии спектаклей и кинофильмов¹. Поскольку не имеется исследований, систематически освещающих возрастные изменения понимания детьми выражения чувств (при этом не только изображенных на фотографии, картине, кинокадрах, но и выраженных в речи), приходится говорить об изменениях понимания экспрессии человеческих чувств только ■ общей форме.

В особых случаях — особой домашней обстановки и отношений между членами семьи — можно наблюдать уже и в раннем возрасте ребенка умение отчетливо подмечать тонкие оттенки экспрессии даже в скрываемых чувствах.

Приведем в качестве примера этого интересный случай, описанный Роменом Ролланом в «Жан Кристофе».

Девятилетний мальчик Лионелло, сын Грании, которая испытывает чувство любви, уважения и привязанности к Кристофу, ревнуя мать, постоянно следит за ней и ловит в оттенках выражения ее лица и голоса те чувства, которые она испытывает к Кристофу.

«Ребенок обладал удивительной способностью читать в мыслях матери... Эта склонность, развивающаяся при совместной жизни, обострялась у Лионелло злобой, бывшей всегда настороже. Стремление вредить делало его прозорливым. Он ненавидел Кристофа... В минуту, когда Грания подумала о том, чтобы выйти замуж за Кристофа, он словно почувствовал это. С этого момента он неустанно наблюдал за ними. Он всегда стоял между ними, упорно торчал в гостиной, когда приходил Кри-

¹ Работа М. К. Шнейдер «О значении повторного восприятия фильма детьми 9—10 лет», 1956, представленная на «Педагогические чтения» в Институт психологии АПН РСФСР.

стоф, либо старался внезапно ворваться в комнату, где они сидели вдвоем. Больше того, когда мать, оставаясь одна, думала о Кристофе, он как бы угадывал это. Лионелло садился рядом и наблюдал за ней. Этот взгляд стеснял Грацию до того, что она чуть ли не краснела. Грация вставала, чтобы скрыть смущение»¹.

Но в других условиях процесс «чтения» чувств в таком возрасте осуществляется весьма приблизительно.

Говоря о проблеме регулирования выражения чувств в ходе развития ребенка, следует отметить еще одну сторону его поведения. Речь идет о «заражаемости» чувствами других детей и взрослых на основе действия «механизма» подражания. Для маленького ребенка характерна легкая «заражаемость» чувствами других детей, с которыми он общается. Плач одного-двух детей в яслях часто приводит к тому, что начинают плакать и другие дети. У дошкольника также действует «механизм» подражания, и это проявляется в его поведении: достаточно расшалиться несколькими детям, как постепенно такое же поведение возникает и у других детей. Однако степень «заражаемости» в этом возрасте становится слабее, так как дошкольник занят больше собой, своими побуждениями, чем ясельный ребенок. Но и у ребенка-школьника и подростка «заражаемость» экспрессией других людей еще имеет место. Однако эта «заражаемость» экспрессией других может быть подростком и юношей быстрее преодолена благодаря возросшему регулированию своего поведения и выражения чувств.

Так, процесс регулирования чувств в ходе развития поведения играет все большую роль в жизни растущего человека.

IV. Чувства человека общественны по своей природе, поскольку даже самые асоциальные чувства — злоба, зависть, ненависть и т. д., — во-первых, вызваны людьми, обществом и т. п., на которых они направлены, а во-вторых, эти чувства возникают благодаря определенным условиям жизни и воспитания в обществе.

Но все же очень существенным моментом в развитии эмоциональной сферы растущего человека является то, что можно назвать условно процессом «социализации»

¹ Р. Роллан, Собр. соч., т. 6, 1956, стр. 290—291.

чувств, т. е. усиления социального начала в его чувствах, которое сказывается не только в развитии социально-положительных чувств, изменении мотивации эмоционально-окрашенных побуждений, но и в изменении характера самих переживаний.

Под социальностью чувств, под развитием социального начала в них мы подразумеваем не вообще то, что чувства общественны по своей природе, а нечто более ограниченное, т. е. то, что чувства вызываются определенными социальными мотивами, и то, что они в своей направленности характеризуются социально-положительным содержанием. «Социализация» чувств ребенка в процессе его развития идет по нескольким направлениям.

Первоначальные эмоции младенца возникают от удовлетворения или неудовлетворения его биологических потребностей в питании, сне, тепле, в потягивании и т. д. Постепенно в процессе роста ребенка появляются новые потребности в движениях, в ощупывании, в восприятии предметов, людей, их речи, в общении с людьми, в их ласке и т. д. У маленького ребенка уже в возрасте около года проявляются социальные эмоции (положительно окрашенное отношение к окружающим), которые выражаются в удовольствии и радости от общения с близкими. Они проявляются также в том, что маленький ребенок «заражается» чувствами близких, начинает «сопереживать» их огорчения, плачет, если плачут они, радуется их радости. Постепенно проявления сочувствия, симпатии становятся все более явно выраженными. Вместе с тем постепенно также приобретают более разнообразный характер социальные связи ребенка с окружающими людьми. Близкие, их речь, обращение к нему, их общение с ним делаются для него все более и более значимыми, влияющими на его настроение и эмоциональные реакции.

Ребенок по мере своего развития научается постепенно лучше различать оттенки отношения в обращении взрослых к нему: ласку, порицание, похвалу, недовольство, требование, запрет, угрозу и т. д. Так начинают для него возникать известные «ориентир» для движений, действий, слов и т. д., что вызывает похвалу, недовольство, запрет, поощрение. В указаниях взрослых, подкрепленных соответствующей интонацией голоса,

выражением лица и т. д., появляются такие категории слов, как «можно», «нельзя», «надо», «хорошо», «плохо», «стыдно» и т. д. Это относится и к его действиям и к произносимым словам, к его играм, обращению с окружающими и т. д. Вообще, его поведение, действия в результате успешности или неуспешности осуществления возникших у него целей и в зависимости от оценки его действий и поведения окружающими людьми окрашиваются положительными или отрицательными чувствами.

Отношение окружающих к его действиям становится для него все более и более важным. В этом смысле похвала или порицание людей, которые являются для него авторитетными, очень влияют на его самочувствие. Оценка действий становится важным элементом в его поведении и порождает в силу его небезразличия к этим оценкам чувства, положительно (если его хвалят) и отрицательно (если его осуждают) окрашенные.

«Получив одобрение взрослых,— пишет Р. Ибрагимова о детях 3—4 лет,— за какой-либо хороший поступок — выполнение сильного поручения, уступку другим детям игрушки, проявление сочувствия к ним,— ребенок как-то необычно сдержанно оживляется, на лице его появляется застенчивая улыбка: он испытывает чувство удовлетворения. Если же ребенка осуждают за недозволенные поступки, он краснеет, опускает глаза, нередко на них появляются слезы: он испытывает чувство неловкости и стыда...

Эти эмоциональные состояния — чувства удовлетворения, неловкости и стыда — вызываются не внутренней оценкой своих поступков самим ребенком, а оценкой, которую он получил со стороны взрослых...

В более старшем возрасте — на пятом-шестом году жизни — описанные эмоциональные состояния выражаются иначе и начинают переживаться ребенком в процессе этих действий и поступков.

Совершая хороший поступок,— помогая другим людям, удовлетворяя их просьбы, воздерживаясь от недозволенных действий,— ребенок испытывает чувство внутренней радости. Проявляется она в своеобразных оттенках действий ребенка: он охотно берется за выполнение поручений и требований взрослых, делает их с

довольным видом, а выполнив, с достоинством заявляет об этом, взрослым»¹.

Самая возможность положительной оценки взрослых, похвалы, ее ожидание может даже сделаться мотивом поступка ребенка, когда он становится старше. Интересный факт сообщает М. Н. Волокитина: «Семилетний Женя В. сказал, что он по десяти раз читает заданные рассказы. На вопрос: почему так много? — последовал прямой ответ: «Хочу, чтобы меня каждый день хвалили»².

В связи с тем, что у ребенка с годами появляются некоторые элементы самопознания, оценка окружающими его поступков начинает превращаться для него в оценку его собственной личности и порождает переживания нового рода. Об этом пишет М. Н. Волокитина: «Митя... старательно учился, настойчиво доводя до конца каждое задание, и всегда с волнением ждал оценки своей работы. Получив похвалу, весь расцветал и еще усерднее брался за дело; не отмеченный учительницей, замыкался в себе. На наш вопрос, почему он так любит, чтобы его хвалили, Митя ответил: «Когда меня М. К. (учительница) хвалит, тогда я знаю, что я хороший»³.

Важно отметить, что в характер переживания таких чувств входит новый момент — речь идет не только о непосредственном реагировании на произнесенную оценку, об ожидании похвалы за сделанное, но и о том, что в самое содержание переживания по поводу отдельных совершаемых действий начинает входить как компонент осознание оценки такого действия окружающими: хорошо, плохо и т. д. Это изменение происходит наряду с процессом осознания некоторых положений нравственности. Интересны в этом отношении наблюдения Р. Ключаревой:

«В одном из сельских детских садов Горьковской области мы наблюдали, как дети собирались на прогулку. Мальчуган лет шести заботливо помогал маленькой девочке. Застегнул пальто, завязал платок, надел варежки, взяв ее за руку, встал у входа. Кто-то из взрослых

¹ Р. Ибрагимова, Первые зачатки чувства долга у детей, журн. «Дошкольное воспитание», 1955, № 7, стр. 32—33.

² М. Н. Волокитина, Очерки психологии младших школьников, изд-во АПН РСФСР, 1955, стр. 32.

³ Там же, стр. 32—33.

спросил: «Это сестренка твоя?» Ребенок удивленно посмотрел на нас и ответил: «Нет, не сестренка! Просто маленькая». И добавил: «Маленьким надо помогать»¹.

Социальные оценки, требования, которые ребенок узнает от взрослых, являются для него положениями, которые предполагают подчинение им. Это для него внешние нормы, которым обязательно надо следовать (одни более обязательные, другие менее обязательные, это он узнает по тому, как произносится указание). «Нельзя бить маленького»; «Нельзя обижать слабого», «Не смей говорить неправду» и т. д.—такие указания становятся для ребенка все более понятными. Они выступают как требования, которым он должен следовать.

Но он узнает не только требования, он узнает в общении с людьми ласку, похвалу за свои хорошие действия и поступки. И такая похвала, возможность хорошей оценки, связанной с переживаниями радости, благодарности, нежности, застенчивости и т. п., становится существенным моментом в его жизни. И в силу этого внешние требования начинают превращаться для него уже во внутренние, близкие ему. В процессе познания человеческих отношений, оценок поступков, своих действий и действий его сверстников, выявленных в интонации, выражении лица окружающих (в них передана укоризна, недовольство, осуждение, огорчение, радость, гордость за него, одобрение, ласка, нежность и т. д.) — эти требования, выступающие сперва в очень конкретном виде, а потом в более обобщенном, начинают постепенно превращаться в мотивы его поступков. Положительно или отрицательно окрашенная оценка его действия в зависимости от социального значения этого действия и ее результата становится для него уже движущим началом, мотивом действия, тоже эмоционально окрашенным. Внешние требования, которые предъявляются обществом к его поведению, начинают тем самым превращаться во внутренние требования к себе самому. И ребенок уже сам хочет помочь маленькому, хочет сказать правду, хотя он и боится наказания за проступок и т. д.

¹ И. Р. Ключарева, О поведении детей, Учпедгиз, 1954, стр. 65—66.

Усложнение отношений с окружающими, рост знания общественных требований к поведению людей, собственная практика действий ведет к тому, что в растущем человеке начинают формироваться нравственные чувства в собственном смысле слова; в них социальное начало получает наиболее яркое выражение. Вообще говоря, хорошие по своему объективному результату чувства и побуждения ребенка (когда он проявляет симпатию к сверстнику, сочувствие его горю, утешает его и т. д.) являются еще только предпосылкой для собственно нравственных чувств. Когда на основе таких социальных чувств уже усвоенные нравственные нормы превращаются во внутреннее достояние растущего человека, тогда-то и проявляются нравственные чувства. Они связаны с появлением переживаний специфического характера. Появляются переживания и побуждения, которые на более позднем возрастном этапе осознаются как веления долга, а пока испытываются как необходимость сказать правду, помочь товарищу и т. д. Возникают переживания неудовлетворенности, стыда, если не выполнил то, что надо было выполнить, появляются угрызения по поводу того, что не сделал так, как следовало бы.

Появление новых требований заставляет отнестись к себе по-новому, это приводит к тому, что у ребенка, подростка начинает формироваться отношение к своим чувствам и к самому себе.

В дальнейшем процесс развития чувств будет уже заключаться в расширении круга объектов, на которые направляются нравственные чувства, в укреплении группы чувств, образующих стержень морального сознания человека, а также в большем осознании нравственных положений, установленных обществом.

Появление нравственных чувств влечет за собой то, что у ребенка, подростка могут возникать конфликты между его побуждениями и нравственными чувствами, борьба между эгоистическими желаниями и чувством долга.

Любой случай, когда ребенок находит в себе мужество признаться в неблагоприятном поступке, хотя это ему и тяжело, когда подросток подавляет страх, чтобы сделать то, что он считает достойным, свидетельствует о той борьбе, которая происходила в нем. И чем острее

была эта
ственным
Это уж
ла в чув
удовлетво
ляет нрав
что ребен
жающими
ним.

В этом
сказывает

«Джан

В школу н
ты не заб

ги? — А те

нул и гово

В этот веч

будто случ

«Лгун» о п

помог мне

вниматель

время я з

книгой и п

Нет, — сказ

Он подоше

мне и спря

ма! Больше

Мамочка, я

в школу на

Зачем ему?

ему не дам

сит. — Да ть

но. — Вот не

трус. — Джан

никак не ож

не давай себ

И Джаник с

Так, благ

лика укрепл

ства — его сс

была эта борьба, тем сильнее становится чувство нравственного удовлетворения от победы над собой.

Это уже новый момент в развитии социального начала в чувствах растущего человека, так как моральное удовлетворение от победы над плохим не только укрепляет нравственные основы в нем, но и приводит к тому, что ребенок особенно живо ощущает свою связь с окружающими, верит в их одобрение, чувствует близость к ним.

В этом отношении интересен случай, о котором рассказывает К. В. Махова:

«Джаник попросил у меня рубль.— Зачем тебе? — В школу нужно. На другой день спрашиваю: «Джаник, ты не забыл отдать учительнице деньги? — Какие деньги? — А те, которые ты у меня взял вчера.— Он вспыхнул и говорит:— Отдал. Я поняла, что он мне солгал. В этот вечер я раскрыла книгу Л. Н. Толстого и как будто случайно прочитала детям маленький рассказ «Лгун» о пастушонке, сторожившем овец. Этот рассказ помог мне начать беседу о лжи... Дети слушали меня внимательно, а Джаник с волнением. Через некоторое время я заметила, что Джаник сидит перед открытой книгой и плачет.— Что с тобой? Болит что-нибудь? — Нет,— сказал он и продолжал плакать.— Иди сюда.— Он подошел, не переставая плакать. Потом бросился ко мне и спрятал заплаканное лицо у меня на груди.— Мама! Больше не буду.— Я спросила:— Что случилось? — Мамочка, я тебе неправду сказал вчера. Эти деньги не в школу надо было, а мальчику из старшего класса.— Зачем ему? — На папиросы. Он сказал мне, что если я ему не дам денег, он отнимет у меня портфель и забросит.— Да ты, оказывается, трус! — Сказала я удивленно.— Вот не думала, что Джаник, мой старший сын,— трус.— Джаник сразу перестал плакать... Видимо, он никак не ожидал этого...—Никогда никого не бойся и не давай себя в обиду... Обещай мне никогда не лгать... И Джаник сдержал свое обещание»¹.

Так, благодаря переживанию нравственного конфликта укрепляются в ребенке, подростке моральные чувства — его совесть.

¹К. В. Махова, О воспитании в семье, Учпедгиз, 1954, стр. 47—48.

Нравственные оценки поведения, предложенные ребенку обществом (в лице его родителей, воспитателей) для руководства ими в своих поступках превращаются в его собственные, внутренние оценки и включаются в переживание им его отношения к тем или другим действиям и поступкам. Эти внутренние нравственные оценки пронизывают содержание испытываемых чувств. В результате такого превращения общественных оценок в личные они не только становятся мотивами действий ребенка, но и приобретают качество «непосредственного» чувства, могущего захватить его целиком. Но эта «непосредственность» на самом деле есть плод серьезного развития, которое прошел ребенок.

О характере таких непосредственных, сильных нравственных переживаний говорят некоторые автобиографические материалы писателя А. И. Эртеля и революционера П. А. Кропоткина.

А. И. Эртель пишет: «Одним из страшнейших воспоминаний моего детства осталось такое происшествие. Дворовые ребята поймали какую-то собаку и отрубили ей хвост. Я отбивал собаку у мучителей, бросался на них, кричал, валялся по снегу, и когда увидал кровавый кусок на снегу, упал почти без чувств — по крайней мере, меня на руках принесли домой»¹.

Свидетельство П. А. Кропоткина об одном из острых нравственных переживаний детских лет важно потому, что в нем раскрывается то, как начинали формироваться качества будущего нравственного облика П. А. Кропоткина, которые привели к тому, что он, отказавшись от блестящей карьеры, почестей и богатства, встал на путь революционера. Кропоткин рассказывает о следующем эпизоде из жизни в родительском доме. Это происходило еще в период крепостного права.

«...Отец не желает угомониться. Он призывает на-стройщика и поддворецкого Макара и вычитывает ему все недавние проступки и прегрешения. Макар на прошлой неделе напился и, наверное, был пьян вчера, потому что разбил несколько тарелок. В сущности разбитые тарелки были первопричиной всей тревоги... Отец продолжает кричать, что хамово отродье заслуживает всяческого наказания.

¹ Письма А. И. Эртеля, Автобиография, М., 1909, стр. 9—10.

Внезапно наступает затишье. Отец садится за стол и пишет записку. «Послать Макара с этой запиской на съезжую. Там ему закатят сто розог».

В доме ужас и оцепенение.

Входит Макар, бледный, с искаженным лицом. Отец глядит в тарелку...

Слезы душат меня. После обеда выбегаю, нагоняю Макара в темном коридоре и хочу поцеловать ему руку; но он вырывает ее и говорит не то с упреком, не то просительно:

— Оставь меня; небось, когда вырастешь, и ты такой же будешь?

Нет, нет, никогда¹.

Как мы видим, происходят серьезные изменения в самом характере чувств, в их переживании, в их связи с формирующейся личностью.

Социальные оценки явлений окружающей жизни, поведения людей, их поступков, их облика, ставшие уже личными оценками, относятся не только к категориям морали (хорошо — плохо, благородно — подло и т. д.), но и к категориям прекрасного (красиво — некрасиво, прекрасно — безобразно и т. д.). Так формируется моральное сознание, делающееся источником нравственных чувств, так формируется эстетический вкус, проявляющийся в эстетических переживаниях и оценках. На основе многообразной практики действий и поступков чувства приобретают черты обобщенности, т. е. они связываются не только с отдельным частным случаем, а становятся уже определившимся эмоциональным отношением к целому ряду случаев этого рода. Этот процесс проходит за годы превращения ребенка в подростка и подростка в юношу.

Следует подчеркнуть, что в процессе «социализации» чувств наиболее отчетливо выявляются некоторые существенные сдвиги, которые происходят в эмоциональном мире растущего человека. Речь идет не о том, что чувства становятся слабее или сильнее, переживаются бурно или с известной сдержанностью, но о том, что некоторые чувства начинают переживаться по-иному. Это связано с процессом формирования личности ребенка,

¹ П. А. Кропоткин, Записки революционера, изд. «Academia», 1933, стр. 41—42.

дифференциацией некоторых чувств по их значимости для него. Рост самопознания делает такую дифференциацию все более отчетливой. Человек осознает, какие чувства являются случайными, какие значительными. Социальные чувства начинают занимать все более и более существенное место в его личности. И этим они влияют на формирование самой личности растущего человека.

* * *

Мы ставили перед собой задачу охарактеризовать некоторые тенденции, которые присущи процессу изменения эмоциональной сферы растущего человека. Но такая характеристика является, конечно, неполной.

Нельзя забывать того, что за годы жизни человека происходят большие сдвиги во всей его личности: появляются новые потребности, интересы, привязанности, меняется его самосознание. Целый ряд предметов и явлений, которые на одних возрастных этапах порождают сильные чувства (различные игрушки в разные годы детства), на других — этих чувств не вызывают. Вместе с тем возникают чувства, которых в более ранние периоды своей жизни человек совсем не знал (острые нравственные переживания, эстетическое наслаждение, влюбленность и др.). При этом характерно, что ■ каждый возрастной период появляется группа чувств, которая наиболее полно выражает особенности людей данного возраста (эмоциональный мир подростка, юноши).

Существенной закономерностью в ходе созревания человека является рост его самосознания, который приводит к тому, что он по-новому начинает оценивать свои чувства. Такой же характерной закономерностью является все более отчетливое развитие его высших чувств (нравственных, эстетических, интеллектуальных, практических) в связи с ростом познания действительности и социальных отношений, углублением познавательных и иных интересов, в связи с изменением жизненной позиции в ходе его превращения из ребенка-дошкольника в школьника-подростка и юношу. Изучение всех этих существенных сдвигов в эмоциональной жизни растущего человека, связанных с изменением его конкретных чувств, является уже большой и специальной темой для рассмотрения. Ее мы здесь не касаемся.

МЕТОД

Предс

если мы
ние чувств
субъектив
их научно
того чтобы
ные сторон
издавна о
настойчиво
это изучени
знания, инс
рению вопро
ствительно

Каково
ваний в обл
используютс
новые факты
При расс
дования в ра
знать, что
изучения так
мяти и т. д.
в ряде други
вых, со зна
эксперимента
более точный
Это прои
нальную сфе
18*

ГЛАВА 8

МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ ЧЕЛОВЕКА

Представление о психологии чувств будет неполным, если мы не коснемся вопроса об их изучении. Своеобразие чувств, их изменения и процессе переживания, их субъективность требуют выяснения того, как же можно их научно изучать, какими методами пользоваться, для того чтобы уловить существенные, а не второстепенные стороны чувств. Во введении мы отмечали, что уже издавна область человеческих чувств была предметом настойчивого внимания и изучения. Однако не всегда это изучение продвигало психологию по пути научного знания, иногда оно приводило к предвзятому рассмотрению вопроса, не охватывало того, что является действительно важным в сфере чувств.

Каково же современное состояние научных исследований в области чувств, каковы пути и приемы, которые используются в этих исследованиях, какого характера новые факты удастся при их помощи добывать.

При рассмотрении развития приемов научного исследования в различных разделах психологии следует признать, что изучение эмоциональной сферы отстает от изучения таких областей, как процессы восприятия, памяти и т. д. По сравнению с исследованием эмоций мы в ряде других областей психологии встречаемся, во-первых, со значительно более развернутым применением эксперимента, а во-вторых, самый эксперимент носит более точный характер.

Это происходит по нескольким причинам. Эмоциональную сферу человека трудно изучать потому, что

эмоциональные процессы не легко поддаются вычлени-
нию и выделению из всего многообразия психических
процессов. Эмоциональные процессы имеют комплекс-
ный характер в том смысле, что не выступают в «чи-
стом» виде, изолированно (в одном случае такое-то чув-
ство, потом другое, потом настроение), а многие эмо-
циональные процессы протекают слитно. При этом мы
встречаемся с постоянными переходами одной формы
эмоциональных процессов в другую. Наконец, нельзя
забывать, что эмоциональные процессы характеризуют-
ся большим многообразием. К этой области относят на-
строения, кратковременные переживания, устойчивые
чувства и привязанности, аффективные состояния, фо-
бии, длительные конфликтные состояния и т. д.

«Текучесть» эмоциональных процессов приводит к
тому, что симптомы их изменяются и они являются
очень разнохарактерными по своим качествам.

Мы сталкиваемся с резко выраженными аффектив-
ными состояниями, которые выступают так явно, что
воспринимаются отчетливо любым человеком, и встре-
чаемся с переживанием высших чувств (нравственных,
эстетических и т. д.), которые почти не выражаются в
четко воспринимаемых внешних симптомах и поэтому
требуют для своего понимания тонкой интерпретации
как прямых, так и косвенных данных, относящихся к
особенностям характера, привычек, поведения человека
и т. д.

Если сказанное говорит о трудностях научного изуче-
ния эмоциональной сферы, то оно совсем не означает,
что принципиально в этом разделе психологии нельзя
добиться таких же результатов, как в других ее разде-
лах.

Мы ставим перед собой задачу осветить пути и ме-
тоды изучения эмоциональной сферы. Прежде чем пе-
рейти к изложению этих методов, необходимо уточнить,
каковы те источники, благодаря которым мы получаем
материал для изучения эмоциональной жизни человека.

Условия развития психологии как науки, те измене-
ния, которые претерпели способы ее подхода к предмету
изучения, сказались на вычлениении источников познания
эмоциональной жизни человека.

В период господства интроспективной психологии
(основанной на данных самонаблюдения) основным ис-

точником получения нужных знаний об эмоциональной жизни (даже при эксперименте) признавались показания человека о своих чувствах и переживаниях.

Когда на определенном этапе развития науки появилась так называемая «объективная» психология, поставившая во главу угла изучение данных об эмоциональной жизни, которые могут быть получены независимо от показаний самого человека, тогда основным источником оказались особенности и симптомы внешнего поведения. На самом же деле и тот и другой подход страдают односторонностью. Перед нами человек — социальное существо, существо, закономерно выявляющее свои чувства, эмоции как во внешних особенностях поведения, так и в тех или других словесных высказываниях о них. Эти данные представляют собой единство, которое можно подвергать расчленению только очень условно.

Но в ходе фактического развития психологии выделились эти два источника приобретения знаний об эмоциональной жизни человека и отчетливо возник вопрос о путях достижения большей убедительности данных, получаемых из указанных источников. Поэтому мы будем их рассматривать отдельно, учитывая условность разделения этих источников знания.

Первый источник — это замечаемые людьми симптомы эмоциональной жизни человека, которые проявляются в его облике, мимике, движениях, действиях, поступках, в поведении в целом, рассматриваемых как за краткий период времени, так и за более длительный срок. Эти симптомы относятся ко всей многообразной эмоциональной жизни как в ее мало заметных, так и в отчетливо выступающих формах. Они относятся как к оттенкам изменения настроения, так и к различным формам переживания человеком чувств, от мало значащих для него переживаний до глубоких эмоциональных потрясений.

Все эти симптомы улавливались издавна наблюдающим человеком. И в зависимости от умения «видеть» в них определенное содержание трактовка их носила то более поверхностный, то более глубокий характер. Теперь же на помощь наблюдателю приходят приборы, с помощью которых можно фиксировать те или другие стороны поведения человека в определенных условиях и ситуациях, т. е. его мимику, движения, действия, а так-

же речевые и звуковые реакции. Фото- и киноаппараты, магнитофоны и всевозможные комбинации таких приборов помогают получить материал, который характеризует проявления эмоциональной жизни человека.

Второй источник получения материала об эмоциональных процессах — это данные высказываний человека о своих переживаниях и эмоциональных состояниях. Принимая во внимание то, что в чувствах человека выявляется субъективное отношение личности к тем или другим явлениям действительности, что чувство *переживается* человеком, некоторым ученым представлялось, что единственным источником получения материала о чувствах являются лишь высказывания человека. Это не так. Однако нельзя и преуменьшать значения этого источника, а тем более его игнорировать, как это делали представители американской чисто «поведенческой» психологии (Уотсон).

Высказывания человека о своих переживаниях носят различный по своей значимости характер. Эти высказывания могут быть сделаны осознанно и могут носить произвольный характер. Они могут быть специально посвящены сообщению о своих переживаниях, чтобы поделиться ими с другими, а могут быть сделаны в связи с другими жизненными обстоятельствами. Они могут быть сделаны по ходу переживаний и могут носить характер воспоминания, которое более или менее отдалено по времени от реального переживания.

Часто суждения о характере эмоциональных состояний человека, его переживаниях опираются или на принятые симптомы, взятые изолированно, или лишь на высказывания человека о самом себе, взятые вне широкого психологического контекста. Необходимо заметить, что материал, получаемый из этих двух источников (взятых порознь или вместе), сам по себе еще не является тем, что может быть названо научным знанием. Мало помогает превращению его в научное знание, если даже такого характера материал относится не к одному человеку, а к некоторой статистической группе людей. Это еще только материал. Для того чтобы он превратился в данные, которые приобретают характер научного знания, он нуждается в серьезном анализе, в сопоставлении с целым рядом других моментов поведения и действиях человека, т. е. он нуждается в настоящей интерпре-

рации, подобно тому, как в такой интерпретации нуждается материал, фиксируемый приборами.

Мы встречаемся с широко распространенным среди некоторой части психологов мнением, что полученный путем наблюдения или в эксперименте новый факт или группа их являются уже научным знанием без того, чтобы они были осмыслены и вошли в систему положений науки. Но подобно тому, как историк на основе отдельных фактов должен восстановить картину исторических событий, вскрыть движущие силы, приведшие к ним, т. е. должен истолковывать эти факты, так и психолог должен, для того чтобы отдельные факты вошли в систему науки, подвергнуть их истолкованию.

Это надо учесть потому, что в ряде случаев мы встречаемся с упрощенным и недостаточно критическим подходом к фактическим данным, полученным из вышеупомянутых нами источников. Например, данные, полученные из опроса, охватывающего значительную статистическую группу людей (при некоторых тестах), могут оказаться убедительными лишь в том случае, если сам вопрос исследования был поставлен правильно и может дать верный, а не искаженный ответ и если самый ответ при этом может быть подвергнут анализу и истолкованию в свете более широких научных положений.

Мы можем вообще встретиться с отчетливым проявлением симптомов отдельного изолированно взятого переживания, которые кажутся очень ясными и бесспорными. Например, яркое выражение гнева, ярости, страха, восторга, замечаемое в особенно ясной форме у ребенка. Но наряду с этим — и это бывает гораздо чаще — перед нами проходит поведение человека в его сложном виде, когда в силу ряда причин и условий подавляется или маскируется то или другое выражение чувств. Человек скрывает свою привязанность к другому человеку, опасаясь его насмешки, или он подавляет свою неприязнь в силу тех или других причин. Динамика изменений чувства может также выступать в необычных формах. И для того чтобы вскрыть подлинный характер эмоциональных процессов, их содержания, силы, роли для личности, требуется анализ, сопоставление одних данных с рядом других данных, характеризующих человека вообще, требуется внесение поправок, объясняющих возникшие психологические отклонения и т. д.

Такого же рода критическое отношение должно быть и к сообщениям человека о своих переживаниях. В ряде случаев такое сообщение может адекватно передать действительное положение вещей, и нам ясны будут обстоятельства, при которых переживание возникло. Однако мы встречаемся с такими случаями, когда сообщение человека о своих чувствах не передает всей реальной картины переживания. Мы опускаем при этом те случаи, когда он намеренно, в силу каких-то соображений, хочет ввести окружающих в заблуждение по поводу своих чувств. Речь идет о другом — он стремится сообщить о том, что он на самом деле переживает, и вместе с тем может в этом ошибаться и прежде всего ошибаться в оценке силы переживания, а также значения данного чувства для его личности. Человек может ошибаться и в причинах возникновения данного переживания, а также в характере своих стремлений, которые вызвали у него именно такое переживание. Поэтому его сообщения нуждаются в проверке, в сопоставлении с другими материалами, характеризующими его облик и поведение в подобных случаях, в ситуациях, отличных от данной, и т. д. Иначе говоря — они нуждаются в соответствующем истолковании. Все это служит подтверждением положения о том, что получаемые факты, относящиеся к эмоциональной жизни человека, для того чтобы они приобрели характер научных данных, должны стать предметом анализа и интерпретации.

В первую очередь важно, чтобы эти факты были достоверными, а во-вторых, чтобы они были достаточно значимыми. Приемы научного исследования и ставят своей целью прежде всего получать проверенные факты, а затем дать им верное истолкование при правильном научном методе их изучения.

Но для того чтобы иметь правильное суждение о том, в какой мере адекватны существующие приемы научного исследования эмоциональной сферы и могут ли они в настоящее время дать в полной мере ответ на те вопросы, которые ставит перед психологией жизнь, существенно отдать себе отчет в том, какие стороны эмоциональной сферы человека подлежат научному исследованию.

Для установления качеств и особенностей, присущих чувствам человека, для вскрытия тех закономерностей,

которые характеризуют их течение, а также для того, чтобы иметь обоснованное суждение о том, в какой мере то или иное чувство входит как существенный компонент в психическую жизнь целостной личности, необходимо прежде всего найти научные пути для изучения *реального переживания*, которое человек испытывает в то или другое время. В реальном, непосредственно переживаемом чувстве нас интересует прежде всего его сила, интенсивность, а также степень захвата переживанием всего сознания человека и течение определенного времени.

В чем может проявляться такое переживание, имеющее различные градации начиная от слабого чувства и вплоть до яркого аффекта? Это может сказываться в вегетативных изменениях организма, в выразительных движениях, в характере всего поведения человека в целом (отсутствие у него внимания к обычным раздражителям, забывание привычных действий и движений, изменения в моторике, в регулировании своих действий и в его словесных реакциях). Существенным для изучения чувств является не только выяснение интенсивности испытанного переживания, но и выяснение того, что оно внесло в психическую жизнь человека. А это предполагает установление того, в какой мере оно отличается глубиной, в какой мере оно вошло в жизнь человека, т. е. каково «последствие» пережитого реального чувства. Это последствие может сказываться в изменении настроения, изменении поведения, в появлении новых склонностей, симпатий и антипатий, в образовании нового эмоционального отношения к какой-то группе явлений жизни. При исследовании этой стороны чувств возникает вопрос о критериях для суждений, о их обоснованности и вопрос о степени надежности таких критериев. Уже постановка вопроса о последствии чувства показывает, что изучение одной лишь эмоциональной сферы (вне более сложного контекста всей личности) мало что может дать для правильного научного ответа.

Но нельзя забывать, что изучение непосредственно возникающих реальных переживаний является только одной стороной эмоциональной жизни человека, а есть еще другая и при этом более важная сторона. Мы уже говорили, что термин «чувство» употребляется и двух

смыслах: как кратковременное переживание и как устойчивое, эмоциональное отношение, которое проявляется в различного рода переживаниях. И вот возникает вопрос о путях и методах изучения эмоционального отношения. Живой человек, находящийся в сложной системе отношений с окружающим его миром, обществом, людьми,— это существо, имеющее определенные потребности, желания, устремления, цели¹. И живой человек характеризуется наличием целого ряда видов эмоционального отношения к различным сторонам действительности.

Можно (не ставя перед собой задачу исчерпать наиболее существенные явления действительности, делающиеся объектом эмоционального отношения) в порядке простого перечисления назвать те явления, которые становятся объектом чувств человека. И это сразу даст представление о многообразии видов чувств, которые реальный человек испытывает.

Что же из окружающей действительности в силу обстоятельств жизни человека с его сформировавшимися потребностями, его жизнью среди людей в обществе затрагивает его эмоционально, становится объектом его эмоционального отношения?

Это семья (и отношения в ней); существо другого пола; товарищи (в учении, спорте, работе); материальное благополучие (жилье, питание), деньги; положение в обществе (понятом как узкая среда и в более широком смысле); работа (сама работа в ее особенностях и свойствах, коллектив, в котором эта работа протекает); собственный внешний вид; одежда; отношение к детям, к старикам, к больным, к еде, к книгам, спорту, искусству, к технике, к различным профессиям, к различным народам, к религии, к суевериям, к общественным деятелям, деятелям искусства, науки, техники, спорта, отношение к своему здоровью, лечению, к природе (море, горы, лес, реки), к путешествиям, отношению к родному краю, к городу, к стране в целом, к родине, к госу-

¹ Вопросу об отношениях человека к действительности и в частности эмоциональным отношениям уделяет большое внимание в своих последних работах В. Н. Мясищев (см. В. Н. Мясищев «Проблема отношений человека и ее место в психологии», журн. «Вопросы психологии», № 5, 1957; а также А. Г. Ковалев и В. Н. Мясищев «Психические особенности человека», т. 1, изд-во ЛГУ, Л., 1957.)

дарству, к законам, к нравам, правилам поведения и т. д.

Нами перечислены некоторые существенные объекты действительности, которые в определенные моменты жизни человека делаются предметом его эмоционального отношения.

Мы еще ничего не сказали о характере самого эмоционального отношения, а ведь оно может характеризоваться прежде всего своей интенсивностью, устойчивостью и неустойчивостью; это может быть мало выраженное и, наоборот, страстное отношение; оно может быть положительно окрашенным и отрицательно окрашенным.

Несомненно, что не все перечисленные объекты действительности являются предметом устойчивого эмоционального отношения человека. Некоторые из них являются для конкретного человека относительно безразличными, они порождают слабые и эпизодические чувства и притом в определенных обстоятельствах жизни. Другие же объекты являются очень небезразличными для него, порождают сильные переживания, являются предметом устойчивого чувства.

И если удалось бы вскрыть, какова та совокупность наиболее существенных объектов действительности, которые «затрагивают» человека определенной среды и воспитания, если удалось бы вскрыть, какова степень силы и устойчивости эмоционального отношения человека к разным явлениям действительности и какова дифференциация в характере силы и устойчивости этого отношения (в зависимости от самих объектов), то мы получили бы отчетливое представление о мире чувств личности. А если нам удастся проследить изменение разных видов эмоционального отношения человека в связи с изменениями процесса его жизни и его связей с окружающим, то мы получим представление и о динамике чувств человека.

Иначе говоря, выяснение того, какие виды эмоционального отношения наиболее значимы для человека (утрата каких людей, предметов, окажется, например, для него наиболее существенной), выяснение того, какова степень укорененности определенных чувств в его личности даст нам представление об особенностях его эмоциональной сферы.

Самое перечисление того обилия объектов, к которым человек проявляет небезразличное отношение, говорит о том, каковы трудности, стоящие перед исследованием эмоциональной сферы человека. Дело в том, что экспериментальные исследования в силу условий и организаций эксперимента, требований к его точности могут затронуть только ограниченный круг вопросов среди многих существенных компонентов эмоциональной жизни человека. Поэтому если эксперименты проводятся вне определенного широкого замысла, имеющего отношение к личности в целом, то они и приобретают лишь ограниченное значение для познания эмоциональной сферы человека.

Отсюда следует: для того чтобы более адекватно подойти к изучению эмоциональной сферы, необходимо, во-первых, найти и отобрать наиболее «представительные» объекты действительности (в их системе), вызывающие отчетливое эмоциональное отношение у человека определенной среды, воспитания и возраста. Исходя из этого, можно в результате изучения увидеть, каков эмоциональный мир человека по его содержанию. А во-вторых, надо уметь изучить самый характер и существо эмоционального отношения к каждому из этих объектов (и к их совокупности). Особенности эмоционального отношения и его сдвиги должны быть как бы «лакмусовой бумажкой», позволяющей судить о действительных чувствах человека как целостной личности. Но все эти задачи ставят вопрос о критериях, которые позволили бы с нужной убедительностью судить о чувствах человека и их характере.

Можем ли мы сказать, что современное состояние методов и приемов изучения эмоциональной сферы человека таково, что оно успешно преодолело те трудности, которые имеются в этой области исследования? Нет, такого ответа дать нельзя. Многие еще должно быть сделано.

Ставя вопрос о существующих путях и методах изучения эмоциональной сферы человека, важно отдать отчет в следующем. В зависимости от видов эмоций человека и характера тех целей, которые возникают при их изучении, различный характер носят и используемые приемы и методы изучения. Этим объясняется многообразие методов, применяемых в данном разделе психоло-

гии. В ходе ведущихся научных исследований этой сферы психики уже довольно отчетливо наметились те области ее, которые могут явиться и являются предметом научного изучения, дающего представление об эмоциональной жизни человека. Перечислим эти области:

1. Изменения вегетативных функций во время тех или других эмоциональных состояний (изменения дыхания, кровообращения, секреторной деятельности, биотоков тела, мозга и т. д.).

2. Изменения мимики, пантомимики, голосовой мимики во время переживаний разного характера и разной степени интенсивности.

3. Изменения поведения человека в целом: изменения в характере его деятельности, в способе ее осуществления, особенности его реакций на определенные воздействия (на людей и их поступки, на предметы, окружающие его, на события общественного характера и т. д.) в связи с появлением у него чувств той или другой сложности (при учете особенностей его личности — нормальной или же с патологическими отклонениями).

4. Изменения в эмоциональной жизни, раскрываемые в высказываниях человека о самом себе, т. е. данные о характере и содержании его переживаний в определенный отрезок времени (его нравственные, эстетические, практические и другие чувства), данные о его эмоциональном отношении к тем или другим явлениям жизни, выявленные осознанно или непроизвольно, в словах.

Особой областью изучения становится вопрос о характере понимания человеком эмоциональных состояний, чувств других людей (особенности такого понимания, его ошибки, условия обоснованности понимания), выразившиеся в его действиях и словесных реакциях.

Нами были названы те области изучения психики, которые в процессе развития науки более или менее определились. Само собой разумеется, что в процессе научного исследования могут подвергаться изучению факты одновременно из нескольких названных областей, могут применяться методы, которые охватывают данные из целого ряда названных нами разделов.

Как же изучаются эти области, какие применяются в них методы исследования, каковы границы их использования, каково значение получаемых данных для науч-

ной теории — вот вопросы, которые требуют ответа. В этой связи мы и хотим систематизировать те формы и приемы изучения эмоциональной жизни человека, которые применяются в целях получения научно обоснованных данных.

1. МЕТОДЫ И ПРИЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ ОРГАНИЗМА ДЛЯ СУЖДЕНИЯ О ХАРАКТЕРЕ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ

Изменения жизнедеятельности организма во время тех или других эмоциональных состояний доступны для исследования. Сдвиги в жизнедеятельности организма во время эмоциональных переживаний, отчетливо проявляющиеся в изменении дыхания, в побледнении, покраснении (изменения в деятельности кровообращения), в появлении слез, отделении слюны и т. д., замечаемые любым человеком, закономерно поставили вопрос об изучении этих изменений в связи с эмоциональными состояниями. Так возникли задачи систематического изучения дыхания, пульсовой кривой. Эти стороны жизнедеятельности изучаются уже давно (И. А. Сикорский, Дюма и другие). Но в процессе усовершенствования приемов физиологического исследования человеческого организма в методы изучения эмоций стали включать уже данные об изменениях кровяного давления. Новым моментом оказалось использование методов исследования различных видов секреторной деятельности и в связи с этим (частично) изучения химизма крови (Кэннон и его школа). Все более широкое применение получает изучение электрической сопротивляемости кожи (психогальванический рефлекс, открытый И. Р. Тархановым и Фере, работы В. Н. Мясищева, рис. 14 и 15). Наконец, за последние годы для изучения изменений жизнедеятельности организма во время эмоциональных процессов привлечено исследование биотоков мышц, мозга (см. на рис. 16, 17, 18 материал по фиксации на приборах такого рода данных).

Эти области изменения жизнедеятельности организма являются предметом многочисленных исследований (их несколько сот) за последние десятилетия. Работы, посвященные сдвигам в пульсовой кривой, в кровяном давлении, в химическом составе крови, характере секреции, биотоках во время эмоциональных процессов,

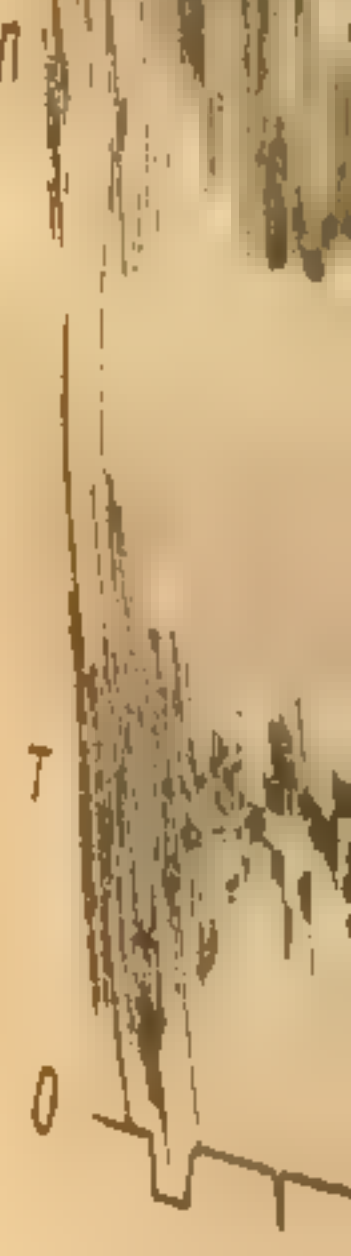

Рис. 14.
дается с
Г — галь
дыхания,

проводятся как
самые разнообраз
циональной ост
позволят получ
данных.

В последние
от изолированн
томов жизнедея
дыхания, только
ному и одновр
При помощи н
фа Дерроу) фи

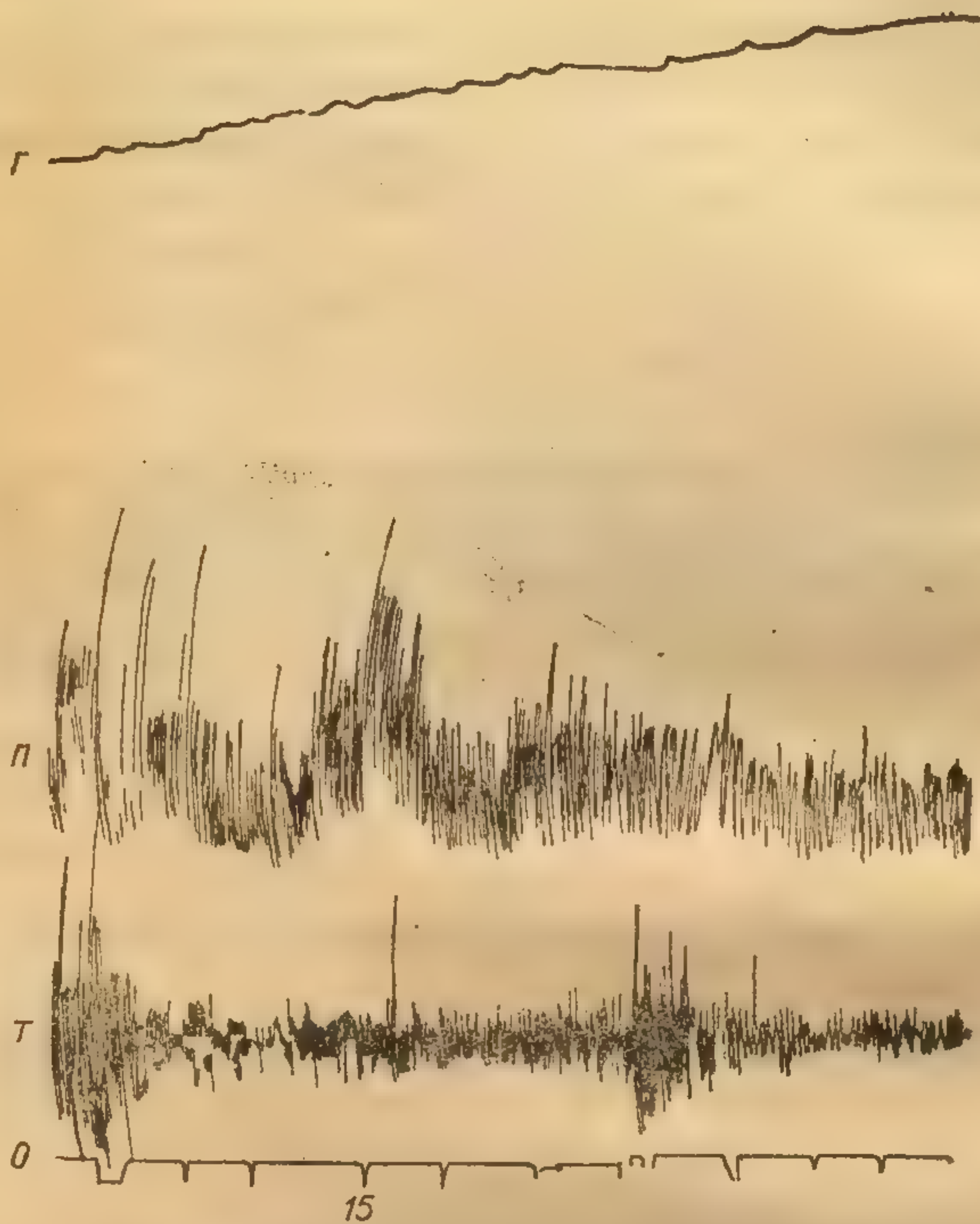

Рис. 14. При возбуждении и напряжении наблюдается снижение гальванической реактивности: Г — гальванограмма, П — пнеймограмма — кривая дыхания, Т — тремограмма, О — отметчик времени (по В. Н. Мясищеву)

проводятся как на животных, так и на человеке. Ищут самые разнообразные ситуации различной степени эмоциональной остроты и характера воздействий, которые позволят получать большое количество сравнительных данных.

В последние годы замечается тенденция к переходу от изолированного изучения изменений отдельных симптомов жизнедеятельности организма (только кривая дыхания, только кровяное давление и т. д.) к комплексному и одновременному изучению таких процессов. При помощи новых приборов (например, фотополиграфа Дерроу) фиксируется одновременно характер дыха-

ния, пульсовой кривой, кровяного давления, психогальванический рефлекс, тремор (дрожание руки) и, если нужно, время словесной реакции. Имеются и способы одновременной фиксации сочетания других физиологи-

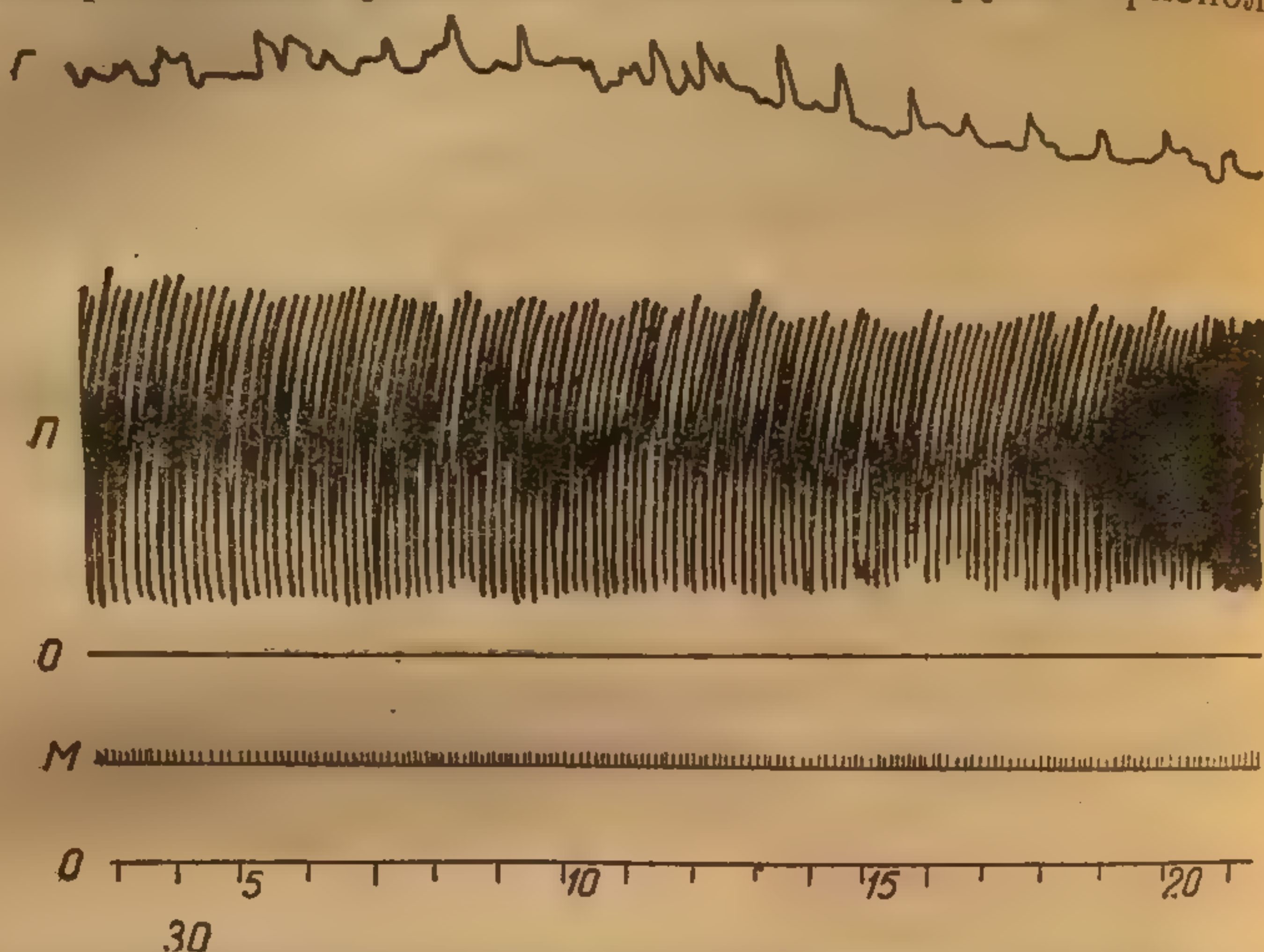

Рис. 15. Кривая нормального типа. Вариант малой дыхательной реактивности. Четкие, небольшие, но адекватные гальванические реакции (по В. Н. Мясичеву)

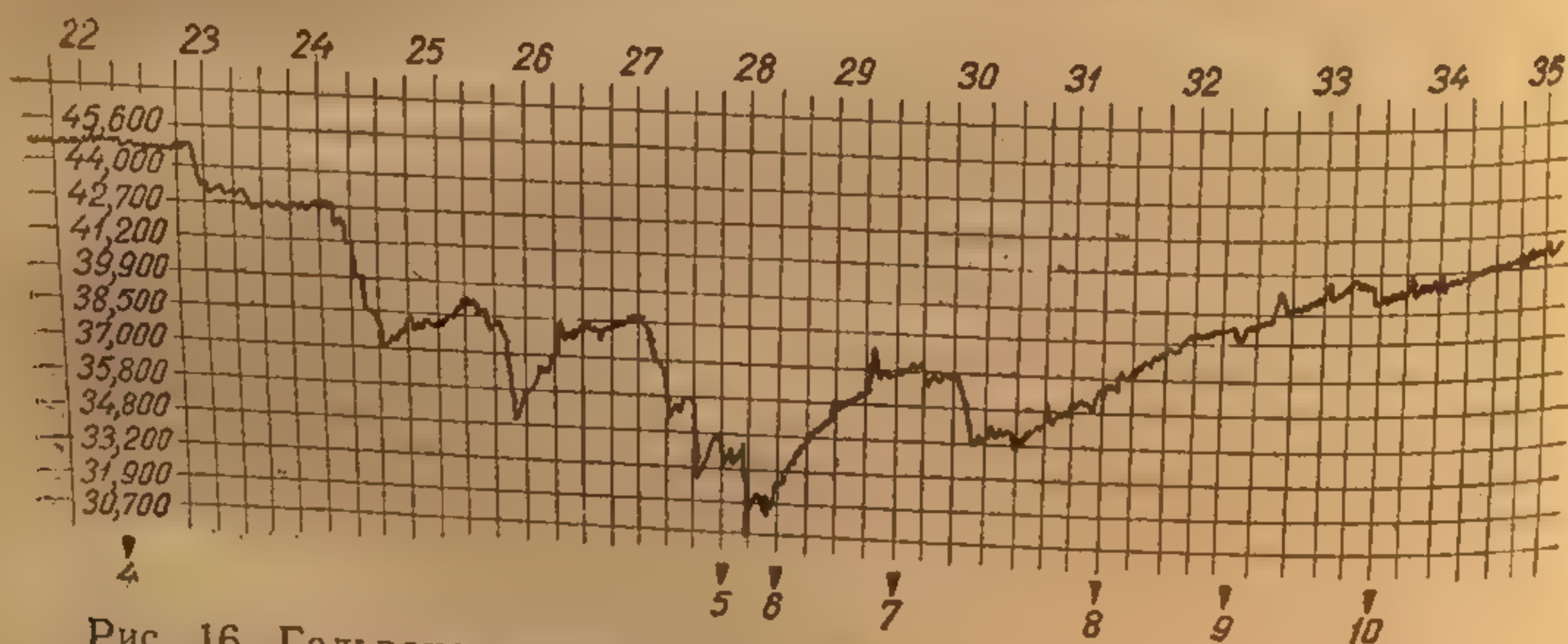

Рис. 16. Гальваногрaмма студентки 23 лет, записанная в момент восприятия ею драматических эпизодов кинофильма. Вертикальные линии показывают пятисекундные интервалы, а цифры слева электрическую сопротивляемость кожи в омах. Электрическая сопротивляемость кожи достигает наибольшего снижения (интервал 28), когда борющиеся противники, крепко сцепившись друг с другом, катятся с кручи к стремнине (по Ракмику)

Рис. 17. Электроэнцефалограмма у пациента, находящегося в состоянии сна. Видны характерные альфа-ритмы.

Рис. 18. Действие эмоционального стимула на электроэнцефалограмму (ЭЭГ). Счетовые транзисторные гальванометры на

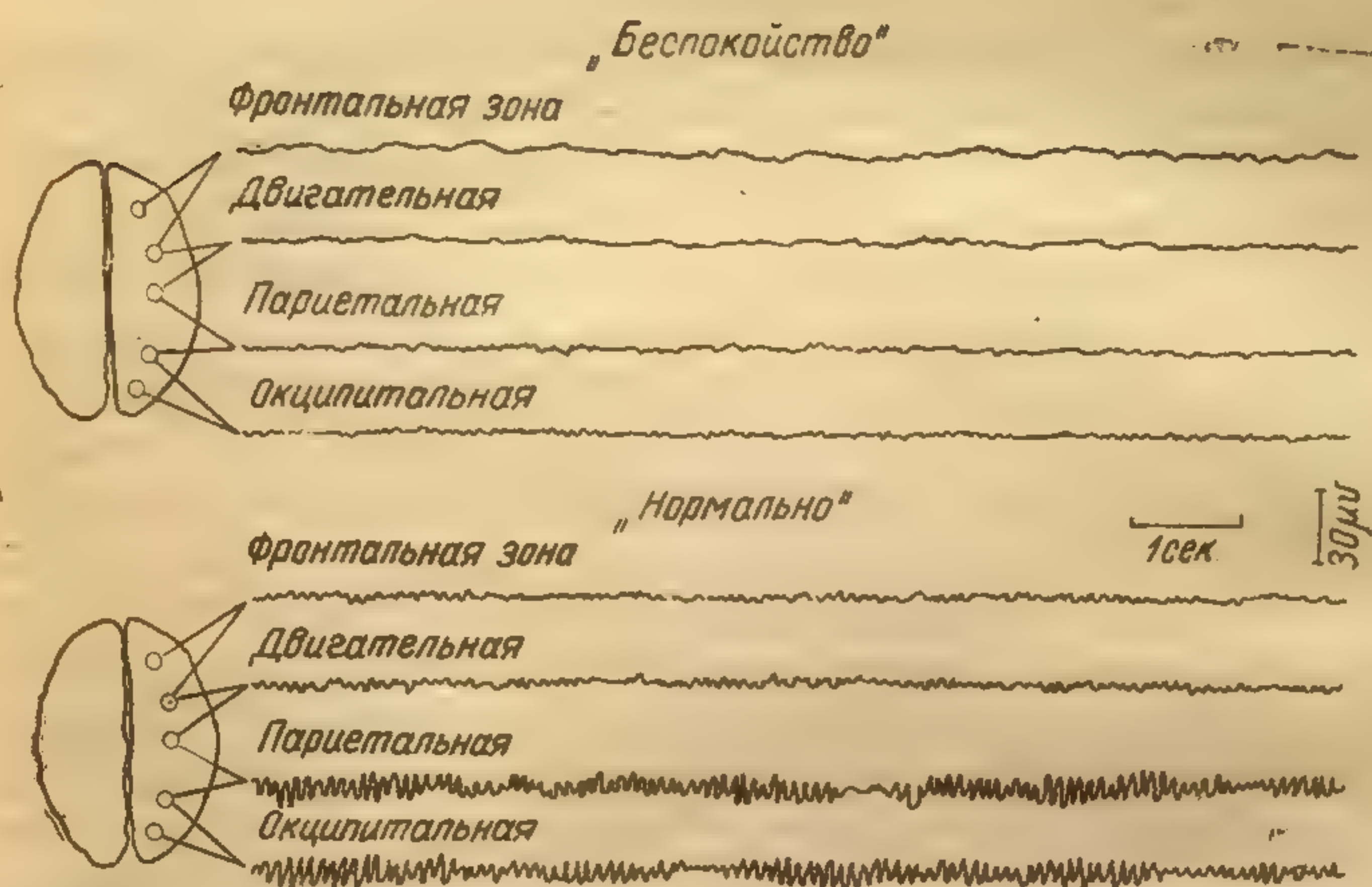

Рис. 17. Электроэнцефалограммы, показывающие отсутствие альфа-волн у пациента, находящегося в состоянии тревоги, наличие упорядоченных альфа-ритмов у человека в нормальном состоянии (по Линдслею, 1950)

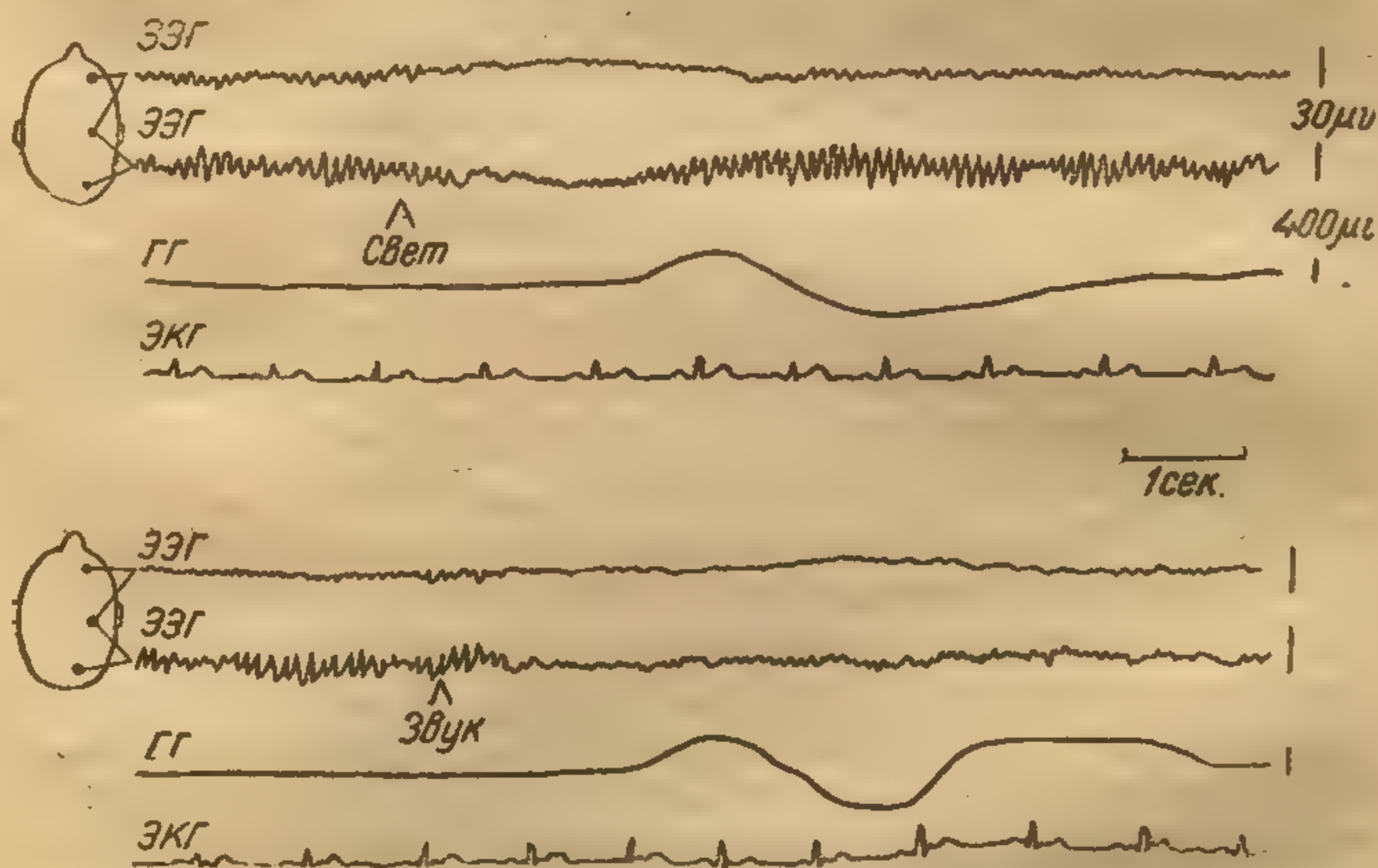

Рис. 18. Действие неожиданных стимулов (свет и звук), вызывающих эмоциональное возбуждение, на показатели электроэнцефалограммы (ЭЭГ), гальванограммы (ГГ) и электрокардиограммы (ЭКГ). Световые и звуковые стимулы блокируют альфа-ритм электроэнцефалограммы после латентного периода около 0,4 сек. Гальванорефлекс наступает после латентного периода от 1 до 1,5 сек. (по Линдслею, 1950)

ческих симптомов: например, электросопротивляемости кожи, биотоков мозга, работы сердца.

Таким образом, большое количество приемов физиологического исследования организма может быть применено и применяется для изучения эмоциональных процессов. Надо однако заметить, что изучение физиологических изменений может иметь реальное значение для психологического исследования эмоциональных состояний человека лишь тогда, когда они сопоставляются с показаниями самого человека и с характером объективной ситуации (вызывающей обычно эмоциональные реакции определенного характера). Почему это существенно? Почему нельзя (пока, по крайней мере) по физиологическим показателям делать прямое заключение о характере эмоциональных процессов у человека (он испытывает радость, грусть, печаль, злость, отвращение, презрение, беспокойство, страх, гнев и т. д.).

Как показывают факты, получаемые в исследованиях, физиологические данные имеют многозначный характер. Дело в том, что они в ряде случаев носят приблизительно одинаковый характер, в то время как переживаемые эмоциональные состояния по своему психологическому содержанию резко различаются. Получаемые показатели носят наиболее убедительный характер при изучении резких аффективных состояний (напомним об очень больших различиях в пульсовой и дыхательной кривых, при противоположных по своему характеру аффективных состояниях). В отношении же переживаний, значительных для человека (эстетическая радость при чтении хороших стихов, печаль по поводу разлуки с другом, разочарование в каком-то человеке, огорчение по поводу того, что не попал на концерт, неудовольствие, что не решил задачу и т. д.), но не острых по своему проявлению, эти показатели сами по себе могут дать немного. Они носят суммарный характер и могут быть близкими при испытании чувств, различных по своему предметному содержанию¹.

¹ То обстоятельство, что при незначительных по своей силе эмоциональных состояниях пульсовая кривая, например, дает показания не только суммарные, но и варьирующие, привело А. А. Казла-методике, к выводу, необоснованному и носящему гораздо более общий характер, чем позволяло его ограниченное исследование. Он

Возможно, что при использовании сочетания различных физиологических симптомов (проверяемых на достаточно убедительном материале словесных высказываний о характере испытываемых переживаний) со временем будут найдены более прямолинейные способы определения эмоциональных состояний по физиологическим показателям. Предположение, что физиологические симптомы могут показать, что человек солгал (так называемый прибор «Ляйдедектор» — «обнаруживатель лжи»), является примитивным, потому что человек может заволноваться и оттого, что он солгал, и оттого, что могут подумать, что он солгал!

Для правильного истолкования физиологических данных требуется не один, а ряд таких показателей, требуется анализ и сопоставление их с характером высказываний человека о себе самом и с объективной ситуацией (в смысле учета того, какие чувства обычно такая ситуация вызывает у человека). Почему нужен еще анализ ситуации. Приведем пример. Испытуемый перед прыжком с парашютной вышки говорит, что он ничего не боится, а вместе с тем показатели психофизиологического рефлекса говорят о резких сдвигах в его психическом состоянии. Следовательно, налицо состояние возбуждения, состояние волнения, может быть, переживание страха, как это обычно имеет место при подобных прыжках. Как мы видим из данного примера и показания человека, и показатели физиологического характера нуждаются в психологическом анализе¹.

писал: «Не менее ошибочным представляется нам и учение о выражении эмоций в процессах и движениях организма... Обыденное сознание, а за ним и сознание научное до последнего времени ставили чувствования в теснейшую связь с переменами в организме... Наш общий вывод гласит, что между всеми вообще чувствованиями и переменами в организме никакой прямой связи нет, следовательно вся симптоматика чувствований — сплошное недоразумение» (курсив автора).

«Психологическое обозрение», 1, 3—4, 1918, Москва, стр. 555—556.

Такого рода слишком широкое и незаконное заключение является примером того, что препятствием для подлинного развития науки об эмоциональной жизни является не только простое коллекционирование отдельных фактов, не получающих рассмотрения в научном контексте, но и построение целых теорий на основе незначительной группы данных.

¹ Следует учесть соображения о значении одних только физиологических показателей для определения характера психических про-

Высказывания людей о своем самочувствии, переживаниях в тех или других обстоятельствах, сопоставляемые с различными данными физиологического исследования, при учете объективной ситуации, позволяют получить научный материал об особенностях некоторых эмоциональных состояний и о тех физиологических симптомах, которыми они сопровождаются.

Мы говорили о приемах и методах изучения вегетативных процессов в организме во время переживания той или другой эмоции.

Теперь мы перейдем к рассмотрению собственно психологических приемов и методов исследования (они, конечно, могут совмещаться и с физиологическим изучением вегетативных процессов). В этой связи необходимо сделать несколько замечаний. Мы хотим систематизировать и классифицировать эти приемы в соответствии с теми разделами и сторонами эмоциональной жизни, изучению которых они служат. Но нельзя не учитывать следующих обстоятельств. Каждый прием исследования был порожден проблемой, которую ставил перед собой психолог, — проблемой, вытекающей из определенных теоретических положений. И вместе с тем, когда такой прием оказывается *научным приемом*, т. е. средством получения данных научного характера, то он приобретает уже свое, самостоятельное значение в том смысле, что может быть с успехом применен и для изучения других проблем. Надо отчетливо различать приемы исследования и характер истолкования материала, полученного при помощи этого приема.

Так, приемы экспериментального изучения эмоций в ситуации затруднения были первоначально порождены теорией К. Левина об аффектах и потребностях, но за-

цессов, которые высказывает В. Н. Мясищев, длительно и многообразно исследовавший характер психогальванического рефлекса в различных условиях деятельности и состояния здоровья человека. Он писал: «По гальванической реакции нельзя узнать содержания психического процесса; она представляет собой лишь один из показателей психической динамики; но психологическое освещение ее возможно только при учете того содержания, с которым оно связано. потому что стоит ее только оторвать от этого содержания, как она утрачивает психологический смысл» (курсив автора).

В. Н. Мясищев, Психологическое значение электрокожной характеристики человека, Сборник Гос. института по изучению мозга им. В. Бехтерева, т. IX, Л., 1939, стр. 180.

тем приобрели значение и для другого рода исследований. Метод «свободных ассоциаций», разработанный Юнгом, получает применение как в работах Фрейда и его последователей, так и в работах А. Г. Иванова-Смоленского, преследующих совершенно разные цели. Так называемые «проективные методики» порождены стремлением вскрыть отдельные стороны «глубинной» личности, но в руках прогрессивных психологов (Зазо, Бюрстен и другие) они дают возможность вскрывать отражение социальных отношений в сознании, в чувствах ребенка.

Речь идет о том, *чему служит* тот или другой прием исследования, решению каких задач способствует. Достаточно привести такой пример. Два автора, Стенли и Фридмен, известный прием использования неоконченных басен и картинок применили для совершенно предвзятой цели в своей работе о детях, названной «Эмпирические исследования комплекса кастрации и Эдипова комплекса» (1952).

Говоря о приемах и методах изучения эмоциональной жизни человека, надо отметить, что можно встретиться с приемами двух типов. Имеются попытки найти прямые индикаторы эмоций, чувств, аффектов человека и их качеств, сказывающиеся в вегетативных процессах, во внешнем выражении в целом, в высказываниях человека. И мы сталкиваемся также с приемами более тонкого характера, когда для вскрытия некоторых сторон эмоциональной жизни, не выявляющихся в таком прямом виде, ищутся объективные индикаторы косвенного порядка. В этом отношении интересна «сопряженная методика» А. Р. Лурия для изучения аффективных состояний (испытуемый одновременно с ответом в виде пришедшего в голову слова на заданное слово производит пальцем нажатие на пневматический приемник). Эта методика позволила вскрыть некоторые закономерности аффективных состояний.

Интерес представляют и некоторые «проективные методики»: Зазо, когда дети воображают себя животным; Дисперт, когда дети играют с набором кукол; Розенцвейга, когда дети сообщают, как бы они сами поступили, рассматривая определенную жизненную ситуацию, изображенную на картинке, и т. д.

2. МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА ПУТЕМ НАБЛЮДЕНИЯ ЗА ЕГО ПОВЕДЕНИЕМ И ОСОБЕННОСТЯМИ ВЫРАЖЕНИЯ ЧУВСТВ

Изучение поведения человека, выяснение характера его эмоциональных откликов на различные кратковременные или длительные воздействия окружающей жизни и рассмотрение того, как эти воздействия влияют на изменение его поведения, имеет серьезное научное значение, если такое изучение осуществляется с правильных позиций. Принципиально такое изучение позволяет получать нужный материал для суждения о характере и природе возникающих эмоциональных состояний и их причинах, об особенностях динамики при смене эмоциональных состояний. Выяснение эмоционального отношения человека (ребенка, подростка, взрослого) к тем или другим воздействиям действительности (определенного характера поступки и действия людей, события общественной жизни, явления искусства, известные предметы быта и т. д.) позволяет судить о некоторых чертах эмоциональной жизни индивида. При наличии достаточного количественного охвата оно дает возможность судить о чертах эмоциональной жизни, присущих определенным возрастным, социальным и т. д. группам — об их отношении к некоторым сторонам действительности.

Такое изучение эмоционального поведения человека в целом наталкивается на ряд трудностей и требует серьезного анализа тех симптомов, которые позволят действительно вскрывать существенные особенности эмоциональной сферы человека.

Прежде всего такое изучение для того, чтобы быть обоснованным, должно опираться на известную систему, в которой классифицируются формы поведения человека в многообразии его движений, действий и поступков, с учетом тех отклонений от обычно присущих человеку форм поведения, которые носят эмоциональный характер. Безусловно, когда психолог, психопатолог, педагог занимаются наблюдением за ребенком или взрослым, за здоровым или больным человеком, они исходят из известной системы представлений о том, какие сдвиги в поведении (в способе выполнения той или другой деятельности с более или менее отчетливо проявляющимися-

ся симптомами) свидетельствуют об изменениях эмоциональной жизни. Учет этих показателей в отношении их силы, характера последствий эмоций, выступают ли они в обычной форме, или же в формах, отклоняющихся от нормы,—все это позволяет судить об особенностях эмоциональной жизни.

Такая система, вырабатывавшаяся на основе многовекового опыта общения людей и наблюдения за человеком в процессе его возрастного развития, учебно-воспитательной деятельности, а также врачебной практики, имела тот недостаток, что она обычно не приобретала характера научной документации, поэтому итоги (то более, то менее содержательные) определялись мастерством наблюдательности психолога, врача или педагога. Такой характер имеют по большей части дневники отцов и матерей, которые систематически фиксировали различные явления в поведении их детей¹, или взвешиваемые наблюдения отдельных педагогов за коллективом класса, учебной группы и т. д. Очень ценным в таких дневниках является то, что наблюдения производятся в течение длительного срока и показывают динамику развития человека. Ценно также то, что наблюдение охватывает все формы проявлений эмоциональной жизни, т. е. перед нами проходит человек в целом.

За последние десятилетия наблюдение за поведением человека, его оттенками, их изменениями, выявление симптоматического значения этих оттенков для изучения психологии человека превратилось в научную проблему. Поэтому мы встречаемся уже с появлением таких схем, в которых классифицируются различные формы поведения человека. Имеются и схемы, которые охватывают проявления эмоциональной жизни; некоторые из таких схем приобрели характер документов, которые используются в наблюдениях психологов при изучении детей, подростков и т. д.

Несмотря на то, что наблюдение на основе этих схем приобретает черты систематичности и позволяет проводить отчетливое сравнение и сопоставление между различными наблюдаемыми фактами, оно имеет ряд недо-

¹ Укажем на содержательный «Дневник о развитии ребенка» Н. А. Менчинской, в котором психолог последовательно, с большой наблюдательностью фиксирует развитие ребенка от младенчества до восьмилетнего возраста (изд-во АПН РСФСР, 1948).

статков. Оно прежде всего, по преимуществу, носит эпизодический, а не длительный характер; наблюдение по жесткой схеме рассчитано на индивида с несложной эмоциональной жизнью (например, ребенка), так как оно преимущественно фиксирует стандартные симптомы проявления эмоций. Поэтому такое наблюдение не в состоянии вскрыть подлинное содержание эмоциональной жизни человека, хотя и позволяет увидеть известные закономерности, присущие ей. Нужно наблюдение иного типа, дающее возможность для содержательной интерпретации фактов в связи с особенностями личности.

Само собой разумеется, когда речь идет о наблюдении за поведением человека, то это наблюдение может быть пассивным в том смысле, что фиксируются лишь изменения в поведении человека в сложившихся жизненных обстоятельствах, а может быть и наблюдение, когда индивида намеренно ставят в определенные ситуации, подвергают его в естественной обстановке предусмотренным заранее воздействиям и рассматривают при этом характер его эмоциональных реакций. Такое наблюдение переходит по существу уже в эксперимент (в так называемый «естественный» эксперимент в отличие от лабораторного эксперимента).

Наблюдение за эмоциональной жизнью человека может носить кратковременный и длительный характер. Оно может преследовать цель выяснить особенности эмоционального реагирования на совершенно определенные воздействия у отдельного человека или у известной категории лиц, сгруппированных по возрастным, образовательным или каким-либо еще признакам. Такую задачу ставят перед собой в большинстве случаев психологи за рубежом, когда они стремятся охватить большую в количественном отношении группу лиц и проверить, как реагирует такая группа на определенное эмоциональное воздействие.

Но наблюдение может преследовать и другую цель — выяснить различные чувства человека, изменения их в ходе его развития. Это уже монографический подход к человеку, предполагающий (если только перед нами не маленький ребенок) общение с ним, беседы и т. д. как новое существенное средство для выяснения содержания его эмоциональной жизни, характера отношения

его к различным явлениям действительности. Очень важно подчеркнуть принципиальное значение монографического изучения эмоциональной жизни человека потому, что оно дает возможность брать человека в полноте проявлений его как личности и тем самым подходить к действительному содержанию его чувств.

Именно при таком подходе открывается возможность углубленного познания эмоциональной жизни человека, так как такой подход создает основу для ее настоящего научного истолкования.

При использовании ряда тестовых методик из-за погони за количественными данными (а для целей однозначного учета приходится выбирать по преимуществу стандартные симптомы) получается или подтверждение уже давно известного, или лишь отдельные новые факты (в ряде случаев очень незначительные), но не обеспечивается их настоящей научной интерпретаций, так как «научность» исследования ограничивается лишь способом получения и подсчета самих фактов. Только из углубленного наблюдения и изучения человека могут возникнуть разумно поставленные вопросы уже для широкого количественного изучения отдельных проблем эмоциональной жизни.

Трудности наблюдения заключаются в том, что оно может носить недостаточно достоверный и объективный характер. Этим объясняются попытки разработать принципы наблюдения, выработать систему признаков, по которым будут классифицироваться встречаемые факты.

Эти трудности ведут и к поискам достаточно благоприятных условий для такого наблюдения. Иначе говоря, чтобы оно проводилось без препятствий, чтобы было устранено все, могущее затемнить картину наблюдаемого явления.

В этой связи встал вопрос о необходимости учитывать при наблюдении ряд психологических особенностей человека. Опыт показывает, что если человек замечает, что за ним наблюдают, ведут какие-то записи, то он (даже ребенок) начинает вести себя по-иному. Для устранения этого влияния теперь в ряде лабораторий, где проводятся исследования детей, применяют вделанный в стену непрозрачный экран, позволяющий наблюдателю видеть наблюдаемых и в то же время скрывающий его от них. В ряде исследований (в том числе с искус-

ственно создаваемой ситуацией), посвященных ясельным детям, дошкольникам, школьникам и т. д. и их эмоциональной сфере, используется такой экран. Подобное наблюдение, иногда проводимое для большей объективности не одним, а сразу двумя наблюдателями (для сопоставления), может подкрепляться еще записью на приборах: фото-или киноаппарат фиксирует отдельные действия, а магнитофон записывает звуковые и речевые реакции во время игр, общения со сверстниками, во время действий с привлекающими к себе внимание вещами и предметами и т. д. Такое наблюдение может быть посвящено поведению, например, ребенка в целом, т. е. всем характерным чертам его эмоциональных проявлений в определенных условиях воспитания¹. Оно может быть посвящено и отдельному проявлению эмоциональной жизни (гневу — работа Гуденаф, улыбке, как описано в работе Эмс, или формам эмоционального общения, как это имело место в работах Леруа-Бусьона, которые упоминались нами ранее).

Таким образом, предметом наблюдения могут стать и отдельные стороны экспрессии.

Экспрессия человека, его мимика, пантомимика и голосовая мимика при тех или других воздействиях на него стала предметом наблюдения (и эксперимента) довольно давно. Достаточно напомнить, что наблюдение за изменением мимики и пантомимики при определенных эмоциональных воздействиях было проведено Дарвином, когда он готовил свой труд «О выражении

¹ Для примера упомянем исследование Томпсона «Социальное и эмоциональное развитие дошкольников в условиях двух типов программ по воспитанию» (Thompson, The Social and Emotional Development of Preschool Children under Two Types of Educational Program, Psychological Monographs, vol. 56, 1944, № 5), заключающееся в том, что ■ двух детских дошкольных группах (при одинаковой программе занятий, игр и т. д.) один и тот же воспитатель ■ одной группе проявлял теплоту в обращении с детьми, помогая им советом, а в другой общался с детьми лишь тогда, когда они обращались к нему. Действия детей и стали предметом длительного наблюдения. Наблюдения проводились по следующим разделам: 1) участие ребенка в социальном общении, 2) стремление быть вожаком среди детей, 3) нервные привычки. Наблюдения были посвящены также и действиям детей при неудаче (пытается сам сделать; обращается к другому и просит помощи; разрушает сделанное) и их эмоциональным особенностям (интерес, безразличие, смех, недовольство, слезы, крик, гнев).

чувств у человека и животных» (1872). Дарвин через своих помощников, добровольных корреспондентов в разных странах, собирал такой материал по определенному вопроснику о народах с различным бытом, культурой и т. д.

С тех пор наблюдение мимики и пантомимики получило более распространенный характер благодаря использованию приборов и возможности создания экспериментальной ситуации. В ряде работ, выясняющих особенности и оттенки мимики и пантомимики при определенных условиях воздействия, используются такие технические средства (Лерш, Штреле и другие). Все эти технические средства, фиксирующие на любой срок изменения мимики и пантомимики, позволяют гораздо более детально производить соответствующий качественный и количественный анализ некоторых сторон внешнего выражения эмоций. Особо надо отметить изучение голосовой мимики (хорошо поставленное в исследованиях Сишора). Наблюдения за экспрессией голоса певцов, актеров и людей, не имеющих отношения к искусству, зафиксированные приборами, позволили не только установить характерные признаки, присущие выражению той или другой эмоции (соотношение длительности, высоты звука, пауз, темпа, ритма речи), но и позволили вскрыть на основе анализа материалов фонограмм некоторые особенности эмоциональной выразительности голоса. Для примера укажем на явление вибрато, имеющее место при эмоциональной наполненности произносимых звуков (вибрато заключается в периодическом повышении и понижении высоты тона, увеличении и уменьшении его громкости. Такие пульсации у лучших певцов встречаются в среднем 7 раз в секунду).

Материал фактов, полученный при помощи объективно организованного наблюдения за эмоциональными состояниями человека, взятыми в аспекте его поведения в целом или же специально выделенных, становится предметом рассмотрения и числовой обработки и позволяет вскрыть некоторые закономерности эмоциональной жизни и экспрессии человека. Однако надо заметить, что такое рассмотрение материала носит по большей части недостаточно углубленный характер, не превращается в подлинный анализ и истолкование явлений в более широком плане. Поэтому при изучении, например, вырази-

тельности лица и жестов, при скрупулезном учете их видов и форм (работа Штреле) не принимается во внимание тот социальный смысл, который имеют эти оттенки, так хорошо выявляемый писателями (Толстым, Мопассаном и другими).

По ходу изложения методов наблюдения мы уже говорили вскользь об эксперименте, тем не менее необходимо еще специально остановиться на методах экспериментального изучения эмоциональных процессов. Многочисленные экспериментальные приемы целесообразно разбить на две группы: на методы, преимущественно использующие материал словесного характера, и на методы, связанные с выполнением тех или иных действий, хотя в реальном эксперименте очень часто совмещаются методы, принадлежащие к обеим группам.

3. МЕТОДЫ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

В последнее время все большее значение приобретает изучение эмоциональной сферы человека на основе специально созданной экспериментальной ситуации, которая позволяет выявить те или другие стороны эмоциональной жизни людей, принадлежащих к определенным возрастным, образовательным и т. п. группам. Здесь открываются очень широкие возможности для исследования различных вопросов, касающихся эмоциональной сферы человека. Это может быть вопрос о том, какое эмоциональное отношение проявляется у человека при тех или других воздействиях (он воспринимает определенные действия и поступки людей и соответственно к ним относится, он испытывает желание, но обстоятельства требуют, чтобы он подавил это желание, он действует успешно или неуспешно и в соответствии с этим испытывает ряд эмоциональных состояний и т. д.). Это может быть вопрос о том, каковы его эмоционально окрашенные интересы, какова динамика его чувств при изменении ситуации. Все эти и подобные вопросы могут ставиться не только в целях выяснения склада личности отдельного человека (его моральных, жизненных установок), но и для выяснения характерных особенностей эмоциональной жизни, присущих той или другой возрастной, социальной и т. п. группе.

Разнообразие ситуаций, которые можно создать для эксперимента, позволяет вести исследование в различных направлениях.

Необходимо указать, какие используются ситуации в современных экспериментальных работах. Следует напомнить, что при таких экспериментальных ситуациях используются все методы наблюдения и фиксации поведения человека, о которых мы говорили уже выше. Укажем на несколько видов ситуаций.

1. Ситуации, которые вызывают затруднения у испытуемого.

Цель экспериментов такого рода состоит в том, чтобы вскрыть, как станет вести себя испытуемый, будучи эмоционально затронут возникшей трудностью или неудачей. Какие возникнут у него при этом эмоциональные реакции, побуждения к действию (какие особенности его эмоционального и личностного склада выявятся при таких обстоятельствах). Исследования такого типа, проводимые на детях и взрослых, больных и здоровых, довольно многочисленны (К. Левин, Зандер, Тизен и другие).

• Перед испытуемыми ставились такие задачи: он должен, например, запомнить определенный материал в затрудненных условиях его экспозиции; производить в подобных же условиях подсчет; собирать из деталей сложный предмет; закрыв глаза и держа в руке металлический стержень, провести его через лабиринт. Эксперимент организован так, что испытуемый вначале достигает успеха в своих действиях, а затем (в силу обстоятельств экспериментального задания, ему неизвестных) не имеет успеха; в ряде экспериментов его действия на этом заканчиваются; в ряде других экспериментов ему в конце их снова предоставляется возможность действовать успешно.

В этих ситуациях, которые могут вызвать то большее, то меньшее переживание трудности (от простого неудовольствия и огорчения до растерянности), имеется возможность изучать динамику чувств при изменении ситуации и их физиологические симптомы путем записи на приборах.

Создается возможность также изучать особенности эмоционального реагирования, которые присущи различным возрастным группам, а также индивидам с опреде-

ленным складом личности (нормальным, невротическим и т. д.).

Следует отметить, что вообще ситуация затруднения (в ней могут быть задания, решаемые и неразрешимые) дает возможность изучать и некоторые другие закономерности эмоциональной жизни человека. В этой связи автором была применена для изучения влияния переживания успеха и неуспеха на качественные особенности деятельности, а также для изучения влияния различной эмоциональной значимости мотива действия на продолжительность деятельности методика «зеркального письма»¹.

2. Ситуации, которые вызывают конфликт между одними побуждениями и чувствами личности и другими ее чувствами и побуждениями.

Конфликтная ситуация позволяет в некоторых случаях вскрыть не только особенности эмоционального поведения человека при конфликте, но и раскрыть, какими чувствами человек руководствуется в определенной ситуации, какие чувства в нем побеждают. Такая конфликтная ситуация требует особенно хорошо поставленного наблюдения в эксперименте.

Следует отметить, что когда мы говорим о ситуации конфликта, то подразумеваем под этим не воображаемую ситуацию («что я бы сделал при таких-то обстоятельствах»), которая может быть создана и создается при помощи словесных методов, а реальную.

Такие ситуации могут быть разнообразными.

Например, ребенок ставится в такую ситуацию, когда перед ним находятся предметы (в том числе игрушки), которые привлекают его, но вместе с тем пользование ими разрешается только на определенных условиях. При этом он находится в комнате один (о наблюдателе он не знает). Характер эмоционального реагирования

¹ Сущность зеркального письма заключается в следующем. Пластинка закрывает для глаз испытуемого его руку, которая рисует и пишет. Нарисованное или написанное им он видит только в зеркале. При этом оно должно иметь для глаз вид нормально написанного слова или изображения. Но так как в зеркале все отображается в измененном (иногда в перевернутом) виде, а испытуемый не может контролировать зрением движения своей руки на бумаге, то задания вызывают значительные затруднения, а сложные задания могут оказаться просто неразрешимыми.

ребенка на эти привлекающие его предметы, борьба между чувствами и побуждениями, ее формы, ее исход показывают нам не только динамику чувств в определенных условиях, но и то, какого рода чувства доминируют в такой ситуации у маленького ребенка и ребенка постарше (работы К. Левина, А. Н. Леонтьева и других).

Может быть создана ситуация конфликта между страхом и желанием проявить смелость. Например, ребенку, подростку дается поручение вечером принести какие-то предметы. Он может пойти за ними по длинному пути, этот путь будет освещен, но он потратит на это много времени. Если он пойдет по короткому пути, то будет темно (а его предупреждают, если боишься — иди по освещенному пути), но зато он быстро выполнит поручение (исследование Т. И. Агафонова)¹.

Несколько отличной от приведенных является ситуация внутреннего конфликта, когда испытуемый при ответе на задевающее его в эмоциональном отношении слово (по методу свободных ассоциаций) ищет слова, скрывающие его состояние, медлит с ответом и т. д. Ответы на заданные словесные раздражители (а они подобраны заранее и состоят из индифферентных и «критических» слов, имеющих прямое отношение к остро переживаемой им жизненной ситуации — предстоящему экзамену, совершенному проступку и т. д.) совмещаются одновременно с моторной реакцией руки, производящей нажим на пневматический приемник. Это позволяет увидеть характер переживаемого испытуемым аффекта. (Исследования А. Р. Лурия — см. рис. 19, 20, 21.)

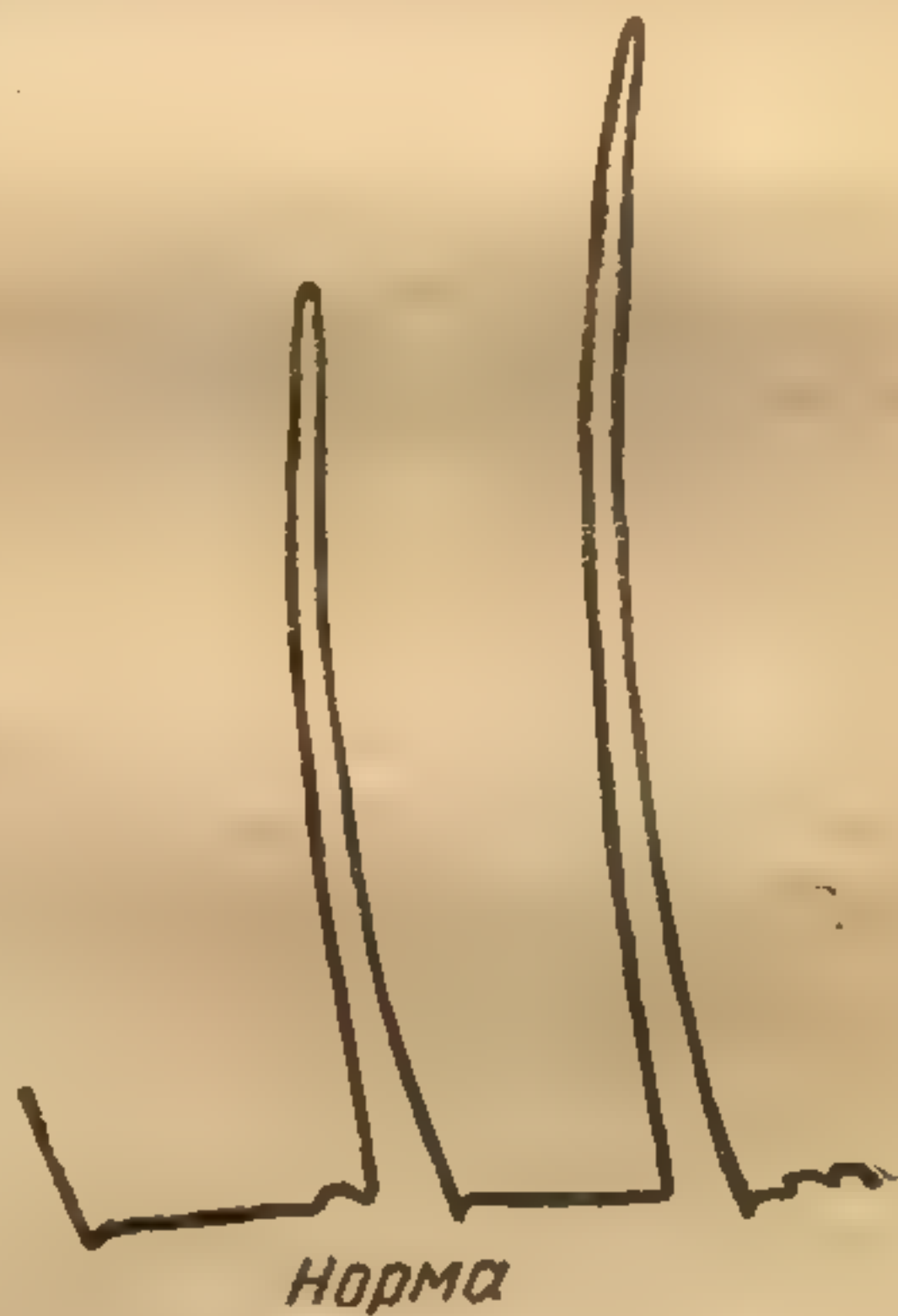

Рис. 19. Характер нормальной моторной реакции при нажатии пальцем на пневматический приемник (по А. Р. Лурия)

¹ Т. И. Агафонов, О волевых проявлениях личности в затрудненных условиях, «Вопросы психологии», 1956, № 5.

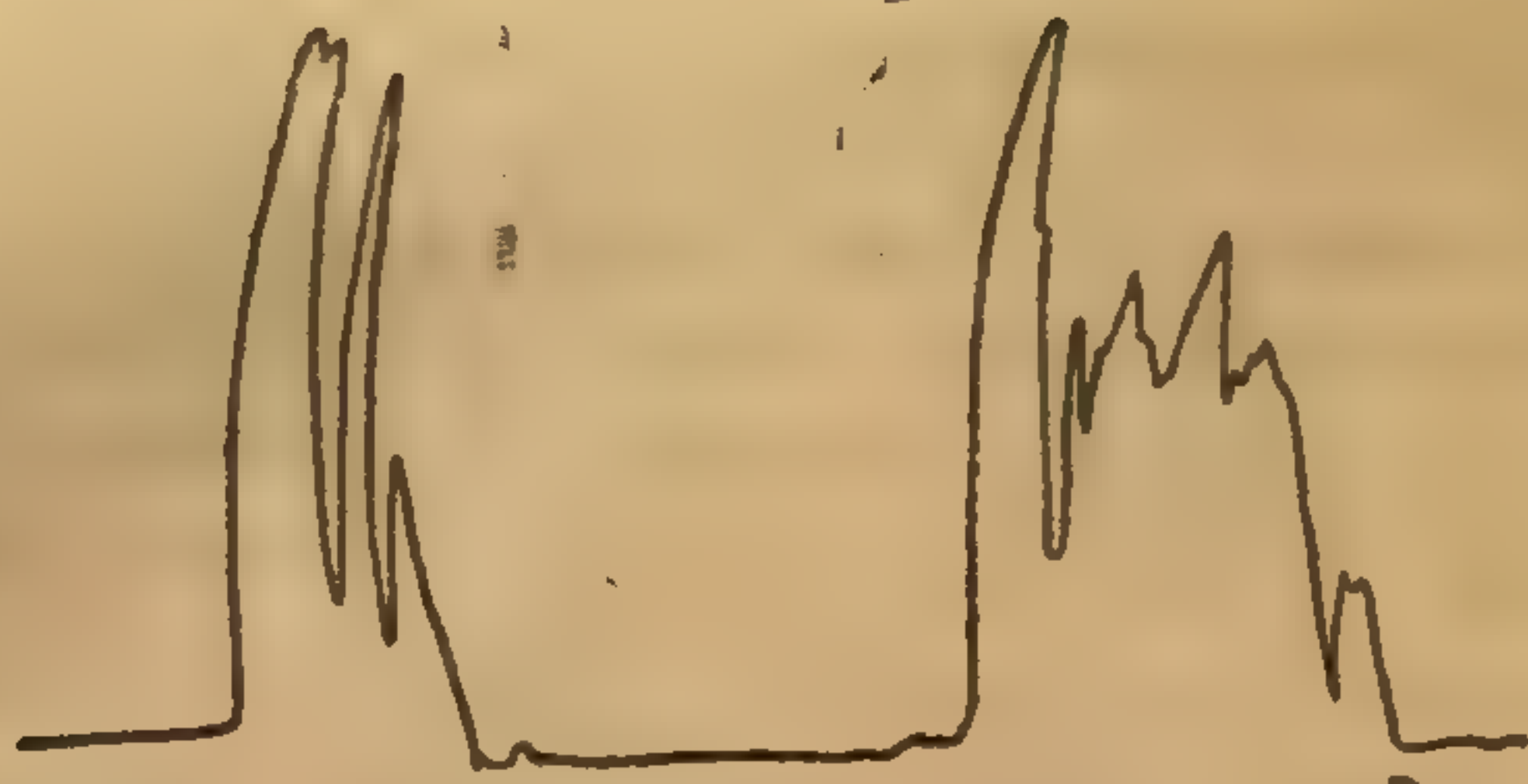

Рис. 20. Характер моторной реакции человека, находящегося в аффективном состоянии (по А. Р. Лурия)

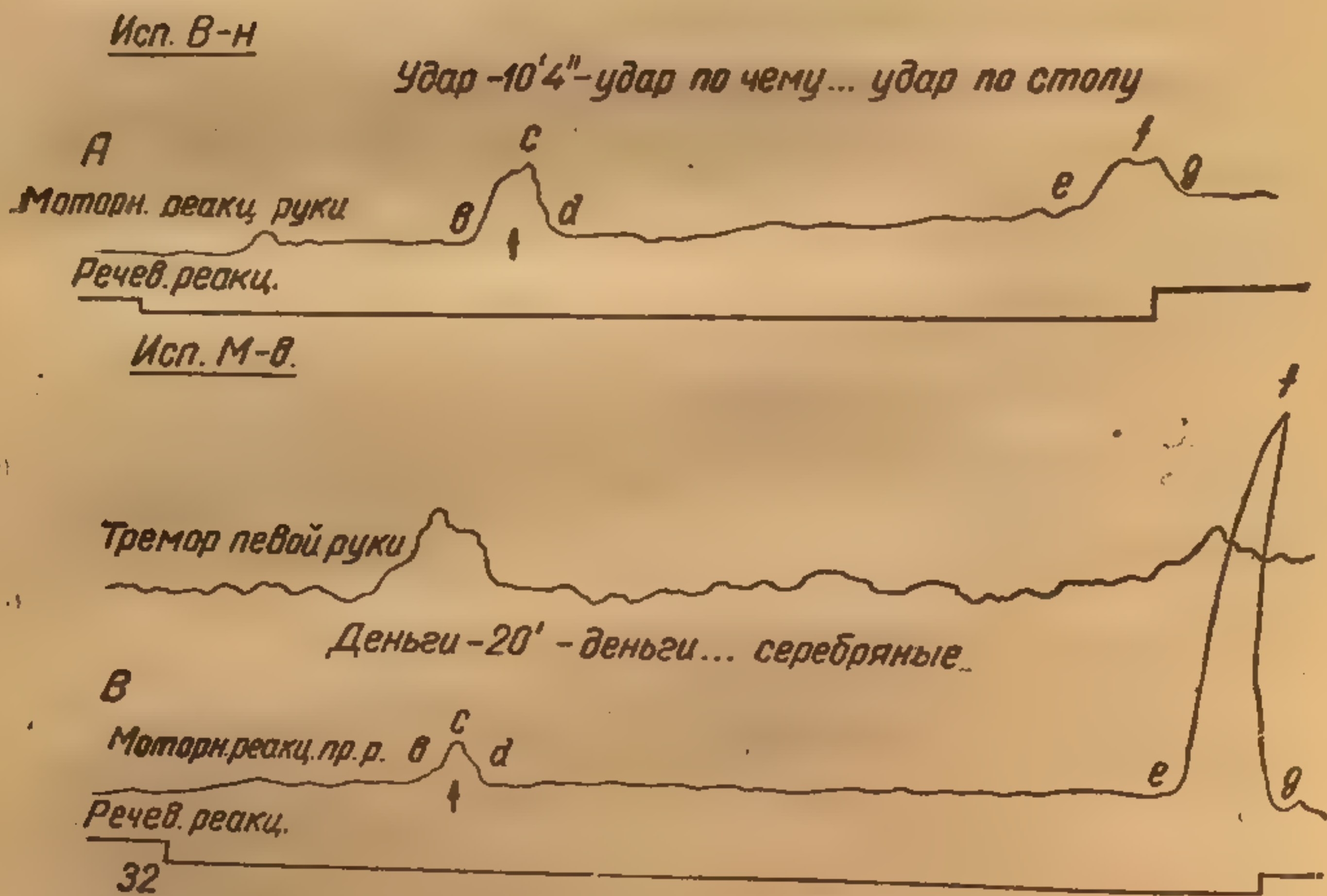

Рис. 21. Одновременная фиксация речевой реакции на «критическое» слово и моторной реакции.

Испытуемый В-н, совершивший убийство, на слово «удар» отвечает пришедшим к голове словом не через 1,5—2 секунды, а лишь через 10,4 сек. Соответственно изменилась и моторная реакция

Испытуемый М-в, совершивший убийство, на слово «деньги» отвечает пришедшим к голове словом (повторяет: «Деньги.....серебряные») лишь через 20 секунд. Одновременно с этим наблюдается произвольный тремор (дрожание) левой руки и изменение моторной реакции правой руки (по А. Р. Лурия).

Все такие экспериментальные ситуации могут время от времени повторяться, для того чтобы можно было также изучать и возникающие изменения в чувствах.

3. Ситуации, которые дают возможность выявить характер эмоционального отношения к известным явлениям жизни, людям и т. д.

Исследования такого типа могут быть наиболее многообразными, поскольку можно изучать эмоциональное отношение к очень большому количеству явлений (отношение к близким, к окружающим людям, к себе самому, к животным, к явлениям природы, спорту и его видам, к искусству в его разновидностях, к явлениям общественной жизни, тем или другим историческим личностям и т. д.). Вопрос заключается в том, чтобы такое исследование оказалось достаточно обоснованным и позволило методически выделить из целого ряда откликов человека искомое нами отношение.

Самое перечисление возможных видов эмоционального отношения, которое может изучаться у различных возрастных, образовательных и социальных групп, уже говорит не только о широком круге тем для научного исследования, но и о том, что в выяснении такого рода вопросов могут оказаться полезными экспериментальные методы, совмещающие реальную деятельность со словесными методами отчета, опроса и т. д., а также методы исследования, преимущественно связанные с использованием словесного материала.

А. Испытуемому предъявляется определенного содержания наглядный материал (серии фотографий, кинофильмы) и изучается его эмоциональное отношение к изображенным поступкам, действиям, поведению людей (как в форме его произвольных реакций, так и в форме его высказываний по этому поводу).

Имеется ряд работ, посвященных, например, вопросу о характере эмоционального отношения детей, взрослых к определенному виду взаимоотношений людей, показанному в кинофильме. При этом задача заключается не только в том, чтобы узнать такое отношение, но и увидеть, меняется ли оно при предъявлении нового материала, когда по-иному освещаются те или другие взаимоотношения людей (их действия, поступки, мотивы этих действий и т. д. — работы Формена, Форда).

Б. Испытуемому предъявляется серия специально составленных картинок, в которых зафиксированы виды взаимоотношений между людьми, отношение взрослого к ребенку и т. д. И испытуемый должен сказать, как он бы поступил, оказавшись в такой ситуации. Используются такие наборы картинок (работы Розенцвейга) для детей, а также и взрослых. Но существенным недостатком методик Розенцвейга является то, что они используются как обычный тест. Поэтому 1) в самом способе проведения испытания отсутствует необходимый учет того, что и как в психологическом плане воспринял в задании испытуемый; 2) при обработке результатов отсутствует настоящий психологический анализ.

В известной мере похожей на эту методику (но более сложной по психологическому контексту) является методика, которая разработана автором для экспериментального изучения некоторых сторон эмоциональной жизни детей и подростков в возрасте 10—14 лет (как переживается ими отношение к сверстникам в ходе возникающих взаимоотношений в быту, учении, игре, каковы особенности их реакций на различные виды обращения с ними взрослых и т. д.). Испытуемым (среди некоторых других экспериментальных заданий—«выбор друга», «ролевая игра» в воображаемой ситуации на темы школы и взаимоотношений с товарищами) предлагается составленная по определенной системе серия картинок с ситуациями, которые должны их эмоционально затронуть, вызвать живую реакцию и тем самым выявить характер их эмоционального отношения к некоторым воздействиям окружающей жизни.

В связи с тем, что может возникнуть сомнение в том, является ли ответ ребенка, подростка действительно его эмоциональной реакцией, а не просто его суждением по поводу увиденного, в эксперимент вводится промежуточное звено. Испытуемым предлагается серия несложных вопросов, на которые они должны дать ответы, выявляющие только их знания. При этих ответах фиксируется характер интонационной окраски речи, записываемой на магнитофоне, промежуток времени между вопросом и ответом («латентное» время). Сопоставление этих данных с данными реакций на картинки (характер интонационной окраски, наблюдения

за мимикой, «латентное» время и т. д.) позволяет уже исключить из рассмотрения ответы, не носящие эмоционального характера. При эмоциональной реакции оказалось, что появляются отчетливые изменения в мимике, моторное беспокойство разного типа, резко увеличивается латентное время перед ответом. Само же содержание эмоционально окрашенных ответов, подвергнутое специальному анализу и систематизации, дает возможность увидеть некоторые стороны эмоциональной жизни детей и подростков и возрастные различия в характере и направленности их эмоциональных реакций. Если еще учесть, что для анализа привлекаются и данные о том, чем он руководствуется при «выборе друга» и каковы качества уже его реального друга (он об этом говорит при опросе), материалы о его реакциях в «ролевой игре», а также данные беседы по определенному кругу вопросов о жизни в семье, то мы получаем представление об эмоциональном мире ребенка.

В. Получил известное распространение методический прием, используемый для изучения направленности личности и видов эмоционального отношения ребенка-дошкольника (работа Дисперт, Бах и других). Испытуемый (ребенок) играет со специально подготовленным набором кукол (например, куклы, которые легко могут в игре исполнять роль матери, отца, маленького брата и т. д.). В процессе игры с куклами, которая позволяет воспроизвести реальные отношения, сложившиеся в семье (между отцом и матерью, братьями и сестрами, ребенком и родителями и т. д.), выявляется эмоциональное отношение ребенка к соответствующим отношениям между близкими. В этом смысле подобная игра с куклами дает представление об эмоциональных тенденциях, присущих растущему ребенку.

4. Ситуация для изучения процесса понимания выражения чувств.

Прежде чем перейти к рассмотрению словесных методов исследования эмоциональной сферы, мы хотим коснуться приемов изучения специального раздела эмоциональной жизни, ставшего предметом целого ряда исследований, и именно: вопроса о понимании выражения чувств в мимике лица, в облике всей фигуры, в изменениях поведения и голосовой мимике.

Имеются различные возможности для изучения про-

цесса понимания экспрессии (выразительности) лица и всей фигуры человека в целом. Это изучение может прежде всего быть направлено на уяснение вопроса о том, в каких случаях нами воспринимается вообще выражение чувства и какая полнота данных для этого требуется (эксперименты со схематическими изображениями выражения чувств, с показом отдельных частей лица — верхней и нижней половины, различные комбинации частей лица с разным выражением — работы Фелеки, Титченера, Вудвортса; см. рис. 10 и 11).

Может изучаться степень точности определения характера чувств, изображенных на фотографии, картинке ребенком, взрослым. Для этого применяются серии фотографий, отображающие выражение чувств в определенных ситуациях у обычных людей и специально подготовленных актеров (работы Ракмика — см. рис. 82 в приложении).

Может изучаться умение человека воссоздать, повторить свое собственное выражение лица, вызванное ситуацией, порождающей переживание страха, напряжения, боли и т. д. (работа Колмэна — см. рис. 80 и 81 в приложении). Может изучаться степень точности определения выражения чувства, когда дается не выражение лица, а лишь какой-то момент поведения человека (при помощи киносъемки). Может изучаться изменение понимания выражения лица (на самом деле оставшегося без изменений), но при условии изменения обстановки и жизненных обстоятельств, в которых мы воспринимаем выражение чувств данного человека (работа Агеносовой). Особой областью понимания выражения чувств является понимание голосовой мимики. Для изучения понимания голосовой мимики применяются различной длительности звуки и части речи на знакомом и незнакомом языке, полученные путем записи эмоциональных реакций, отражающихся в голосе человека в определенной ситуации или же специально произнесенные актерами или певцами.

4. МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ЖИЗНИ НА ОСНОВЕ СЛОВЕСНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

Мы уже отмечали, что при самых различных способах исследования эмоциональной сферы существенное значение имеют высказывания испытуемых, их произ-

вольные речевые реакции и данные самоотчета, когда они воспринимают материал наглядного характера или осуществляют те или иные действия практического или игрового типа.

Но можно встретиться и с такими приемами, когда для выяснения характера эмоциональной жизни представляется материал в словесной форме и изучаются эмоциональные реакции на него, зафиксированные в словах.

Следует учесть, что изучение эмоциональных реакций, выраженных в слове и являющихся ответом на соответствующий словесный материал, может носить очень разнообразный характер по самим приемам получения нужных нам фактов.

1. Это может быть прямой ответ на вопрос о переживании, эмоциональном отношении человека (взрослого, юноши, подростка, ребенка) к определенным явлениям окружающей действительности. Различного типа опросники служат подобной задаче.

2. Это может быть получение ответа другим способом, когда об эмоциональном отношении узнается косвенными приемами. Например, испытуемые, воспринимавшие определенные впечатления, пишут сочинение на свободную или заранее предложенную тему. Материал по своему содержанию позволяет увидеть, что затрагивает или не затрагивает индивида, в какой мере затрагивает его то или другое явление жизни (происшествие, произведение искусства, поведение, характер взаимоотношений людей и т. д.). Имеется ряд исследований такого типа, проведенных отечественными и зарубежными авторами.

Такой путь имеет место и тогда, когда при помощи опроса выясняется характер желаний испытуемого (чего человек больше всего желает, кем хотел бы быть, что вызывает у него неприятные переживания и беспокойство и т. д.). Опрос может осуществляться и в так называемой «клинической беседе».

3. Косвенный ответ может быть получен при такой организации эксперимента, когда вскрываются некоторые виды эмоционального отношения, которые обычными приемами опроса не удастся выяснить (например, у детей). Испытуемый ставится в воображаемую ситуацию (как бы он поступил, если бы он, например, стал

животным, стал старше и т. д.). Такие «проективные методики» (работы Зазо, Бюрстена) позволяют вскрыть некоторые не учитываемые при других методах стороны эмоциональной жизни. Такой же цели служит так называемый «ассоциативный» эксперимент, когда среди ряда безразличных для испытуемого слов называются такие, которые должны его затрагивать эмоционально. При этом изучается характер его реакций на данные слова, время реакции, иногда физиологические симптомы.

Таковы те методические приемы изучения различных областей эмоциональной жизни человека, которые позволяют получать факты о характере и особенностях протекания эмоциональных процессов, об изменениях в этих процессах и состояниях в связи с изменением воздействий.

Эти приемы не равнозначны по своей ценности. Хотя они дают возможность вскрыть ряд новых сторон в эмоциональной жизни человека, они все-таки по характеру самого подхода к проблеме не дают возможность ответить на целый ряд существенных вопросов эмоциональной жизни человека — на вопросы о формировании чувств, о глубине чувств и их устойчивости, о характере стойкости моральных чувств и т. д., то есть на все те вопросы, которые связаны с эмоциональной жизнью личности.

Несомненно ценным является то, что благодаря всем рассмотренным выше приемам мы имеем возможность получить числовое выражение особенностей тех или других эмоциональных явлений. Но в силу ярко выраженного стремления получить числовое выражение часто берутся такие данные, которые вскрывают самое явление недостаточно глубоко. Поэтому ряд экспериментальных исследований только подтверждает то, о чем дает представление и просто внимательное наблюдение (например, данные о характере и изменениях особенностей дружбы детей в связи с изменением возраста в работе Хоррокса и Томсона, упомянутых нами в предыдущей главе).

Истолкование фактов отстает от их собирания. Исследования идут пока по более простому пути. Если экспериментально изучается эмоциональная жизнь в связи с личностью, то личность рассматривается за рубежом преимущественно с точки зрения учета невротиче-

ческих тит
как целост
жанием. Г
ности по с
работах.

Должны
исследова

дения и э

претации

но было г

ни лично

священны

тех данн

биографи

нас с су

личности

со сдвиг

риал так

убедител

данными

Только

извлечь

риалов.

Так

чувств

ное ра

римент

териал

интерп

1 Це

ходить

Аппро

N. — Y.,

ческих типов, к которым она может быть отнесена, а не как целостная личность с ее реальным духовным содержанием. Поэтому эмоциональная жизнь целостной личности по существу остается без внимания в такого рода работах.

Должна быть повышена культура психологического исследования не в смысле способов организации наблюдения и эксперимента, а постановки проблем и интерпретации получаемого материала. Для того чтобы можно было получить представление об эмоциональной жизни личности, нужны монографические исследования, посвященные жизни человека, нужен углубленный анализ тех данных, которые дают нам письма, дневники, автобиографии людей¹. Такого рода документы знакомят нас с существенными сторонами эмоциональной жизни личности, с процессом формирования чувств человека, со сдвигами в этой области. Но для того чтобы материал таких сообщений приобрел необходимую научную убедительность, требуется его сопоставление с другими данными, касающимися этого человека и других людей. Только при углубленной интерпретации мы сможем извлечь данные научного характера из подобных материалов.

Таким образом, для того чтобы изучение психологии чувств во всей их сложности могло получить плодотворное развитие, требуется использование приемов экспериментального изучения наряду с документальным материалом при общем повышении качества анализа и интерпретации психологических фактов.

¹ Ценный методический материал по вопросу о том, как подходить к такого рода данным, имеется в работе Олпорта (G. W. Allport, The use of personal documents in psychological science, N. — Y., 1942).

ГЛАВА 9

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ВОСПИТАНИЯ ЧУВСТВ

1. ЦЕЛИ ВОСПИТАНИЯ ЧУВСТВ

Те большие изменения, которые происходят в эмоциональной сфере человека под воздействием окружающей действительности, закономерно вызывают вопрос о воспитании чувств.

Развитие чувств человека, происходящее в процессе его роста под влиянием воздействия окружающей жизненной среды, мы не называем воспитанием чувств, хотя воспитание их, безусловно, предполагает возможность развития чувств.

В процессе роста человека у него возникают новые, не испытанные еще чувства и исчезают некоторые виды чувств. Это отчетливо проявляется уже при переходе ребенка из дошкольного возраста в младший школьный возраст.

«В младшем школьном возрасте, — пишет Л. Божович, — не только возникают новые эмоции, но и те эмоции, которые имели место в дошкольном детстве, изменяют свой характер и содержание. Очень показательны в этом отношении, например, исследования детских страхов... появляются новые формы страха... например, страх показаться смешным, неловким, трусливым и т. д. ...Но основное, что характеризует особенности развития эмоциональной сферы советского школьника и что связано с его вхождением в жизнь школьного коллектива, — это происходящее именно в данный период развития особенно интенсивное формирование моральных чувств

ребенка»¹. При переходе от младшего школьного возраста к среднему и старшему изменения в развитии чувств раскрываются еще более ярко.

Чувства развиваются и меняются в своем содержании и качествах. Мы встречаемся не только с развитием чувств в процессе жизни человека, но и с их регрессом. Об этом свидетельствует, например, автобиография Ч. Дарвина, которая была написана им уже в старости. Дарвин отмечает, что, создавая свою автобиографию, он старался смотреть на себя глазами постороннего наблюдателя. Он пишет:

«В одном отношении мои душевные свойства изменились в течение последних 20—30 лет. До 30-летнего возраста или несколько далее того поэзия разного рода, вроде сочинений Мильтона, Грея, Байрона, Уордсворта, Кольриджа и Шелли, доставляла мне большое удовольствие, и даже школьником я испытывал величайшее наслаждение от Шекспира, особенно от его исторических драм... Раньше картины доставляли мне значительное, а музыка очень значительное наслаждение. Но теперь, вот уже много лет, как я не могу вынести чтение одной строчки стихов. Попробовал недавно читать Шекспира и нашел его до того невыносимо скучным, что меня почти стошнило. Я также почти утратил вкус к картинам и к музыке. Музыка обыкновенно заставляет меня думать слишком энергично о том, над чем я работал, вместо того, чтобы доставить мне удовольствие...

Этот любопытный и печальный факт утраты высших эстетических вкусов тем более странен, что книги по истории, затем биографии и путешествия (независимо от всяких научных фактов, которые там могут быть) и серьезные статьи по всякого рода предметам интересуют меня так же значительно, как когда-либо»².

Меняется и характер регулирования чувств в зависимости от развития и роста ребенка и подростка.

Те сдвиги, которые происходят в эмоциональной сфере ребенка, превращающегося в молодого человека, и выражаются как в появлении и развитии новых чувств, так и в изменении значимости для личности отдельных видов чувств, происходят не сами собой. Они

¹ Сб. «Очерки психологии детей», под ред. А. Н. Леонтьева и Л. И. Божович, изд-во АПН РСФСР, 1950, стр. 16—17.

² Чарльз Дарвин, Автобиография, Спб., 1896, стр. 54—55.

происходят в процессе обучения и воспитания растущего человека, в процессе понимания и освоения им норм человеческого поведения. Они происходят в процессе той общественной практики, которую он в течение своей жизни осуществляет. Но такое освоение норм человеческого поведения при общении с людьми, самые действия растущего человека, порождающие в нем определенные чувства, могут получить организованный характер. Так чувства человека делаются объектом воспитания.

Под воспитанием чувств следует подразумевать формирование чувств человека в процессе специального воздействия на него, которое приводит к изменениям чувств в определенном направлении, к появлению в них новых качеств, к формированию в человеке новых чувств, к исчезновению прежних в соответствии с теми задачами, которые общество ставит перед собой в деле воспитания подрастающего поколения. Характер задач, которые возникают в связи с вопросами воспитания чувств, т. е. тех целей, которые преследуются воспитанием чувств, определяется характером жизни общества, его идеологией.

Воспитание чувств осуществляется как в процессе воспитания и формирования личности в целом, так и в процессе специального воздействия на эмоциональную сферу человека.

Говоря о характерных свойствах чувств, с одной стороны, мы отмечали, что чувства человека изменяются под влиянием определенных социальных воздействий, а с другой стороны, отмечали, что человек, имея определенное отношение к своим чувствам, сам видоизменяет их. Поэтому можно говорить о воздействии на других людей в целях порождения в них тех или других чувств и о воспитании своих собственных чувств.

Каковы цели воспитания чувств?

Чувства человека воспитывались во все исторические эпохи. Воспитанием чувств занимались родители, педагоги, представители государства, церкви, деятели искусства, философы и т. д. Воспитание чувств всегда преследовало цель содействовать появлению в человеке чувств, которые в соответствии с господствующим мировоззрением данного общества делали бы человека социально ценным. В классовом обществе, разделенном на угнетателей, угнетаемых, одни задачи воспитания чувств

возникали у эксплуататоров, другие—у эксплуатируемых. Несмотря на стремление господствующих классов подчинить себе угнетенные массы, иные цели воспитания чувств продолжали жить в этих массах. Цели воспитания чувств в советской стране, в странах народной демократии кардинально противоположны целям воспитания в капиталистических странах.

В капиталистических странах, с одной стороны, утверждается, что чувства человека есть лишь форма проявления его изначальных неизменных инстинктов, и поэтому человеку естественно иметь асоциальные чувства, которые были ему присущи на более ранних ступенях развития общества. С другой стороны, утверждается, что в человеке ценными являются чувства смирения, покорности перед судьбой и т. д. Цель подобных «теорий» заключается в обосновании ценности таких чувств, которые служат интересам империалистов и нужны для притупления классового сознания трудящихся масс.

Само собой разумеется, что в антагонистическом капиталистическом обществе чувства воспитывают не только представители господствующих классов. Иные, подлинно моральные чувства, связанные с интересами всего трудящегося человечества, воспитывают в народных массах коммунистические партии, возглавляющие борьбу масс за лучшее будущее.

Однако воздействие господствующих классов приводит все же к тому, что в капиталистических странах широко культивируются чувства расовой ненависти, шовинизма и т. д. Это очень наглядно проявляется в ряде произведений литературы капиталистических стран.

В романе писателя Синклера Льюиса «Королевская кровь» рассказывается о том, как один американец, выясняя свое происхождение, установил, что в его жилах течет $1/64$ негритянской крови. Этого было достаточно, чтобы от него отшатнулись его знакомые и друзья. Даже его шестилетняя дочка начинает подвергаться оскорблениям со стороны детей — своих сверстников, с которыми она дружила.

Так взрослые намеренно возбуждают в детях чело-
веконенавистнические чувства. Совершенно ясно, что такое «воспитание» чувств есть извращение подлинных человеческих чувств.

Интересны наблюдения Д. Ошанина, приведенные в его книге «Симпатия», о характере формирования чувства симпатии у детей одного семейства, принадлежащего к верхушке господствующих эксплуататорских классов: «Я знаю одно семейство, в котором всякое проявление симпатии, замеченное у детей по отношению к человеческой бедности, систематически подавляется как недостойное и не отвечающее социальному рангу этой семьи, находящейся слишком далеко от бедности, чтобы по ее поводу волноваться. Зато чувство симпатии у детей там воспитывают через нескончаемые истории, рассказываемые о животных—о щенках, зайчиках, воробьях. Симпатия направляется по единственному и избранному руслу; к нему постоянно привлекают внимание детей. В конце концов у них получается несомненно утончение чувства симпатии, но оно странно контрастирует с высокомерной неприязнью этих детей к человеческому страданию»¹.

Цели воспитания в нашей стране совсем другие. Они связаны с теми благородными задачами, которые ставит Коммунистическая партия перед советскими людьми, строящими коммунистическое общество. Эти задачи определяют все формы воспитательного воздействия на человека, осуществляемые в семье, школе, комсомоле, профсоюзах, Советской Армии, на предприятиях.

Задачи воспитания чувств у подрастающего поколения, стоящие перед советской школой, прекрасно сформулировал А. С. Макаренко: «Наше отношение к человеку, великие цели, которые обязана ставить перед собою воспитательная работа, социалистический гуманизм, воспитание активного деятеля социалистического общества, воспитание целых поколений закаленных, преданных революции, радостных и суровых деятелей, разве этого можно достигнуть без революционного размаха?»²

Цели, которые определяют воспитание чувств у советских людей, связаны с принципами советского гуманизма. М. И. Калинин, характеризуя отношения между людьми, говорит: «В капиталистическом мире эти отношения черствы и эгоистичны, грубы и жестоки, а у нас

¹ D. Ochanine, La Sympathie, Paris, 1938, стр. 151.

² А. С. Макаренко, Избр. педагогич. соч., Учпедгиз, 1946, стр. 50.

они очеловечились в лучшем смысле этого слова»¹. Эмоциональный мир советского человека должен характеризоваться чувствами, обладающими высоким моральным уровнем, проникнутыми коммунистической нравственностью и обогащающими личность человека.

«Политика советского социалистического государства имеет своей прямой целью и одной из основных своих задач воспитание людей в духе высшей нравственности, нравственности коммунистической, развивающей в человеке благородные социальные чувства, дружбу и сотрудничество между народами, преданность делу социализма, самоотверженное служение народу, ненависть к реакции во всех ее видах»². Эти высокие цели и задачи требуют проведения большой работы по воспитанию людей, в том числе и в области их чувств. Осуществление этих целей предполагает: во-первых, устранение пережитков прошлого в эмоциональной сфере человека (жадность, зависть, тщеславие, себялюбие и т. д.) и, во-вторых, возникновение в человеке таких видов прочного, устойчивого эмоционального отношения к явлениям нашей жизни, как любовь к Советской Родине, к труду на пользу советского общества, ненависть к врагам прогресса и эксплуататорам и т. д. Советский человек должен быть эмоционально отзывчивым. Он должен испытывать сочувствие к больному, негодование при покушении на общественную собственность, презрение к бесчестному поступку, нравственный подъем от совершенного благородного поступка и т. д.

Таковы цели воспитания в области чувств, стоящие перед советской школой, перед всеми советскими учреждениями и организациями, оказывающими воспитательное воздействие на человека.

2. ПРЕДПОСЫЛКИ ВОСПИТАНИЯ ЧУВСТВ

Что является предпосылкой для правильного решения вопросов о воспитании чувств? Такой предпосылкой является положение об общественной природе чувств

¹ М. И. Калинин, О коммунистическом воспитании, изд-во «Молодая гвардия», 1947, стр. 29.

² Журн. «Большевик», 1946, № 9, стр. 7.

человека. Чувства человека органически связаны с его мировоззрением, убеждениями, моральными представлениями.

Мировоззрение, убеждения, взгляды на мораль влияют на эмоциональные реакции человека на те или другие явления действительности, они определяют оценку человеком своих собственных чувств, характер его основных чувств и тем самым определяют характер его поступков.

Вот почему так важно воздействовать на человека в целом, на всю его личность, для того чтобы воздействовать на его эмоциональную сферу.

Формирование передового мировоззрения, правильных моральных воззрений, отвечающих положениям коммунистической нравственности,—все это имеет большое значение для формирования чувств советского человека.

Что означает действительное влияние передовых воззрений, положений коммунистической нравственности, что требуется для того, чтобы обеспечить это влияние? Для этого требуется прежде всего знание нравственных норм.

Нужно знать поведение и чувства лучших советских людей. Знание того, как должен советский человек относиться к различным явлениям общественной жизни, к поступкам людей и их отношениям, является очень важным. Конечно, эти нормы познаются человеком в процессе его жизни. «На каждом шагу, — пишет А. С. Макаренко, — мы встречаем в нашем обществе совершенно новые требования к человеку и совершенно новые нормы человеческого поступка и поведения. Каждому ребенку нашей страны известны многие имена лучших людей, показавших самые высокие образцы социалистического героизма, настойчивости, преданности революции и партии. От этих вершин практической советской этики представления о новых законах поведения и требования к человеку распространяются широко и глубоко в народе, создавая новые категории нашей мысли, новые темы для мышления и новые традиции для действия...

Этот моральный опыт, эти родившиеся уже нормы поступка еще не сведены в строгую систему, еще не оформлены в точных положениях, в терминах, и, самое

главное, еще не расширились до общенародных опытных традиций»¹ (курсив мой. — П. Я.).

Знание положений морали и правил общежития, которые определяют полноценное поведение человека, помогает установить правильное эмоциональное отношение к поступкам других людей и к своим собственным.

Вообще какое-то представление о том, что является в поведении хорошим и плохим, моральным и аморальным, есть у каждого человека, у каждого ребенка и подростка. Однако оно может не соответствовать тем принципам, которые должны определять поведение советского школьника. И это несоответствие может быть результатом отсутствия необходимого разъяснения.

В наблюдениях Н. С. Лукина над учеником VII класса отмечаются следующие его черты: «Очень своеобразно понимает, что такое хорошо и что плохо. Считает, что все, что идет в защиту товарища, — хорошо, что в шалости ничего плохого нет, что списать и подсказать на уроке можно. Драться—это героическая защита своей личности».

Путаница в моральных представлениях происходит оттого, что в окружающей ребенка, подростка среде еще живы отсталые взгляды на то, какое поведение, какие действия являются достойными, хорошими. В этой среде имеются неправильные представления о том, как должен вести себя подросток в определенных обстоятельствах. Эти неправильные представления становятся известными ребенку, подростку от товарищей, преподносятся ему иногда в ореоле «героизма», делаются иногда предметом его наблюдения и оказывают на него известное влияние.

Именно факты такого рода, выступавшие при этом в гораздо более резком виде, заставили А. С. Макаренко прийти к выводу о необходимости знакомить подрастающее поколение с положениями советской морали в систематической форме.

«В своей практике,—говорит он,—я пришел к убеждению, что (и) для нас необходима такая теория морали. И я видел очень хорошие, большие результаты та-

¹ А. С. Макаренко, Избр. педагогич. соч., Учпедгиз, 1946, стр. 40.

кой теории морали... я могу утверждать следующее: что коллектив, перед которым такая теория морали излагается, несомненно воспримет все это и в каждом отдельном случае, каждый отдельный ученик и воспитанник сам для себя найдет какие-то обязательные формы и формулы морали»¹.

Эта задача, обоснованная А. С. Макаренко, реализуется представителями советской педагогики в разных формах. Вот что рассказывает о своем опыте работник Мордовского педагогического института О. И. Рута.

«Как добиться того, чтобы этические нормы, присущие поведению людей нашего социалистического общества, стали достоянием сознания всей массы советских школьников и претворялись в их поведении? В течение ряда лет мое внимание было приковано к одному из актуальных вопросов методики нравственного воспитания — этическим беседам. ...Мы наметили систему нравственных понятий, которые должны быть привиты учащимся за период пребывания их в школе....

Программа начальной школы охватила следующий состав нравственных качеств: отношение к родителям, отношение к учителю, отношение к товарищам, дружба, отношение к маленьким, слабым, больным, старикам, вежливость, честность, правдивость, верность слову, скромность, послушание, трудолюбие, бережное отношение к общественной собственности, ответственность за порученное дело, любовь к Родине»².

Само собой разумеется, что в отношении к подростковому и юношескому возрасту круг нравственных понятий и способ их раскрытия подлежат расширению и углублению.

Знание *должного* является очень важным. Но является ли оно достаточным? Нет. Следует напомнить латинскую пословицу «*video meliora proboque, deteriora sequor*» («вижу и одобряю лучшее, но следую худшему»). Одного знания *должного* недостаточно.

Разрыв между знанием норм морали и реальным поведением ярко раскрывается в характеристике ученика

¹ А. С. Макаренко, Избр. педагогич. соч., Учпедгиз, 1946, стр. 89—90.

² О. И. Рута, Выступления по докладу И. А. Каирова «О повышении идейно-политического уровня учебно-воспитательной работы школы», «Известия АПН РСФСР», 1950, № 30, стр. 41—42, 182.

Павла Т., данной А. Л. Малиовановым: «Павел Т. отличается полным знанием нравственных норм, умением четко определять требования к поведению. Однако он не считает для себя нужным поступать согласно известным ему нравственным нормам. Очень начитан, отлично владеет речью и производит впечатление самого политически развитого семиклассника. Активно выступает на собраниях. Учится посредственно, выполняет задания небрежно. Прогуливает уроки, подделывает четвертные отметки, грубо относится к слабым товарищам, избегает участвовать в «черновой», не «видной», по его словам, работе».

Справедливо пишет по этому поводу А. Н. Леонтьев: «Главное заключается в том, *чем для самого человека* становятся те мысли и знания, которые мы ему сообщаем, те чувства, которые мы у него воспитываем, те стремления, которые мы у него возбуждаем. Знания и мысли, которые усвоены мышлением, *могут*, однако, не стать достоянием *самого человека*, и тогда они будут мертвы; воспитание чувств может породить простую сентиментальность (...барыня в театре проливает слезы над страданиями простолюдина, и то время как ее крепостной кучер замерзает на лютom морозе у театрального подъезда), и самые лучшие внушенные нами воспитаннику намерения могут стать у него такими намерениями, о которых было сказано: добрыми намерениями вымощена дорога и ад»¹.

Для того чтобы обеспечить действенность взглядов и убеждений учащихся и детей, необходимо воспитать у них *восприимчивость к моральным положениям и нормам*. Эти нормы должны действительно восприниматься как должное, как то, что человек осознает в качестве положений, которые он принимает, как то высокое, к чему он хочет стремиться, как то достойное, что будет определять его поступки.

А. Фадеев, рисуя в «Молодой гвардии» облик героических комсомольцев Краснодона, наряду с ними показывает двух девушек—Вырикову и Лядскую. Автор показывает, что они чисто формально усваивали нормы морали, нормы поведения советского человека; по су-

¹ А. Н. Леонтьев, Психологические вопросы сознательности учения, «Известия АПН РСФСР», 1947, № 7, стр. 6.

шеству они и не воспринимали их как нормы поведения.

«Вырикова и Лядская выполняли различные обязанности в школе и привычно и свободно обращались со словами, обозначающими все современные общественные и нравственные понятия. Но они были уверены в том, что и эти обязанности, все эти слова, и даже знания, получаемые в школе, придуманы людьми для того, чтобы прикрыть их стремления к личной выгоде и использованию других людей в своих интересах».

Эта моральная невосприимчивость к положениям советской этики и была причиной их предательского поведения по отношению к своим товарищам-краснодонцам. Надо, чтобы человек принимал положения морали именно как положения морали, т. е. как нечто значимое и обязывающее к определенным действиям.

Моральная невосприимчивость подростков и юношей, представляющая собой относительно редкое явление, сказывается иногда в таких уродливых формах, как бездушное отношение к окружающим, обман родителей, педагогов школы, неразборчивость в средствах получения удовольствий и т. п.

Что предполагает моральная восприимчивость?

1. Она предполагает, что для человека (подростка, юноши) определенные положения советской морали (как надо относиться к общественному достоянию, к труду, к людям, их поступкам, к собственному поведению) являются нормами, которые признаются им. Это значит, что он *не только знает* требования морали, но принимает их умом и сердцем как должное, поэтому многое становится для него внутренним «надо» и внутренним «нельзя». У него возникают отчетливые убеждения относительно того, что является хорошим и плохим, какие действия, мысли и желания моральны и не моральны.

2. Моральная восприимчивость предполагает, что человек отчетливо осознает, какие чувства, побуждения являются хорошими и плохими, высокими и низкими. В соответствии с этим человек оценивает и свои собственные побуждения и чувства. Он занимает по отношению к различным видам чувств разную позицию.

3. У человека (подростка, юноши) начинает формироваться группа основных моральных переживаний.

люди
вот что
чинает не
поводу не
Ему
людьми
боротья
в себе не
4. В
воспитате
его лучше
зах други
В чем
Развит
том, что ч
эмоциона
ступках лю
О появ
вопросам
«Детство»
того, как
были для
должно бы
бенное. С
к людям, и
невыносим
чужой».
Развита
не только в
ка) не мож
все то, что
борется за
он считает
Конечно
тываться в
Так же
необходимости
примчивости
но отнестись
ходимость е
ствующий ид
ских пережив
21*

которую называют «совестью». Человек начинает испытывать особое удовлетворение от того, что он действует «по совести», что у него «чистая совесть». И он начинает испытывать внутреннюю неудовлетворенность по поводу некоторых своих действий, поступков, помыслов.

Ему делается стыдно за них перед собой и перед людьми. В человеке появляется отчетливое стремление бороться с теми чувствами и побуждениями, которые он в себе не одобряет.

4. В человеке появляется *готовность воспринять воспитательные воздействия*, которые должны сделать его лучше не только в собственных глазах, но и в глазах других людей.

В чем проявляется моральная восприимчивость?

Развитая моральная восприимчивость проявляется в том, что человек приобретает ценное свойство — горячо, эмоционально относиться ко всему в поведении, в поступках людей, что затрагивает нормы морали.

О появлении такого обостренного отношения к этим вопросам пишет в своей автобиографической повести «Детство» А. М. Горький: «Дни нездоровья (после того, как он незаслуженно был избит дедом. — П. Я.) были для меня большими днями жизни. В течение их я, должно быть, сильно вырос, я почувствовал что-то особенное. С тех пор у меня явилось беспокойное внимание к людям, и, точно мне содрали кожу с сердца, оно стало невыносимо чутким ко всякой обиде и боли своей и чужой».

Развитая моральная восприимчивость проявляется не только в том, что человек (подросток, юноша, девушка) не может остаться спокойным и остро переживает все то, что аморально в действиях, но и в том, что он борется за определенные моральные принципы, которые он считает правильными.

Конечно, моральная восприимчивость *должна воспитываться* в человеке¹.

¹ Так же как мы имеем дело с моральной восприимчивостью и необходимостью ее воспитания, мы имеем дело с эстетической восприимчивостью — как возможностью непосредственно и эмоционально отнестись к значительному произведению искусства — и с необходимостью ее воспитания, чтобы возник необходимый и соответствующий идейному содержанию произведения комплекс эстетических переживаний. Это обстоятельство очень настойчиво подчерки-

Моральную восприимчивость воспитывает окружающая жизнь: семья, быт, поведение окружающих, а также собственная практика поступков и действий человека.

Надо помнить, что все поступки, поведение окружающих людей (родителей, педагогов, родственников, соседей, товарищей), в которых невольно раскрываются их моральные качества, влияют на характер понимания ребенком и подростком моральных принципов, воспитывают моральные чувства ребенка.

Существенное значение имеют также непосредственные реакции окружающих на поступки и действия других людей, их моральные оценки, интерес к моральному поведению людей.

Все это заставляет ребенка, подростка задумываться и самостоятельно решать вопросы нравственного поведения.

Для развития моральной восприимчивости человека большое значение имеет оценка его собственного поведения окружающими людьми. Когда оценка действий и поведения произведена людьми, к которым человек относится с уважением, которые проявляют заинтересованность в его духовном росте, то она оказывает на него большое воздействие.

Одобрение или неодобрение, которое высказано в словах и во всем поведении окружающих (радость или огорчение во взгляде, приветливость или сдержанность и холодность в обращении), влияют на самочувствие человека, будят желание стать иным, порождают стремление к самооценке, ведут к моральным переживаниям.

Приведем пример, который отчетливо характеризует роль воздействия окружающих людей, их оценок, их поведения на моральную восприимчивость, развитие нравственных чувств.

Директор московской школы Р. Брусничкина пишет: «Припоминается случай, когда вожатая отряда V Б класса, комсомолка Нелли Назаренко, снизила успеваемость

вал В. Белинский. Отмечая, что непосредственно эмоциональный подход к производству искусства предполагает большую подготовительную работу, Белинский писал: «Без приготовления, без страсти, без труда и настойчивости в развитии чувства изящного в самом себе, искусство никому не дается» (Белинский, Статья о «Тарантасе» Сологуба, Полн. собр. соч., т. IX, 1945, стр. 315).

в жизни и са
сбор отряда
верное, дене
выступать на
ми девочками.
И это было
Сбор отряд
горько плака
вину» (курсив)
Ключарева
дит следующий
«Сын Андре
два дня я ух
Мы решили б
Я очень сдерж
сказала, что я н
вить меня и сес
об этом подума
Сын молчал.
отложила белье
— Это на де
Иринка запл
Сын нервнич
не вижу его пер
что все это сер
же, в конце-кон
Накануне на
мне виноватый,
«Мама, я ост
зал, что ты мне
бросать сейчас
моем поступке!
Так оценка о
ствий влияет на
оценку человека
Хорошо, когда
1 Р. Бруснич
изд-во «Молодая гвар
2 И. Р. Ключар
«Семья и школа»

по литературе и геометрии и получила по этим предметам двойки. На другой день председатель совета отряда, где вожатой была Нелли Назаренко, пришел ко мне в кабинет и сказал: «Раиса Дмитриевна, у нас сегодня сбор отряда, а наша вожатая получила две двойки. Наверное, придется сбор отложить, ведь не может вожатая выступать на сборе в отряде и говорить с неуспевающими девочками, раз она сама не успевает».

И это было правильно.

Сбор отряда прошел без Нелли Назаренко. Она горько плакала у меня в кабинете, сознавая свою вину»¹ (курсив мой.— П. Я.).

Ключарева в своих «Воспоминаниях матери» приводит следующий случай.

«Сын Андрей в 4-м классе... как-то сказал: «Через два дня я ухожу с ребятами. Может быть, не вернусь. Мы решили бросить учиться и поступить в юнги!» Я очень сдержанно и серьезно приняла это сообщение, сказала, что я не думала, что он так легко может оставить меня и сестренку одних. Кто же нам поможет? Ты об этом подумал?

Сын молчал. Я начала его собирать. Сшила рюкзак, отложила белье. Утром собрала продукты и сказала:

— Это на дорогу Андрею...

Иринка заплакала: «Братик, не уезжай!»

Сын нервничал, но крепился, а я делала вид, что я не вижу его переживаний. Продолжала вести себя так, что все это серьезно, раз он так решил... и ждала: что же, в конце-концов, сделает мальчик?

Накануне намечаемого дня отъезда сын подошел ко мне виноватый, измученный думами и сказал:

«Мама, я остаюсь. И ребята остаются. Я им рассказал, что ты мне говорила, и мы решили, что нам всем бросать сейчас матерей нельзя. Что бы папа сказал о моем поступке!»² (отец Андрея К. умер.— П. Я.).

Так оценка окружающими людьми поступков и действий влияет на характер поведения, на собственную оценку человеком своих поступков.

Хорошо, когда жизненные обстоятельства и окружа-

¹ Р. Брусничкина, Учитель и пионерская организация, изд-во «Молодая гвардия», 1951, стр. 16.

² И. Р. Ключарева, «Из воспоминаний матери», журн. «Семья и школа», 1950, № 4.

он тоже хочет быть смелым и считает, что нужно быть смелым. Проверили вы, смел он или труслив? И если при проверке окажется, что этот мальчик трус, если его, например, оставить ночью в лесу одного и он будет плакать, то я имею право сомневаться в том, что в нем достаточно воспитан советский патриотизм. Я допускаю, что может быть такое положение, когда у школьника будут правильные, советские патриотические представления, но не воспитана правильная советская привычка»¹.

Одним из важнейших условий воспитания чувств, и прежде всего нравственных чувств, является *соответствующая организация жизни воспитываемых людей*.

Недостаточно знать положения передовой морали, их надо принять умом и сердцем. Но, чтобы они стали достоянием человека, их надо осуществлять на практике, они должны войти в его жизнь. Они должны войти в опыт подростка, юноши, взрослого человека. Он должен ими руководствоваться по отношению к окружающим общественным явлениям, фактам, поступкам людей, к самому себе и т. д. И не под чьим-то давлением, а по собственному убеждению. А вот отсутствие упражнения в нравственных действиях, недостаточный опыт моральных переживаний, побуждений приводят к тому, что человек только *формально* знает положения передовой морали, а не живет ими. Чтобы человек руководствовался в жизни положениями передовой морали, чтобы они стали основой его мыслей и чувств, надо соответствующим образом организовать его жизнь, взаимоотношения с другими людьми, с коллективом, процесс его учения и труда и т. д.

Высокие патриотические чувства советского человека рождаются и крепнут в непосредственной практической работе по построению коммунистического общества. Воспитать эти чувства у человека невозможно, если он оторван от жизни своего народа, если он не участвует в созидательной коллективной работе на благо своего отечества и замыкается в маленький мирок эгоистических интересов и личного благополучия.

Поэтому, говоря о предпосылках воспитания чувств подрастающего поколения, совершенно необходимо под-

¹ А. С. Макаренко, Избр. педагогич. соч., Учпедгиз, 1946, стр. 179—180.

черкнуть значение организации самой жизни детей и подростков. Такая организация жизни предполагает правильные отношения между ребенком и коллективом. Разнообразная деятельность в коллективе — учение, работа, оценка другими твоих действий — все это создает почву для формирования соответствующего отношения к своим поступкам, обязанностям и поступкам других людей в различных обстоятельствах жизни. Следовательно, правильная организация жизни коллектива лучше всего сформирует *нужное нам отношение* к другим людям, труду, Родине, самому себе и т. д.

Должным образом организованный труд и учение, общение с окружающими создают основы для образования устойчивого отношения к определенным сторонам и явлениям жизни, к самому труду и учению.

Усложнение деятельности, осуществляемой человеком, требующей от него больше сознательности и усилий, рост требований к нему меняют его образ жизни и тем самым образ его мыслей и чувств. Общественные оценки поведения человека, нравственных и безнравственных поступков, усвоенные школьником, становятся уже его собственными оценками и принципами как в отношении других людей, так и себя самого. Они превращаются в устойчивое эмоциональное отношение к определенному роду поступкам, регулирующее поведение человека.

3. В ЧЕМ ПРОЯВЛЯЕТСЯ ВОСПИТАНИЕ ЧУВСТВ

Что происходит в эмоциональной сфере человека, в содержании и характере его чувств под влиянием их воспитания?

Основное, что в этом случае происходит, заключается в следующем.

1. Появление эмоционального отношения к тому, что раньше оставляло безразличным, не затрагивало. Так, ребенок может оставаться безразличным к горю другого человека, но под воздействием близких у него пробуждается сочувствие и жалость к другим людям, попавшим в беду. Подросток может под воздействием коллектива начать эмоционально относиться к некоторым поступкам. Бывает, что человек не испытывает эстетических чувств при слушании музыки, но со временем под

взращивать за
А. С. Мака
ном отношении
коммунаров:
«Наша комм
сидеться, пот
которому след
провалялся об
чили в том, ч
веди коммуны
бым».

Мы видим
возникло уст
раньше не б

2. Появл

к явлениям

тей, — пишет

драться с то

без спроса ч

всего неприя

лично, или д

ка. «Дратьс

отвечает че

а то в милл

ребенок. К

нако, ответ

нельзя, пот

П. Я.). К о

вильное эм

воздействие

3. Челов

торые он о

Так, им из

неувереннос

и т. д.

Н. С. Лу

зывал о се

волна, кото

которой бы

процесс — к

К. Кол

учпедгиз. 194

влиянием воспитания в нем появляются такие чувства.

А. С. Макаренко рассказывает о таком эмоциональном отношении, образовавшемся у его воспитанников-коммунаров:

«Наши коммунары приняли за правило в трамвае не садиться, потому что всегда найдется в вагоне человек, которому следует уступить место, и *каждый коммунар провалился бы от стыда сквозь землю, если бы его уличили в том, что он нарушил этот пункт этической заповеди коммуны — вежливость к старикам, помощь слабым*».

Мы видим, что к определенному поведению здесь возникло устойчивое эмоциональное отношение, которого раньше не было.

2. Появляется правильное эмоциональное отношение к явлениям жизни. «Спросите четырех-пятилетних детей, — пишет К. Н. Корнилов: «Почему не следует драться с товарищами?» или «Почему не следует брать без спроса чужие вещи?» Ответы детей учитывают чаще всего неприятные последствия, вытекающие или для них лично, или для других людей из антиморального поступка. «Драться нельзя, а то попадешь прямо в глаз», — отвечает четырехлетний мальчик. «Брать чужое нельзя, а то в милицию поведут», — отвечает один шестилетний ребенок. *К концу дошкольного периода появляются, однако, ответы уже иного порядка: «Драться с товарищем нельзя, потому что стыдно обижать»*¹ (курсив мой. — П. Я.). К определенного рода поступкам возникает правильное эмоциональное отношение, образованное под воздействием взрослых.

3. Человек начинает бороться с теми чувствами, которые он осознает как ненужные, недостойные, плохие. Так, им изживается в результате борьбы с собой страх, неуверенность, тщеславие, лживость, раздражительность и т. д.

Н. С. Лукин пишет о том, как один подросток рассказывал о себе: «Я больно ударился, поднялась какая-то волна, которая захватила меня и вылилась в злость, от которой было обидно; я чуть не задохнулся. Вот этот процесс — как-то вылить свою злость — я наблюдаю не-

¹ К. Корнилов, А. Смирнов, Б. Теплов, Психология, Учпедгиз, 1948, стр. 311—312.

редко. Это и есть то, что надо побороть и заставить себя не проявлять».

Учительница школы № 52 Ленинграда Р. Я. Старкина сообщает: «У многих учащихся все больше и больше стало появляться желание вести себя лучше, с честью носить звание советского школьника, искоренять свои недостатки. Мать одного мальчика, с которым мне всегда было очень тяжело, так как он был лжив, любил списывать, обойти учителя, обидеть слабого, как-то в беседе говорит мне, что сын сказал ей: «Эх, мама, ты не знаешь, какой я хороший!» По-видимому, у него появилось желание быть хорошим, а изменился он в VII классе разительно. Никто не жаловался, что он бьет и обижает более слабых, с ним стали дружить, он стал говорить правду. Я как-то в середине года получила от него записку, в которой он написал мне довольно трогательно, что он очень изменился к лучшему, ■ я это не замечаю и ему это очень обидно. Я после уроков с ним объяснилась и сказала, что вижу, как изменился он к лучшему, и глубоко верю в него»¹ (курсив мой.— П. Я.).

В данном случае сказалась большая работа, проводимая классным руководителем по моральному воспитанию учащихся. Ей удалось образовать дружный школьный коллектив. Для школьников стало очень важным отношение товарищей к их поступкам. Школьники начали реагировать на общественное мнение коллектива. Поэтому у недисциплинированного ученика появилось новое отношение к коллективу, учителю, к самому себе. Желание заслужить хорошую и справедливую оценку коллектива и классного руководителя заставило мальчика думать о своем поведении, оценивать его, стремиться стать лучше. У него возникло обостренное эмоциональное отношение к своему собственному поведению и к поведению товарищей. Оно привело к борьбе в себе с тем, что он стал считать недостойным.

4. Человек начинает владеть эмоциональной стороной своего поведения. Он сдерживает проявления страдания, волнения, восторга, вспыльчивости и т. д. Он

¹ Р. Я. Старкина, Работа классного руководителя в седьмых классах по формированию морального облика учащихся, сб. «Из опыта работы классного руководителя по воспитанию коммунистической морали», Л., 1949, стр. 29.

стремится не показывать в тех случаях, когда это неуместно, свое огорчение, раздражение, гнев, горе, боль или стремится проявлять свое чувство так, как это подсказывает ему обстановка.

Учительница Е. В. Коксанова сообщает следующие данные об одной своей ученице: «Ученица Люда Г. чрезвычайно невыдержанна, вспыльчива, дерзка в отношении к товарищам, матери и даже учителям. Много проведено с ней индивидуальных бесед, целью которых являлось убедить ее в том, что ее характер невыносим для окружающих, что ее невыдержанность будет мешать ее работе. Во время ее доклада о Дженни Маркс одна из учениц улыбнулась. Люда остановилась и отказалась продолжать. Класс замер, молчала некоторое время и я. Потом я попросила ее взять себя в руки и довести доклад до конца. После беседы я задержала класс и предоставила слово Люде для самооценки своего поступка. Горячо осудили девочки ее поступок. Они говорили: «Надо уметь владеть собой и не показывать обиду. Нельзя же срывать работу всего коллектива из-за личных капризов».

Люда признала свою ошибку и выразила удовольствие, что все же она сумела овладеть собой и выполнила классное поручение.

— Прежде я бы, конечно, ушла и даже не подумала о своем поступке, ушла в раздражении на вас, считала бы себя обиженной, а теперь... теперь ведь я работаю над своим характером, но сразу не могу его изменить. Во мне живет какой-то «человек», который в такие минуты невыдержанности одобряет меня,— говорила Люда. По отзывам учителей и товарищей ученица Г. стала значительно лучше, выдержаннее. Мама меньше жалуется на ее дерзости¹. Этот пример доказывает еще неполное овладение эмоциональной стороной своего поведения.

Офицер-воспитатель Б. Изюмский рассказывает о следующем эпизоде из жизни суворовцев: «Павлика с острым приступом аппендицита привели в гарнизонный госпиталь... Когда Павлика положили на операционный стол, он твердо решил не проронить ни звука,

¹ Сб. «Из опыта работы классного руководителя по воспитанию коммунистической морали», Л., 1949, стр. 64—65.

хотя бы его резали на куски. «Пусть знают, какие суворовцы!» И он действительно не только не стонал, но даже пытался смотреть на руки хирурга»¹.

Перед нами случай, когда человек подавил в себе сильную эмоциональную реакцию ради того, чтобы быть выдержанным и храбрым.

«Во время Великой Отечественной войны немцы применили против нашего флота магнитные мины... Офицер Охрименко первым разгадал секрет очень сложной вражеской мины, сброшенной немцами в Севастопольскую бухту... Эта мина не разорвалась. Ее подняли. Охрименко, вооружившись диамагнитным инструментом, стал разоружать мину. Это был подлинно героический поступок. Малейшая ошибка — и гибель минера была бы неизбежной.

В полной темноте нащупывал Охрименко детали... Ошибки не произошло, секрет был разгадан. Охрименко спросили, что он переживал при разоружении мины. Мужественный офицер ответил: «Сказать, что я не боялся взрыва — будет неверно, да и вы не поверите. Железных людей на свете не существует, у каждого человека есть нервы. Конечно, боялся, но страх — такое чувство, которое можно побороть, если думаешь не о себе, а о товарищах, о Родине, о достижении победы над врагом...»².

О том, какое значение имеет умение владеть выражением своих чувств, многократно говорил А. С. Макаренко. Он в этом умении регулировать выражение своих чувств видел одну из серьезных задач педагога-мастера. Умение владеть своими эмоциями в различных обстоятельствах является важнейшим моментом в воспитании учащихся, в воспитании дисциплинированности. А. С. Макаренко видел в умении регулировать выражение своих чувств также и средство воздействия на учащихся, чтобы они отчетливо понимали, какое эмоциональное отношение вызывает тот или другой их поступок у педагога (см. главу «Выражение чувств»).

5. Чувства человека приобретают действенный характер. Новые жизненные факты, обстоятельства, с которыми сталкивается человек, с которыми он знакомит-

¹ Б. Изюмский, Начало пути, Военгиз, 1950, стр. 179.

² П. И. Мусьяков, Войсковая дружба и товарищество, Военмориздат, 1951, стр. 42.

ся по рассказам окружающих, вызывают у него соответствующий эмоциональный отклик. Это возникающее эмоциональное отношение определяется теми положениями морали, которые человек усвоил, которые стали для него близкими, стали его убеждениями. Он может испытать удовлетворение, жалость, симпатию, уважение, недовольство, негодование по поводу тех или других действий, обстоятельств жизни своих товарищей, сверстников, чужих людей и т. д.

Однако в ряде случаев его эмоциональное отношение к данному действию, поступку, состоянию человека, обстоятельствам его жизни может проявиться в одном лишь переживании чувства. Важно, когда образующееся эмоциональное отношение захватывает более существенные стороны личности человека, становится тем, что побуждает его при соответствующих жизненных обстоятельствах к совершению действия и поступка, отвечающих переживаемым им морально чувствам. Человек тем самым не только испытывает то или другое чувство по отношению к явлениям окружающей жизни и людям, но и проявляет развивающееся у него эмоциональное отношение в своих действиях. Чувства, в которых ярко проявляется его моральное сознание, мир его моральных убеждений, делаются побуждающим началом его поступков как по отношению к другим людям, так и к самому себе.

Действенный характер чувств, которые подлежат воспитанию, заключается не в том, что человек вообще поддается порыву любого своего чувства и может проявлять его так, как ему хочется, а заключается в том, что человек, регулируя свои чувства, проявляет их в действиях и поступках, руководствуясь своим моральным сознанием. Он поступает так, как ему подсказывает его совесть, и не может не действовать определенным образом потому, что на это толкают его моральные чувства.

6. Чувства человека становятся более принципиальными. Мы уже отмечали, что чувства человека могут приобрести черты обобщенности в процессе развития эмоционального опыта человека. Обобщенность чувства возникает вследствие того, что становится все отчетливей и сильнее связь этого чувства с существенными устремлениями личности, ее идейными убеждениями, миро-

воззрением. И эта связь проявляется в характере повторных переживаний чувства, ставшего обобщенным. Такая обобщенность чувства может быть присуща и моральным, и интеллектуальным, и эстетическим чувствам.

Принципиальность чувств очень ярко проявляется в области моральных чувств. Она связана с характером морального отношения человека к явлениям жизни и поведения людей. Когда человек руководствуется в своем отношении к людям, к явлениям жизни не случайными обстоятельствами, а системой убеждений, возникающих в процессе его развития как сознательной личности, то тогда мы говорим о том, что его отношение носит принципиальный характер. И вот, когда переживание чувства перестает возникать по мелкому, случайному, незначущему поводу, а возникает тогда лишь, когда появляются обстоятельства и факты, затрагивающие систему убеждений человека, тогда мы должны говорить о том, что чувство приобретает черты принципиальности. Такое чувство становится более значимым потому, что переживание, возникшее по определенному поводу, затрагивает более существенные стороны личности, чем раньше.

Когда чувство приобретает черты принципиальности, то это сказывается в таких, например, изменениях в характере испытания чувства: человек перестает испытывать так, как это с ним бывало раньше, неприязнь к другому человеку из-за того, что тот в силу случайных обстоятельств причинил ему неприятность. Когда же человек совершает некрасивый поступок, то это вызывает в нем большое негодование, так как такой поступок противоречит его моральным принципам. Человек начинает руководствоваться в своих симпатиях и антипатиях, в своей приязни и неприязни не случайными впечатлениями, а тем, в какой мере духовный облик поведения этих людей отвечает принципам морали, которые он исповедует.

7. Чувства человека становятся более обоснованными. Чувства человека своеобразно отражают окружающую действительность. Они представляют собой отклик человеческой личности на явления жизни, поступки людей и т. д. Характер этого отклика определяется объективными обстоятельствами, возникшими в окружающей жизни, и способом реагирования человека на эти

обстоятельства, определяющимся строем его личности. И вот такой отклик, выявляющийся в моральных, эстетических и интеллектуальных чувствах человека, может быть более соответствующим объективному положению вещей и менее ему соответствующим. Так, мы говорим о человеке: «он отнесся к этому событию с необходимой моральной чуткостью», или, наоборот, «он не реагировал в нужной эмоциональной форме на такое-то событие»; «он правильно эмоционально реагировал на данное произведение искусства», или, наоборот, «как странно, что на него могло произвести впечатление такое пошлое и безвкусное произведение».

Процесс воспитания чувств проявляется в том, что чувства человека становятся более обоснованными, отвечающими объективному положению вещей. Человек начинает лучше понимать происходящие события, взаимоотношения людей, лучше видеть связь данных конкретных фактов с положениями более общего порядка, и поэтому у него возникает более правильный эмоциональный отклик на них. Это ярко проявляется как в области моральных, так и эстетических чувств.

Так, например, рост понимания идейного содержания произведения искусства, единства этого содержания с художественной формой его воплощения приводит к тому, что чувства, возникающие в связи с этим произведением, делаются более адекватными, т. е. соответствующими объективному содержанию произведения. Иначе говоря, переживания определенного характера — радость за героя, волнение, скорбь, восторг — кают там, где им надо быть в соответствии с ходом событий произведения (спектакля, повести, картины и т. д.), а не так, что радостные переживания возникают тогда, когда надо скорбеть, страх и печаль возникают тогда, когда надо радоваться, как это иногда бывает, как показывают наблюдения за восприятием детьми тех произведений искусства, которые они не понимают и потому плохо воспринимают.

Обоснованность эстетических чувств возрастает в связи с ростом и развитием художественного вкуса человека и его художественного восприятия и сказывается в содержании и характере тех положительных переживаний, которые возникают при восприятии реалистического произведения, и в характере отрицательных пе-

реживаний при восприятии фальшивых, формалистических произведений. Рост моральной восприимчивости человека, развитие его морального сознания также сказываются на обоснованности возникающих у него чувств.

8. Человек начинает испытывать более глубокие чувства, чем раньше. Эмоциональный отклик человека на различные явления окружающей действительности может характеризоваться не только различной степенью силы, но и различной степенью глубины. Те или другие события, поступки и взаимоотношения людей могут затронуть человека поверхностно или глубоко. Мы уже отмечали, что сила переживания не всегда соответствует глубине чувства. Мы встречаемся с очень сильными переживаниями, которые возникают, например, у детей и сказываются на характере их поведения в данный отрезок времени; достаточно напомнить, как эмоционально реагируют дети на разлад со своими сверстниками, на кинокартину, рассказ и т. д., и вместе с этим очень часто эти сильные переживания в малой степени закрепляются в поведении ребенка, мало проявляются в его последующем отношении к товарищу и т. д.

То обстоятельство, что человек начинает испытывать более глубокие чувства, чем раньше, проявляется в том, что изменения, происшедшие в его эмоциональной сфере, не проходят для него бесследно, а приводят к изменениям его личности (может измениться самочувствие человека, его отношение к поступкам людей и к своему поведению, у него возникает желание стать другим и т. д.).

Такого рода результаты воспитательного воздействия на эмоциональную сферу человека касаются как отдельных чувств, так и всего эмоционального строя личности.

4. ПУТИ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЭМОЦИОНАЛЬНУЮ СФЕРУ ЧЕЛОВЕКА

Мы говорили о том, какие изменения могут произойти с человеком в результате воздействия на его личность в целом и воздействия на его эмоциональную сферу. Но ведь далеко не всегда воздействие, имеющее определенные цели воспитания чувств, приводит к нужному результату. Воспитание чувств бывает успешным и

неуспешным. Естественно, возникает проблема, при каких психологических условиях то или иное воздействие превращается действительно в воспитывающий фактор. Каковы конкретные пути и формы воздействия на человека, которые могут вызвать реальные изменения в его эмоциональной сфере?

Как мы уже говорили, воспитание чувств осуществляется по двум путям: посредством воздействия на личность человека в целом и посредством специального воздействия на сферу его чувств.

О первом пути нам следует сказать немного, поскольку мы уже говорили о влиянии развития личности, ее воззрений, убеждений, интересов на содержание и направленность чувств. Подчеркнем еще раз, какое огромное значение имеет воспитание личности в целом для формирования чувств. Богатство или бедность интересов, их узость или широта, их значительность или незначительность влияют на характер чувств человека. Узость и примитивность интересов, низкий уровень общественных запросов человека не могут явиться основой для развития нужных для советских людей чувств. Только при росте интересов личности, ее запросов, стремлений к познанию окружающего и побуждений к деятельному участию в окружающей жизни, при росте моральной восприимчивости человека можно говорить как о следствии этого — о развитии соответствующих чувств человека. Чувства являются в данном случае «производной» от всей личности: воспитывается личность — воспитываются и ее чувства. Поэтому осуществление тех больших и благородных задач, которые поставлены перед всей Советской страной Коммунистической партией в деле воспитания подрастающего поколения, всестороннего развития советских людей, будет иметь своим закономерным следствием дальнейший рост и развитие эмоционального мира советского человека.

О таком развитии личности молодого советского человека говорил А. А. Жданов: «Молодому советскому поколению предстоит укрепить силу и могущество социалистического советского строя, полностью использовать движущие силы советского общества для нового, невиданного расцвета нашего благосостояния и культуры. Для этих великих задач молодое поколение должно быть воспитано стойким, бодрым, не боящимся препят-

ствий, идущим навстречу этим препятствиям и умеющим их преодолевать. Наши люди должны быть образованными, высокоидейными людьми, с высокими культурными, моральными требованиями и вкусами»¹.

Переходим к вопросу о специальных путях воздействия на эмоциональную сферу человека.

Требуется более пристально отнестись к этой проблеме потому, что мы в ряде случаев сталкиваемся с упрощенчеством в подходе к этому вопросу. В книге «Психология» П. И. Иванов пишет следующее: «Чувства можно изменять при помощи волевого усилия. Прежде всего можно произвольно изменять или создавать внешние проявления тех или иных чувств.

Так, изображая радость внешне, человек иногда действительно начинает испытывать радостное чувство (?? — П. Я.), принимая бодрый вид, действительно начинает чувствовать бодрость, и т. д... Однако не всегда бывает так. Неправильно полагать, что эмоциональные состояния чисто механически следуют за соответствующими внешними движениями — мимикой, жестами, позой и т. д. Можно усилиями воли создать все внешние проявления чувства и, однако, самого чувства не переживать. Создавая внешние проявления радости, мы еще можем не переживать самой радости. Подавляя внешние проявления печали, мы этим еще не уничтожаем самой печали. Подавление внешних проявлений чаще всего только ослабляет наши чувства, но не уничтожает их совсем.

Есть еще способы волевого регулирования чувств. Волевым усилием можно вызвать или создать представления или мысли, которые и вызовут соответствующие чувства. Волевым усилием можно поддержать нужное эмоциональное состояние. Например, волевым усилием человек может поддерживать и затем *закрепить любовь к определенному делу* (?? Курсив мой. — П. Я.)... Воспитание и самовоспитание чувств совершается по преимуществу путем собственных волевых усилий человека»².

В этих высказываниях П. И. Иванова не учитывается психологическая природа чувств. Для автора области воли и чувства радикально отделены друг от друга. Но

¹ А. Жданов, Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград», Госполитиздат, 1952, стр. 39.

² П. И. Иванов, Психология, Учпедгиз, 1954, стр. 294—295.

можно ли забывать, что всякое волевое усилие (в котором П. И. Иванов видит основной рычаг воздействия на чувства) лишь тогда достигает подлинной силы, когда оно само будет подкреплено соответствующими чувствами! Вызывает недоумение утверждение, что можно закрепить волевым усилием любовь к какому-то делу. Другой вопрос, что, начав без интереса какую-то деятельность, человек втягивается в процесс самой работы, начинает приобретать к ней склонность, и она вызывает в нем ряд положительных чувств. Но тут не волевое усилие закрепляет любовь к делу, а реальная практика действий, все больше и больше вовлекающая личность человека в данную деятельность, и создает эту любовь.

Из этих наших возражений совсем не вытекает вывод, что в области чувств человека мы не встречаемся с саморегулированием. Возражения относятся лишь к характеру объяснения этого факта П. И. Ивановым, к сведению механизма саморегулирования к волевому усилию.

Мы хорошо знаем, что человек не только ценит в себе одни чувства и относится с неодобрением к другим чувствам, но и то, что он стремится одни чувства в себе заглушить, а другие развить. И он достигает известных результатов в этом отношении. Но это получается не в итоге изолированно возникающего волевого усилия, а в результате устремлений личности в целом. Мы знаем, что человек иногда стремится «разжечь» в себе угасающее чувство. Это происходит в силу тех или других эмоционально окрашенных мотивов (например, он испытывает внутреннюю «пустоту» оттого, что его чувство угасло, или он начинает жалеть того человека, к которому испытывал ранее определенное чувство, и т. д.).

Когда у человека появляется желание в какой-то мере в себе возродить угасающее чувство, он обращается к эмоционально окрашенным воспоминаниям, старается представить себе то привлекательное, что связано с возобновлением отношений, и т. д. Исходя из устремлений личности в целом, человек может также настойчиво стремиться и к тому, чтобы у него образовалось заинтересованное отношение к какому-то занятию. Это происходит потому, что он испытывает чувство большой неудовлетворенности от того, что приходится заниматься безразличным делом. И он, чтоб не испытывать раз-

дражения и других отрицательно окрашенных чувств во время работы, начинает искать в ней такие стороны и качества, которые его могут привлекать. И он старается перестроить свое отношение к выполняемой работе. Иначе говоря, во всех таких случаях в личности происходят сложные процессы, в которые вовлечена вся эмоционально-волевая сфера человека.

Вопрос о психологических путях воздействия на чувства требует своего раскрытия.

Пути и методы вооружения человека знаниями, рост его знаний, изменение запаса его знаний связаны преимущественно с процессом активного понимания им усваиваемого материала, с закреплением этого материала в памяти для целей дальнейшего его использования. Приобретение знаний человеком предполагает процесс передачи ему этих знаний, а также освоение этих знаний как возможности пользоваться ими, размышлять на их основе, применять их, вспоминать их по нужному поводу в относительно целостном или в отрывочном виде.

Воспитание же чувств, изменение эмоциональной сферы человека предполагает иного характера психологические процессы, чем те, которые имеют место при усвоении знаний. Тут недостаточно одного лишь обязательного понимания тех фактов и явлений жизни, с которыми человек сталкивается при тех или иных жизненных обстоятельствах, и мало просто знания общественно ценных чувств. К этому пониманию и знанию должны присоединяться иные процессы, которые в большей мере затрагивают личность человека, чем обычный процесс освоения им знаний.

Проблема воспитания чувств — это проблема изменения, в известном смысле слова, личности человека, ее отношения к вещам, жизненных установок, субъективного мира. И в этом смысле проблема воспитания чувств психологически более сложная, чем проблема обучения знаниям. Это другая проблема, и решается она психологически другими путями.

Когда человек осваивает определенную область знаний, дающую систематическое представление о той или другой области действительности и ее закономерностях, то он может быть как личность недостаточно затронут этими знаниями. Они могут и не стать существенным моментом в понимании им жизни и окружающей действ-

вительности, не войти существенным звеном в его мировоззрение, поэтому мы можем иногда говорить о формальном знании, не захватывающем личность человека. И такое знание может быть связано не только с отвлеченными проблемами действительности (например, определенные области математики, механики, технические дисциплины и т. д.), но и с такими жизненно важными проблемами, как область морали. Мы приводили уже примеры случаев, когда человек хорошо знает положения морали, но не применяет их к соответствующим поступкам и действиям. Этим и объясняется разрыв между обучением и воспитанием. Интеллектуально человек вооружен, а в отношении моральных чувств (в смысле наличия соответствующих переживаний, побудительных мотивов для действий и поступков) он не вооружен, и мы должны тогда говорить лишь о формальном знании положений морали.

Воспитание чувств—это не просто накопление чувств, а это, по существу, образование новых чувств и изменение в той или иной мере уже имеющихся чувств человека.

Утраченные знания, навыки человека при соответствующих усилиях и упражнении вспоминаются, восстанавливаются более или менее полно. Чувства же человека не восстанавливаются в подобном же смысле. Человек может вспомнить ситуацию, при которой он испытывал когда-то известное чувство, он может ее себе наглядно представить, не испытывая этого чувства. Но если он *вспомнил чувство*, то оно возникает для него не как бледная, бесплотная тень бывшего когда-то переживания, а именно как *чувство*, как живое *переживание*. Вспомнить чувство — значит его вновь пережить, испытать его снова с той же или с изменившейся силой. Поэтому воспитание чувств предполагает такие пути воздействия на эмоциональную сферу человека, которые вызовут реакцию всей его личности, затронут ее субъективный мир.

Эта реакция всей личности, выразившаяся в появлении нового, живого чувства, может быть поверхностной и более глубокой. Появившееся чувство может оказаться эпизодическим событием в жизни личности, не рождающим достаточно сильных побуждений к действию. Но оно может оказаться и важным событием в ее

жизненном становлении, может занять существенное место в ее субъективном мире. Задача воспитания чувств и заключается в том, чтобы добиться не случайного появления новых чувств, а такого, которое связано с серьезным изменением духовного мира человека. Во всяком случае, процесс воспитания чувств предполагает, что всегда в той или иной мере затронута вся личность человека. Это не означает, что всякое изменение в развитие чувств резко меняет всю личность в целом. Так, мы можем встретиться со случаями, когда человек, будучи эмоционально довольно примитивным, вместе с тем тонко начинает чувствовать музыку. Однако появление таких чувств является уже залогом изменения и других чувств личности.

Как же добиться появления чувств?

Мы уже отмечали, что появление чувств характеризуется известной степенью их непреднамеренностью. Отсюда следует, что, желая добиться определенных чувств у других людей или у самих себя, нельзя поставить прямо такую цель: испытай чувство ненависти к эксплуататорам, любви к родному городу, эстетическое наслаждение от картины художника и т. д. Такого прямого пути к чувствам нет. Именно исходя из этого положения, замечательный деятель нашего театра и теоретик актерской игры К. С. Станиславский учил, что «чувству приказывать нельзя», а надо его добиваться другими путями. Вместе с тем реальная жизненная практика очень отчетливо показывает, что нужные нам чувства все-таки вызываются, что чувства под соответствующим воздействием видоизменяются, поэтому надо говорить о косвенном, не прямолинейном психологическом пути воздействия на чувства.

Человека надо «подвести» к чувствам, которых у него еще нет, посредством правильного воздействия. Что же это значит?

Это значит, что должна появиться такая психологическая ситуация, которая дает возможность возникнуть эмоциональному отношению человека к определенному кругу явлений, и это образующееся эмоциональное отношение будет им пережито. Должно появиться *переживание*, которого ранее не было в опыте человека. Будучи осознанным как определенное эмоциональное отношение, это переживание входит в эмоциональный

опыт человека и начинает занимать известное место в его личности. Так определенная жизненная ситуация заставляет человека пережить чувство. Через переживание человек приходит к познанию чувства, и затем чувство, будучи пережитым и осознанным, может превратиться в устойчивое психическое состояние при определенных условиях.

Каковы же те жизненные ситуации, которые вызывают новые чувства?

Они многообразны:

1) переживание появляется в результате непосредственного прямого и опосредованного восприятия, а также осознания поведения других людей;

2) переживание возникает на основе заинтересованности, затронутости фактами общественной жизни и взаимоотношений между людьми;

3) переживание возникает как результат «сопереживания» чувств другого человека, изображенных в искусстве (литература, театр, кино, живопись, скульптура, музыка);

4) переживание нового чувства возникает в результате осуществления человеком поступка, который по своему характеру противоречит некоторым чувствам, присущим ему (таким, как страх, неуверенность, раздражение и т. д.);

5) новое переживание появляется в результате прямого воздействия коллектива (школа, семья, комсомол, производственный коллектив и т. д.).

При этом можно встретиться с двумя различными особенностями появления переживания: а) оно возникает как просто добавление к имеющемуся опыту человека; б) оно возникает как результат конфликта прежних присущих человеку оценок, жизненных установок с новыми оценками, с новым отношением; возникает в итоге борьбы высоких чувств с низкими.

Подчеркнем вновь то, о чем мы говорили выше, рассматривая предпосылки воспитания чувств. Устойчивое эмоциональное отношение к определенным явлениям действительности воспитывает в человеке жизнь, окружение человека — поступки людей и оценки их окружающими, образ жизни человека, практика его поступков и действий. Желая организовать воздействие на эмоциональную сферу человека, надо организовать со-

ответственно его окружение, образ жизни, его практику поступков и действий.

Но не всякое осознание поведения других людей и человеческих взаимоотношений, фактов социальной жизни, не всякое целенаправленное воздействие окружающих оказывает воспитывающее влияние на эмоциональную сферу человека (ребенка, подростка). Чтобы оказать нужное влияние, такое воздействие должно встретить не равнодушие, а интерес, который может перейти в эмоционально окрашенную заинтересованность. Только на этой основе возможно появление нового переживания, обогащающего эмоциональный опыт человека.

Благоприятная психологическая почва для восприятия тех положений, которые формируют моральные и эстетические чувства человека, образуется в результате таких действий, которые создают в ребенке, подростке большую «открытость» к эмоциональным впечатлениям. Педагогический такт, умение создать обстановку дружеского общения в большой мере помогают увеличить на определенный период эмоциональную восприимчивость человека¹.

Мы говорили о том, каков тот психологический путь, который приводит человека к появлению чувств, и каковы предпосылки, содействующие процессу возникновения нужного чувства. Но вместе с тем мы не можем обойти то обстоятельство, что в некоторых случаях при тех многообразных видах воздействий, которые мы перечислили (подробно они будут рассмотрены ниже), может не возникнуть у ребенка, подростка, юноши желаемое нами чувство. Иначе говоря «механизм» воздействия в силу каких-то причин оказывается неэффективным. Мы знаем, что в одних случаях чей-либо благо-

¹ Поучительно в этом отношении свидетельство Л. Космодемьянской об отдельных эпизодах воспитания Зои и Шуры: «Больше всего мы любили, когда Анатолий Петрович (отец детей) брал в руки гитару и начинал играть. Не знаю даже, хорошо ли он играл, но мы очень любили его слушать и совсем забывали о времени, когда он играл одну за другой русские песни.

Пусть такие вечера выдавались редко, но они освещали нам все остальные дни, о них с удовольствием вспоминали. Замечание, упрек, сделанные детям в эти часы, оставляли в их душе глубокий след, а похвала и ласковое слово делали их счастливыми». (Кур-сив мой.— П. Я.). Л. Космодемьянская, Повесть о Зое и Шуре, Л., 1951, стр. 50.

родный поступок вызывает нужную эмоциональную реакцию и стремление совершить подобный поступок, а в других случаях он такой реакции не вызывает.

Мы знаем, что, например, в одних случаях суровое слово воспитателя, не попав на соответствующую психологическую почву, ожесточает воспитанника, а в других помогает ему освободиться от скверных побуждений, вызывает горячее желание стать лучше и проявить это в действиях. Интересный материал приводит А. Л. Шнирман:

«На комсомольском собрании одной из женских школ обсуждался вопрос о внешнем облике учениц. Было внесено предложение: обязать всех учениц, в первую очередь всех комсомолок, приходить в школу всегда в чисто выстиранном и выглаженном белом воротничке.

И вот одна из учениц IX класса заявляет: «Девочки, как же я могу взять такое обязательство: ведь моя мама так поздно приходит с работы, она может не успеть выстирать и выгладить мой воротничок!»

Это заявление вызвало целую бурю. Все были возмущены тем, что ученица IX класса позволяет матери стирать и гладить ее воротнички и вообще делать ту работу, которую девушка ее возраста может выполнить сама. Ей сказали, что она позорит комсомол своим поведением, и потребовали от нее, чтобы она полностью освободила мать от всяких забот о себе и сама выполняла бы элементарные обязанности самообслуживания.

Виновница разразившейся бури стояла перед подругами, покрасневшая до корней волос, не зная, куда деться от стыда. Суровое осуждение коллектива, по-видимому, произвело на нее сильное впечатление. Во всяком случае, когда через две недели одна из ее подруг зашла к ее матери, та сказала: «Просто не узнаю свою Лиду — заботливая стала, ничего мне дома делать не дает, все делает сама»¹.

Отсюда становится понятным, как велика роль благоприятной психологической почвы в восприятии тех положений, которые формируют нравственный мир растущего человека. Она образуется в результате таких действий окружающих, которые создают в ребенке, под-

¹ А. Л. Шнирман, Задачи советской семьи в воспитании коллективизма у детей. Л., 1954, стр. 30.

ростке, юноше активную готовность к тому, чтобы воспринять их. Педагогический такт, умение создать обстановку общения в большой мере влияют на формирование такой готовности. А это говорит о роли воспитателя, о воздействии его личности на процесс формирования нравственной сферы школьника. Приведем пример:

«За несколько дней перед каникулами,— рассказывает один учитель о случае из своей практики,— я услышал шум в классе и звон разбитого стекла. Затем наступила полная тишина. Я направился в класс. Ко мне подошел мальчик и, волнуясь, сказал: «Я нечаянно разбил большое стекло шкафа школьного музея». Мне было очень жаль стекло, и в сознании в ту же минуту промелькнуло невольное желание сделать ребенку строгий выговор, вызвать родителей... Но, заглянув в глаза ребенка, так правдиво и хорошо смотревшие на меня, я тут же поставил себя на его место и ограничился тем, что послал виновника за завхозом. В тот же день стекло было вставлено. Уходя после уроков домой, мальчик подошел ко мне, взял за кисть левой руки, и, очевидно, желая сказать что-то, посмотрел на меня незабываемым лучистым взглядом, в котором выражалась великая любовь к взрослому человеку, сумевшему его понять и поверить ему»¹.

Мастерство воспитателя заключается в том, что он умеет попасть своими воздействиями в цель — заставить воспитуемого испытать нужное чувство. В этом проявлялась сила педагогического умения А. С. Макаренко; он умел найти и применить как раз те воздействия, которые перестраивали мир побуждений и чувств его воспитанников. Искусство воспитателя и состоит в умении понять, узнать за многообразными формами поведения воспитуемого, каковы те существенные жизненные цели, которыми на данном этапе он живет (ребенок, подросток, юноша), и каковы наиболее значимые мотивы, которыми он руководствуется в своих действиях и поступках. Иначе говоря, чего тот хочет добиться и что является для него наиболее важным в его отношениях с окружающими людьми и в отношении этих людей к нему (какое одобрение и кого из окружающих для него важно, признание каких его качеств и черт имеет для

¹ Н. И. Бокарев. Воспитание дисциплины у детей в семье. М., 1955, стр. 26.

него значение и т. д.). И, если воспитатель, воздействуя на него, затронет то, что является для воспитуемого важным и значимым, он непременно вызовет нужную эмоциональную реакцию.

Механизм вызова желаемых чувств заключается в том, что образуется связь между значимыми для этого человека мотивами и целями действий и новым действием или новой формой отношения к тем или другим сторонам жизни. Так, действие безразличное или даже неприятное, когда его осуществление связывается с такими мотивами, которые представляются ценными, вызывает положительную эмоциональную реакцию. Безразличное отношение к тому или другому факту перестает быть безразличным, вызывает нужное чувство, когда оно связывается с тем, что представляется для данного человека значительным. Через связь с тем, что является для человека важным, новый факт включается в круг явлений, вызывающих положительные чувства. Тем самым расширяется область явлений, делающихся предметом эмоционального отношения, обогащается эмоциональный опыт и появляется в чувствах новое содержание, обусловленное новыми качествами самих предметов. Эти положения позволяют лучше вскрыть смысл всех тех конкретных видов воздействия на эмоциональную сферу, к которым мы переходим.

Обратимся к фактам.

I. Переживание появляется в результате восприятия и осознания поведения других людей.

A. Жизненная ситуация, с которой сталкивается человек или с которой его намеренно знакомят другие люди, может породить ряд чувств, которые раньше у него не возникали по такому поводу.

Человек (ребенок, подросток) наблюдает горе, печаль человека в связи с нанесенной тому обидой, причиненной ему несправедливостью, воспринимает сострадание к больному, наблюдает радость по случаю встречи кого-то с дорогими ему людьми, видит нежность, проявляемую матерью к своему ребенку, и т. д. И вот у него из «сочувствия» к состоянию другого человека появляется то жалость, то сострадание, то готовность поступиться чем-то для другого, готовность радоваться вместе с ним и т. д.

Появление такого нового по своему содержанию чувства или же появление новых объектов для чувств, ранее переживаемых, вносит новые моменты в эмоциональный опыт человека.

Это появившееся изменение опыта требует закрепления в личности человека. Очень важно, встречаясь с проявлением чувства у человека, закрепить его в соответствующем поступке.

Совершая поступок, человек не только получает возможность лучше познать благодаря новой ситуации появившееся у него чувство, но он познает дополнительно новое значительное переживание, связанное с тем, что он свой эмоциональный порыв реализовал в поступке. Это чувство он тем самым в себе укрепляет, так как создает определенную связь между ним и своей деятельностью в целом. Испытанное чувство уже с рядом новых качественных моментов входит в его опыт. Это обстоятельство облегчает возможность появления вновь такого же чувства в аналогичной ситуации.

Н. Н. Голосницкая, работник дошкольных учреждений, приводит характерный пример такого «переключения» эмоций детей в реальные поступки и действия.

«Гуляя в зоопарке,—пишет она,—дети нашли бумажник с документами и деньгами и принесли его воспитателю. Елена Анисимовна просмотрела содержание бумажника и сказала, что надо разыскать владельца. По паспорту узнали адрес, всей группой написали письмо, опустили в почтовый ящик и с нетерпением ждали, кто придет за бумажником. Через четыре дня пришел пожилой гражданин. Его пригласили в группу, и сами дети вернули ему находку. Он был очень тронут, благодарил; дети вместе с ним переживали его радость. После этого, что бы дети ни находили — платочек, пуговицу,—они все отдавали по принадлежности и волновались, если не находилась хозяин вещи»¹.

А. М. Смирнова, учительница 123-й школы Ленинграда, сообщает: «Ученик В.—один из лучших мальчиков в классе. Он хороший товарищ, прекрасный пионер, общественник в классе и школе. Я хочу отметить один его поступок. В начале второй четверти он, будучи в уни-

¹ Н. Н. Голосницкая, Моя работа по воспитанию детей, Учпедгиз, 1948, стр. 40.

вермаге, вместе с другими мальчиками нашел крупную сумму денег. Немедленно мальчик передал эти деньги директору универмага. Тот был просто потрясен, пришел к директору школы и просил отметить мальчиков. Была созвана линейка, и директор школы объявил им благодарность.

В классе я сказала, что так, как поступил ученик В., должен поступать каждый советский гражданин. Все это событие произвело на мальчиков очень сильное впечатление. Как-то особенно радостно и восторженно блестели у них глаза, царил всеобщий подъем прекрасных чувств и порывов»¹.

В результате этого события, взволновавшего школьников, работа классного руководителя по воспитанию честности и правдивости учащихся стала встречать активное, заинтересованное отношение с их стороны. Они стремились те чувства, которые они испытали в связи с поступком их товарища, перевести в реальные действия.

Жизненная ситуация, затрагивающая эмоционально человека, позволяет ему не только по-новому осмыслить свое поведение и поведение других людей, но может привести к тому, что он, испытав новые моральные переживания, претворяет их в действие.

Очень важно воспользоваться для воспитания чувств тем обстоятельством, что определенная жизненная ситуация вызвала эмоциональный отклик человека. Необходимо путем направления этого эмоционального отклика на поступок закрепить это чувство в человеке, ввести его в эмоциональный опыт.

Ставя перед собой задачу воспитания чувств человека, перевоспитания некоторых его чувств, можно и намеренно столкнуть его с такой ситуацией, которая должна породить в нем чувства, ранее не занимавшие большого места в его личности.

Например, ребенок проявляет жадность. Он не хочет дать другому ребенку игрушку, но вот, если ему показать, как сильно огорчен этот ребенок из-за того, что он не дал ему свою игрушку, то возникшие жалость,

¹ А. А. Смирнова, Некоторые итоги работы классного руководителя в V—VII классах по воспитанию коммунистической морали, сб. «Из опыта работы классного руководителя по воспитанию коммунистической морали», Л., 1949, стр. 12.

стыд приведут к тому, что его детская жадность будет преодолена и он с готовностью отдаст игрушку.

Такое намеренное «подведение» человека к восприятию волнующей ситуации, чтобы преодолеть в нем одни чувства и породить другие, может быть средством воспитания чувств. В этом отношении очень интересна ситуация в пьесе Л. Леонова «Нашествие», в которой говорится о событиях в начале Великой Отечественной войны.

Федор Таланов вернулся в дом родителей, когда фашисты заняли его родной город. Он не принимает участия в заботах и переживаниях советских людей, оказавшихся в оккупации. Окружающим кажется, что чувство патриотизма у него притуплено. И вот нянька Демидовна показывает ему намеренно свою внучку, жестоко избитую фашистами. В Федоре, сильно переживающем жалость к неповинной девочке, осознавшем всю гнусность надругательства над ней, пробуждается ненависть к захватчикам. Через большое переживание он приходит к новым чувствам, которые проявляются в его поведении—он включается в борьбу с фашистами.

Через переживание одного чувства, возникшего в определенных обстоятельствах, можно создать, как было в этом случае, благоприятную почву для возникновения другого, нового чувства.

Б. Переживание нового чувства появляется в результате восприятия и осознания поведения человека, вызывающего к себе чувства уважения, привязанности, преданности (отец, мать, учитель, руководитель, командир и т. д.), который проявляет в соответствующей обстановке действенные чувства (храбрость, негодование, презрение к подлому поступку и т. д.). В этом значение примера поведения родителей, воспитателя, учителя, командира¹. В этом же и значение примеров, с которы-

¹ Елена Кононенко в своих записках о народных учителях приводит следующее письмо одной учительницы: «Мария Макаровна! Мои маленькие труды в воспитании детей — плоды Вашей работы... В самые трудные минуты я всегда живо представляю Ваш образ и спрашиваю себя: А как поступила бы Мария Макаровна? Я не знаю, где Вы сейчас, но уверена, что Вы еще в школе! Примите мою глубокую сердечную благодарность за то, что Вы подарили мне любовь к школе...». (Курсив мой.— П. Я.) Елена Кононенко, Заметки о народных учителях. Из книги «Мы и дети», изд-во «Правда», 1948, стр. 216—217.

ми подрастающее поколение сталкивается при изучении биографий великих людей и прогрессивных деятелей.

Жизнь замечательных деятелей Коммунистической партии, советской науки оказывает огромное воспитательное воздействие на наши чувства, содействуя возникновению больших чувств: любви к Родине, преданности делу прогресса человечества, делу развития советской культуры и т. д.

Искусство учителя, воспитателя, политработника и состоит в том, чтобы при рассказе, описании эпизодов из жизни таких людей суметь вызвать у слушателей *переживание* нужного чувства как стимула для соответствующего поступка.

II. Переживание возникает в результате того, что человек осмысливает свое эмоциональное отношение к фактам общественной жизни и характеру взаимоотношений между людьми.

Для того чтобы найти путь к появлению нужных нам чувств у людей, подвергающихся нашему воздействию, необходимо прежде всего, чтобы предлагаемый для ознакомления круг жизненных фактов и событий, нравственных понятий, положений морали и т. д. глубоко эмоционально затрагивал тех, кто его воспринимает. Только в том случае, если он «доходит» не только до рассудка, но и до «сердца», этот материал может стать тем началом, которое вызывает и формирует в человеке соответствующие чувства.

Предпосылкой такого воздействия являются жизненные эмоциональные впечатления, полученные детьми и подростками, юношами в процессе ознакомления с событиями общественной и культурной жизни, которые их по-настоящему захватили. Сила и многообразие этих впечатлений создают нужную основу для эмоционального восприятия характера того материала, с которым знакомится подрастающее поколение во время своих занятий. Одним из характерных примеров такого сильного эмоционального воздействия жизненных событий является описание восприятия детьми путешествия «Челюскина», о котором пишет Л. Т. Космодемьянская в своей книге «Повесть о Зое и Шуре».

После того как льды сдавили «Челюскин» и люди выгрузились на льдину, интерес к их судьбе во всем Советском Союзе был очень велик. «Но Зоя и Шура

были поглощены его судьбой безраздельно. Я могла бы не слушать радио, не читать газет — дети знали все до мельчайших подробностей и целыми часами горячо и тревожно говорили только об одном: что делают сейчас челюскинцы?... Шура вырезает из газет каждую строчку, относящуюся к челюскинцам. Рисует он теперь только Север, льды и лагерь челюскинцев — такой, каким он ему представляется...

— Вот молодец Ляпидевский! — то и дело слышала я. Имя «Молоков» Зоя и Шура произносили с благоговением...

13 апреля последние шесть челюскинцев были вывезены на материк.

— Ну что, несчастливое число тринадцать? Несчастливое, да?! — торжествующе кричала Зоя Шуре.

— Ух, я только сейчас и отдышался! — от души сказал Шура.

Я уверена: если бы их самих вывезли со льдины, они не могли бы радоваться больше».

Перед нами лишь один из многих примеров тех могучих воздействий окружающей жизни, которые формируют и расширяют эмоциональный опыт детей и подростков нашей страны.

То большое моральное воздействие, которое может заключаться в индивидуальной беседе воспитателя с учеником, в беседах воспитателя с классом на нравственные темы на уроках истории, географии, литературы, Конституции СССР, обусловлено тем, что материал общественных событий, фактов, человеческих взаимоотношений не оставляет безразличным ученика, а производит на него впечатление и потому делается основой для изменения его взглядов и чувств. Через яркое «впечатление» в ученике возникает почва для углубленного осмысления и оценки фактов общественной жизни и взаимоотношений между людьми, и тем самым в нем формируется нужное эмоциональное отношение к этим фактам.

То огромное педагогическое мастерство, которое было заключено в беседах А. С. Макаренко с его воспитанниками, основывалось на том, что Макаренко никогда не оставлял своего слушателя безразличным, всегда заставлял его задумываться, заново оценивать свое собственное поведение и поведение других и создавал в нем ос-

новы для сдвигов ■ области взглядов, убеждений, чувств.

Этим мастерством в формировании нужного эмоционального отношения к людям, к фактам действительности, обладает ряд советских педагогов.

В одной из подмосковных начальных школ произошел следующий случай. Выяснилось, что один из школьников III класса участвовал в похищении светового знака на шоссе на дороге. Учительница, для того чтобы создать у детей правильное отношение к такому поступку, решила не просто поговорить с ними об этом, а эмоционально на них воздействовать. Она написала рассказ и прочитала его детям. Содержание рассказа заключалось в следующем: мальчик Миша заболел крупом. Сообщили об этом в больницу, выехал врач на машине, но он не поспел вовремя, чтобы спасти ребенка: из-за того, что не оказалось на дороге нужных световых знаков, шофер ошибся, проплутал на дорогах и опоздал.

Дети слушали рассказ с напряженным вниманием, многие из них плакали. После этого они стали резко осуждать поступок мальчика, похитившего световой знак, и стали ■ дальнейшем проявлять большой интерес к тому, чтобы световые знаки были на месте и в порядке.

Так у детей сформировалось нужное эмоциональное отношение к конкретным фактам нарушения норм общежития.

Интересный материал по вопросу о воздействии на эмоциональную сферу учащихся IX класса в виде комплекса: а) бесед на этические темы, б) разбора с учащимися произведений советской литературы, в) статей на животрепещущие темы приводит учительница 356-й школы Ленинграда Е. В. Коксанова.

«Одну из своих очередных воспитательных бесед я посвятила теме «Роль матери в жизни человека»... Я рассказала о своем чувстве к матери, которая действительно всю жизнь оставалась моим верным другом... Я предложила девочкам вопрос: «Какой, по их мнению, должна быть идеальная мать?» Они ответили... Мая М. предложила на следующей беседе прочитать и обсудить статью «Нравственные уроды» в газете «Комсомольская правда». Так мы и сделали. В этой статье рассказывается о том, как дети забыли своего старого отца, воспитавшего их. Затем были прочитаны подобранные мною два

рассказа К. Паустовского: «Телеграмма» и «Снег». В одном из них говорилось о том, как дочь забыла, покинула свою старушку-мать, ограничиваясь посылкой денег раз в год... Оба рассказа очень сильные.

Статья и прочитанные рассказы взволновали девочек, они приумолкли, потупились, возмущались поступками таких детей, но, видимо, и себя чувствовали не совсем чистыми по отношению к родителям. Несколько дней спустя девочки рассказывали, что некоторые из них чувствовали себя дома перед матерью неловко за все огорчения, которые они ей доставляли. Другие же говорили, что в отношении к матери наступил какой-то перелом, что мать для них стала ближе и роднее. Мать одной из девочек Л. говорила: «Не могу нарадоваться на свою дочку, такой она стала приветливой, заботливой». Это были первые результаты моей работы, проведенной в целях воспитания у детей любви и нежности, уважения к своим родителям, в частности, к матери»¹. (Курсив мой.— П. Я.)

Реальные, жизненные наблюдения педагога, отдельные факты взаимоотношений людей и т. д.—образы произведений искусства — все это превращается в средство целенаправленного воздействия воспитателя на эмоциональную сферу учащихся.

Одним из важных условий успешности воздействия педагога служит верный тон, правильная экспрессия, отчетливо выявляющееся отношение учителя к излагаемым фактам, экспрессия, которая «дойдет» до слушателей, «заразит» их. Понятно, почему А. С. Макаренко уделял такое большое внимание этой стороне мастерства педагога (см. главу «Выражение чувств»). Эта сторона деятельности педагога прекрасно выражена в рассказе Л. Н. Толстого о том, как он проводил уроки.

Л. Н. Толстой сообщает о том, как он проводил в Яснополянской школе урок истории на тему Отечественной войны 1812 г., и приводит данные о характере восприятия учащимися материала этого урока.

«...Когда Наполеон с 12 языками пошел на нас, взбунтовал немцев, Польшу, все замерли от волнения... Отступление наших войск

¹ Е. Коксанова, Воспитание моральных качеств советского человека в работе классного руководителя в девярых классах. Сб. «Из опыта работы классного руководителя по воспитанию коммунистической морали», Л., 1949, стр. 58—59.

мучило слушателей, так что со всех сторон спрашивали объяснений: зачем? и ругали Кутузова и Барклая. «Плох твой Кутузов». «Ты погоди»,— говорил другой. «Да что же он сделал?»— спрашивал третий. Когда пришла Бородинская битва, и когда в конце ее я должен был сказать, что мы все-таки не победили, мне жалко было их: видно было, что я страшный удар наношу всем. «Хоть не наша, да и не ихняя взяла!» Как пришел Наполеон в Москву и ждал ключей и поклонов—все загрохотало от сознания непокоримости. Пожар Москвы, разумеется, одобрен. Наконец, наступило торжество—отступление. «Как он вышел из Москвы, тут Кутузов погнался за ним и пошел бить»,—сказал я. «Окорячил его»,—поправил меня Федька, который, весь красный, сидел против меня и от волнения корчил свои тоненькие черные пальцы. Это его привычка. Как только он сказал это, так вся комната застонала от гордого восторга. «Так-то лучше! Вот те ключи!» и т. п. Потом я продолжал, как мы погнали французов. Больно было ученикам слышать, что кто-то опоздал на Березине и мы упустили его. Петька даже крикнул: «Я бы его расстрелял, сукина сына, зачем он опоздал!» Потом немножко мы пожалели даже мерзлых французов... Только воспоминание Крымской войны испортило нам все дело. «Погоди же ты,—проговорил Петька, потрясая кулаками,—дай я вырасту, я же им задам!» «Попался бы нам теперь Шевардинский редут или Малахов курган, мы бы его отбили»¹.

Большой художник, Л. Н. Толстой так передавал сложный исторический материал на уроке, что глубоко взволновал учеников и, возбуждая в них сильные переживания любви к родине, формировал их чувство патриотизма.

Этот пример является очень поучительным и говорит о тех возможностях, которые таят в себе уроки истории, литературы, географии, Конституции СССР для воспитания чувств советского патриотизма и других моральных чувств у учащихся наших школ.

Ряд советских педагогов, которые вносят в занятия нужную эмоциональность, сами переживают то, о чем они рассказывают, не только добиваются прочного усвоения материала уроков, но и формируют мир чувств учащихся.

Один из учителей школы Московской области В. сообщает: «Я всегда стараюсь подобрать в своих беседах с учащимися что-либо действующее на их чувства. Допустим, я рассказываю им о горах, о высоте гор над уровнем моря, о льдах, покрывающих вершины гор. Можно этот материал изложить очень бесстрастно, сухим

¹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., т. VIII, М., 1936, стр. 101—102.

языком научных сведений. Но можно преподнести совсем иначе, так, что глазенки ребят загорятся, они будут с восторгом вас слушать даже после звонка, не желая уходить на перемену. Так именно было у меня, когда я рассказал о том, как у путешественников, поднимающихся на горные вершины, от разреженности воздуха кружится голова, кровь выступает из ушей, они рискуют потерять сознание, но все же достигают вершины, несмотря на все трудности... Дети сильно переживали все рассказанное»¹.

III. Переживание возникает как результат «сопереживания» чувств другого человека, изображенных средствами искусства.

Действительно, искусство, художественная литература, театр, кино, музыка, живопись представляют собой средство воспитания чувств. Именно потому, что материал искусства в силу своей убедительности, образности воспринимается эмоционально, он и пробуждает в душе читателя, слушателя, зрителя наряду с мыслями о событиях и оценками их также и эмоциональные переживания. Раскрываемая в художественном произведении жизнь, взаимоотношения между людьми, освещение событий автором, с одной стороны, приводят читателя, зрителя к определенным оценкам, которые вызывают соответствующее переживание: жалость, негодование, презрение, восхищение, уважение к героям, а с другой стороны, заставляют человека в определенной ситуации по-настоящему пережить эмоционально свое, уже сформировавшееся отношение к определенным человеческим взаимоотношениям. Понятно, что лишь то произведение может вызвать новые чувства, которое взволнует и даст возможность пережить эти чувства.

Наблюдения за восприятием детьми и подростками художественных произведений показывают, какие значительные переживания могут возникать у них в связи с чтением произведений художественной литературы, слушанием музыки и т. д.

О значении литературы для формирования новых чувств рассказывает А. М. Горький в автобиографической повести «В людях». Он пишет: «Она дала мне

¹ Заимствовано из работы Ф. Н. Гонаболина, «Очерки психологии советского учителя», изд-во АПН РСФСР, 1951, стр. 83.

Гринвуда «Подлинную историю маленького оборвыша», заголовок книги несколько уколол меня, но первая же страница вызвала в душе улыбку восторга,— так с этою улыбкою я и читал всю книгу до конца, перечитывал иные страницы по два, по три раза. Так вот как трудно и мучительно даже за границей живут иногда мальчики! Ну, мне вовсе не так плохо, значит можно не унывать!»

Николай Островский пишет, как он подростком, имея уже сформировавшиеся взгляды на социальные явления, переживал описанное в книгах: «Помню, мне было тогда двенадцать лет, я работал «мальчиком» в кухне станционного буфета. Почти ребенок, я познал на своей спине всю тяжесть каторжного труда при капитализме. Я принес с трудом добытую книгу — роман какого-то французского буржуазного писака. В этой книге был выведен самодур-граф, который от безделья издевался над своим лакеем...

Читаю я про все эти штучки старушке-матери, и стало мне невмоготу. И вот, когда граф ударил лакея по носу так, что тот уронил поднос,— вместо того, чтобы лакею униженно улыбнуться и уйти, как было у автора, я, полный бешенства, начал крыть по-своему... «Тогда лакей обернулся до этого графа, да как двинет его по сопатке»...— «Погодь, погодь,— вскрикнула мать.— Да где же это видно, чтобы графьев по морде били?» — Кровь хлынула мне к лицу: «Так ему и надо, подлюге проклятому, пушай не бьет рабочего человека!» «Не поверю, дай сюда книжку,—говорит мать.— Нет там этого». Я с бешенством бросаю книжку на пол»¹.

Показательны записи в дневнике Инны Константиновой («Девушка из Кашина») от 22-го апреля 1941 г.: «Вчера вечером кончила книгу Джека Лондона «Мартин Иден». Потрясающее впечатление! Никогда невозможно забыть его или спутать с кем-нибудь. Как я плакала над его концом. Да и мог ли быть другим конец для такого титана в тех условиях? Он стоял неизмеримо выше всех окружающих по уму, по силе мысли, по пониманию жизни. Задушенный одиночеством, он умирает».

Путем сопереживания того, о чем рассказывается в художественном произведении, человек имеет возмож-

¹ Николай Островский, Речи, статьи, письма, изд-во «Молодая гвардия», 1946, стр. 36—38.

ность испытать еще не испытанные чувства, и таким образом расширяется круг явлений и предметов, вызывающих его чувства: уважение, любовь, презрение, негодование и т. д.

Вот как, по наблюдениям Т. В. Драгуновой, некоторые советские школьники воспринимают произведения современной советской литературы.

Ученица Г. (15½ лет) говорит: «Очень люблю «Молодую гвардию», «Записки партизана», вообще современные книги... Люблю читать про коллектив: школьный, заводской, какой-нибудь другой. *И со всеми героями вместе живу, думаю, переживаю, решаю все их вопросы*». (Курсив мой.— П. Я.)

Ученица VII класса П. говорит: «Моя любимая книга «Как закалялась сталь». Павка Корчагин мне близок и понятен всеми своими поступками, мыслями и чувствами, и очень хочу походить на него».

Один юный читатель из Краснодарского края пишет: «Вместе с Мересьевым мне казалось, что я ползу на четвереньках к своим, вместе с ним лечусь в госпитале, и до того дочитался, что мне казалось, будто и у меня болят ноги, как у Алексея Мересьева, я даже потрогал их рукой, но нашел их совершенно здоровыми»¹.

«Наши учащиеся (III и IV классы 169-й школы Москвы), — сообщает А. Янковская, — на спектакле «Снежок» в Центральном детском театре плакали над судьбой затравленного негритянского мальчика. Их охватывало возмущение, когда в школе «Снежка» бьют, когда учительница истории мисс Феллер на просьбу рассказать что-нибудь о России, заявляет, что в России с 1917 г. царят хаос и тьма. Дети с мест кричат: «Неправда!», «Это ложь», «Не смейте так говорить!»

Взрыв негодования охватывает юных зрителей, когда мисс Феллер заявляет, что только благодаря Америке мы одержали победу; сначала раздается вздох изумления, в первое время дети просто поражены. Они не представляют себе, что подобная ложь вообще возможна на свете. Дети вскакивают с мест, кричат, шумят, слышны отдельные голоса: «Это мы вас спасли!», «Это мы помо-

¹ «О воспитательном значении детской советской литературы». Вступительное слово И. А. Каирова на открытии научной сессии. изд-во АПН РСФСР, 1952, стр. 11.

гали вам!», «Мы победили!», «Мы первые вошли в Берлин!»¹.

В чем сила воздействия художественной литературы, искусства, кино? Восприятие художественных произведений только тогда по самому своему существу является полноценным, когда это восприятие эмоционально, когда оно будит сильный душевный отклик в человеке. И чем содержательнее художественное восприятие, тем содержательнее и те чувства, которые возникают вместе с ним.

Значительное идейное содержание, правдивое раскрытие действительности, глубоко запечатленные в художественном произведении, формируют содержание эстетического переживания и эстетических чувств, порожденных произведением.

Чем больше, чем глубже нравственный опыт человека, тем содержательнее могут быть его эстетические чувства при восприятии художественного произведения, раскрывающего жизнь в ее сложных взаимоотношениях. Но, с другой стороны, важно помнить и другое: эстетическое переживание от художественного произведения включает в свое содержание весь мир идей, моральных оценок, черт поведения людей и т. д., которые характеризуют жизнь, изображенную в произведении. И все эти идеи, моральные оценки, образцы поведения, черты характера, качество поступков людей становятся эмоционально пережитыми, принятыми или отвергнутыми воспринимавшим их человеком. В этом и заключается значение подлинных произведений искусства, их воспитательное воздействие на человека.

Сила и значение реалистического искусства состоят в том, что оно может и должно выявлять, раскрывать высокие душевные качества и типичные положительные черты характера передового человека, создавать художественный образ, достойный быть примером для подражания.

Произведение реалистического искусства, вызывающее эстетическое восприятие и рождающее эмоциональный отклик, помогает человеку живо, заинтересованно, с эмоциональной захваченностью воспринять принципы морали, запечатленные в художественных образах. Оно

¹ А. Янковская, Пути и средства воспитания у учащихся советского патриотизма и национальной гордости ■ начальной школе, «Известия АПН РСФСР», вып. 30, стр. 251.

помогает человеку пережить их в своем непосредственном опыте и этим самым в известной мере закрепить в личности. В этом заключена основа воспитания людей средствами искусства. Поэтому-то писателей, деятелей искусства называют инженерами человеческих душ.

Искусство является «школой чувств» человека. Поэтому и произведения литературы, воспевающие чувства асоциальные, чувства эгоистические, широко распространяемые в капиталистических странах («комиксы»), влияют отрицательно на эмоциональную сферу человека, приводя к извращению его чувств.

Но, называя искусство «школой чувств», необходимо помнить, что хотя искусство содержит очень важные элементы для возникновения нужных чувств, однако оно еще не содержит все необходимые элементы. Произведение искусства порождает переживание, необходимое для возникновения всякого чувства, но никак не исчерпывающее существа его. Переживание чувства, его сила не говорит о месте самого образовавшегося чувства в личности. Можно многое испытать, переживая с героями романа, пьесы, фильма их радости и горести, и вместе с тем от этого пережитые чувства не превращаются в устойчивое психическое состояние, в черту личности, влияющую на ее поступки. Чувство должно приобрести действенный характер. В этом отношении психологическая ситуация, создаваемая восприятием произведения искусства, не всегда является благоприятной, поскольку в ней имеется известный «отрыв» от жизненной практики, художественный вымысел.

Одно простое переживание, возникшее на основе восприятия произведения искусства, не решает вопроса о воспитании чувств. Поэтому для воспитания очень важно перевести чувство, возникшее на основе восприятия художественных образов, в реально-действенный план. Чувства, появившиеся в связи с восприятием художественных произведений, надо закрепить каким-то поступком, отвечающим содержанию и характеру пережитого чувства.

В этом отношении важным является прием воздействия, который описывает Б. Изюмский:

«Всего два дня назад взял Каменюка «Как закалялась сталь», а сегодня уже возвращал. Читал ее лихорадочно, с пересохшим от волнения горлом, находясь словно ■ тумане.

— Ну
— И
нам
нюке, за
— А ты
бросил кур
Артем
Но М
очков:
— Гово
Каменк
— Ино
— Мне
да никогд
— Поста
Слово мое

Для во
ное место
началом в
когда чело
впервые чу
лагающим
чувств.

IV. Пере
человеком
творечит ч
человеку в
неуверенност
Борьба, н
уверенность
разъясняют
не только в то
ления страха
вершать пост
своими чувств
Б. Изюмск
одного офице

«Самсонов б
его в условия, пр
шло в вечером во
за якобы забыто
или, смеясь, рас
ся высоты... как
тину — солдаты С
игры прыгнул в
мне!» или прощу
Нет, не эту, а

— Ну как? — радушно спросила Артема Мария Семеновна.

— И-их! Замечательная! А Корчагин... Вот это человек! Всем нам пример. Трудностей никаких не боится... Наоборот... — и Каменюка, захлебываясь, стал передавать содержание книги.

— А ты заметил, как Павел боролся с дурными привычками — бросил курить и ругаться, — спросила Гринева.

Артем с недоумением посмотрел на нее...

Но Мария Семеновна спросила, строго глядя сквозь стекла очков:

— Говорят, ты ругаешься?

Каменюка невольно замялся, но правдиво сказал:

— Иногда, Мария Семеновна... Просто невозможно выдержать.

— Мне это очень неприятно, — огорченно сказала она, — мой Федя никогда не ругался, постарайся, Тема, и ты...

— Постараюсь, — искренне сказал Артем и твердо добавил: — Слово мое верное: ругаться не буду».

Для воспитания чувств, которые займут определенное место в личности человека, станут побудительным началом в его поведении, требуются такие ситуации, когда человек может в действии выявить пережитое им впервые чувство. Это положение и является основополагающим для успеха работы в области воспитания чувств.

IV. Переживание возникает в результате совершения человеком поступка; самый же характер поступка противоречит чувствам, которые до этого были присущи человеку в такой ситуации (испытывал обычно страх, неуверенность и т. д.).

Борьба, например, со страхом, с малодушием, с неуверенностью заключается не только в том, что человеку разъясняют, что стыдно испытывать подобные чувства, и не только в том, чтобы вызвать чувство стыда для подавления страха, но и в том, что человеку приходится совершать поступки, которые требуют от него овладения своими чувствами.

Б. Изюмский в своих записках описывает действия одного офицера-воспитателя:

«Самсонов боится темноты... Так вот я возможно чаще ставлю его в условия, при которых он мог бы преодолеть этот страх: то пошлю вечером во двор узнать, какая погода, то в темную комнату за якобы забытой вещью. Подсовываю ему книгу о детях-героях, или, смеясь, рассказываю о пушкинском «Вурдалаке». Максим боялся высоты... как побороть этот страх? Невзначай показываю ему картину — солдаты Суворова перебегают по «Чертову мосту», во время игры прыгнул в ящик и зову: «Максим, на помощь! Прыгай ко мне!» или прошу во дворе: «Достань мне с дерева во-он ту веточку. Нет, не эту, а вот, что повыше».

Тимур Гайдар — сын замечательного советского писателя Аркадия Гайдара — в своих воспоминаниях рассказывает, как отец приучал его преодолевать страх:

«Однажды возвращались мы с прогулки поздно вечером. Было темно, и маленький перелесок, что стоял на дороге к дому, казался дремучим лесом. Совсем страшно стало мне, и я взял отца за руку.

— Э-гей, Тимурик! Да ты, кажется, перетрусил?

— Нет, папа, я не перетрусил. Мне только чуточку страшно.

— Ну, тогда иди один вон до того поворота. Стой там и жди меня, не оглядываясь.

Было страшно, но показать себя трусом перед отцом я не мог, и пошел вперед по большой ■ темноте дороге. Подошел к повороту, остановился — жду. Темно кругом. Где-то лягушка у ручья квакает. В кустах что-то хрустнуло, но я, зажав на всякий случай в кулаке рукоятку кинжала, стою твердо. Вот позади раздаются шаги, и отец, подойдя ко мне, сажает меня на плечо».

Этот, казалось бы, частный прием может быть понят и более принципиально. Варьирование условий для осуществления действий (трудное восхождение, усложнение заданий по степени опасности и т. д.) служит средством для преодоления малодушия, страха, неуверенности и для приобретения нового эмоционального отношения к подобного рода действиям.

Вообще человека надо ставить в такие ситуации, чтобы сами обстоятельства заставляли его совершать нежелательные для него действия. Это поможет ему преодолевать в себе ненужные чувства. Научившись владеть собой, он уже их в значительной мере преодолевает.

А. С. Макаренко говорит: «Тот мальчик, который будет стоять на посту и потрухивать, никогда не скажет, что он боялся. Придет, ты его спрашиваешь: «Что, боялся?». А он отвечает: «Нет. Чего там бояться». Храбрый — это не тот мальчик, который не боится, а храбрый тот, кто умеет свою трусость подавить»¹.

В этом отношении очень важно 1) благодаря совершению поступка порождать появление нового ценного чувства, 2) новым поступком надо «снимать» возникшие вновь по той или другой причине нежелательные чувства неуверенности, страха и т. д.

«Мастер спорта Л., — пишет О. А. Черникова, — дает ценные указания для тренирующихся: «Если упал во время тренировки и даже расшибся, но так, что еще ■

¹ А. С. Макаренко, Избр. педагогич. соч., Учпедгиз, 1946, стр. 184.

состоянии сделать прыжок, хотя бы такой, что только устоишь, я никогда не кончаю день тренировки прыжком с падением. Необходимо, чтобы последний прыжок был удачным, это успокаивает. *А иначе на следующем тренировочном занятии не смогу выступать, не буду уверен, буду бояться*¹. (Курсив мой.— П. Я.)

Поступок для закрепления нужного переживания и тем самым для создания нового эмоционального отношения к известным действиям и деятельности имеет немаловажное значение.

Это положение может быть понято в более широком смысле. Мы уже говорили о том различии, которое имеется между действенными и недейственными чувствами. В этой связи приходится подойти к вопросу «о практике поступков и дел» в плане воспитания чувств. Такая «практика» имеет особое значение для воспитания нравственных чувств, понимаемых в широком смысле слова.

В. И. Ленин в своем выступлении на III съезде комсомола подчеркивал, что коммунистическая нравственность должна воспитываться на практических делах. Психологическое значение такой «практики» заключается в том, что девушка или юноша в силу условий организации их жизни в коллективе приучаются осуществлять действия и поступки, нравственные по своему объективному содержанию. Это ведет к выработке в них стремления переводить в действие побуждения, общественное значение которых они осознают. Систематическое выполнение таких действий ведет уже к привычке реагировать на те или другие воздействия действительности не просто одним переживанием, а чувством, выражающимся в поступке. Но «практика» сама по себе — только предпосылка для формирования нравственной сферы человека, а не самое ее формирование. Нравственные по своему объективному результату действия еще не являются нравственными в собственном смысле, если они не сопровождаются соответственно окрашенными мотивами и нравственными переживаниями. Поэтому только при определенных психологических условиях, когда в результате действий и реальных дел укрепляются нравственные побуждения, нравственное

¹ О. А. Черникова, Спортивная тренировка и ее значение в развитии смелости и решительности, «Ученые записки Гос. ин-та физической культуры», вып. 4, М., 1949, стр. 42—43.

сознание человека, мы встречаемся со сдвигами в его нравственном формировании.

V. Новое переживание появляется в результате воздействия коллектива; оно возникает, как новое чувство, расширяющее эмоциональный мир человека, возникает, как известное добавление к имеющемуся у него опыту.

Коллектив (семья, школа, комсомольская организация, производство и т. д.) своим отношением к тем или другим фактам поведения данного человека или оценкой действий, поступков других членов коллектива оказывает определенное воздействие на его чувства. У человека появляется переживание, ранее ему не присущее. Это появление новых чувств заключается в том, что человек начинает по-новому, эмоционально относиться к действиям и поступкам людей. Начинает относиться так, как относится к ним коллектив. Человек проникается чувствами коллектива. Тем самым изменяется его эмоциональная сфера. Это — процесс постоянной перестройки чувств человека при усвоении круга тех конкретных эмоциональных отношений, которые характерны для коллектива.

Вот что пишет И. Смирнов о воспитании молодых рабочих Московского завода малолитражных автомобилей:

«Семнадцатилетним юношей пришел полтора года назад Валентин Таранченко на завод. Способный человек... Но желания учиться, работать у него не было. У него было два увлечения: карты и футбол... Все бригады отказывались от Таранченко... Тарасов решил принять Таранченко в свою бригаду... Таранченко согласился и в первые дни работал усердно. Однако от старых привычек сразу отвыкнуть не мог.

Бригада получила срочное задание... Николай Романов предложил остаться всем на вторую смену...

«Твое мнение?» — обратился бригадир к Валентину.

Таранченко промолчал, а когда кончилась смена, он сбежал.

Утром на вопрос Тарасова: «Почему ты ушел вчера?» — Валентин ответил: «По-твоему, у меня личной жизни не должно быть?»

Бригадир понимал, что нужно серьезно думать над тем, как поступить с Валентином.

И вот, когда начальник цеха пришел и сказал: «Вы-

ручили вы цех, молодцы! Кто же отличился вчера, кого похвалить?» — бригадир ответил: «Все хорошо работали, и Романов, и Таранченко...». Такого ответа Валентин не ожидал. Особенно остро почувствовал он теперь позор своего вчерашнего поступка... Еще сильнее заговорила в нем совесть, когда все члены бригады согласились с Тарасовым... К Валентину относились по-прежнему. Он чувствовал это и заметно изменялся. *В его поступках бригада видела желание сделать что-нибудь особенное, хорошее.* Такой случай представился... Тарасов организовал для токарей своей бригады стахановскую школу. *Самым прилежным учеником в ней был Таранченко*¹.

Так коллектив перестроил отношение Таранченко к работе в бригаде, создал основы для проявления таких чувств, которые раньше Таранченко не были свойственными.

Иногда новое переживание возникает в результате осуждения человека коллективом. В результате осознания неправильности своего прежнего эмоционального отношения у него возникает новое эмоциональное отношение к жизненным явлениям, к самому себе и т. д.

Начинаясь от осознания неправильности своего прежнего эмоционального отношения, этот процесс (в порядке градации случаев) может перерасти в конфликт с самим собой, со своими прошлыми чувствами. Он может приобрести характер острой борьбы новых эмоциональных отношений и оценок, которые человек воспринимает как высокие, со старыми оценками, представляющимися ему низкими. Тогда происходит в человеке, по словам А. С. Макаренко, «взрыв». Конкретный материал наблюдений поведения человека в коллективе показывает, как воспринимается человеком осуждение коллективом его действий.

Интересный пример приводит учительница 367-й школы Ленинграда Л. Н. Леончукова: «Учащиеся писали доклады по теме «Кровообращение», было дано 6 тем на выбор. При просмотре работ я обнаружила, что два доклада о переливании крови совершенно одинаковы, разница заключалась лишь в разном построении отдельных предложений. Одна из работ принадлежала учени-

¹ И. Смирнов, О воспитании молодых рабочих, изд-во «Московский рабочий», 1948, стр. 25—27.

ку М., попавшемуся уже в подписывании балльника вместо родителей. Это обстоятельство, а также моральный облик обоих учеников заставили меня заподозрить в списывании М. Я все же предварительно сделала проверку своего предположения: на перемене подозвала ученика В. и спросила, давал ли он свой доклад М.? Получив утвердительный ответ на уроке, при раздаче работ, я сказала учащимся, что две работы одинаковые и я считаю, что М. списал у В. и потому ставлю ему за работу единицу. М. отрицал свой поступок. Тогда я прочитала обе работы по предложениям и сомневаться в том, что одна работа списана, было невозможно. Я сказала, что дальше я буду уже говорить на воспитательном часе. Там я сказала, что кроме единицы за списанную работу, я должна, конечно, снизить отметку по поведению в четверти. Но М. не только виноват в списывании, он вторично обманывает своего воспитателя, нарушает решение класса — не допускать лжи, поэтому я считаю, что он позорит класс и заслуживает самого резкого осуждения.

Все это я сказала коротко, сухо и решительно перешла к текущим делам. М. после звонка подошел ко мне просить прощения. Мальчики стояли в стороне и следили за нами. На глазах у М. появились слезы (взрослый молодой человек на голову выше меня, сухой и грубый), и он заверял, что никогда больше ничего подобного не будет.

Через некоторое время М. подал мне доклад о работах Мечникова на тему, которую никто в классе не взял. *Больше неправды он не говорил*¹.

Переживание мальчиком осуждения поступка коллективом и привело его к появлению нового эмоционального отношения к своему поступку.

Еще более острый характер имело осуждение коллективом поступка товарища в суворовском училище, о котором пишет Б. Изюмский:

«Каменюка становился опасным для роты. Авилкин и Прошкин, предводимые Артемом, забрались в комнату старшины роты, которого не взлюбили за строгость, распотрошили его подушку, разбро-

¹ Л. Н. Леончукова, Работа классного руководителя в восьмых классах в области нравственного воспитания, сб. «Из опыта работы классного руководителя по воспитанию коммунистической морали», 1949, стр. 39.

сати из нее
не старшины
Решили
была выстроена
к себе...
— Смирн
ко стечанива
шение воинско
Каменюки Ар
ходить позади
читать во все
В зале н
Майор...

голову...

— Вольн

— ... Кам

Он отча

Друзья стали

свела судорога

ся бежать. За

кался. Когда

мальчик дал е

Дальнейш

казывают

произошел

чувств.

А. С. Ма

виду, — писа

вающее все

постепенно

метод взры

быть учтен

А. С. Ма

случаи таких

питанниками

самого Мака

Конечно,

акт воспитан

Но изменени

эмоциональн

ствием на эм

ренко пишет

стоятельство

дов, испыты

встряску».

А. С. М

стр. 194.

сали из нее перья по всей комнате, а Каменюка навязал на простыне старшины морские узлы.

Решили испытать жестокое, но сильное средство. Пятая рота была выстроена в зале. Майор Тутукин вызвал Каменюку из строя к себе...

— Смирно!— обращаясь к строю, скомандовал Тутукин и, громко отчеканивая каждое слово, прочитал приказ генерала: «За нарушение воинской дисциплины... забвение чести... снять с воспитанника Каменюки Артема на две недели погону... Две недели Каменюке ходить позади строя, в трех шагах от левофлангового. Приказ прочитать во всех ротах».

В зале наступила гробовая тишина...

Майор... срезал погону, Каменюка сразу обмяк, низко опустил голову...

— Вольно, разойдитесь!— разрешил майор.

— ... Каменюку окружили его друзья.

Он отчаянным напряжением воли пытался бравировать... Друзья стали утешать... И тут Каменюка не выдержал. Лицо его свела судорога и, оттолкнув тех, кто ближе стоял к нему, он пустился бежать. Забившись в угол шинельной, Артем по-детски расплакался. Когда его вызвал к себе начальник политотдела Зорин, мальчик дал ему слово изменить поведение».

Дальнейшие материалы Изюмского о Каменюке показывают тот необычайно сильный сдвиг, который произошел с Каменюкой в отношении его моральных чувств.

А. С. Макаренко назвал это «взрывом». «Я имею в виду,— писал он,— мгновенное воздействие, переворачивающее все желания человека, все его стремления. Я... постепенно приходил все к большему убеждению, что метод взрывов—я не нахожу другого слова—может быть учтен педагогами как один из удачных»¹.

А. С. Макаренко в «Педагогической поэме» приводит случаи таких сдвигов, которые происходили с его воспитанниками под влиянием воздействия коллектива или самого Макаренко, который олицетворял коллектив.

Конечно, это воздействие на всю личность человека, акт воспитания личности в целом, а не только его чувств. Но изменение личности проходит здесь через глубокое эмоциональное потрясение, связанное с большим воздействием на эмоциональную сферу человека. А. С. Макаренко пишет: «Обращаем внимание (и еще) на одно обстоятельство: те, кого коллектив выбросил из своих рядов, испытывают чрезвычайно могучую моральную встряску».

¹ А. С. Макаренко, Избр. педагогич. соч., Учпедгиз, 1946, стр. 194.

Подобная моральная встряска ведет к радикальному изменению отношения к людям, к себе, к собственному поведению и рождает новые переживания; конечно, моральная встряска требует своего закрепления в поступках, в осуществлении таких действий, которые выявляют и упрочивают новое эмоциональное отношение. Надо дать возможность воспитаннику выразить свои чувства в реальном поступке.

Таковы различные пути воспитания чувств.

Подводя итоги сказанному о воспитании чувств, напомним, что задача воспитания чувств заключается не только в том, чтобы появилось новое содержательное переживание. Такое переживание представляет собой существенное, но лишь первое звено в формировании эмоционального мира человека.

Рассматривая область чувств человека и характер ее связи с личностью, необходимо различать: а) переживание того или иного чувства, б) появление у человека устойчивого эмоционального отношения, характеризующегося определенным содержанием и проявляющегося в различных переживаниях и поступках, в) появление устойчивого эмоционального образования как существенного качества личности, как важного свойства личности человека.

Понятно, что, когда речь идет о воспитании чувств, подразумевается не то, что в какой-то момент однократно появится новое переживание, а то, что появившееся переживание явится выражением известного сдвига в эмоциональной сфере человека, выявлением образования нового чувства. Это новое чувство будет проявляться при соответствующей жизненной ситуации в повторных и сходных по своему характеру переживаниях и выражаться в действиях.

Воспитание чувств, которое осуществляет советское общество (семья, школа, пионерская организация, комсомол, партия, производство и т. д.), имеет своей целью формировать чувства, которые превратятся в устойчивые свойства личности и будут проявляться в действиях и поступках человека. Ведь речь идет о воспитании таких чувств, как чувство любви к социалистической Родине, чувство коллективизма, характеризующееся тем, что человек испытывает удовлетворение, когда его действия направлены на благо коллектива, как чувство

долга, когда человеку «совесть» не позволяет пребывать в спокойствии, если он не сделал то, что подсказывает долг, любовь человека к труду. Речь идет о чувстве солидарности со всеми трудящимися и угнетенными простыми людьми капиталистических стран, о стойком чувстве ненависти к врагам мира и демократии, о любви школьника к учению и т. д. Поэтому процесс воспитания чувств, который приводит к появлению нового содержательного переживания, должен быть обязательно продолжен, для того чтобы у человека возникло устойчивое эмоциональное отношение, которое будет проявляться в его действиях, поступках, переживаниях. Человек должен упражняться в поступках, вытекающих из его моральных чувств. Необходима организация целой системы воздействий как на личность в целом, так и на ее эмоциональную сферу. Необходимы создание соответствующего коллектива, организация образа жизни и педагогического окружения, организация практики моральных действий и поступков.

5. САМОВОСПИТАНИЕ ЧУВСТВ

Многое из того, что говорилось о воспитании чувств у других, имеет значение и для самовоспитания чувств.

Правильная оценка себя, своих чувств в значительной мере определяет то, как будут развиваться чувства, поскольку мы можем с одними чувствами бороться, а развитию других чувств содействовать.

Существенное значение имеет и наша «позиция» по отношению к собственным чувствам. Она сказывается в следующих моментах, существенных для правильного развития чувств.

Человек должен стремиться «изжить» в себе те чувства, которые он считает недостойными.

Из биографии А. С. Грибоедова известно, что во время похода в Турцию он проявил в первой перестрелке, по собственному мнению, слабость в том, что наклонялся, слыша визг пуль. В следующий раз для преодоления страха он совершенно открыто стоял под обстрелом, пренебрегая опасностью.

Фурманов приводит такой эпизод из своей биографии, когда он в период гражданской войны, будучи назначен комиссаром к Чапаеву, впервые в жизни участ-

вовал в бою и проявил в этом первом бою страх. Фурманов так описывает это в произведении «Чапаев», где он фигурирует под именем Федора Клычкова:

«Федор ехал впереди цепи, покуривая, и бравировал своим молодечеством... Это выхлестывало ребячье бахвальство, но в те минуты и оно, может быть, было необходимо.

Федор проехал из конца в конец, воротился к правому флангу, слез с коня и сам пошел по цепи, держа коня на поводу. Батарея сосредоточила огонь. Станица, как раньше, молчала. И пока она молчала — шел Федор спокойный, пошучивая, немножко позируя своей простотой и мнимой привычностью к таким делам: он разыгрывал чуть ли не старого ветерана, закоптелого в пороховом дыму. Но ведь это же было лишь его первое боевое крещение... Вы лучше посмотрите, что стало с ветераном через пять минут.

Подпустив сажень на триста, казаки ударили орудийным огнем. За артиллерией с окраинных мельниц резанули пулеметы. Федор сразу растерялся, но и виду не дал, как внутри что-то вдруг перевернулось, опустилось, похолодело, будто полили жаркие внутренности мятными студеными каплями. Он некоторое время продолжал идти, как шел до сих пор, но вот немного отделился, чуть приотстал, спрятался за лошадь...

Так, прячась, он перебежал раз, два, а там — вскочил в седло и поскакал... куда? Он сам того не знал, но прочь от боя скакать не хотел, — только отсюда, из этого места уйти, уйти куда-то в другое, где, может быть, не так пронзающе свистят пули, где нет такой близкой страшной опасности...

Совершенно уничтоженный сознанием своего преступления, он чуть рысил в направлении к тому месту, откуда так позорно бежал два часа назад... Он все успокаивал себя мыслью, что со всеми новичками, верно, то же бывает в первом бою, что он себя оправдывает потом...

И не ошибся Федор... Первый бой был для него суровым, значительным уроком. Того, что случилось под Соломахинской, никогда больше не случалось с ним за годы гражданской войны... Он выработал в себе то, что хотел: смелость, внешнее спокойствие, самообладание...»¹.

Советские подростки стремятся искоренять в себе различные чувства, которые считают недостойными (такие, как страх, вспыльчивость, раздражительность и т. д.).

Ученик V класса Т. говорит: «Когда появляется страх, очень трудно владеть собой, и уговоры иногда плохо действуют. Вот, когда ночью остаешься в квартире один, то страшно в коридор и кухню выйти, хотя знаешь, что ничего страшного там нет. Тогда я нарочно заставляю себя выходить из комнаты и идти смело, не ози-

¹ Д. Фурманов, Избранное, Гослитиздат, 1946, стр. 74—75, 80—82.

раясь. Так же
Ученик VI
который про
«В какой-то
не подпуска
непрерывно
данного лов
поймано бу
Когда ловишь
ду, что боишь
не дрогнешь
обманешь.
Я буланого
Стал собираться
Один из них
себя, а сам бо
бою!» Такая
в руки оконча
дом на меня б
жал. Как подх
и опять к Бу
Отношение ч
вает у него н
ей личности. По
более отчетливо
сокими и какие
товность бороться
не поддаваться
бия, тщеславию,
глушить в себе
над собой и для
ленное отношение
Иногда человек
стью, с недоверием
различных чувств,
виваться чувствам
у него могут возн
человек иногда от
стью, с расположе
чувств, которые на
Такое отношение к

¹ Н. С. Лукин
гиз, 1955, стр. 57
24* Там же

раясь. Так приучаю себя преодолевать этот глупый страх»¹.

Ученик VI класса В. рассказывает об одном эпизоде, который произошел с ним в колхозе:

«В колхозе был буланный жеребенок, который никогда никого не подпускал к себе, и никому нельзя было ездить на нем верхом, непременно сойдет... Сидим у таганка и разговариваем; а кто буланого ловить будет?.. Разговор перешел в спор, и я сказал, что поймаю буланого.

Когда ловишь лошадь, самое главное, это не показать ей и виду, что боишься, иди прямо и смело; так как, если только внутренне дрогнешь,— все погибло. Ребят можно обмануть, а лошадь не обманешь.

Я буланого боялся. Было страшно идти его ловить.

Стал собираться, сам над ребятами смеюсь, над их робостью. Один из них и говорит: «А что ты хвалишься, ведь напускаешь на себя, а сам боишься»... «Я боюсь?!— крикнул я,— да я ничего не боюсь!» Такая меня досада разобрала на себя самого. Я взял себя в руки окончательно и пошел. Буланный и уши закладывал и передом на меня бросался и задом взбрыкивал, а я себя здорово держал. Как подходит страх, стисну зубы, отругаю себя, головой тряхну и опять к Буланому. Обманом, но взял его»².

Отношение человека к собственным чувствам вызывает у него новое отношение и к другим сторонам своей личности. По мере своего внутреннего роста он все более отчетливо осознает, какие чувства являются высокими и какие низкими. Когда же у него появляется готовность бороться за лучшее в себе самом, он старается не поддаваться «мелким» чувствам — уколам самолюбия, тщеславию, себялюбию, зависти и так далее — и заглушить в себе их проявление. Человек может работать над собой и для того, чтобы выработать у себя определенное отношение к людям.

Иногда человек относится к другим со сдержанностью, с недоверием, «оберегает» себя от возникновения различных чувств, не дает в себе беспрепятственно развиваться чувствам симпатии, нежности и т. д., которые у него могут возникнуть к другим людям. И, наоборот, человек иногда относится к людям с благожелательностью, с расположением, не «замыкает» себя для таких чувств, которые на этой основе могут у него возникнуть. Такое отношение к другим людям делает человека более

¹ Н. С. Лукин, Воспитание выдержки у подростков, Учпедгиз, 1955, стр. 57.

² Там же, стр. 94—95.

восприимчивым к чувствам, которые возникают из характера его общения и взаимоотношений с людьми. Человек в этом случае уже борется со своей сухостью, которая неблагоприятно влияет на развитие чувств. Работа над собой в этом отношении также содействует развитию эмоционального мира человека.

Говоря о «позиции» человека в отношении собственных чувств, следует учесть еще одну сторону в ней, которая влияет на их развитие.

Человек может считать ценными лишь те чувства, которые овладевают им против его воли. Только эти чувства, по его мнению, являются подлинными. Эта точка зрения неправильная.

Правильной является другая точка зрения: если появились ростки достойного, ценного чувства, то их надо беречь, дать им возможность превратиться в большое чувство. Большие чувства — любовь к Родине, радость труда, любовь к семье, братские чувства к народам нашей страны — все эти чувства сильнее разовьются в человеке, если он будет содействовать их росту.

* * *

Мы рассмотрели некоторые психологические вопросы, связанные с проблемой воспитания чувств. Но для реального осуществления процесса воспитания чувств недостаточно лишь увидеть цель воспитания и понимать, каковы должны быть ее результаты, к которым нужно прийти, а также знать пути воздействия на эмоциональную сферу. Успешность воспитания чувств определяется еще теми методами, которые будут применяться при воздействиях на человека. В этой связи мы и хотим подчеркнуть некоторые моменты, имеющие серьезное значение для данного вопроса.

Мы не касаемся сейчас таких основополагающих и бесспорных положений, как то, что необходима организация жизни ребенка, подростка, юноши в коллективе (семья, школа, комсомол, производство). Сам образ жизни человека, характер тех жизненных отношений, в которые он вступает с людьми, те требования, которые предъявляет к нему коллектив — окружающие люди, все это определяет направление развития его чувств. Однако имеется еще ряд фактов, менее важных, но все же

очень существенных, от которых также зависит успешность воспитания чувств. Мы знаем немало случаев, когда у человека, живущего в хорошем коллективе, все же не вырабатывается нужная моральная отзывчивость и чуткость, не проявляется нужная острота в переживаниях по поводу аморальных поступков. И это происходит потому, что какие-то существенные моменты в формировании его чувств оказались упущенными.

Для того чтобы оказать нужное воспитательное воздействие на человека, на сферу его чувств, серьезное значение имеет прежде всего личный контакт между воспитателем и воспитуемым. Такой контакт возможен лишь при установлении определенного характера взаимоотношений между воспитателем и воспитуемым. Предпосылкой его является доверие к воспитателю, которое возникает из сознания того, что он испытывает действительный интерес к воспитаннику, веру в него, уважение к нему и т. д. Тогда появляется не скрытое противодействие непрощенному вмешательству в личный мир подростка, юноши и т. д., а наоборот, готовность воспринять воспитательные влияния.

Так образуется нужная психологическая основа для педагогического воздействия. Но воспитание эмоциональной сферы человека при учете и использовании всех тех форм и способов воздействия, о которых подробно говорилось выше, даст лишь тогда определенный эффект, если воздействия будут иметь характер определенной системы. Такая система предполагает не только последовательность в воспитательных мероприятиях, но и наблюдение за процессом формирования чувств, нового отношения к окружающим вещам и явлениям. Надо уметь видеть те сдвиги в отношении к вещам и явлениям жизни, которые возникают у детей и подростков. Они проявляются в их новых суждениях, эмоциональных реакциях, в их поведении, становясь свидетельством появления у них новых моральных и эстетических переживаний.

Но эти новые моральные переживания лишь тогда могут стать важным фактором личной жизни человека, основой для развития его эмоциональной сферы, когда они войдут в жизнь человека как моральные привычки. Поэтому и возникает необходимость в моральном «упражнении», т. е. закреплении посредством поступков и

связанных с ними переживаний в личности подрастающего человека тех моральных побуждений, которые делаются определяющим началом для его действий.

Внимание воспитателя к этой стороне жизни подрастающего человека позволит предупредить тот формализм в области морали (рассудочное знание о моральных требованиях и нормах, не пронизанное живым моральным переживанием), которое иногда возникает при неправильной организации процесса воспитания.

Организованная система воздействий воспитателя при наличии с его стороны настоящего интереса к воспитуемому и при живом контакте с ним тогда, когда правильно организован образ жизни подрастающего человека, дает наиболее плодотворные результаты в формировании ценных чувств.

* * *

Таковы пути воспитания чувств как при воздействии на других людей, так и в процессе самовоспитания.

Подчеркнем основные положения, связанные с проблемой воспитания чувств.

1. Воспитание чувств как изменение эмоциональной сферы человека под влиянием преднамеренного воздействия в качестве своего исходного пункта предполагает возникновение нового переживания. Без такого переживания воспитательное воздействие на эмоциональную сферу неосуществимо. Поэтому для воспитания чувств надо человека (ребенка, подростка) «подвести» к переживанию, поставить его в такое положение, которое вызовет у него это переживание. Такая ситуация может возникнуть в результате различного рода воздействий действительности на него (восприятие и осознание им поведения отдельных людей и человеческих коллективов в настоящем и в прошлом; учет и понимание требований общества; необходимость совершения определенного характера поступков; восприятие произведений искусства и т. д.).

2. Возникшее в результате воздействий переживание есть, однако, только начальный этап на пути изменения эмоциональной сферы человека. Оно должно превратиться в чувство, т. е. в относительно устойчивое эмоциональное отношение к определенному кругу явлений действительности; для этого оно должно занять определен-

ное место в эмоциональном опыте человека и повторно возникать при сходных объективных обстоятельствах.

3. Появившееся новое эмоциональное отношение становится событием в развитии личности не тогда, когда в ответ на сходные воздействия окружающей действительности у человека вновь возникают сходные переживания, а тогда, когда это эмоциональное отношение приобретает большое значение в жизни личности.

4. Большим чувством (среди многообразных переживаний, которые он испытывает) является такое, которое превращается в побудительное начало для действий и поступков, превращается в мотив поведения человека. Поэтому задача воспитания моральных чувств и заключается в том, чтобы познание положений морали (их выполнение в воспринимаемых поступках людей или их нарушение в этих поступках) завершалось у человека в форме такого морального переживания, которое становится мотивом для его поступков.

Иначе говоря, восприятие и оценка им моральных положений, получающих свое конкретное выражение в действиях и поступках людей, превращается в своеобразный «сплав» процесса познания этих положений вместе с правильной эмоциональной реакцией на них. Возникающее чувство становится для человека критерием того, плох или хорош, значителен или мелок был тот или иной воспринятый им поступок, и оно же делается побудителем соответствующего действия.

5. Воспитание чувств не является самоцелью; чувства вызываются в человеке не ради чувств самих по себе, не ради того, чтобы человек просто испытал новое переживание. Они нужны как начало, помогающее росту личности. Смысл чувства не в нем самом, а в том, что с ним связано, т. е. в порождаемых им действиях и поступках человека. Поэтому недействительные чувства, хотя они и могут доставить человеку яркие переживания, не обогащают личность в смысле ее роста и развития.

6. Развитие личности есть предпосылка ее эмоционального роста. Однако это совсем не значит, что развитие личности тем самым автоматически ведет к росту эмоциональной сферы человека, к обогащению его чувств. Рост знаний человека, его навыков и умений сам по себе этому не помогает. При высоком уровне знаний

может иметь место эмоциональная сухость человека, бедность чувств. Эмоциональная сфера человека требует развития и воспитания; для роста эмоциональной культуры человека требуются специальные воздействия. Но духовное развитие человека, под которым понимается развитие его живого, углубляющегося отношения к явлениям, обязательно связано с ростом его эмоциональной сферы, его чувств.

7. Чувства не только формируются под влиянием личности человека, но и оказывают влияние на процесс ее формирования. Тем, что они вошли в опыт человека, заняли определенное место среди его отношений к явлениям окружающей жизни, они внесли изменение в установившиеся формы его реакций на воздействия окружающего. В свою очередь, человек, осознавая свои чувства, их черты, особенности и качества, работает над их изменением, приведением их в соответствие с его представлением о своей личности и ее качествах. В этом проявляется его деятельность по самовоспитанию чувств.

8. Индивидуальные различия среди людей в области чувств, которые проявляются не только в различном содержании и характере их направленности, но также и в способе их переживания (большая или меньшая захваченность переживаниями, более или менее интенсивное испытание соответствующих чувств, сухость, сдержанность или большая взволнованность, страстность чувств и т. д.), не снимаются в процессе воспитания чувств. Однако эти различия в силу усвоенных способов регулирования выражения чувств могут получить менее резкое выражение. Это не мешает вместе с тем воспринимать отчетливо эти индивидуальные различия.

9. Чувства как устойчивые эмоциональные отношения человека к действительности выявляют основную направленность его личности, запросы, оценки, взгляды, убеждения. Чувства растут, изменяются вместе с духовным ростом личности; они деградируют, становятся примитивнее, беднее вместе со снижением духовного уровня личности. Поэтому воспитание чувств, хотя и может быть специально направлено на формирование в человеке чувств определенного характера, всегда, и конечном счете, предполагает воздействие на личность в целом.

Мы должны...
логи чувств...
показать все богатство
сферы человека и...
подойти к рассмотрению
можно, лишь ра...
человека в целом, с...
ходом к окружающе...
вокупность устойчи...
шения ко всей дейст...
ным сторонам неот...
они являются выра...
рон его личности. П...
ности неотрывна от...
сферы человека. П...
коммунизм, перед...
питанием в нашей...
кательная задача
советских людей. З...
создания таких у...
советских людей, к...
проявление их спо...
человека, раскрыт...
ческого отношения
веке, живущем в к...
гает и богатство е...
людей советского...
социализма к ком...
житков капитализм...
коммунистического...
ния к людям, к об...
витие таких идей...
советского патрио...
общественного дол...
щихся в обществен

* * *

Мы пытались осветить различные проблемы психологии чувств. Наша задача заключалась в том, чтобы показать все богатство и многообразие эмоциональной сферы человека и вместе с тем доказать, что правильно подойти к рассмотрению чувств, их пониманию, изучению можно, лишь рассматривая их в связи с личностью человека в целом, с ее устремлениями, взглядами, подходом к окружающей жизни. Чувства человека как совокупность устойчивых форм его эмоционального отношения ко всей действительности в целом и к ее отдельным сторонам неотрывны от живой личности человека, они являются выражением наиболее существенных сторон его личности. Поэтому задача духовного роста личности неотрывна от задачи развития эмоциональной сферы человека. Перед нашим обществом, строящим коммунизм, перед всеми людьми занимающимися воспитанием в нашей стране, поставлена трудная, но увлекательная задача — обеспечить всестороннее развитие советских людей. Эта задача будет решаться на основе создания таких условий воспитания и существования советских людей, которые обеспечат широкое развитие и проявление их способностей. Но всестороннее развитие человека, раскрытие тех огромных возможностей творческого отношения к жизни, которые заключены в человеке, живущем в коммунистическом обществе, предполагает и богатство его чувств. Поэтому в деле воспитания людей советского общества, совершающего переход от социализма к коммунизму, в деле преодоления пережитков капитализма в их сознании, формирования у них коммунистического отношения к труду, нового отношения к людям, к обществу имеет огромное значение развитие таких идейно-значительных чувств, как чувство советского патриотизма, интернационализма, чувство общественного долга, советского гуманизма, проявляющихся в общественной жизни и быту.

ЛИТЕРАТУРА

1. П. К. Анохин, Узловые вопросы изучения высшей нервной деятельности, гл. «Физиологическая архитектура эмоций», сб. «Проблемы высшей нервной деятельности», М., изд-во АМН, 1949.
2. М. И. Аствацатуров, Современные неврологические данные о сущности эмоций, журн. «Советская невропсихиатрия», № 1, 1936, Л.
3. С. Н. Беляева-Экземплярская, Музыкальное переживание в дошкольном возрасте, Сборник работ ГИМН, вып. I, М., 1925.
4. В. М. Бехтерев, Об эмоциях как мимико-соматических рефлексах, сб. «Новое в рефлексологии и физиологии нервной системы», Л., 1929, № 3.
5. П. П. Блонский, Память и мышление, гл. «Память и чувство», М., ГИЗ, 1935.
6. Л. И. Божович и А. Н. Леонтьев (ред.), Очерки психологии детей, изд-во АПН РСФСР, М., 1950.
7. Г. Вайсфельд, Стремления и чувства, Спб., 1914.
8. М. М. Власова, К характеристике кожно-гальванической реакции ■ дыхательной кривой при некоторых эмоциональных состояниях, «Известия АПН», М., 1954, № 53.
9. М. Н. Волокитина, Очерки психологии младших школьников, изд-во АПН РСФСР, М., 1955.
10. Р. Вудвортс, Экспериментальная психология, М., 1950.
11. Л. С. Выготский, О влиянии ритма на дыхание, сб. «Проблемы современной психологии», М., 1926.
12. В. М. Гаккебуш, Новые пути ■ изучении эмоций, журн. «Современная психоневрология», 1926, № 4.
13. Ф. И. Георгиев, О нравственных чувствах, журн. «Советская педагогика», 1946, № 12.
14. С. Н. Давиденков, Эволюционно-теоретические проблемы ■ невропатологии, Л., 1947.
15. Ч. Дарвин, О выражении эмоций у человека, Соч., т. 5, АН СССР, М., 1953.
16. В. Джемс, Психология, гл. «Эмоции», М., 1922.
17. П. Л. Загоровский, Развитие эмоций у детей, журн. «Советская педагогика», 1940, № 3.
18. Р. Ибрагимова, Первые зачатки чувства долга у детей, журн. «Дошкольное воспитание», 1955, № 7.

19. А. Г. Иванов-Смоленский (ред.), На пути к изучению высших форм нейродинамики ребенка, М., 1934.

20. А. Г. Иванов-Смоленский, Очерки патофизиологии высшей нервной деятельности, Медгиз, М., 1949.

21. А. А. Каэлас, К вопросу о природе и выражении эмоций, «Психологич. обозрение», 1, 3—4, М., 1918.

22. А. Г. Ковалев, О чувствах и эмоциях, журн. «Вопросы психологии», 1957, № 4.

23. В. Кэннон, Физиология эмоций, М., 1927.

24. Н. Н. Ладыгина-Котс, Дитя шимпанзе и дитя человека. Изд. Госуд. Дарвиновского Музея, М., 1935.

25. Н. Н. Ланге, Психология, изд-во «Мир», Спб., 1914.

26. А. Р. Лурия и А. Н. Леонтьев, Исследование объективных симптомов аффективных реакций, сб. «Проблемы современной психологии», М., 1926.

27. А. Р. Лурия, Сопряженная моторная методика и ее применение в исследовании аффективных реакций, «Ученые записки Ин-та эксперим. психологии», 1928, № 3.

28. А. Р. Лурия, Экспериментальные конфликты у человека, сб. «Проблемы современной психологии», т. VI, М., 1930.

29. В. Мак-Дауголл, Основные проблемы социальной психологии, М., 1916.

30. Н. А. Менчинская, Развитие чувств у ребенка, журн. «Дошкольное воспитание», 1946, № 12.

31. В. Н. Мясищев, Задачи и методы психофизиологического исследования вегетативных функций при заболевании нервной системы, Труды Ин-та по изучению мозга, т. VI, Л., 1936.

32. В. Н. Мясищев, Психологическое значение электрокожной характеристики человека, Труды Ин-та по изучению мозга, т. IX, Л., 1939.

33. В. П. Осипов, О физиологическом происхождении эмоций, Сборник к 75-летию И. П. Павлова, Л., 1925.

34. И. П. Павлов, Собрание сочинений, т. III, IV, V, изд. 2, 1951.

35. К. И. Платонов, Слово как физиологический и лечебный фактор, Медгиз, М., 1957.

36. А. С. Прангишвили, Психология паники, Труды Ин-та психологии, т. 2, Тбилиси, 1943.

37. «Психология». Учебник для пединститутов под ред. Г. С. Костюка. Гл. «Чувства» (на украинском языке), Киев, 1955.

38. «Психология». Учебник для педвузов под ред. А. А. Смирнова. Гл. «Эмоции и чувства», Учпедгиз, М., 1956.

39. Т. Рибо, Психология чувств, Спб., 1912.

40. Т. Рибо, Логика чувств, Спб.

41. С. Л. Рубинштейн, Основы общей психологии, гл. «Эмоции», Учпедгиз, М., 1946.

42. И. М. Сеченов, Избранные произведения, т. I, изд-во АН СССР, М., 1952.

43. Б. М. Теплов, О музыкальном переживании, Сборник к 35-летию научной деятельности Д. Н. Узнадзе, Тбилиси, 1945.

44. Н. Н. Тимофеев, К вопросу о механизмах эмоциональных реакций у душевнобольных, журн. «Невропатология и психиатрия», 1938, № 11.

45. Д. Уотсон, Психология как наука о поведении, М., 1926.

46. К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, Соч., т. 9, изд-во АПН РСФСР, М., 1950.
47. М. П. Феофанов, Некоторые вопросы психологии чувств, «Советская педагогика», 1952, № 9.
48. Г. А. Фортунатов, О чувствах и их развитии, журн. «Дошкольное воспитание», 1946, № 1.
49. Ф. С. Хундадзе, Типы эстетического переживания и установка в дошкольном возрасте, Труды Ин-та психологии, т. 3, Тбилиси, 1944.
50. О. А. Черникова, Спортивная тренировка и ее значение в развитии смелости и решительности, Ученые записки Гос. ин-та физич. культуры, вып. 4, 1949.
51. П. М. Якобсон, Психология сценических чувств актера, М., 1936.
52. П. М. Якобсон, Психологические проблемы воспитания чувств, журн. «Советская педагогика», 1955, № 6.
53. П. М. Якобсон, Психология чувств детей дошкольного возраста, журн. «Дошкольное воспитание», 1957, № 1.
54. П. М. Якобсон, Чувство. Статья в Большой Советской Энциклопедии, т. 47, М., 1957.
55. П. М. Якобсон, Проблемы психологии эмоций, Сб. «Советская психологическая наука за 40 лет» под ред. Г. С. Костюка (на украинском языке), Киев, 1957.
56. Alexieff N., Die Grundformen der Gefühle, Psychologische Studien, 111, 1907.
57. Ames L., Development of interpersonal smiling responses, in the preschool Years, Journal of Genet. Psychol., 1949, June.
58. Barker B., Dembo T., Levin K., Frustration and Regression. An experiment with Young Children, Univers. of Iowa, 1941, 18.
59. Blatz W. E., The cardiac, respiratory and electrical phenomena involved in the emotion of fear, Journal Exper. Psychol., 1925, 8.
60. Blatz W. E. and Millichamp D. A., The development of Emotion in the Infant, Univers. of Toronto Stud., 1935, 4.
61. Beebe-Center Y. B., The Psychology of Pleasantness and Unpleasantness, 1932.
62. Bridges M. K., A Genetic Theory of Emotions, Journal Genetic Psychol. 1930, 37.
63. Burstin, L'évolution sociale du préadolescent a la lumière de ses conceptions sur l'adulte, „Enfance“, 1956, 2.
64. Coleman J., Facial expressions of emotion, Psych. Monographs, 1949, vol. 63, No 1.
65. Darrow C. W., The behavior research photopolygraph, Journal Genet. Psychol., 7, 1932.
66. Dembo T., Der Ärger als dynamisches Problem, Psychol. Forschung, Bd. 15, 1931.
67. Dunnbar H. F. Emotions and Bodily Changes, N. Y., 1938.
68. Dysinger W. and Ruckmick C. A., The Emotion Responses of Children to the Motion-picture Situation, 1933.
69. Despert L., A method for the study of personality reactions in preschool age children by means of analysis of their play, Journal Psychol., 1940, January.
70. Dumas G., Les émotions Les chocs émotionnels, Nouveau traité de Psychologie, 1932, 11.

71. Ellis A., A study of human live relationships, *Journal Genet. Psychol.*, 1949, September.
72. Eng H., *The Emotional Life of the Child*, 1925.
73. „Feelings and Emotions“, *The Wittenberg Symposium Univ. Press.*, 1928.
74. Fhillips M., *The education of the Emotions*, London, 1937.
75. Frois-Wittman J., *The judgment of facial expression*, *Journal Exper. Psychol.*, 1930, 13.
76. Goodenough F. L., *Anger in Young Children*, Minneapolis, 1931.
77. Guthrie E. R., *The Psychology of Human Conflict*, N.-Y., 1938.
78. Hoch and Zubin, *Anxiety*, N. Y., 1930.
79. Hoppe, *Erfolg und Misserfolg. Psychol. Forschung*, Bd. 18, 1933.
80. Horrocks J. and Buker M., *A study of the friendship fluctuations of preadolescents*, *Journal Genet. Psychol.*, 1951, June.
81. Horrocks J. and Thomson G., *A study of friendships fluctuations of rural boys and girls*, *Journal Genet. Psychol.* 1946, December.
82. Hunt W., *The Reliability of Introspection in Emotion*, *Americ Journal Psychol.* 1937.
83. Janet Pierre, *De l'angoisse à l'extase*, 1926 — 1928.
84. Janet Pierre, *L'Amour et la Haine*, Paris, 1932.
85. Jersild A., Mackey and Jersild C., *Children's fears, dreams, wishes, daydreams, likes, dislikes, pleasant and unpleasant memories*, *Child. Develop. Monogr.*, 1932, 12.
86. Joung P. T., *Emotion in Man and Animal*, N. Y., 1943.
87. Joung P. T. *Emotion as Disorganized Response. A Replay to Professor Leeper*, *Psychol. Review*, 1949, Jule.
88. Krukenberg V. H., *Der Gesichtsausdruck des Menschen*, 4 Aufl., 1923.
89. Landis C., *Electrical phenomena of the skin*, *Psych. Bulletin*, 1932, 29.
90. Landis C., *The interpretation of facial expression in emotion*, *Journal Genet. Psychol.*, 1929, 2.
91. Langfeld H. S., *The judgment of the emotions from facial expressions*, *Journal Abnorm. Psychol.*, 1918 — 1919, 13.
92. Largier de Bancels *Les tendances instinctives „Nouveau Traité de Psychologie“*, vol. II, 1932.
93. Lehmann, *Die Hauptgesetze des menschlichen Gefühllebens*, Aufl. 2, 1924.
94. Lewis, *Pain*, N. Y., 1942.
95. Leroy-Boussion A. *Le jeune spectateur t son entourage*, „*Enfance*“, 1954, 4.
96. Leroy-Boussion A. *De l'inquiétude au rire*, „*Enfance*“, 1955, 5.
97. Lindsley D. B., *Emotions in the electroencephalogram. In the second international symposium on feelings and emotions*, 1950.
98. Lersch Ph., *Gesicht und Seele*, 1932.
99. Lund F. H., *Emotions of Men*, 1930.
100. Lund F. H., *Emotions*, N. Y., 1939.
101. „*Manual of Child Psychology*“, red. Carmichel (статья Jersild), 1954.

102. Marston, The Emotions of Normal People, 1928.
103. Munn N., Psychology. The fundamentals of human adjustment, 1946.
104. McDougall, Outline of Psychology, N. Y., 1923.
105. Nafe J. P., An experiment of the affective qualities, Amer. Journal Psychol., 36, 1924.
106. Newman E., Perkins F. and Wheeler R., Cannon's theory of emotion: a critique Psychol. Review, 37, 1930.
107. Ochanine D., La sympathie, Paris, 1938.
108. Pintner R. and Lew J., Worries school Children, Journal Genet. Psychol., 1940, Marsch.
109. Rapoport D., Emotions and Memory, N. Y., 1950.
110. Reymert M., Feelings and Emotions, The second international symposium on feelings and emotions, 1950.
111. Ruckmick C. A., The psychology of feeling and emotion, N. Y., 1936.
112. Rosenzweig S., Frustration an experimental problem Caract. and Personal, 1938, 7.
113. Rosenzweig S., Fleming E. and Rosenzweig J., The children's form of the Rosenzweig-Frustration Study, Journal Psychol., 1948, July.
114. Sanford N., Surface and depth in the Individual Personality, Psychol. Review, 1956, November.
115. Santucci H., L'expansion affective chez l'enfant de 8 à 10 ans chez le préadolescent, „Enfance“, 1955, 4.
116. Scherman M., The differentiation of emotional responses in infants, Journal Compar. Psychol., 7, 1927.
117. Schilder P., Goals and Desires of Man, N. Y., 1942.
118. Smith W., The measurement of emotions, London, 1923.
119. Schlossberg H., A scale for the Jugment of Facial Expressions, Journal Exper Psychol., 1941, December.
120. Strehle H., Mienen, Gesten and Gebärden, Basel, 1954.
121. Thiesen W. and Meister R., A laboratory investigation of measures of frustration tolerance of preadolescent children, Journal Genet. Psychol., 1949, December.
122. Thompson, The Social and Emotional Development of preschool children under Two Types of Educational Programm, Psychol. Monogr., vol. 55, 1944, No 5.
123. Van der Merwe and Theron, A new method of measuring emotional stability, Journal Genet. Psychol., 1947, October.
124. Vilson F., Verbally expressed wishes of children and college-women students, Journal Psychol., 1938, January.
125. Wallon H., Les origines du caractère chez l'enfant, 1934.
126. Watson J. B. Experimental Studies on the Growth of the Emotions, 1929
127. Wreschner A., Das Gefühl, 1931.
128. Zazzo R., Le Bestiaire, Attitudes affectives et représentations sociales des enfants d'age préscolaire, „Enfance“, 1956, 1.

ПРИЛОЖЕНИЕ

К главе «Чувства и их характерные черты»

(рис. 1—28)

1. Динамика переживаний в зависимости от объективных изменений в ситуации. Рис. 1—16 (серия фотографий Маши Сизовой, 4½ года).

2. Различие переживаний в зависимости от субъективного отношения к воспринимаемому явлению. Рис. 17 (дети — «болельщики» футбола. 1954 г.).

3. Градация в силе чувства: ступени страха, переходящего в ужас, — серия фотографий. Рис. 18 (артист Синьоре; снимки заимствованы из «Vie mentale», 1938 г.).

4. Переживание чувства напряжения. Мастер спорта Н. Костылев при подъеме штанги. Рис. 19. Заслуженный мастер спорта Р. Варгашкин ведет спринтерскую велогонку. Рис. 20.

5. Изменения переживаний детей в ходе их меняющихся взаимоотношений. Рис. 21—24 (девочки Таня и Марина, мальчик Вова).

6. Динамика переживаний у зрителей-школьников III и IV класса в связи с изменением обстоятельств в жизни любимых героев пьесы — I акт пьесы-сказки «Снежная королева» А. Шварца (по Андерсену) в Центральном Детском театре. Рис. 25—28 (1957 г.).

К главе «Выражение чувств»

(рис. 28—79)

1. Изменения в оттенках выразительности у слепоглухонемой Юлии Виноградовой 15 лет, появляющиеся у нее в связи с рассказом учительницы М. Казакевич. Рис. 28—37.

2. Поиски И. Н. Крамским наиболее убедительного выражения образа «неутешного горя». Серия фотографий, изображающая эскиз с тремя фигурами, варианты картин и лицо женщины, а также окончательное решение темы «Неутешное горе». Рис. 38—44.

3. Многообразие оттенков выражения одного и того же чувства. Рис. 45—50. Серия фотографий, изображающих переживания Катерины в сцене перед самоубийством («Гроза» А. Н. Островского).

4. Динамика актерской экспрессии в ходе изменений обстоятельств жизни героя, а также в ходе изменения жизненных взаимоотношений между действующими лицами пьесы.

Рис. 51—54. Серия фотографий, изображающих сцену прощания Тузенбаха с Ириной (перед дуэлью) в драме А. П. Чехова «Три сестры». Постановка МХАТа, Тузенбах — артист Н. П. Хмелев, Ирина — А. О. Степанова.

Рис. 55—58. Серия фотографий, передающих состояние Марии (балет Б. Асафьева «Бахчисарайский фонтан»). Мария — Г. С. Уланова, Вацлав — М. Габович, хан Гирей — В. Баканов.

Рис. 59—79. Серия фотографий, передающих переживания Анны Карениной в ходе ее взаимоотношений с А. Карениным и А. Вронским в спектакле «Анна Каренина» по Л. Н. Толстому. Постановка МХАТа. Снимки сделаны в 1957 г.

Сцены: У Бетси Тверской; у Карениных; у Анны на даче; скачки; разрыв (перед самоубийством). Анна Каренина — А. М. Андреева, А. А. Каренин — М. Н. Кедров, Алексей Вронский — П. В. Массальский.

К главе «Методы изучения эмоциональной сферы человека»
(рис. 80—84)

1. Отличие выражения лица при подлинном переживании (когда оно порождено реальным воздействием) от того выражения лица, которое было лишь изображено этим же человеком. Левый ряд — реальные переживания (1 — обычное нормальное состояние лица, 2 — при напряженном сжимании динамометра, 3 — при неожиданном очень громком звуке, 4 — при электрическом шоке); правый ряд — воссозданные выражения лица (из Колмена). Рис. 80 — мужчина. Рис. 81 — женщина.

2. Переживание какого чувства выражено этой женщиной на каждой из фотографий? (по Ракмику). Рис. 82.

3. Различные сочетания частей лица, дающие возможность «прочитать» его выражение (по Лершу). Рис. 83—84.

Рис. 1. Маша увлеклась рисованием
(она сидит в комнате вместе с мамой)

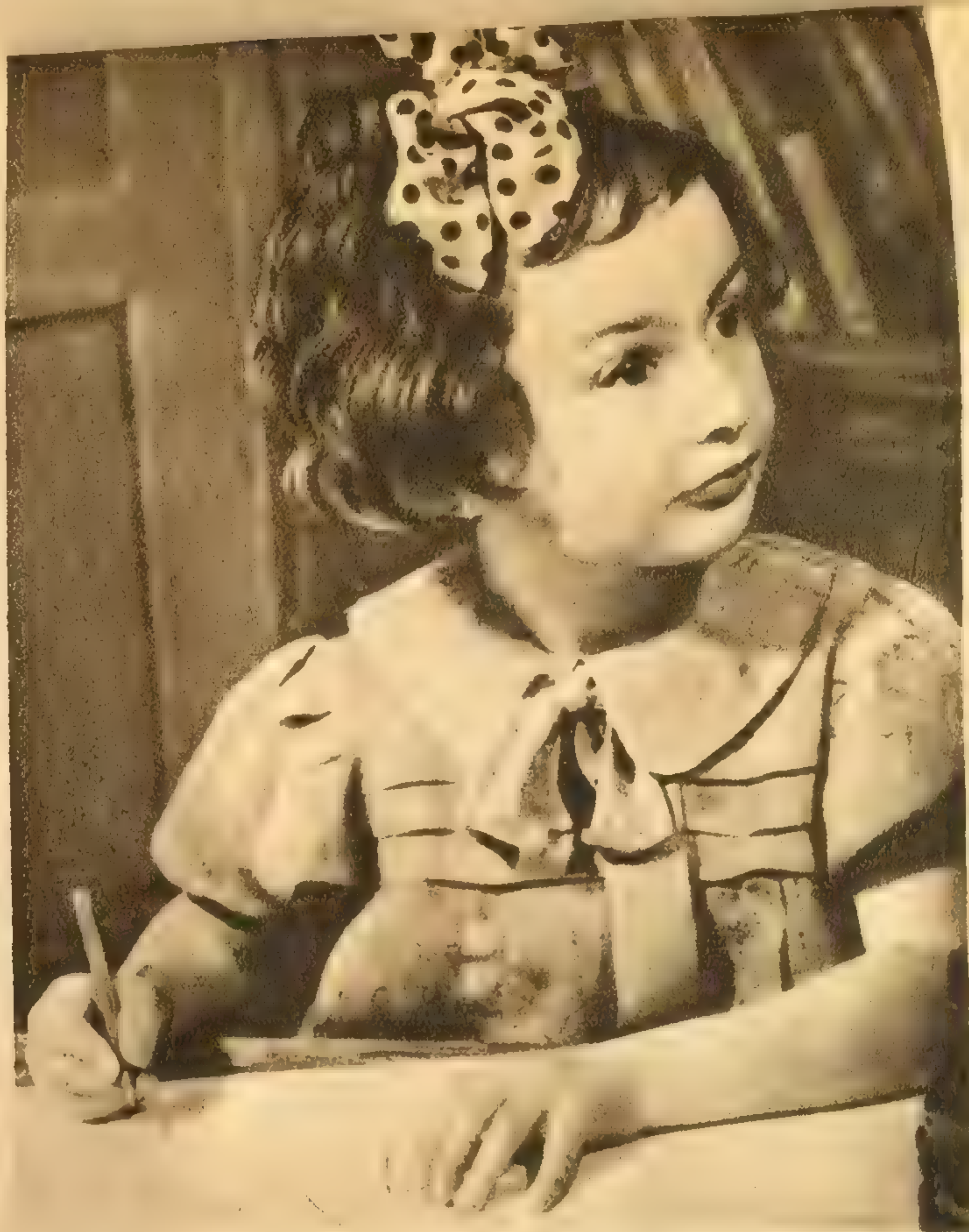

Рис. 2. В комнату вошел отец

Рис. 3. Отец сказал: „Молодец, Машенька, что нарисовала такой хороший домик“

Рис. 4. Отец взял в руки любимую целлулоидную куклу „Катеньку“ и начал что-то с ней делать

Отец сказал: „Молодец, Машенька,
нарисовала такой хороший домик“

Рис. 4. Отец взял в руки любимую целлуло-
идную куклу „Катеньку“ и начал что-то с ней
делать.

Рис. 5. Какой ужас: отец стал вытягивать
голову кукле и повернул голову набок

Рис. 6. „Машенька! Ведь я хотел только про-
верить, крепкая ли резинка, а то, я думал,
придется нести куклу в починку!“

Рис. 7. Мама начала рассказывать сказку
про Красную шапочку и Серого волка

Рис. 8. Волк понесся, чтоб обогнать Красную
шапочку и первым попасть в домик к бабушке

Мама начала рассказывать сказку
о Красную шапочку и Серого волка

Рис. 8. Волк понесся, чтоб обогнать Красную
шапочку и первым попасть в домик к бабушке

Рис. 9. С Красной шапочкой все благополучно!

Рис. 10. Папа держит за спиной какой-то
предмет и говорит: „А что я тебе покажу,
Машенька!“

Рис. 15. Папа все продолжает сердито разговаривать с мамой

Рис. 16. Мама говорит: „Ах ты моя хорошая девочка, папа только пошутил!“

Рис. 17. Различные

Б. Папа все продолжает сердито раз-
говаривать с мамой

Рис. 16. Мама говорит: „Ах ты моя хорошая
девочка, папа только пошутил!“

Рис. 17. Различие
переживаний в зави-
симости от субъек-
тивного отношения к
воспринимаемому яв-
лению (дети — „бо-
лельщики“ футбола.
(Фото Р. Федорова)

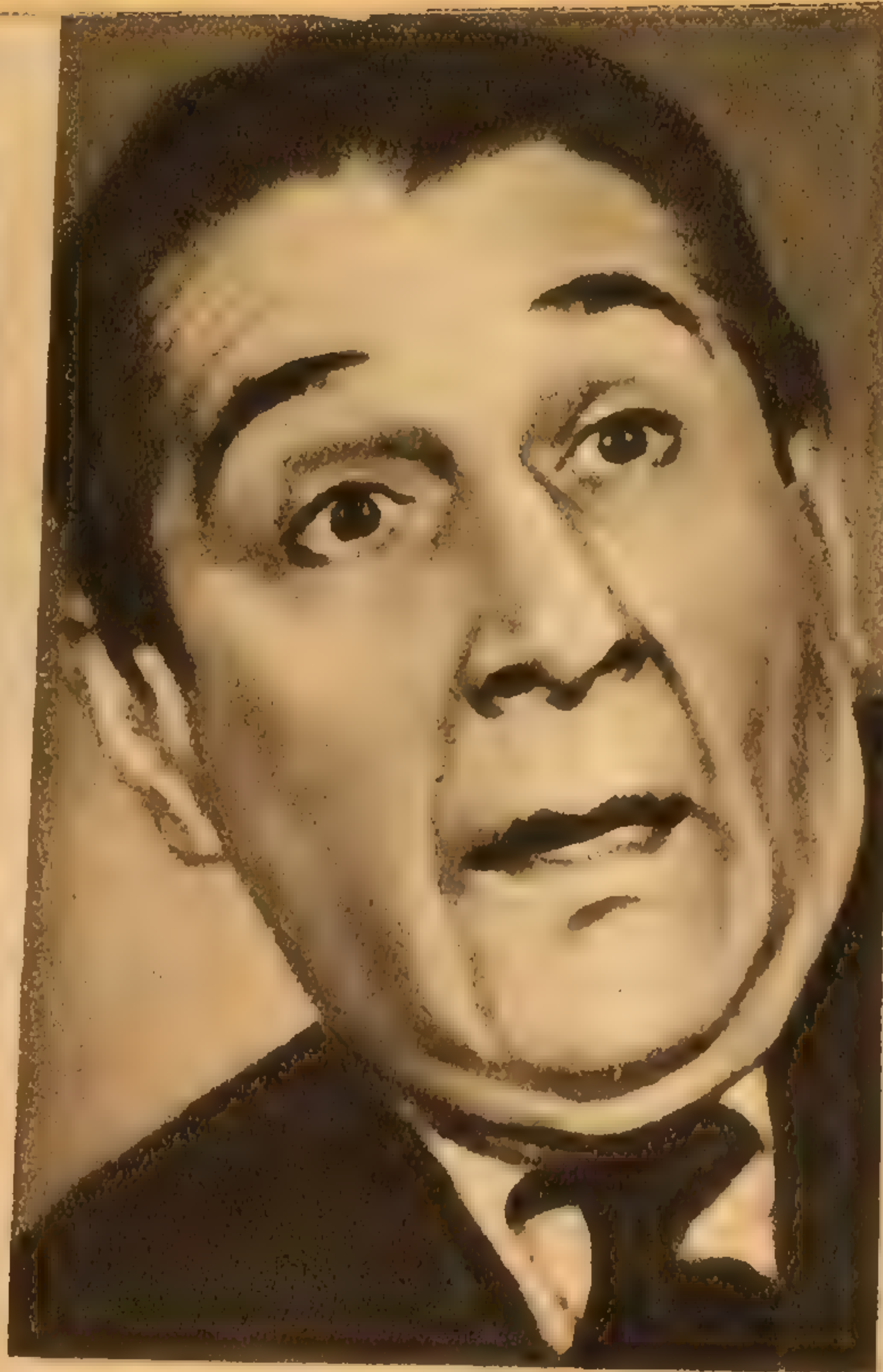

Рис. 18. Ступени страха, переходящего в ужас (из «Vie mentale», 1938 г.)

Рис. 19. Переживание чувства напряжения (мастер спорта Н. Костылев при подъеме штанги. Фото Р. Федорова, 1956 г.)

Рис. 20. Переживание чувства напряжения (заслуженный мастер спорта Р. Варгашкин ведет спринтерскую велогонку. Фото Р. Федорова, 1956 г.)

Рис. 21. Пришедшая к Тане в гости Марина рассматривает игрушку, подаренную Тане

Рис. 22. Таня обеспокоена тем, что Марина слишком долго занимается ее любимой игрушкой

Рис. 23. Марина дразнит Таню, говоря, что не отдаст ей игрушки. Между детьми возникает ссора

Рис. 24. Таня отобрала игрушку у Марины и торжествует

Рис. 25. В детском театре дети смотрят инсценированную сказку Андерсена „Снежная королева“. На сцене Снежная королева целует Коя и превращает его сердце в льдинку (I акт)

Рис. 26. Появляется Король в виде духа (I акт)

Рис. 27. Герда, успешно защищаясь иголкой, отбилась от стражи (I акт)

Рис. 28. Герде удастся уехать из замка, и Король обманут (I акт)

Рис. 29. Слева
который пер

Рис. 30.

Рис. 29. Слепоглухонемая Юлия Виноградова воспринимает рассказ, который передает ей ее учительница Ф. М. Казакевич с помощью пальцев

Рис. 30. Этот рассказ заинтересовывает и привлекает Юлию

Рис. 31. Содержание рассказа становится смешным

Рис. 32. Рассказ становится все смешнее

Рис. 33. Юлии, находясь в этом состоянии, хочется смеяться

Рис. 34. Ее радостное состояние

Рис. 33. Юлии, находящейся в состоянии радостного возбуждения, хочется скорее узнать конец смешной истории

Рис. 34. Ее радостное возбуждение, вызванное рассказом, нарастает

Рис. 35. Юлия сосредоточенно повторяет то, что
она прошла на уроке

Рис. 36. Юлия вос-
пульсов (аппарат

Рис. 37. Юлия до

Рис. 36. Юлия воспринимает уже при посредстве тактильных импульсов (аппарат И. А. Соколянского) рассказ Ф. М. Казакевич

Рис. 37. Юлия дошла до наиболее смешного места в рассказе

Рис. 38. И. Н. Крамской. Три женские фигуры (эскиз). Государственный литературный музей

Рис. 39. И. Н. Крамской. „Неутешной горе“, вариант I, 1883 г.
Государственный Русский музей (масло)

Рис. 40. И. Н. Крамской. „Неутешное горе“, вариант II, 1883 г.
Государственный Русский музей (масло)

Рис. 41. И. Н. Крамской. „Неутешное горе“, вариант III,
1883 г. ГМЛРИ, Рига (масло)

Рис. 42. И. Н. Крамской. „Женская голова“, 1884 г. Музей русского искусства (Киев)

Рис. 43. И. Н. Крамской. „Неутешное горе“, 1884 г. Государственная Третьяковская галерея (масло)

Рис. 44. И. Н. Крамской. „Неутешное горе“, 1884 г. Государственная Третьяковская галерея (деталь картины)

Рис. 45. П. А. Стрептова (Александринский театр, Петербург)

Рис. 46. Е. А. Полевицкая

Рис. 47. К. Н. Еланская, 1934 (МХАТ, Москва)

Рис. 48. В. Чистякова, 1936 (театр им. Т. Г. Шевченко, Харьков)

Рис. 49. Л. Ф. Глашкина, 1952 (театр Балтфлота)

Рис. 50. К. Б. Прокофьева, 1955 (ЛТЮЗ, Ленинград)

Рис. 50. К. Б. Прокофьева, 1955 (ЛТЮЗ, Ленинград)

Рис. 51. Тузенбах. Через час я вернусь и опять буду с тобой,
ненаглядная моя

Рис. 52. Тузенбах. Только вот одно, только одно: ты меня не любишь

Ирина. Это не в моей власти. Я буду твоей женой, и верной, и покорной, но любви нет, что же делать?

Рис. 53. Тузенбах. Твои бумаги, что ты дала, лежат у меня на столе

меня не

неной, и
ь?

Рис. 54. Тузенбах (не зная, что сказать). Я не пил сегодня кофе. Скажешь, чтобы мне сварили...

Рис. 59. А н

Рис. 60
Сча

Рис. 59. Анна. Если вы любите меня, как вы говорите, то сделайте то, чтобы я была спокойна

Рис. 60. Вронский. ...Не дружба мне нужна, мне возможно одно счастье в жизни,— это слово, которое вы так не любите... да, любовь...

Рис. 61. Каренин. Анна, я должен предостеречь тебя.
Анна. Предостеречь? В чем?

Рис. 62. Анна. На беду так спать хочется!

Рис. 63. Анна сидит одна на балконе дачи, ожидая Бронского

Рис. 64. Бронский. О чем вы думали, когда я вошел?
Анна. Все об одном...

Рис. 65. В...

Рис. 65. Вронский. Нужно решиться... Я ведь вижу, как ты мучаешься светом, сыном, мужем...

Рис. 66. Анна. Только не мужем!

Рис. 67. Вронский. Я не могу простить себе то, что ты несчастлива

Анна. Я несчастлива? Я как голодный человек, которому дали есть!

Рис

Рис. 68. Анна следит за скачками, в которых принимает участие Вронский

Рис. 69. Слышен голос: „Вронский упал!“
Анна потеряла самообладание, встала ■ вскрикнула

Рис. 70. Анна. Но ведь ты можешь поехать завтра!
Вронский. Доверенность и деньги не полу-
чатся завтра!

Рис. 72. Анна
хотеть вы только
чтоб не
меня, как д

Рис. 71.
Анна. Чего я могу
хотеть?

Рис. 72. Анна. Я могу
хотеть только того,
чтоб вы не покинули
меня, как думаете

тра!
э полу-

Рис. 73. Анна. Для меня женщина без сердца, даже если она ваша мать, не заслуживает уважения

Рис. 74. Анна. Стало быть, все пончено!

Рис. 75.
Анна. Он вернется!

Рис. 76.
Анна. А если он
не вернется!

Рис. 77

Рис. 77. Анна сидит, напряженно задумавшись

76.
если он
нется!

Рис. 78. Анна. Что мне делать! .

Рис. 79. Анна решилась ехать в Обираловку

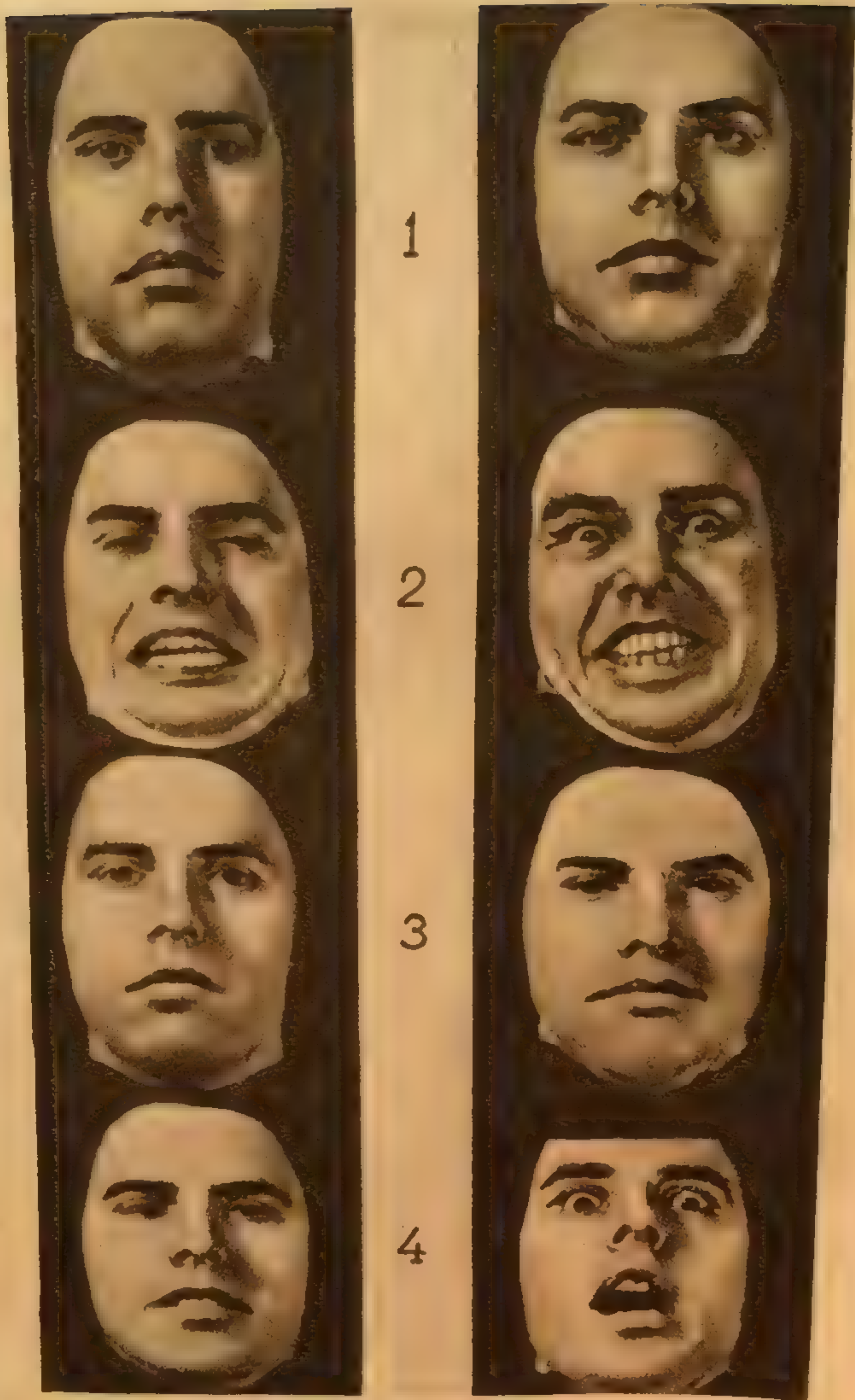

Рис. 80. Отличие выражения лица при реальном переживании (левый ряд) от выражения лица, когда переживание лишь изображается (правый ряд). Фото мужчины (из Колмена)

Ри
ва
ни

Рис. 81. Отличие выражения лица при реальном переживании (левый ряд) от выражения лица, когда переживание лишь изображается (правый ряд). Фото женщины (из Колмена)

Рис. 82. Переживание какого чувства выражено этой женщиной на каждой из фотографий?
(из Ракмина)

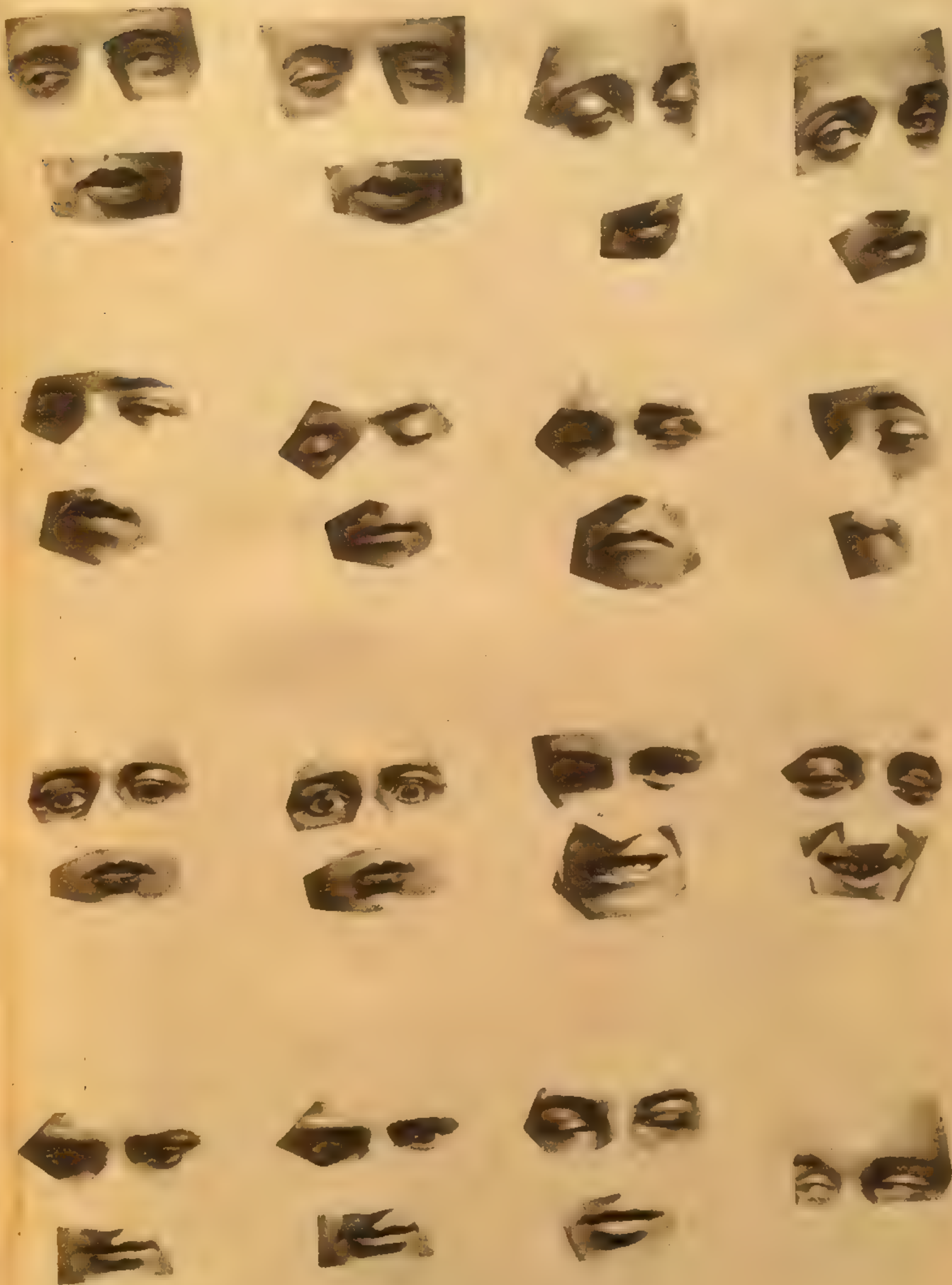

Рис. 83. Различные сочетания частей лица, дающие возможность „прочесть“ его выражение (по Лершу)

выраже-
ографий?

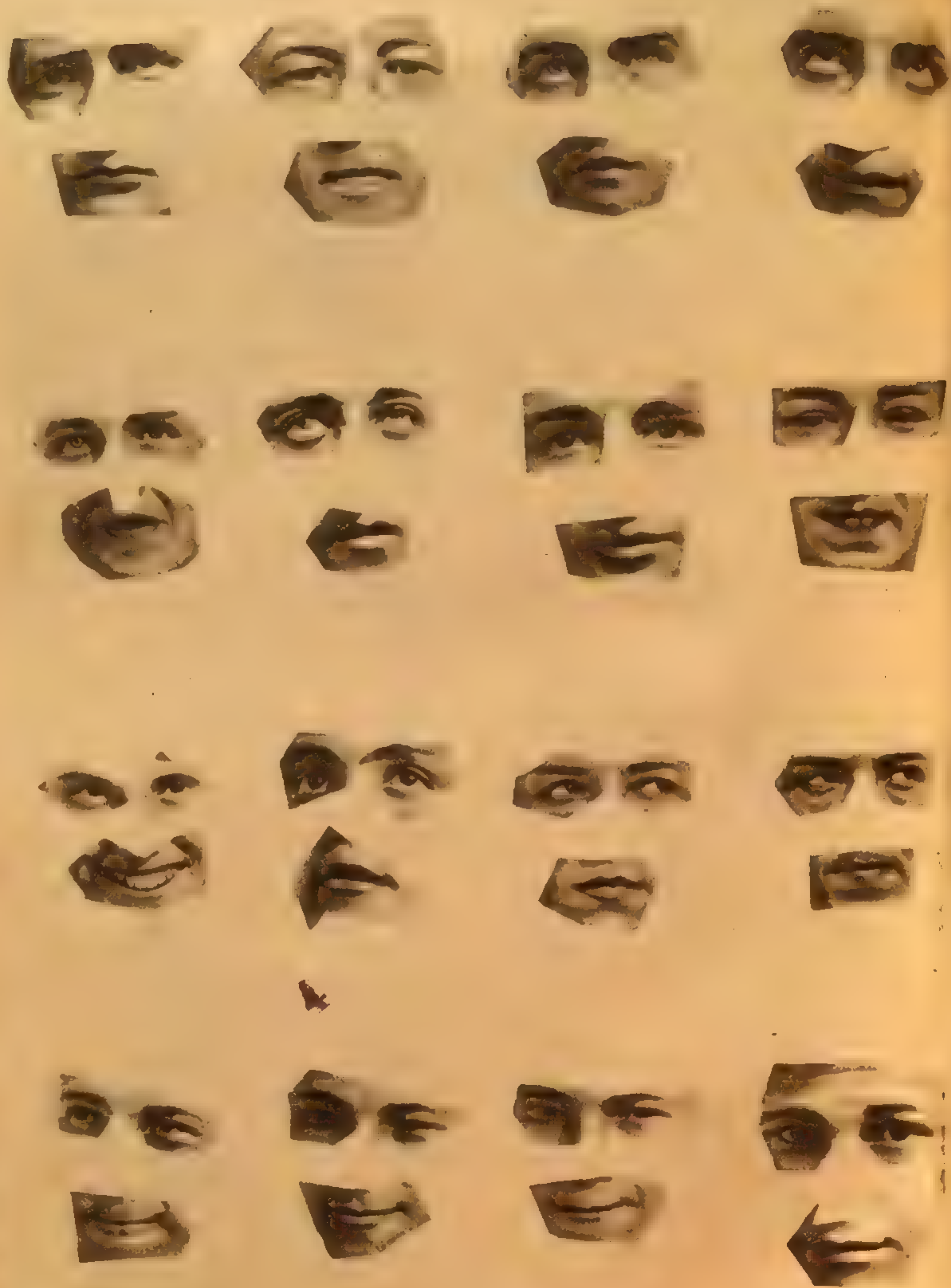

Рис. 84. Различные сочетания частей лица, дающие возможность „прочитать“ его выражение (по Лершу)

да, дающие
(по Лершу) возможность

Как много в жизни мы встречаем нас

Многие день, проходят в жизни нас
Самодово едина проходит нас

11p. 85k.

